

**Н. ЛЕНИН
В. УЛЬЯНОВ**

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

XVIII

Ч I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XVIII

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

Часть I

1921 год

66—94 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

*Печатается по постановлению
IX съезда РКП.*

Часть первая

ПЕРЕХОД К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКЕ

1921 год

О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Статьи и речи

О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого.

(Речь на дискуссионном собрании фракций РКП VIII Всеросс. съезда
Советов 30 декабря 1920 г.) ¹⁾

Товарищи, я должен прежде всего извиниться, что я нарушаю порядок, ибо для участия в прениях, конечно, следовало бы слушать доклад, содоклад и прения. К сожалению, я чувствую себя настолько нездоровым, что я не в состоянии выполнить этого. Но я имел возможность вчера прочесть основные печатные документы и приготовить свои замечания. Естественно, что нарушение порядка, о котором я говорил, влечет для вас за собой неудобства: я буду, возможно, повторяться, не зная того, что говорили другие, не отвечая на то, на что следовало бы отвечать. Но иначе я поступить не могу.

Основным моим материалом является брошюра тов. Троцкого ²⁾ «О роли и задачах профсоюзов». Сличая эту брошюру с теми тезисами, которые были им предложены в ЦК, вчитываясь в нее, я удивляюсь, какое количество теоретических ошибок и вопиющих ненормальностей сконцентрировано в ней. Как можно было, переходя к большой партийной дискуссии по этому вопросу, вместо того, чтобы дать вещь наиболее обдуманную, изготовить вещь столь неудачную? Я намечу вкратце те основные пункты, в которых, по-моему, коренные теоретические неверности содержатся.

Профсоюзы являются не только исторически необходимыми, но исторически неизбежной организацией индустриального пролетариата, охватывающей его, при условиях диктатуры пролетариата, почти поголовно. Это самое основное соображение, а его постоянно забывает, из него не исходит, его не оценивает тов. Троцкий. Ведь поставленная им тема «Роль и задачи профсоюзов», необъятно широкая тема.

Из сказанного уже вытекает, что во всем осуществлении диктатуры пролетариата роль профсоюзов крайне существенна. Но какова эта роль? Переходя к обсуждению этого вопроса, одного из наиболее основных теоретических вопросов, я прихожу к выводу, что мы имеем

тут роль чрезвычайно своеобразную. С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма. Это совсем необычного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и что не могло не остаться, и того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата. Говорить о роли профсоюзов, не учитывая этих истин, значит—неизбежно притти к ряду неправильностей.

Профсоюзы по месту их в системе диктатуры пролетариата стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью. При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но поголовной организацией промышленных рабочих не осуществляется эта диктатура. Почему? Мы можем об этом прочесть в тезисах II съезда Коминтерна о роли политической партии вообще. Здесь я не буду на этом останавливаться. Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуры, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно, через советский аппарат. В чем своеобразность этого положения в отношении практических выводов? В том, что профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это — с одной стороны. С другой стороны — профсоюзы — «резервуар» государственной власти. Вот что такое профсоюзы в период, переходный от капитализма к коммунизму! Вообще нельзя осуществить этот переход, не имея главенства того класса, который один только воспитан капитализмом для крупного производства и один только оторван от интересов мелкого собственника. Но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя, ибо не только у нас, в одной из самых тсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталисти-

ческих странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно, империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса. — Таким образом, получается как бы ряд зубчатых колес. Таков механизм самой основы диктатуры пролетариата, самой сущности перехода от капитализма к коммунизму. Уже отсюда видно, что когда в первом тезисе тов. Троцкий говорит, указывая на «идейную сумятицу», о кризисе специально и именно профсоюзов, то тут в основном есть нечто принципиально неверное. Если говорить о кризисе, то можно говорить о нем лишь после анализа политического момента. «Идейная сумятица» получается именно у Троцкого, потому что он как раз в основном вопросе о роли профсоюзов с точки зрения переходной от капитализма к коммунизму упустил из виду, не учел того, что здесь имеется сложная система нескольких зубчатых колес и не может быть простой системы, ибо нельзя осуществлять диктатуры пролетариата через поголовно организованный пролетариат. Нельзя осуществлять диктатуры без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся. В России эта масса крестьянская, в других странах такой массы нет, но даже в самых передовых странах есть масса непролетарская или нечистопролетарская. Уже отсюда идейная путаница, действительно, выходит. Троцкий только напрасно в ней обвиняет других.

Когда я беру вопрос о производственной роли профсоюзов, я вижу ту коренную неправильность у Троцкого, что он все время говорит об этом «в принципе», об «общем принципе». У него во всех тезисах речь идет с точки зрения «общего принципа». Постановка уже в этом коренным образом неправильна. Не говорю уже о том, что IX съезд партии о производственной роли профсоюзов говорил достаточно и предостаточно. Не говорю о том, что сам Троцкий цитирует в своих собственных тезисах вполне ясные заявления Лозовского ³⁾ и Томского ⁴⁾, которые должны у него фигурировать, как говорят по-немецки, как «мальчик для битья» или как предмет, на котором можно упражнять свою полемику. Принципиальных разногласий не оказывается, и неудачно выбраны для этого Томский и Лозовский, которые написали вещи, цитируемые самим Троцким. Ничего серьезного в области принципиальных разногласий тут мы не найдем, как бы усердно их ни искали. Вообще, гигантская ошибка, принципиальная ошибка состоит в том, что тов. Троцкий тащит партию и Советскую власть назад, ставя «принципиально» вопрос теперь. Мы перешли, слава

богу, от принципов к практической, деловой работе. В Смольном мы калякали о принципах и, несомненно, больше, чем следовало. Теперь, после трех лет, по всем пунктам производственного вопроса, по целому ряду составных элементов этого вопроса есть декреты, — такая печальная штука эти декреты, — которые подписываются, а потом нами самими забываются и нами самими не исполняются. А потом выдумываются рассуждения о принципах, выдумываются принципиальные разногласия. Я приведу потом указания на декрет, который относится к вопросу о производственной роли профсоюзов, — декрет, который все забыли, в том числе и я, в чем должен покаяться.

Действительные расхождения, которые имеются, касаются вовсе не вопросов об общих принципах, если не считать те, которые я перечислил. Перечисленные же мной мои «разногласия» с тов. Троцким я должен был указать, ибо, взяв широкую тему: «Роль и задачи профсоюзов», тов. Троцкий, по моему убеждению, впал в ряд ошибок, связанных с самой сутью вопроса о диктатуре пролетариата. Но если это оставить в стороне, то спрашивается, из-за чего же, действительно, у нас дружная работа не получается, которая нам так нужна? Из-за расхождения по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой! В этом вся суть! И в этом как раз своеобразие профсоюзов, как учреждения, при капитализме созданного, при переходе от капитализма к коммунизму неизбежного, в дальнейшем будущем стоящего под знаком вопроса. Это — далекое будущее, когда профсоюзы встанут под знак вопроса; внуки наши о нем поговорят. А сейчас дело в том, как к массе подойти, овладеть ею, с нею связаться, как сложные приводы работы, работы по осуществлению диктатуры пролетариата, наладить. Заметьте, когда я говорю о сложных приводах работы, я не имею мысли о советском аппарате. Что там еще будет по части сложности приводов, это — особь статья. Я говорю пока только абстрактно и принципиально об отношении между классами в капиталистическом обществе; там есть пролетариат, есть непролетарские трудящиеся массы, есть мелкая буржуазия и есть буржуазия.

С этой уже точки зрения, хотя бы даже не было бюрократизма в аппарате Советской власти, уже получается чрезвычайная сложность приводов в силу того, что создано капитализмом. И об этом прежде всего думать надо, если ставить вопрос о том, в чем трудность «задачи» профсоюзов. Действительное расхождение, повторяю, совсем не в том, в чем видит его тов. Троцкий, а в вопросе о том, как овладеть массой, в вопросе о подходе к ней, о связи с ней. Я должен сказать, что если бы мы нашу собственную практику, наш опыт, хотя бы в маленьких раз-

мерах, изучали детально, подробно, то мы бы сотни лишних «разногласий» и принципиальных ошибок, которыми эта брошюра тов. Троцкого полна, избежали бы. Например, целые тезисы в этой брошюре посвящены полемике с «советским трэд-юнионизмом». Не было печали изобрели новое пугало! И кто же это? Тов. Рязанов ⁵⁾. Я тов. Рязанова знаю лет двадцать с хвостиком. Вы его знаете меньше моего сроком, но не меньше делом. Вы прекрасно знаете, что к его сильным сторонам, которые у него есть, не принадлежит оценка лозунгов. И мы будем в тезисах изображать, как «советский трэд-юнионизм», то, что иногда сказал не совсем впад тов. Рязанов! Ну, неужели это серьезно? Если так, тогда у нас будет «советский трэд-юнионизм», «советское антизаклочение мира», и я не знаю, что еще! Нет ни одного пункта, по которому нельзя сочинить советского «изма». (Рязанов с места: Советский антибрестизм!). Да! совершенно верно: «Советский антибрестизм!».

А между тем, совершая эту несерьезность, тов. Троцкий тут же делает со своей стороны ошибку. У него выходит, что защита материальных и духовных интересов рабочего класса не есть роль профсоюзов в рабочем государстве. Это ошибка! Тов. Троцкий говорит о «рабочем государстве». Позвольте, это абстракция. Когда мы в 1917 году писали о рабочем государстве, то было понятно; но теперь, когда нам говорят: «зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее», то тут делают явную ошибку. Не совсем рабочее, в том-то и штука. Тут и заключается одна из основных ошибок тов. Троцкого. Сейчас мы от общих принципов перешли к деловому обсуждению и к декртам, а нас от приступа к практическому и деловому тянут назад. Так нельзя! У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское, — это во-первых. А из этого очень многое вытекает. (Бухарин с места: Какое?!) И хотя тов. Бухарин ⁶⁾ сзади кричит: «Какое рабоче-крестьянское?», но на это я отвечать ему не стану. А кто ждет, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов, и в этом уже будет ответ.

Но мало того! Из нашей партийной программы видно: документ, который автору «Азбуки коммунизма» известен очень хорошо, — из этой уже программы видно, что государство у нас рабочее с бюрократическим извращением. И мы этот печальный — как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были бы на него навесить. Вот вам реальность перехода. Что же, при такого рода практически сложившемся государстве профсоюзам нечего защищать, можно обойтись без них для защиты материальных и духовных интересов пролетариата, поголовно организованного? Это совершенно неверное теоретически рассужде-

ние. Это переносит нас в область абстракции или идеала, которого мы через 15—20 лет достигнем, но я и в этом не уверен, что достигнем в такой именно срок. Перед нами же действительность, которую мы хорошо знаем, если только мы не оныняем себя, не увлекаемся интеллигентскими разговорами или абстрактными рассуждениями, или тем, что иногда кажется «теорией», а на деле является ошибкой, неверным учетом особенностей перехода. Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства. И та и другая защита осуществляется через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, «срачивания» с нашими профсоюзами.

Я об этом срачивании должен буду еще говорить. Но одно уже это слово показывает, что здесь сочинить себе врага в лице «советского тред-юнионизма», значит—сделать ошибку. Ибо понятие «срачивание» означает, что есть на-лицо *разные* вещи, которые *надо* еще срачивать; в понятие «срачивание» входит то, что надо уметь использовать мероприятия государственной власти для защиты материальных и духовных интересов поголовно объединенного пролетариата *от* этой государственной власти. А когда мы вместо срачивания получим *сращение и слияние*, тогда мы соберемся на съезд, на котором будет деловое обсуждение практического опыта, а не принципиальных «разногласий» или абстрактно-теоретических рассуждений. Попытка найти принципиальные разногласия с тов. Томским и тов. Лозовским, которые фигурируют у тов. Троцкого, как профессионалистские «бюрократы», — о том, на чьей стороне в этом споре есть бюрократические тенденции, я буду говорить дальше, — тоже неудачна. Мы прекрасно знаем, что если у тов. Рязанова бывает иногда маленькая слабость сочинять непременно лозунг и почти что принципиальный, то тов. Томский ко многим своим грехам этого греха не прибавляет. Поэтому, мне кажется, тут с тов. Томским открыть принципиальный бой (как делает тов. Троцкий) — это выше всякой меры. Этому я прямо-таки удивляюсь. Было время, когда мы по части разногласий фракционных, теоретических и всяких иных все много грешили, — но кое-что, конечно, и полезного сделали, — и как будто бы мы с тех пор выросли. И пора перейти от выдумывания и преувеличивания принципиальных разногласий к деловой работе. Я никогда не слыхал, чтобы в Томском преобладал теоретик, чтобы Томский претендовал на звание теоретика; может быть, это его недостаток, это другой вопрос. Но что Томский, сработавшийся с профессиональным движением, должен

отражать, сознательно или бессознательно — это другой вопрос, я не говорю, что он делает это всегда сознательно, — что он в своем положении должен отражать этот сложный переход, и если у массы что-то болит, и она сама не знает, что болит, и он не знает, что болит, — если он при этом вопит, то я утверждаю, что это заслуга, а не недостаток. Я совершенно уверен, что частичных теоретических ошибок у Томского найдется много. И мы все, если сядем за стол и будем обдуманно писать резолюцию или тезисы, мы все поправим, а может быть, и поправлять не станем, ибо производственная работа интереснее, чем исправление мельчайших теоретических разногласий.

Теперь я перехожу к «производственной демократии»⁷⁾; это, так сказать, для Бухарина. Мы прекрасно знаем, что у каждого человека бывают маленькие слабости, и у большого человека бывают маленькие слабости, в том числе и у Бухарина. Если словечко с выкрутасом, то тут он уже не может не быть за! О «производственной демократии» он на пленуме ЦК 7 декабря писал резолюцию почти-что со сладострастием. И чем больше я в эту «производственную демократию» вдумываюсь, тем яснее я вижу теоретическую фальшь, вижу непродуманность. Ничего, кроме каши, тут нет. На этом примере еще раз, по крайней мере в партийном собрании, надо сказать: «Тов. Н. И. Бухарин, поменьше словесных выкрутасов! — польза будет для вас, для теории, для республики!». Производство нужно всегда. Демократия есть одна из категорий области только политической. Против того, чтобы употребить это слово в речи, статье, возразить нельзя. Статья берет и ярко выражает одно соотношение — и довольно. Но когда вы превращаете это в тезис, когда из этого хотите делать лозунг, объединяющий «согласных» и несогласных, когда говорится, как у Троцкого, что партии надо будет «выбирать между двумя тенденциями», — это совсем звучит странно. Я особо буду говорить о том, надо ли будет партии «выбирать», и чья вина, что поставили партию в положение, когда надо «выбирать». Поскольку уже это так вышло, постольку мы должны сказать: во всяком случае выбирайте поменьше таких теоретически неверных, ничего в себе, кроме путаницы, не заключающих лозунгов, как «производственная демократия». И Троцкий, и Бухарин ясно теоретически оба не продумали этого термина и запутались. «Производственная демократия» наводит на мысли, которые вовсе не стоят в кругу тех идей, которые их увлекли. Им хотелось подчеркнуть, больше внимания сосредоточить на производстве. Подчеркивать в статье, в речи, это одно, но когда превращают в тезисы и когда партия должна выбирать, я говорю: выбирайте против этого, ибо это путаница! Производство нужно всегда, демократия не всегда. Произ-

водственная демократия порождает ряд мыслей, в корне фальшивых. Сапог не износили, когда единоличие ⁸⁾ проповедывали. Нельзя вносить кашу, создавая опасность, что люди запутаются, когда демократия, когда единоличие, когда диктатура! Ни в коем случае не надо отрекаться и от диктатуры; я слышу, что сзади Бухарин говорит: «Совершенно верно!».

Дальше! С сентября говорим мы о переходе от ударности к уравнительности, говорим это в резолюции общепартийной конференции, утвержденной ЦК. Вопрос трудный. Ибо так или иначе сочетать приходится уравнительность и ударность, а эти понятия исключают друг друга. Но мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности, а главное: в нашей революции за три и три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности.

Очевидно, что надо подходить к вопросу очень осторожно и обдуманно. Мы ведь еще на этих печальных пленумах ЦК *), на которых получились семерки и восьмерки и знаменитая «буферная группа» ⁹⁾ тов. Бухарина, мы там об этих принципиальных вопросах говорили и там уже установили, что от ударности к уравнительности переход нелегкий. И вот, чтобы исполнить это постановление сентябрьской конференции, мы должны немного поработать. Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония. Ударность это есть предпочтение одного производства из всех необходимых производств во имя его наибольшей насущности. В чем же предпочтение? Насколько велико может быть предпочтение? Это трудный вопрос, и я должен сказать, что для решения его одной исполнительности мало, тут мало и человека героического, у которого, быть может, много прекрасных качеств, но который хорош на своем месте: тут надо уметь подойти к очень своеобразному вопросу. И вот, если ставить вопрос об ударности и уравнительности, то надо первым делом вдумчиво к нему ответить, а этого как раз и не заметно в работе тов. Троцкого; чем дальше он свои первоначальные тезисы переделывает, тем больше у него неверных положений. Вот, что мы читаем в его последних тезисах:

«...В области потребления, т.-е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области производства принцип ударности еще надолго останется для нас решающим...» (тезис 41, стр. 31 в брошюре Троцкого).

*) Имеются в виду ноябрьские и декабрьские пленумы ЦК 1920 г. См. тексты принятых ими резолюций в «Правде» № 255 от 13—XI—1920 г. и № 264 от 14—XII—1920 г., а равно изложение в «Известиях ЦК РКП» № 26 от 20—XII—1920 г.

Это теоретически совершенная путаница. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. Если меня так будут предпочитать, что я буду получать восьмушку хлеба, так благодарю покорно за такое предпочтение! Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы, все-таки, материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса! Только так мы понимали и понимаем, когда сотни раз обсуждали эти вопросы, по конкретным поводам, в Совете Обороны, когда один тянет себе сапоги, говорит: «У меня ударность!», а другой говорит: «Мне сапоги, — иначе не выдержат мои ударные рабочие и моя ударность пропадет!».

Мы получаем, что в отношении уравнительности и ударности в тезисах вопрос в корне ставится неверно. А кроме того, получается отход назад от того, что практически проверено и завоевано. Так нельзя, и ничего доброго на таком пути быть не может.

Дальше! вопрос о «срачивании». Самое правильное было бы в настоящее время относительно «срачивания» помолчать. Слово серебро, а молчание золото. Почему? Потому, что срачиванием мы занялись уже практически; у нас нет ни одного крупного губсовнархоза, нет ни высовнархоза, ни наркомпути и т. д., где бы не было практически срачивания. Но вполне ли хороши результаты? Вот тут-то и заковыка. Изучи практический опыт того, как произведено срачивание, и что этим достигнуто! Декретов, которыми в том или другом учреждении введено срачивание, так много, что их не перечесть. А практически изучить, что из этого вышло, что дало вот такое-то срачивание такой-то отрасли промышленности, когда такой-то член губпрофсоюза занимал такую-то должность в губсовнархозе, к чему это привело, сколько месяцев он осуществлял это срачивание и т. д., — деловито изучить наш собственный практический опыт мы еще не сумели, мы сумели сочинить принципиальное разногласие о срачивании и при этом сделать ошибку, на это мы мастера, а изучить наш собственный опыт и проверить его — на это нас нет.

Когда у нас будут съезды Советов, на которых, кроме секций об изучении сельскохозяйственных районов с точки зрения того или иного применения закона об улучшении земледелия, будут секции по изучению срачивания, по изучению итогов срачивания в мукомольной промышленности Саратовской губ., в металлической Петрограда, в угольной промышленности Донбасса и т. д., когда эти секции, собравши кучу материалов, заявят: «Мы изучили то-то и то-то», тогда я скажу: «Да, мы стали делом заниматься, мы из детского возраста

выросли!». А если после того, как мы три года употребили на сращивание, нам преподносят «тезисы», в которых сочиняют принципиальные разногласия о сращивании, то что может быть печальнее и ошибочнее этого? Мы на путь сращивания вступили, и я не сомневаюсь, что вступили правильно, но еще не изучили как следует итогов нашего опыта. Поэтому единственная умная тактика по вопросу о сращивании — это: «Помолчи!».

Нужно изучить практический опыт. Я подписывал декреты и постановления, в которых содержатся указания на сращивания практические, а практика в сто раз важнее всякой теории. Поэтому, когда говорят: «Давайте поговорим о «сращивании», я отвечаю: «Давайте изучим то, что мы сделали». Что мы сделали много ошибок, в этом нет сомнения. Точно так же может быть, что большая часть наших декретов подлежит изменению. Я с этим согласен, и ни малейшей влюбленности в декреты у меня не существует. Но тогда дайте практические предложения: переделать то-то и то-то. Вот это будет деловая постановка! Вот это не будет непроизводительная работа! Вот это не приведет к бюрократическому прожектерству. Когда я беру в брошюре Троцкого Отдел 6 «Практические выводы», то как раз этим грехом практические выводы и грешат, ибо там говорится, что в состав ВЦСПС и президиума ВСНХ должно входить от одной трети до половины общих обоим учреждениям членов, а в коллегии от половины до двух третей и т. д. Почему? Просто так себе «на-глаз». Конечно, в наших декретах неоднократно подобные соотношения устанавливаются именно «на-глаз», но почему в декретах это неизбежно? Я не защитник всех декретов и не хочу изображать декреты лучшими, чем они есть на самом деле. Там сплошь да рядом такие условные величины, как половина, одна треть общих членов и т. п., взяты на-глаз. Когда декрет говорит такую вещь, это значит: вы попробуйте так сделать, а мы потом взвесим итог вашего «пробования». Мы потом разберем, что именно вышло. Когда мы разберем, мы будем двигаться вперед. Сращивание мы делаем и будем все лучше делать, ибо мы станем все практичнее и деловитее.

Но я, кажется, начал заниматься «производственной пропагандой»! Ничего не поделаешь. При разговорах о производственной роли профессиональных союзов необходимо этого вопроса коснуться. И я перехожу к этому вопросу о производственной пропаганде. Опять-таки это — деловой вопрос, и его мы ставим деловым образом. Есть государственные учреждения для ведения производственной пропаганды, которые уже созданы. Плохи они или хороши, я не знаю; надо их испытать; и вовсе не требуется писать об этом вопросе «тезисы».

Если говорить в целом о производственной роли профсоюзов, то по вопросу о демократии ничего, кроме обычного демократизма, не надо. Ухищрения вроде «производственной демократии» неверны, и из них ничего не выйдет. Это первое. Второе — производственная пропаганда. Учреждения уже созданы. Тезисы Троцкого говорят о производственной пропаганде. Напрасно, потому что «тезисы» тут уже устаревшая вещь. Хорошо или плохо учреждение, пока не знаем. Испытаем на деле, тогда и скажем. Давайте изучать и опрашивать. Положим, устраиваются на съезде 10 секций по десяти человек: «Ты занимался производственной пропагандой? Как и что вышло?». Изучив это, наградим того, кто особенно преуспел, отбросим неудачный опыт. У нас есть уже практический опыт, слабый, маленький, но есть, и от него нас тащут назад, к «принципиальным тезисам». Это скорее есть «реакционное» движение, чем «трэд-юнионизм».

Дальше, в-третьих, премии. Вот производственная роль и задача профсоюзов: производство премий натурой. Это начато. Дело двинуто. Пятьсот тысяч пудов хлеба на это дано; и сто семьдесят тысяч уже израсходовано. Хорошо ли, правильно ли израсходовано, не знаю. В Совнаркоме было указано: нехорошо раздают, вместо премии получается прибавка к заработной плате, это указывали и профессионалисты, и наркомтрудовцы. Мы назначили комиссию изучить дело, но еще не изучили. Сто семьдесят тысяч пудов хлеба дано, но надо давать так, чтобы наградить того, кто проявил героизм, исполнительность, талант и преданность хозяйственника, — словом, те качества, которые Троцкий воспекает. Но дело теперь не в том, чтобы в тезисах воспевать, а в том, чтобы хлеба и мяса дать. Не лучше ли отнять, скажем, мясо у такой-то категории рабочих и дать его в виде премии другим, «ударным» рабочим? От такой ударности мы не отказываемся. Эта ударность нужна. Будем тщательно изучать практический опыт нашего применения ударности.

Затем, в-четвертых, дисциплинарные суды. Производственная роль профсоюзов, «производственная демократия», не во гнев будь сказано тов. Бухарину, это сплошные пустяки, если у нас нет дисциплинарных судов. А у вас в тезисах этого нет. Таким образом, и принципиально, и теоретически, и практически один вывод — про тезисы Троцкого и позицию Бухарина: унеси ты мое горе!

И я еще более к этому выводу прихожу, когда говорю: вы ставите вопрос не по-марксистски. Мало того, что в тезисах ряд теоретических ошибок. Подход к оценке «роли и задач профсоюзов» потому не марксистский, что нельзя подходить к столь широкой теме, не вдумавшись в особенности текущего момента с его политической стороны.

Ведь недаром же мы с тов. Бухариным писали в резолюции IX съезда РКП о профсоюзах¹⁰⁾, что политика есть самое концентрированное выражение экономики.

Анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде. Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного этого, только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться, а из ваших тезисов этого не выходит. Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать. Народ переустал; целый ряд запасов, которые надо было употребить на некоторые ударные производства, уже употреблены; отношение пролетариата к крестьянству изменяется. Усталость от войны колоссальная, потребности увеличились, а производство не увеличилось или недостаточно увеличилось. С другой стороны, я указывал уже в своем докладе на VIII съезде Советов на то обстоятельство, что мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения. Я должен сказать, что это важнейшее соображение Троцкий и Бухарин абсолютно не учли.

Подвели ли мы достаточно широкую и солидную базу убеждения под все новые производственные задачи? Нет, мы только едва-едва это начали! Массы мы еще не втянули. А могут ли массы сразу перейти к этим новым заданиям? Не могут, потому что вопрос о том, скажем, надо ли сбросить Врангеля-помещика, надо ли жалеть жертвы ради этого, такой вопрос не требует уже особой пропаганды. А вопрос о производственной роли профессиональных союзов, если иметь в виду не «принципиальный» вопрос, не рассуждения о «советском тред-юнионизме» и тому подобные пустяки, если иметь в виду деловую сторону вопроса, то мы только еще вопрос начали разрабатывать, мы учреждение для производственной пропаганды только еще создали; у нас еще нет опыта. Премии натурой мы ввели, но опыта у нас еще нет. Дисциплинарные суды мы создали, но итогов еще не знаем. А с политической точки зрения подготовка именно масс есть самое важное. Подготовлен ли вопрос, изучен ли, обдуман ли, взвешен ли с этой стороны? Далеко нет... В этом коренная, глубочайшая и опасная политическая ошибка, потому что тут больше, чем в каком угодно вопросе надо действовать по правилу: «семь раз примерь, один отрежь», а тут приня-

лись резать, ни разу не примерив. Говорят, что «партия должна выбирать между двумя течениями», но не примерили еще ни разу и выдумали фальшивый лозунг «производственной демократии».

Надо понять значение этого лозунга в особенности в такой политической момент, когда бюрократизм предстал массам в наглядном для них виде и когда мы в порядок дня поставили вопрос о нем. Тов. Троцкий говорит в тезисах, что по вопросу о рабочей демократии съезду останется «только единодушно зафиксировать». Это неверно. Недостаточно зафиксировать; зафиксировать значит закрепить то, что вполне взвешено и измерено, а между тем вопрос о производственной демократии далеко еще не взвешен до конца, не испытан, не проверен. Подумайте, какое истолкование может получиться у масс, когда дают лозунг «производственной демократии».

«Мы, середняки, массовики, говорим, что надо обновить, надо исправить, надо повытнать бюрократов, а ты зубы заговариваешь, займись-де производством, прояви демократию в успехах производства, но я хочу заняться производством не с таким бюрократическим составом правления, главков и пр., а с другим». Вы не дали массам поговорить, усвоить, обдумать, вы не дали партии приобрести новый опыт, и уже торопитесь, перебарщиваете, создаете формулы, которые теоретически фальшивы. А во сколько раз еще усилят эту ошибку слишком усердные исполнители? Политический руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им. Этого он иногда не знает, этого он часто не хочет, но ответственность ложится на него.

Я персиду теперь к ноябрьскому (8—XI) и декабрьскому (7—XII) пленумам ЦК, которые все эти ошибки выразили уже не как логические расчленения, посылки, теоретические рассуждения, а в действии. Получилась в ЦК каша и кутерьма; это в первый раз в истории нашей партии во время революции, и это опасно. Гвоздем было то, что получилось раздвоение, получилась «буферная» группа Бухарина, Преображенского и Серебрякова, которая больше всех навредила и напутала.

Припомните историю Главполитпути и Цектрана. В резолюции IX съезда РКП в апреле 1920 года говорилось, что создается Главполитпуть, учреждение «временное», при чем «в возможно короткий срок» необходимо перейти к нормальному положению. В сентябре вы читаете: «Переходи к нормальному положению!» *).

*) См. «Известия ЦК РКП» № 26; резолюция сентябрьского пленума ЦК, п. 3: «ЦК полагает далее, что тяжелое положение транспортных союзов, вызывав-

В ноябре (8—XI) собирается пленум, и Троцкий приносит свои тезисы, свои рассуждения о трэд-юнионизме. Как бы ни были хороши отдельные фразы у него насчет производственной пропаганды, надо было сказать, что все это совершенно не туда, не к делу, это шаг назад, нельзя этим сейчас в ЦК заниматься. Бухарин говорит: «Это очень хорошо!». Может быть, и очень хорошо, но это не ответ на вопрос. После отчаянных дебатов принимается резолюция 10 против 4, в которой говорится в вежливой и товарищеской форме, что Цектран сам «уже поставил на очередь... усиление и развитие методов пролетарской демократии внутри союза». Говорится, что Цектран должен «принять деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его состав на одинаковых с другими союзными объединениями правах».

В чем основная мысль такого решения ЦК? Она ясна: «Товарищи из Цектрана, выполняйте не формально только, а по существу решения съезда и ЦК, чтобы своей работой помогать всем союзам, чтобы не было ни следа бюрократизма, предпочтения, чванства, будто мы-де лучше вас, богаче вас, больше получаем помощи!».

После этого мы переходим к деловой работе. Создается комиссия, состав ее напечатан ¹¹⁾. Из комиссии Троцкий уходит, срывает ее, не желает работать. Почему? Мотив один: у Лутовинова ¹²⁾ бывает игра в оппозицию. Правда! У Осинского ¹³⁾ тоже. Это неприятная игра, по совести скажу! Но разве это довод? Осинский семенную кампанию вел великолепно. С ним работать надо было, несмотря на его «оппозиционную кампанию», и такой прием, как срыв комиссии, является бюрократическим, несоветским, несоциалистическим, неправильным, политически вредным. В момент, когда надо отделить здоровое от нездорового в «оппозиции», такой присм втрое не неправилен и политически вреден. Когда Осинский ведет «оппозиционную кампанию», — я говорю ему: «Кампания вредная», а когда он ведет семенную кампанию — пальчики оближешь! Что Лутовинов делает ошибку в своей «оппозиционной кампании», я никогда отрицать не стану, как и Ищенко ¹⁴⁾, и Шляпников ¹⁵⁾, но из-за этого срывать комиссию нельзя!

Между тем, что означала эта комиссия? Она означала переход от интеллигентских разговоров о пустых разногласиях к деловой работе. О производственной пропаганде, о премиях, о дисциплинарных судах, — вот о чем надо было говорить и над чем комиссии надо было

шее к жизни Главполитпуть и Политвод, временные рычаги для поддержки и налаживания работы, в настоящее время значительно улучшилось. Поэтому теперь можно и должно начать работу по включению этих организаций в союз в качестве союзных органов, приспособляющихся и растворяющихся в союзном аппарате».

работать. Тут тов. Бухарин, глава «буферной группы», с Преображенским ¹⁶⁾ и Серебряковым ¹⁷⁾, видя «опасное» раздвоение в ЦК, принялся создавать «буфер», такой буфер, что я затрудняюсь подыскать парламентское выражение для определения этого буфера. Если бы я умел рисовать карикатуры так, как умеет рисовать тов. Бухарин, то я бы тов. Бухарина нарисовал таким образом: человек с ведром керосина, который подливает этот керосин в огонь, и подписал бы: «Буферный керосин!». Тов. Бухарин хотел что-то создать; нет сомнения, что у него желание было самое искреннее и «буферное». Но буфера не вышло, а вышло то, что он не учел политического момента и, кроме этого, делал теоретические ошибки.

Надо ли было выносить все такие споры на широкую дискуссию? Заниматься этим бездельем? Занимать нужные для нас недели перед партийным съездом? В это время мы могли бы разработать и изучить вопрос о премиях, о дисциплинарных судах, о сращивании. Вот эти вопросы мы разрешали бы деловито в цекистской комиссии. Если тов. Бухарин хотел создать буфер и не хотел оказаться в положении человека, про которого говорится: «шел в комнату, попал в другую», то ему надо было бы сказать и настоять, чтобы тов. Троцкий остался в комиссии. Вот если бы он это сказал и сделал, тогда мы вышли бы на деловой путь, тогда бы мы в этой комиссии разбирались бы, каково на деле единоличие, какова демократия, каковы назначения и т. д.

Дальше! В декабре месяце (пленум 7—XII) на-лицо был уже взрыв с водниками, который привел к усилению конфликта, и в результате в ЦК собралось уже 8 голосов против наших 7. Тов. Бухарин второпях написал «теоретическую» часть резолюции декабрьского пленума, стараясь «примирить» и пустить в ход «буфер», но, разумеется, после срыва комиссии, ничего выйти из этого не могло.

Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только, за свою политику, но и за то, что делают руководимые им.

В чем же была ошибка Главполитпути и Цектрана? Вовсе не в том, что они применяли принуждение. В этом, напротив, была их заслуга. Их ошибка была в том, что они не сумели во-время и без конфликтов перейти, согласно требования IX съезда РКП, к нормальной союзной работе, не сумели приспособиться, как следовало, к профсоюзам, не сумели помочь им, встав в равноправное отношение к ним. Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и проч. Есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воле, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте. Надо помнить, что полити-

ческий руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им.

Последнее, что я хотел вам сказать и за что я вчера должен был себя обругать, это то, что я проглядел тезисы тов. Рудзутака¹⁸⁾. Рудзутак имеет тот недостаток, что не умеет говорить громко, внушительно, красиво. Не заметишь, пропустишь мимо. Вчера, не имея возможности посещать собрания, я просматривал свои материалы и нашел в них печатный листок, изданный к V Всероссийской конференции профсоюзов, состоявшейся 2—6 ноября 1920 года. Этот листок озаглавлен: «Производственные задачи профсоюзов». Я вам прочту весь этот листок, он невелик:

К V Всероссийской конференции профсоюзов.

Производственные задачи профсоюзов.

(Тезисы доклада тов. Рудзутака.)

1. Непосредственно после Октябрьской революции профессиональные союзы оказались почти единственными органами, которые наряду с проведением рабочего контроля могли и должны были взять на себя работу по организации и управлению производством. Государственный аппарат управления народным хозяйством в первый период существования Советской власти не был еще налажен, а саботаж владельцев предприятий и высшего технического персонала остро ставил перед рабочим классом задачи сохранения промышленности и восстановления нормального функционирования всего хозяйственного аппарата страны.

2. В последующий период работы ВСНХ, когда значительная часть этой работы свелась к ликвидации частных предприятий и к организации государственного управления ими, профессиональные союзы вели эту работу наряду и совместно с государственными органами экономического управления.

Слабость государственных органов не только объясняла, но оправдывала подобный параллелизм; исторически он был оправдан фактом установления полного контакта между профсоюзами и органами экономического управления.

3. Управление государственных экономических органов, постепенное овладение ими аппаратом производства и управления, согласование отдельных частей этого аппарата — все это перенесло центр тяжести работы по управлению промышленностью и выработке производственной программы в эти органы. В связи с этим, работа проф-

союзов в области организации производства свелась к участию в формировании коллегий главков, центров и заводууправлений.

4. В настоящий момент мы снова подошли вплотную к вопросу об установлении теснейшей связи между хозяйственными органами Советской республики и профсоюзами, когда необходимо, во что бы то ни стало, целесообразно использовать каждую трудовую единицу, вовлечь в сознательное участие в процессе производства всю массу производителей в целом; когда государственный аппарат экономического управления, постепенно возрастая и усложняясь, превратился в несоразмерную, громадную по сравнению с самим производством бюрократическую машину, неизбежно толкает профсоюзы к непосредственному участию в организации производства не только персональным представительством в экономических органах, но как организацию в целом.

5. Если ВСНХ подходит к установлению общей производственной программы, исходя из наличия материальных элементов производства (сырья, топлива, состояния машин и т. п.), профессиональные союзы должны подходить к этому вопросу с точки зрения организации труда для производственных задач и целесообразного его использования. Поэтому общая производственная программа по частям и в целом должна быть составлена при обязательном участии профсоюзов, чтобы наиболее целесообразно сочетать использование материальных ресурсов производства и труда.

6. Введение действительной трудовой дисциплины, успешная борьба с трудовым дезертизмом и т. д. мыслимы лишь при сознательном участии всей массы участников производства в осуществлении этих задач. Этого не достигают бюрократические методы и приказы сверху, а необходимо, чтобы каждый участник производства понял необходимость и целесообразность выполняемых им производственных задач, чтобы каждый участник производства участвовал не только в выполнении заданий сверху, но и сознательно принимал участие в исправлении всех недочетов, технических и организационных, в области производства.

Задачи профсоюзов в этой области огромны. Они должны научить своих членов в каждом цехе, на каждой фабрике отметить и учесть все недочеты в использовании рабочей силы, вытекающие из неправильного использования технических средств или неудовлетворительности административной работы. Сумма опыта отдельных предприятий и производства должна быть использована для решительной борьбы с волокитой, разгильдяйством и бюрократизмом.

7. Чтобы особо подчеркнуть важность этих производственных задач, организационно они должны быть поставлены на определенное место в текущей определенной работе. Организуемые при профсоюзах, согласно постановления III Всероссийского съезда, экономические отделы, развертывая свою работу, должны постепенно освещать и определять характер всей союзной работы. Так, например, в современных общественных условиях, когда все производство направлено к удовлетворению нужд самих трудящихся, тариф и премирование должны находиться в теснейшей связи и зависимости от степени выполнения производственного плана. Натуральное премирование и частичная натурализация заработной платы должны постепенно превратиться в систему снабжения рабочих в зависимости от высоты производительности труда.

8. Такая постановка работы профсоюзов, с одной стороны, должна покончить с существованием параллельных органов (политотделов и т. п.) и, с другой — восстановить тесную связь масс с органами экономического управления.

9. После III съезда союзам не удалось осуществить в значительной мере своей программы в деле своего участия в строительстве народного хозяйства, с одной стороны, благодаря военным условиям, с другой — вследствие своей организационной слабости и оторванности от руководящей и практической работы хозяйственных органов.

10. В связи с этим профсоюзы должны поставить себе следующие ближайшие практические задачи: а) самое активное участие в решении вопросов производства и управления; б) непосредственное участие совместно с соответствующими хозяйственными органами в организации компетентных органов управления; в) тщательный учет и влияние на производство различных типов управления; г) обязательное участие в выработке и в установлении хозяйственных планов и производственных программ; д) организация труда в соответствии с ударностью хозяйственных задач; е) развитие широкой организации производственной агитации и пропаганды.

11. Экономические отделы при союзах и союзных организациях необходимо действительно превратить в быстро действующие мощные рычаги планомерного участия союзов в организации производства.

12. В деле планомерности материального обеспечения рабочих союзам необходимо перенести свое влияние на распределительные органы компрода как местные, так и центральный, осуществляя практическое и деловое участие и контроль во всех распределительных органах, с обращением особого внимания на деятельность центральных и губернских комиссий по рабочему снабжению.

13. Так как так называемая «ударность», благодаря узковедомственным стремлениям отдельных главков, центров и т. д., успела приобрести самый беспорядочный характер, союзам надо стать всюду и везде на защиту действительного проведения ударности в хозяйстве и пересмотра существующей системы определения ударности в соответствии с важностью производства и наличием материальных ресурсов страны.

14. Особенное внимание необходимо сосредоточить на так называемой образцовой группе предприятий, превращая их в действительно образцовые посредством создания компетентного управления, дисциплины труда и работы союзной организации.

15. В деле организации труда, помимо приведения тарифных мероприятий в стройную систему всестороннего пересмотра нормы выработки, союзам надо твердо взять в руки все дело борьбы с отдельными видами трудового дезертирства (прогулами, опозданиями и т. д.). Дисциплинарные суды, на которые не было обращено должного внимания до сих пор, должны быть превращены в действительное средство борьбы с нарушением пролетарской трудовой дисциплины.

16. Выполнение перечисленных задач так же, как и выработка практического плана производственной пропаганды и ряда мер по улучшению экономического положения рабочих, должно быть возложено на экономические отделы. Поэтому является необходимым поручить экономическому отделу ВЦСПС в ближайшее время созвать специальное Всероссийское совещание экономических отделов по практическим вопросам хозяйственного строительства в связи с работой государственных экономических органов.

Я надеюсь, что теперь вы увидите, почему мне пришлось себя обругать. Вот это — платформа! Она во сто раз лучше и того, что написал тов. Троцкий, много раз обдумав, и того, что написал тов. Бухарин (резолюцию пленума 7—XII), совершенно не обдумав. Нам всем, чекистам, не работавшим многие годы в профдвижении, надо бы поучиться у тов. Рудзутака, и тов. Троцкому и тов. Бухарину следовало бы поучиться у него!

Эту платформу профсоюзы приняли.

Дисциплинарные суды мы все забыли, а «производственная демократия» без премий натурой, без дисциплинарных судов — одна болтовня!

Тезисы Рудзутака я сравниваю с тезисами Троцкого, внесенными им в ЦК. В конце 5-го тезиса я читаю: «необходимо теперь же при-

ступить к реорганизации союзов, т.-е. прежде всего к подбору руководящего персонала под этим именно углом зрения»...

Вот вам настоящий бюрократизм! Троцкий и Крестинский¹⁹⁾ будут подбирать «руководящий персонал» профсоюзов.

Еще раз: вот вам пояснение ошибки Цектрана! Не в том его ошибка, что он применял нажим; в этом его заслуга. Ошибка в том, что он не сумел подойти к общим задачам всех профсоюзов, не сумел перейти сам и помочь всем союзам перейти к более правильному, быстрому и успешному применению товарищеских дисциплинарных судов. Когда я прочитал в тезисах тов. Рудзутака о дисциплинарных судах, я подумал: наверное, есть уже декрет об этом. И оказалось, что декрет есть. «Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах» издано 14 ноября 1919 г. (Собр. Узакон. № 537).

В этих судах важнейшая роль за профсоюзами. Хороши ли эти суды, насколько успешно они действуют, и всегда ли действуют, я не знаю. Если бы мы свой собственный практический опыт изучали, это было бы в миллион раз полезнее всего того, что писали гг. Троцкий и Бухарин.

Я кончаю. Подытоживая все, что имеется по этому вопросу, я должен сказать, что вынесение этих разногласий на широкую партийную дискуссию и на партсъезд есть величайшая ошибка. Политически это ошибка. В комиссии, и только в комиссии, мы бы имели деловое обсуждение и двигались бы вперед, а сейчас мы идем назад и несколько недель пойдем назад к абстрактным теоретическим положениям вместо делового подхода к задаче. Что касается меня, то мне это надоело смертельно, и я с величайшим удовольствием от этого удалился бы; независимо от болезни, я готов бы спастись, куда угодно!

Итог: в тезисах Троцкого и Бухарина есть целый ряд теоретических ошибок. Ряд принципиальных неверностей. Политически весь подход к делу сплошная бестактность. «Тезисы» тов. Троцкого — политически вредная вещь. Его политика в сумме есть политика бюрократического дергания профсоюзов. И наш партийный съезд, я уверен, эту политику осудит и отвергнет.

*Напечатано отдель-
ной брошюрой в фев-
рале 1921 г.*

Письмо в редакцию „Правды“.

Прошу редакцию поместить тезисы Рудзутака, принятые V Всероссийской конференцией профсоюзов 2—6 ноября 1920 г.; как ма-

териал для дискуссии, они крайне необходимы. Добавляю еще материал по возбужденному в парткругах спору о происхождении этих тезисов.

«Правда» № 13,
21 января 1921 г.

Кризис партии.

Предсъездовская дискуссия развернулась достаточно широко. Из маленьких расхождений и разногласий выросли большие, как всегда бывает при сравнительно маленьких ошибках, если на маленькой ошибке настаивают и сопротивляются изо всех сил ее исправлению, или если за маленькую ошибку одного или немногих уцепятся люди, делающие большую ошибку.

Так всегда растут разногласия и «расколы». Так и мы «доросли» от маленьких разногласий до синдикализма, означающего полный разрыв с коммунизмом и неминуемый раскол партии, если партия не окажется достаточно здоровой и сильной, чтобы вылечиться от болезни быстро и радикально.

Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка. Весь вопрос в том, захватила ли болезнь только «лихорадочные» верхи, да и то, может быть исключительно московские, или болезнью охвачен весь организм? И в последнем случае способен ли этот организм в несколько недель (до партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможным, или болезнь станет затяжной и опасной?

Что надо делать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения? Надо, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись *изучать*: во-первых,—сущность разногласий, и во-вторых—развитие партийной борьбы. Необходимо и то и другое, ибо сущность разногласий развертывается, разъясняется, конкретизируется (а сплошь и рядом и видоизменяется) в *ходе борьбы*, которая, проходя разные этапы, показывает нам всегда на каждом этапе не одинаковый состав и число борющихся, не одинаковые позиции в борьбе и т. д. Надо *изучать* то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных к проверке со всех сторон. Кто верит на-слово, тот безнадежный идиот, на которого махают рукой. Если *нет* документов, нужен допрос свидетелей *обеих* или нескольких сторон и обязательно «допрос с пристрастием» и «допрос при свидетелях».

Попробую набросать конспект моего понимания как сущности разногласий, так и смены этапов борьбы.

1-й этап. V Всероссийская конференция профсоюзов 2—6 ноября. Завязка борьбы. Единственные «борцы» из цекистов—Троцкий и Томский. Троцкий бросил «крылатое словечко» о «перетряхивании» профсоюзов. Томский резко спорил. Большинство цекистов присматривается. И громадной ошибкой (и моей в первую голову) было то, что мы «проглядели» тезисы Рудзутака о «производственных задачах профсоюзов», принятые V конференцией. Это — *самый* важный документ во всем споре.

2-й этап. Пленум ЦК 9 ноября. Троцкий вносит «черновой набросок тезисов»: «Профсоюзы и их дальнейшая роль», где проводится политика «перетряхивания», *прикрытая* или приукрашенная рассуждениями о «тягчайшем кризисе» профсоюзов и о новых задачах и методах. Томский, усиленно поддержанный Лениным, считает центром тяжести споров именно «перетряхивание» в связи с неправильностями и преувеличением бюрократизма у Цектрана. При этом в споре, некоторые, явно преувеличенные и потому ошибочные «выпады» допускает Ленин, в силу чего является необходимость в «буферной группе», которая и возникает в составе 10 цекистов (куда входят и Бухарин, и Зиновьев, не входят ни Троцкий, ни Ленин). «Буфер» постановляет «не выносить на широкое обсуждение разногласий» и, *отменяя доклад Ленина* (у профсоюзов), назначает докладчиком Зиновьева, предписывая ему «сделать деловой, не полемический доклад». Тезисы Троцкого отклонены. Приняты тезисы Ленина. В окончательной форме резолюция проходит 10 голосами против 4 (Троцкий, Андреев ²⁰), Крестинский, Рыков) ²¹). И в этой резолюции защищаются «здоровые формы милитаризации труда», осуждается «вырождение централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм, самодурство, казенщину» и т. д. Цектрану указано «принять более деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его состав на одинаковых с другими союзными объединениями правах».

ЦК выбирает профессионалистскую комиссию, включая в нее тов. Троцкого. Троцкий отказывается работать в ней, и *только* этим шагом вносится преувеличение первоначальной ошибки тов. Троцкого, ведущее в дальнейшем к фракционности. Без этого шага ошибка тов. Троцкого (предложение неправильных тезисов) самая небольшая, такая, которую случалось делать всем цекистам без всякого изъятия.

3-й этап. Конфликт водников с Цектраном в декабре месяце. Пленум ЦК 7 декабря. Главными «борцами» оказываются уже не Троцкий и Ленин, а Троцкий и Зиновьев. Зиновьев, как председатель профкомиссии, разбирает спор водников с Цектраном в декабре. Зиновьев вносит практическое предложение немедленно изменить состав Цек-

трана. Большинство Центрального Комитета высказывается против этого. Рыков переходит на сторону Зиновьева. Принимается резолюция Бухарина, которая в практической части высказывается на три четверти за водников, а во введении, отвергая «перестройку сверху» профсоюзов (параграф третий), одобряет пресловутую «производственную демократию» (параграф пятый). Наша группа цекистов остается в меньшинстве, будучи против резолюции Бухарина, главным образом потому, что считает «буфер» бумажным, ибо неучастие Троцкого в профкомиссии фактически означает продолжение борьбы и вынесение ее за пределы ЦК. Мы вносим предложение назначить партийный съезд на 6 февраля 1921 г. Принято. Отсрочка на 6 марта проведена позже по требованию далеких окраин.

4-й этап. VIII съезд Советов. Выступление Троцкого 25 декабря с «брошюрой-платформой»: «Роль и задачи профсоюзов». С точки зрения формального демократизма Троцкий имел безусловное право выступить с платформой, ибо ЦК, 24 декабря, разрешил свободу дискуссии. С точки зрения революционной целесообразности это было уже громадным преувеличением ошибки, *созданием фракции* на ошибочной платформе. Брошюра цитирует из резолюции ЦК от 7 декабря лишь то, что относится к «производственной демократии», и не цитирует того, что сказано против «перестройки сверху». Буфер, созданный Бухариным 7 декабря, при поддержке Троцкого, разбит Троцким 25 декабря. Все содержание брошюры от начала до конца насквозь пропитано духом «перетряхивания». «Новых» же «задач и методов», которые должны были приукрасить или прикрыть, или оправдать «перетряхивание», брошюре не удалось указать, если не считать интеллигентских выкрутасов («производственная атмосфера», «производственная демократия»), теоретически не верных, а в своей деловой части всецело входящих в понятие, в задачи, в рамки производственной пропаганды.

5-й этап. Дискуссия перед тысячами ответственных партработников всей России на фракции РКП VIII съезда Советов 30 декабря. Споры разворачиваются во-всю. Зиновьев и Ленин, с одной стороны, Троцкий и Бухарин, с другой. Бухарин хочет «буферить», но говорит только против Ленина и Зиновьева, ни слова против Троцкого. Бухарин читает кусочек своих тезисов (опубликованных 15 января)²²⁾, но *только* тот кусочек, где о разрыве с коммунизмом и переходе к синдикализму нет и речи. Шляпников оглашает (от имени «Рабочей оппозиции»²³⁾ синдикалистскую платформу, которую уже заранее разбил в пух и прах тов. Троцкий (тезис 16 в его платформе) и которую (отчасти, вероятно, именно по этой причине) никто не берет всерьез.

Гвоздем всей дискуссии 30 декабря я лично считаю оглашение тезисов Рудзутака. В самом деле: ни тов. Бухарин, ни тов. Троцкий не только не могли ни слова возразить против них, но даже сочинили легенду, будто «лучшую половину» этих тезисов выработали *цектранисты*: Гольцман ²⁴⁾, Андреев, Любимов. И Троцкий очень весело и мило острил поэтому над неудачной «дипломатией» Ленина, который хотел-де «снять, сорвать» дискуссию, искал «громоотвод» и «случайно ухватился рукой не за громоотвод, а за Цектран».

Легенда опровергнута тогда же, 30 декабря, Рудзутаком, который указал, что Любимова «в природе ВЦСПС» не существует, что Гольцман голосовал в президиуме ВЦСПС против тезисов Рудзутака, что разрабатывала их комиссия из Андреева, Циперовича ²⁵⁾ и Рудзутака.

Но допустим на минуту, что легенда т.т. Бухарина и Троцкого есть факт. Ничто не побивает их до такой степени в пух и прах, как подобное допущение. Ибо, если «цектранисты» свои «новые» идеи внесли в резолюцию Рудзутака, если Рудзутак их принял, все профсоюзы эту резолюцию приняли (2—6 ноября!), если Бухарин и Троцкий возразить против нее ничего не могут, то что же отсюда вытекает?

Отсюда вытекает, что все разногласия у Троцкого выдуманные, *никаких* «новых задач и методов» ни у него, ни у «цектранистов» *нет*, все деловое и существенное профсоюзами сказано, принято, *решено*, и притом еще *до постановки вопроса* в ЦК.

Если надо кого хорошенько обругать и «псёретрахнуть», то уже скорее не ВЦСПС, а ЦК РКП за то, что он тезисы Рудзутака «проглядел» и из-за этой своей ошибки дал разрастись самой пусто-порожней дискуссии. *Прикрыть* ошибку цектранистов (вовсе не чрезмерную, в сущности, а самую обычную, состоящую в некотором преувеличении бюрократизма) нечем. И не прикрывать ее надо, не украшать, не оправдывать, а исправить. Только и всего.

Суть тезисов Рудзутака я выразил 30 декабря в четырех пунктах: 1) обычный демократизм (без всяких преувеличений, без всякого отказа от прав ЦК «назначать» и т. п., но и без упрямой защиты требующих исправления ошибок и крайностей некоторых «назначенцев»); 2) производственная пропаганда (сюда входит все, что есть дельного в неуклюжих, смешных, теоретически неверных «формулах», вроде «производственная демократия», «производственная атмосфера» и т. п.). У нас создано *советское учреждение*: Всеросбюро производпроп. Надо его всемерно поддержать, а не портить производственной работы *производством... худых тезисов*. Только и всего; 3) натурпремии и 4) дисциплинарные товарищеские суды. Без п. п. 3 и 4 все разговоры

о «производственной роли и задачах» и т. п.—пустая интеллигентская болтовня, а в «брошюре-платформе» Троцкого эти оба пункта как раз забыты. А у Рудзутака они есть.

Говоря о дискуссии 30 декабря я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское»... Тов. Бухарин сразу же воскликнул: «Какое?!». А я в ответ ему сослался на только что закончившийся VIII съезд Советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением». Читатель, который захочет прочесть всю мою речь, увидит, что от этой поправки ни ход моей аргументации, ни мои выводы не изменяются.

6-й этап. Выступление питерской организации с «Обращением к партии» против платформы Троцкого и контр-выступление Московского Комитета («Правда» от 13 января).

Переход от борьбы фракций, образуемых сверху, к вмешательству организаций снизу — большой шаг вперед к оздоровлению. Курьезно, что МК заметил «опасную» сторону выступления с платформой питерской организации, не желая заметить опасной стороны создания фракции тов. Троцким 25 декабря... Шутники называют подобную слепоту (на один глаз) «буферной»...

7-й этап. Профкомиссия кончает свою работу и выпускает платформу (брошюра под заглавием: «Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов») ²⁶⁾ от 14 января, подписанную 9 чекистами: Зиновьевым ²⁷⁾, Сталиным ²⁸⁾, Томским, Рудзутаком, Калининским ²⁹⁾, Каменевым ³⁰⁾, Петровским ³¹⁾, Артемом ³²⁾, Лениным и членом профкомиссии Лозовским; тт. Шляпников и Лутовинов «сбежали», видимо, в «рабочую оппозицию». В «Правде» она напечатана, с присоединением подписей Шмидта ³³⁾, Циперовича и Милютин ³⁴⁾, 18 января.

В «Правде» от 16 января появляются платформы: Бухаринская (подпись: «По поручению группы товарищей: Бухарин, Ларин ³⁵⁾, Преображенский, Серебряков, Сокольников ³⁶⁾, Яковлева ³⁷⁾ и Сапроновская (подпись: «Группа товарищей, стоящих на платформе демократического централизма» ³⁸⁾: Бубнов ³⁹⁾, Богуславский, ⁴⁰⁾ Каменский ⁴¹⁾, Максимовский ⁴²⁾, Осинский ⁴³⁾, Рафаил ⁴³⁾, Сапронов) ⁴⁴⁾. На расширенном собрании МК 17 января выступают представители и этих платформ и «игнатовцы» ⁴⁵⁾ (тезисы напечатаны в «Правде»

от 19 января, за подписью: Игнатов, Орехов ⁴⁶⁾, Корзинов ⁴⁷⁾, Куранова ⁴⁸⁾, Буровцев ⁴⁹⁾, Маслов ⁵⁰⁾ *).

Мы видим здесь, с одной стороны, рост сплочения (ибо платформа 9 цекистов вполне согласна с решением V Всероссийской конф. профсоюзов); с другой — разброд и распад. При этом верхом распада *идейного* являются тезисы Бухарина и К-о. Здесь осуществлен «поворот» из тех, про которые марксисты в давние времена острили: «поворот не столько исторический, сколько истерический». В тезисе 17-м читаем: «... в настоящее время необходимо сделать эти кандидатуры *обязательными*» (именно: кандидатуры профсоюзов в соответствующие «главки и центры»).

Это — полный разрыв с коммунизмом и переход на позицию синдикализма. Это, по сути дела, повторение Шляпниковского лозунга «осоюзить государство»; это — передача аппарата ВСНХ, по частям, в руки соответственных профсоюзов. Сказать: «Я выставляю *обязательные* кандидатуры» и сказать: «Я назначаю» — одно и то же.

Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия, руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготавливая, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма) сначала рабочих, а затем и крестьян, для того, чтобы она могла притти и пришла к сосредоточению в своих руках управления всем народным хозяйством.

Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению *и деле управления в их руках всем народным хозяйством*.

Программа РКП говорит:

«...Профсоюзы *должны притти*» (значит, не пришли и даже еще не приходят) «к фактическому сосредоточению в *своих* руках» (в своих, т.-е. в руках профсоюзов, т.-е. в руках *масс*, объединенных поголовно; всякий видит, как далеки еще мы даже от первого приближения к такому *фактическому* сосредоточению)... сосредоточению чего? «всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым» (значит, не отраслями промышленности и не промышленностью, а промышленностью *плюс* земледелие и т. д. Близки ли

*) Между прочим, партия должна требовать, чтобы «платформы» выдвигались за полными подписями всех ответственных за каждую платформу товарищей. Этому требованию удовлетворяют «игнатовцы» и «сапроновцы», но не удовлетворяют ни «троцкисты», ни «бухаринцы» ни «шляпниковцы», ссылающиеся на названных товарищей, ответственных будто бы за данную платформу.

мы к тому, что фактически сосредоточено в руках профсоюзов управление земледелием?). И следующие фразы программы РКП говорят о «связи» между «центральной государственной управленцией» и «широкими массами трудящихся», об *участии* профсоюзов в ведении хозяйства».

Если профсоюзы, т.-е. на $\frac{9}{10}$ беспартийные рабочие, назначают («обязательные кандидатуры») управление промышленностью, тогда к чему партия? И логически, и теоретически, и практически то, до чего договорился Бухарин, означает раскол партии, вернее, разрыв синдикалистов с партией.

До сих пор «главным» в борьбе был Троцкий. Теперь Бухарин далеко «обогнал» и совершенно «затмил» его, создал совершенно новое соотношение в борьбе, ибо договорился до ошибки, во сто раз более крупной, чем все ошибки Троцкого, взятые вместе.

Как мог Бухарин договориться до этого разрыва с коммунизмом? Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: «мягкий воск». Оказывается, на этом «мягком воске» может писать что угодно любой «беспринципный» человек, любой «демагог». Эти, взятые в кавычки, резкие выражения употребил и имел право употребить тов. Каменев на дискуссии 17 января. Но ни Каменеву, ни кому другому не придет, конечно, в голову *объяснить* происшедшее беспринципной *демагогией*, сводить все к ней.

Напротив. Есть объективная логика фракционной борьбы, которая даже лучших людей, если они настаивают на занятой ими неправильной позиции, неизбежно приводит к положению, ничем фактически не отличающемуся от беспринципной демагогии. Этому учит вся история фракционных войн (пример: объединение «впередовцев» и меньшевиков против большевиков). Именно поэтому надо изучать не только абстрактную сущность разногласий, но и конкретное развертывание и видоизменение их в развитии разных этапов борьбы. Дискуссия 17 января выразила итог этого развития. Нельзя уже защищать ни «перетряхивания», ни «новых производственных задач» (ибо все дельное и деловое вошло в тезисы Рудзутака). Остается либо найти в себе, употребляя выражение Лассаля ⁵¹⁾, «физическую силу ума» (и характера), чтобы признать ошибку, исправить ее и перевернуть данную страничку истории РКП, либо... либо хвататься за оставшихся союзников, каковы бы они ни были, «не замечая» никаких принципов. Остались сторонники «демократии» *до бесчувствия*. И Бухарин скатывается к ним, скатывается к синдикализму.

В то время, как мы понемногу вбираем в себя то, что было здорового в «демократической» «Рабочей Оппозиции», Бухарину приходится хвататься за *нездоровое*. Тов. Бумажный⁵²⁾, видный цектранист или троцкист, выражает 17 января готовность принять синдикалистские предложения Бухарина. «Сапроновцы» дошли до того, что в одном и том же тезисе (3) рассуждают о «глубоком кризисе» и «бюрократическом омертвлении» профсоюзов, предлагая в то же время, как «абсолютно» необходимое, «расширение *прав* профсоюзов в производстве»... вероятно, по случаю их бюрократического омертвления? Разве можно взять всерьез такую группу? Они слышали речи о производственной *роли* профсоюзов и, чтобы крикнуть громче других, лягнули: «расширение прав» по случаю «бюрократического омертвления». Достаточно прочесть первые строки их «практических» предложений: «Президиум ВСНХ выдвигается пленумом ВЦСПС и утверждается окончательно ВЦИК», чтобы не читать дальше ничего. А их «принципиальная» *демократическая* позиция? Слушайте: (тез. 2)... «Они (Зиновьев и Троцкий) на деле выражают два течения одной и той же группы *бывших милитаризаторов хозяйства*»!!

Если взять это всерьез, это — худший меньшевизм и эс-эровщина. Но Сапронова, Осинского и К-о нельзя брать всерьез, когда эти — по-моему, высокоценные — работники перед каждым партсъездом («кажись раз на эфтом самом месте») впадают в какой-то лихорадочный пароксизм, стараются крикнуть обязательно громче всех (фракция «громче всех крикунов») и торжественно садятся в галошу. «Игнатовцы» тянутся за «сапроновцами». Блокироваться разным группам (особенно перед съездом), конечно, дозволительно (и гоняться за голосами тоже). Но надо это делать в пределах коммунизма (а не синдикализма) и делать так, чтобы не вызывать смеха. Кто больше? Кто больше обещает «прав» беспартийным, соединяйтесь по случаю партсъезда РКП!...

До сих пор нашей платформой было: не надо защищать крайностей бюрократизма, надо исправлять. Борьба с бюрократизмом — долгий и тяжелый труд. Исправление крайностей возможно и необходимо тотчас. Авторитет военработников и назначенцев подрывает не тот, кто указывает на вредные крайности и проводит исправление их, а тот, кто сопротивляется такому исправлению. Именно таковы были крайности некоторых цектранистов, которые будут, однако, (и были) ценными, полезными работниками. Не надо дергать профсоюзы и изобретать разногласий с ними, когда все новое, дельное и деловое по вопросу о производственных задачах профсоюзов признано ими и решено ими же. Давайте усиленно и дружно работать практически на этой почве.

Теперь к нашей платформе прибавилось: надо бороться с идейным разбродом и с теми *нездоровыми* элементами оппозиций, которые договариваются до отречения от всякой «милитаризации хозяйства», до отречения не только от «метода назначения», который практиковался до сих пор преимущественно, но и от всякого «назначения», т.-е., в конце концов, от руководящей роли *партии* по отношению к массе беспартийных. Надо бороться с синдикалистским уклоном, который погубит партию, если не вылечится от него окончательно.

Болезнь нашей партии, несомненно, постараются воспользоваться и капиталисты Антанты для нового нашествия, и эс-эры для устройства заговоров и восстаний. Нам это не страшно, ибо мы сплотимся все, как один, не боясь признать болезни, но сознавая, что она требует от всех большей дисциплины, большей выдержки, большей твердости на всяком посту. Партия не ослабнет, а окрепнет к мартовскому X съезду РКП и после него.

*«Правда» № 13,
21 января 1921 г.*

Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина.

Партийная дискуссия и фракционная борьба предсъездовского характера, т.-е. перед выборами, в связи с предстоящими выборами на X съезд РКП, разгорелись. За первым фракционным выступлением, именно за выступлением тов. Троцкого от имени «целого ряда ответственных работников» с «брошюрой-платформой» («Роль и задачи профсоюзов», предисловие помечено 25 декабря 1920 г.), последовало резкое (читатель увидит из дальнейшего, что оно было заслуженно резким) выступление петроградской организации РКП («Обращение к партии», опубликованное января 1921 г. в петроградской «Правде» и затем 13 января 1921 г. в центральном органе партии, в московской «Правде»). Затем против петроградской организации выступил Моск. Комитет (того же числа в «Правде»). Далее, появился изданный бюро фракции РКП ВЦСПС стенографический отчет о дискуссии 30 декабря 1920 г. на громадном и весьма ответственном партсобрании, именно фракции РКП VIII съезда Советов. Этот стенографический отчет озаглавлен: «О роли профсоюзов в производстве» (пред. помеч. 6 января 1921 г.). Конечно, это далеко еще не весь дискуссионный материал. А партийные собрания, обсуждающие спорные вопросы, идут едва ли уже не повсюду. Мне пришлось выступить 30 декабря 1920 г. при условиях, «нарушающих порядок», как я выразился, именно: при

таких условиях, когда я не мог участвовать в прениях, не мог слушать ни предыдущих, ни последующих ораторов. Попробую теперь восстановить нарушенный порядок, высказаться более «упорядоченно».

Партийная опасность фракционных выступлений.

Является ли брошюра тов. Троцкого: «Роль и задачи профсоюзов» фракционным выступлением? Есть ли в такого рода выступлении, независимо от его содержания, нечто партийно-опасное? Замалчивать этот вопрос особенно любят (кроме, разумеется, тов. Троцкого) члены МК, видящие фракционность питерцев, и тов. Бухарин, который, однако, выступая 30 декабря 1920 г. от имени «буферной фракции», счел себя вынужденным заявить:

«...когда поезд имеет некоторый уклон к тому, чтобы потерпеть крушение, то буфера являются уже не такой плохой вещью» (стр. 45 отчета о дискуссии 30 декабря 1920 г.).

Итак, некоторый уклон к крушению есть. Что же, мыслимы такие сознательные члены партии, которые беззаботны насчет вопроса, где именно, в чем именно как именно начался этот уклон?

Брошюра Троцкого открывается заявлением, что «она является плодом коллективной работы»; что принимал участие в ее составлении «целый ряд ответственных работников, особенно профессионалистов (члены президиума ВЦСПС, ЦК металлистов, Цектрана и др.)»; что это — «брошюра-платформа». А в конце тезиса 4-го читаем, что «предстоящему партийному съезду придется *выбирать*» (курсив Троцкого) «между двумя тенденциями в области профдвижения»

Если это не есть образование фракции одним членом ЦК, если это не есть «некоторый уклон к крушению», то пусть попробует объяснить партии тов. Бухарин или любой из его единомышленников, какой же иной смысл имеют русские слова: «фракционность» и «уклон к крушению» партии?? Можно ли себе представить более чудовищное ослепление, чем это ослепление людей, желающих «буферить» и *закрывающих глаза на такой «уклон к крушению»??*

Подумайте только: после двух пленумов ЦК — 9 ноября и 7 декабря, посвященных неслыханно подробно, долгому, горячему обсуждению первоначального наброска тезисов тов. Троцкого и всей защищаемой им политики партии в профсоюзах, — один член ЦК остается *одним из 19*, который подбирает себе группу вне ЦК, и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает как с «платформой», предлагая партсъезду «выбирать между двумя тенденциями»!! Я не говорю о том уже, что это провозглашение тов. Троцким именно двух и только

двух тенденций 25 декабря 1920 г., хотя Бухарин уже 9 ноября выступил, как «буферщик», наглядно разоблачает истинную роль группы Бухарина, как пособника худшей и вреднейшей фракционности. Это мимоходом. Но я спрашиваю любого члена партии: подобный натиск и налет на «выбор» между двумя тенденциями в области профдвижения не поражает ли своей головокружительностью? Не приходится ли только развести руками, если после трех лет пролетарской диктатуры в партии мог найтись хоть один член ее, способный *таким образом* «налететь» на вопрос о двух тенденциях в области профдвижения?

Мало того. Посмотрите на фракционные выпады, которыми уснащена эта брошюра. В 1-м же тезисе читаем грозный «замах» на «некоторых работников профдвижения», отбрасываемых «вспять на тред-юнионистские позиции, принципиально давно ликвидированные партией» (очевидно, только один член ЦК из 19 представляет партию). В тезисе 8-м велеречиво осуждается «профессионалистский консерватизм в руководящем слое профработников» (заметьте это истинно-бюрократическое устремление внимания на «руководящий слой»!). В тезисе 11-м в начале удивительно тактичный, доказательный, деловой... как бы это повежливее выразиться?... «намеки» на то, что «большинство профессионалистов» «формально, т.-е. *на словах*, признает» резолюции IX съезда РКП.

Вот перед нами какие авторитетные судьи того, что *большинство* (!) профессионалистов признают партрешения *на словах*!

В тезисе 12-м: «... многие профессионалисты все резче и непримиримее выступают против перспективы сращивания... В числе этих профессионалистов мы находим тт. Томского и Лозовского. Мало того. Отбиваясь от новых задач и методов, многие профессионалисты развивают в своей среде дух корпоративной замкнутости, неприязни к новым работникам, привлекаемым в данную область хозяйства, и таким образом фактически поддерживают пережитки цеховщины среди профессионально-организованных рабочих».

Пусть читатель внимательно перечитает эти рассуждения и хорошенько вдумается в них. Богатство «перлов» тут поразительное. Во-первых, оцените это выступление с точки зрения его фракционности! Представьте себе, что бы сказал и как бы выступил Троцкий, если бы Томский опубликовал платформу, обвиняя Троцкого и «многих» военработников в развитии духа бюрократизма, поддержке пережитков дикости и т. п.? Какова «роль» Бухарина, Преображенского, Серебрякова и др., которые не видят — ну, прямо-таки не замечают, со всем не замечают — резкости и фракционности *здесь*, не видят, во сколько раз это фракционнее, чем выступление Литерцев?

Во-вторых. Вникните в этот подход к делу: многие профессионалисты «развивают в своей среде дух»... Подход насквозь бюрократический. Все дело, видите ли, в том, какой «дух» развивают «в своей среде» Томский и Лозовский, а вовсе не в уровне развития и условиях жизни массы, миллионов.

В-третьих. Нечаянно тов. Троцкий выразил здесь суть всего спора, столь тщательно обходимую и затушевываемую как им, так и «буферными» Бухариным и К-о.

В том ли суть всего спора и источник борьбы, что многие профессионалисты отбиваются от новых задач и методов, развивая в своей среде дух неприязни к новым работникам?

Или в том, что массы профессионально-организованных рабочих законно протестуют и неизбежно выражают готовность отшвырнуть прочь тех из новых работников, которые не хотят исправить ненужных и вредных крайностей бюрократизма?

В том ли суть спора, что кто-то не хочет понять «новых задач и методов»?

Или в том, что кто-то словесностью насчет новых задач и методов неудачно прикрывает защиту некоторых ненужных и вредных крайностей бюрократизма?

Пусть читатель запомнит эту суть всего спора.

Формальный демократизм и революционная целесообразность.

«Рабочая демократия не знает фетишей», — пишет тов. Троцкий в своих тезисах, которые являются «плодом коллективной работы». — «Она знает только революционную целесообразность» (тез. 23).

С этими тезисами тов. Троцкого вышла неприятная история. То, что в них есть верного, не только не ново, но и обращается *против* Троцкого. А то, что в них ново, сплошь неверно.

Я выписал верные положения тов. Троцкого. Они обращаются против него не только по тому вопросу (о Главполитпути), который в тезисе 23-м затронут, но и по другим вопросам.

Формально-демократически Троцкий *имел право* выступить с фракционной платформой хотя бы и против всего ЦК. Это бесспорно. Бесспорно и то, что это формальное право ЦК подтвердил своим решением от 24 декабря 1920 г. о свободе дискуссии. Это формальное право буферный Бухарин признает за Троцким, но не признает за питерской организацией, — вероятно, потому, что Бухарин договорился 30 декабря 1920 г. до «священного лозунга рабочей демократии» (стр. 45 стеногр. отчета)..

Ну, а революционная целесообразность?

Найдется ли хоть один серьезный человек, не ослепленный фракционным самолюбием «цектрановской» или «буферной» фракции, который бы, в здравом уме и твердой памяти, нашел *революционно-целесообразным такое* выступление по вопросам продвижения *такого* авторитетного вождя, как Троцкий?!

Можно ли отрицать, что даже если бы «новые задачи и методы» были указываемы Троцким столь же высоко правильно, сколь они на деле указаны им сплошь неправильно (о чем ниже), то одним подобным подходом к делу Троцкий приносил бы вред и себе, и партии, и продвижению, и воспитанию миллионов членов профсоюзов и республике?

Добрый Бухарин и его группа потому называют себя, вероятно, «буферными», что они твердо решили *не думать о том*, какие обязанности это звание налагает.

Политическая опасность расколов в продвижении.

Всякий знает, что большие разногласия вырастают иногда из самых маленьких — ничтожных даже вначале — расхождений. Всякий знает, что ничтожная ранка или даже царапинка, которые каждому приходилось получать в своей жизни десятками, способна превратиться в опаснейшую, а то и безусловно смертельную, болезнь, *если* ранка начала гнить, если возникает заражение крови. Так бывает во всяких, даже чисто личных, конфликтах. Так бывает и в политике.

Любое, даже ничтожное, расхождение может стать политически опасным, если является возможность того, что оно разрастется в раскол, и притом такого именно рода раскол, который способен поколебать и разрушить все политическое здание, привести — говоря сравнением тов. Бухарина — к крушению поезда.

Ясно, что в такой стране, которая переживает диктатуру пролетариата, раскол среди пролетариата или между пролетарской партией и массой пролетариата является уже не только опасным, но и опаснейшим, особенно если в этой стране пролетариат составляет небольшое меньшинство населения. А расколы в продвижении (которое, как я старался изо всех сил подчеркнуть в своей речи 30 декабря 1920 г., есть движение почти поголовно организованного в профсоюзы пролетариата) означают расколы именно в массе пролетариата.

Вот почему, когда «сыр-бор загорелся» на V Всеросс. конференции профсоюзов 2—6 ноября 1920 г. (а он загорелся именно на ней), когда тотчас после этой конференции... нет, я ошибаюсь, *во время*

этой конференции в Политбюро явился неслыханно возбужденный тов. Томский и, при полной поддержке уравновешеннейшего тов. Рудзутака, стал рассказывать о том, как тов. Троцкий говорил на этой конференции о «перетряхивании» профсоюзов, и как он, Томский, с этим полемизировал, — когда это произошло, я сразу и бесповоротно решил для себя, что суть спора именно в политике (т.-е. в политике партии по отношению к профсоюзам) и что в корне неправ в этом споре тов. Троцкий со своей политикой «перетряхивания» против тов. Томского. Ибо политика «перетряхивания», *даже если бы она частично оправдывалась «новыми задачами и методами»* (тезис 12 у Троцкого), есть политика в данный момент и в данной обстановке совершенно недопустимая, как грозящая расколом.

Тов. Троцкому теперь кажется, что приписыванье ему политики «перетряхивания сверху» «представляет собой чистейшую карикатуру» (Л. Троцкий: «Ответ петроградским товарищам» в «Правде» № 9 от 15 января 1921 г. ⁵³). Но словечко «перетряхивание» является настоящим «крылатым словечком» не только в том смысле, что, будучи сказано тов. Троцким на V Всеросс. конференции профсоюзов, оно «облетело» уже, так сказать, и партию, и профсоюзы. Нет. Оно остается, к сожалению, верным и по сей час в гораздо более глубоком смысле. Именно: оно одно выражает, в кратчайшей форме, *весь дух, всю тенденцию* брошюры-платформы «Роль и задачи профсоюзов». От начала до конца вся эта брошюра-платформа тов. Троцкого насквозь пропитана именно духом политики, «перетряхивания сверху». Достаточно вспомнить обвинение тов. Томского или «многих профессионалистов» в том, что они «развивают в своей среде дух неприязни к новым работникам»!

Но если на V Всеросс. конференции профсоюзов 2—6 ноября 1920 г. только еще пачинала создаваться атмосфера, угрожающая расколами, то в начале декабря 1920 г. раскол Цектрана стал фактом.

Это событие есть основное, главное, коренное для оценки политической сути наших споров; и напрасно думают гг. Троцкий и Бухарин, что замалчиванье тут чему-нибудь поможет. Замалчиванье не «буферит», а разжигает в данном случае, ибо вопрос не только поставлен на очередь дня жизни, но и подчеркнут тов. Троцким в его брошюре-платформе. Ибо именно эта брошюра многократно в приведенных мною местах, особенно в тезисе 12-м ставит вопрос: в том ли суть, что «многие профессионалисты развивают в своей среде дух неприязни к новым работникам», или в том, что «неприязнь *масс* законна ввиду некоторых ненужных и вредных крайностей бюрократизма, например, в Цектрানে?

Тов. Зиновьев в первой же своей речи 30 декабря 1920 г. вполне основательно и поставил этот вопрос прямоком, говоря, что до раскола довели «неумеренные сторонники тов. Троцкого». Может быть, за это тов. Бухарин обругал речь тов. Зиновьева «водолейством»? Но в несправедливости этого упрека убедится теперь всякий член партии, который прочтет стенографический отчет дискуссии 30 декабря 1920 г. и увидит, что точные факты цитирует и на точные факты опирается именно тов. Зиновьев, а преобладает интеллигентская «словесность» без всяких фактов именно у Троцкого и Бухарина.

Когда тов. Зиновьев сказал: «Центран стоит на глиняных ногах, он уже раскололся на три части», то тов. Сосновский ⁵⁴⁾ перебил его возгласом:

«А вы это поощряли» (стеногр. отчет. стр. 15)

Вот это — обвинение серьезное. Если бы оно было доказано, то, конечно, виновным в *поощрении раскола* хотя бы одного из профсоюзов не было бы места ни в ЦК, ни в партии РКП, ни в профсоюзах нашей республики. К счастью, серьезное обвинение выдвинуто в несерьезной форме товарищем, не раз уже, к сожалению, показывавшим примеры своих несерьезных полемических «увлечений». Тов. Сосновский даже превосходные статьи свои, скажем, из области производственной пропаганды, умел иногда снабжать такой «ложкой дегтя», которая далеко перевешивала все плюсы самой производственной пропаганды. Бывают такие счастливые натуры (как, напр., Бухарин), которые даже при наибольшем ожесточении борьбы меньше всего способны заражать ядом свои нападки; бывают такие, не очень счастливые натуры, которые чересчур часто заражают свои нападки ядом. Тов. Сосновскому полезно было бы за собой, по этой части, присматривать и даже друзей своих попросить, чтобы они за ним присматривали.

Но — могут сказать — обвинение все же выставлено. Пусть в несерьезной, неудачной, явно «фракционной» форме. Но лучше неудачно сказать правду, чем умолчать о ней, если дело серьезное.

Дело, несомненно, серьезное, ибо здесь, повторяю, больше, чем думают, *звездь* всего спора. И мы имеем, к счастью, достаточно убедительные и достаточно объективные данные, чтобы дать ответ на поднятый тов. Сосновским вопрос *по существу*.

Во-первых, на той же странице стенографического отчета мы читаем заявление тов. Зиновьева, который не только ответил тов. Сосновскому: «Неверно!», но и привел точные ссылки на решающие факты. Тов. Зиновьев указал, что тов. Троцкий пытался выдвигать (добавлял от себя: явно, находясь во фракционном увлечении) далеко не такое обвинение, какое выдвинул тов. Сосновский, а обвинение тов. Зиновьева.

вьева в том, что он, Зиновьев, своим *выступлением на сентябрьской Всероссийской конференции РКП* содействовал расколу или вызвал раскол. (Обвинение, в скобках замечу, несостоятельное уже потому, что сентябрьское выступление Зиновьева по существу одобрено и ЦК и партией и ни разу никем формально не опротестовано.)

И тов. Зиновьев ответил, что тов. Рудзутак на заседании ЦК с протоколом в руках доказал, что этот вопрос (вопрос о некоторых ненужных и вредных крайностях бюрократизма в Цектрane) рассматривался и в Сибири, и на Волге, и на Севере, и на Юге *задолго* до каких бы то ни было моих (т.-е. Зиновьева) выступлений и *задолго* до Всероссийской конференции.

Это совершенно ясное, точное, фактическое заявление. Его сделал тов. Зиновьев в первой своей речи перед тысячами ответственных членов РКП, при чем ни тов. Троцкий, *дважды* говоривший *после* этой речи Зиновьева, ни тов. Бухарин, говоривший *тоже после* этой речи Зиновьева, не опровергнули фактических указаний Зиновьева.

Во-вторых. Еще более точным и официальным опровержением обвинения тов. Сосновского является помещенная в том же stenographicком отчете *резолуция пленума ЦК РКП по вопросу о конфликте между коммунистами-водниками и коммунистической фракцией совещания Цектрана*, принятая 7 декабря 1920 г. Та часть этой резолюции, которая посвящена Цектрану, гласит:

«В связи с конфликтом между Цектраном и водниками ЦК постановил: 1) Создать в объединенном Цектрane секцию водников. 2) Созвать в феврале съезд железнодорожников и водников, на котором провести нормальные выборы в новый Цектран. 3) До этого оставить функционировать старый состав Цектрана. 4) Немедленно упразднить Главполитвод и Главполитпуть с передачей всех их сил и средств профессиональной организации на началах нормального демократизма».

Читатель видит отсюда, что не только нет и речи об осуждении водников, а, напротив, во всем существенном признана их *правота*. Между тем за эту резолюцию не голосовал *ни один* (кроме Каменева) из тех цеккистов, которые подписали общую платформу 14 января 1921 г. Проект постановления X съезда РКП (о роли и задачах профсоюзов, внесенный в ЦК группой членов ЦК и членов профессиональной комиссии.) Не членом ЦК, но членом профкомиссии, подписан Лозовский, остальные Томский, Калинин, Рудзутак, Зиновьев, Сталин Ленин, Каменев, Петровский, Артем (Сергеев).

Эта резолюция проведена *против* названных цеккистов, т.-е. против нашей группы. Ибо мы бы голосовали против временного оставления старого Цектрана. И неизбежность победы нашей группы прину

дила Троцкого голосовать за резолюцию Бухарина, ибо иначе прошло бы наше решение. Тов. Рыков, бывший в ноябре за Троцкого, участвовал в декабре в работах профкомиссии по разбору конфликта водников с Цектраном и убедился в правоте водников.

Итог: декабрьское (7 декабря) большинство ЦК состояло из тт. Троцкого, Бухарина, Преображенского, Серебрякова и т. д., г.-е. таких цекистов, которых в пристрастности *против* Цектрана — не заподозрит никто. И это большинство, по пути его решения, осудило не водников, а Цектран, отказавшись только немедленно смещать его. Значит, несостоятельность обвинения Сосновского доказана.

Чтобы не оставлять места неясности, надо коснуться еще одного пункта. В чем же состояли «некоторые ненужные и вредные крайности бюрократизма», о которых я не раз упоминал? Не было ли и пет ли голословности или преувеличения в *этом* обвинении?

Опять-таки: ответ дан тов. Зиновьевым в первой же его речи 30 декабря 1920 и ответ такой, который не оставляет ничего желать по точности. Тов. Зиновьев привел выписку из напечатанного приказа тов. Зофа ⁵⁵⁾ по водному транспорту (от 3 мая 1920 г.) с заявлением: «отпадает комитетчина». Тов. Зиновьев правильно назвал это коренной ошибкой. Вот это и есть образец ненужной и вредной крайности бюрократизма и «назначенства». При этом тов. Зиновьев сразу оговорился, что есть «гораздо менее испытанные и менее опытные товарищи» назначенцы, чем тов. Зоф. Я слышал в ЦК оценку Зофа, как ценнейшего работника и мои наблюдения в Совобороне вполне подтверждают эту оценку. Никто не думает ни подрывать авторитет таких товарищей, ни делать их «козлами отпущения» (как заподозрил тов. Троцкий в своем докладе стр. 25, не имея на то ни тени оснований). Авторитет «назначенцев» подрывает не тот, кто исправляет ошибки их, а тот, кто вздумал бы защищать их даже тогда, когда они делают ошибки.

Мы видим таким образом, что опасность расколов в профдвижении была не выдуманная, а реальная. Мы видим так же наглядно, в чем именно была непреувеличенная сущность разногласий: в борьбе за то, чтобы некоторые ненужные и вредные крайности бюрократизма и назначенства не защищались, не оправдывались, а исправлялись. Только и всего.

О принципиальных разногласиях.

Но если есть коренные и глубокие принципиальные разногласия, — могут сказать нам, — разве они не оправдывают даже самых резких и фракционных выступлений? Если надо сказать новое и непонятное, не оправдывает ли это иногда даже раскола?

Конечно, оправдывает, если разногласия действительно крайне глубоки и если исправления неправильного направления политики партии, или рабочего класса, нельзя достигнуть иначе.

Но в том-то и беда, что таких разногласий нет. Тов. Троцкий старался их указать, но не мог. И если до появления его брошюры (25 декабря) можно и должно было говорить условно или примирительно («нельзя подходить так к вопросу даже при условии, что есть несознанные новые задачи, есть разногласия»), то *после* этой брошюры пришлось сказать: в том, что есть у него нового, тов. Троцкий не прав по существу.

Всего яснее это видно из сравнения тезисов тов. Троцкого с тезисами Рудзутака, которые были приняты V Всеросс. конференцией профсоюзов 2—6 ноября. Я привел их в речи 30 декабря и в «Правде» 21 января *). Эти тезисы и вернее, и полнее тезисов Троцкого. То, чем отличаются тезисы Троцкого от тезисов Рудзутака, неверно у Троцкого.

Возьмем для начала пресловутую «производственную демократию», которую тов. Бухарин поспешил вставить в резолюцию ЦК от 7 декабря. Конечно, смешно было бы придирается к этому неуклюжему и интеллигентски-искусственному («выкрутасы») термину, если бы он был употреблен в речи или в статье. Но ведь как раз Троцкий и Бухарин поставили себя в такое смешное положение, что они *настаивают в тезисах* именно на этом термине, отличающем их «платформы» от принятых профсоюзами тезисов Рудзутака.

Этот термин теоретически неверен. Всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества. Поэтому выделение «производственной демократии» из всякой другой демократии ничего не говорит: это — путаница и пустышка. Это — во-первых

Во-вторых, посмотрите на разъяснение этого термина самим Бухариным в написанной им резолюции пленума ЦК от 7 декабря ⁵⁶⁾. «Поэтому, — писал там Бухарин, — методы рабочей демократии должны быть методами производственной демократии. Это значит» — заметьте: «это значит!» Бухарин обращение к массам начинает с такого мудреного термина, что его надо *особо объяснять*: по-моему, с точки зрения демократизма, это *не демократично*; для масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого объяснения; с точки зрения «производственной» это вредно, ибо заставляет тратить время по-пусту

*) См. статью «Кризис партии», стр. 27 настоящего тома.

на объяснение ненужного термина, — «Это значит, что все выборы, выставление кандидатов, их поддержка и т. д. должны проходить под углом зрения не только политической выдержанности, но и хозяйственных способностей, административного стажа, организаторских качеств и проверенной на деле заботы о материальных и духовных интересах трудящихся масс».

Рассуждение явно натянутое и неверное. Демократия не означает только «выборы, выставление кандидатов, их поддержку и т. д.». Это с одной стороны. А с другой — не все выборы должны проходить под углом зрения политической выдержанности и хозяйственных способностей. Надо также, вопреки Троцкому, в миллионной организации иметь известный процент ходатаев, бюрократов (без хороших бюрократов не обойтись много лет). Но мы не говорим о «ходатайственной» или «бюрократической» демократии.

В-третьих. Неправильно смотреть только на выбираемых, только на организаторов, администраторов и пр. Это все же меньшинство выдающихся людей. Надо смотреть на рядовых, на массу. У Рудзутака это выражено не только проще, понятнее, но и теоретически правильнее (тезис 6-й): «...необходимо, чтобы каждый участник производства понял необходимость и целесообразность выполняемых им производственных задач, чтобы каждый участник производства участвовал не только в выполнении заданий сверху, но и сознательно принимал участие в исправлении всех недочетов, технических и организационных, в области производства».

В-четвертых. «Производственная демократия» есть термин, порождающий возможность кривотолков. Его можно понять в смысле отрицания диктатуры и единоначалия. Его можно истолковывать в смысле отсрочки обычной демократии или отговорки от нее. Оба толкования эти вредны, а чтобы избежать их, не обойтись без особых и длинных комментариев

Простое изложение тех же мыслей у Рудзутака и правильнее, и избегает всех этих неудобств. И Троцкий в своей статье «Производственная демократия» в «Правде», 11 января, не только не опровергает того, что эти неправильности и неудобства есть (он обходит весь этот вопрос, не сравнивает своих тезисов с Рудзутаковскими), а, напротив, косвенно подтверждает неудобство и неправильность своего термина, именно тем, что приводит в параллель ему: «военную демократию». К счастью, мы никогда, помнится, фракционных споров из-за подобного термина не поднимали.

Еще более неудачен такой термин Троцкого, как «производственная атмосфера». Зиновьев справедливо посмеялся над ним. Троцкий

очень рассердился и возражал: «Атмосфера военная у нас была... Теперь должна создаться в рабочей массе, в толще ее, не только на поверхности производственная атмосфера, т.-е. такое же напряжение, деловой интерес, внимание к производству, какие были к фронтам»... Вот в том-то и дело, что «рабочей массе, толще ее» надо говорить так, как говорится в тезисах Рудзутака, а не с употреблением слов вроде: «производственная атмосфера», которые вызовут недоумение или улыбку. По существу, употребляя выражение «производственная атмосфера», тов. Троцкий выражает ту же мысль, которую выражает понятие производственной пропаганды. Но именно для рабочей массы, для толщи ее надо вести производственную пропаганду так, чтобы подобных выражений избегать. Это выражение годится в виде образца того, как не следует вести производственной пропаганды в массах.

Политика и экономика. Диалектика и эклектизм.

Странно, что приходится ставить вновь столь элементарный, азбучный вопрос. К сожалению, Троцкий и Бухарин заставляют делать это. Они оба упрекают меня в том, что я «подменяю» вопрос, или что я подхожу «политически», а они подходят «хозяйственно». Бухарин даже вставил это в свои тезисы и пытался «подняться выше» обоих спорящих: я-де соединяю и то и другое.

Теоретическая неверность вопиющая. Политика есть концентрированное выражение экономики, — повторил я в своей речи, ибо раньше уже слышал этот ни с чем не сообразный, в устах марксиста совсем недопустимый, упрек за мой «политический» подход. Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма.

Может быть, моя политическая оценка неверна? Скажите и докажите это. Но говорить (или хотя бы даже косвенно допускать мысль), что политический подход равноценен «хозяйственному», что можно брать «то и то», это значит забывать азбуку марксизма.

Другими словами. Политический подход, это значит: если подойти к профсоюзам неправильно, это погубит Советскую власть, диктатуру пролетариата. (Раскол партии с профсоюзами при условии, что партия неправа, наверняка свалил бы Советскую власть в такой крестьянской стране, как Россия.) Можно (и должно) проверять это соображение по существу, т.-е. разбирать, вникать, решать, правилен или неправилен данный подход. Говорить же: я «ценю» политический ваш подход, «но» это только политический, нам же нужен «и хозяйственный», это все равно, что сказать: я «ценю» ваше соображение о том,

что, делая такой-то шаг, вы ломаете себе шею, но взвесьте также и то, что быть сытым и одетым лучше, чем голодным и раздетым.

Бухарин теоретически скатился к *эклектике*, проповедуя соединение политического и хозяйственного подхода.

Троцкий и Бухарин изображают дело так, что вот-де мы займемся о росте производства, а вы только о формальной демократии. Это изображение неверное, ибо вопрос стоит (и, по-марксистски, *может* стоять) *лишь* так: без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а *следовательно*, не сможет решить и *своей производственной задачи*.

Конкретнее Зиновьев говорит: «вы делаете политическую ошибку, доводя до расколов в профсоюзах». О росте же производства я говорил и писал еще в январе 1920 г., приводя в пример постройку бани. Троцкий отвечает: «эка штука, подумаешь (стр. 29), брошюру написать с примером о бане, а вот у вас «ни слова», «ни единого слова» (22 стр.) о том, что должны делать профсоюзы».

Неверно. Пример с баней стоит, извините за каламбур, десяти «производственных атмосфер» с придачей нескольких «производственных демократий». Пример с баней говорит ясно, просто, именно для массы, именно для «толщи», что должны делать профсоюзы, а «производственные атмосферы» и «демократии» есть сор, засоряющий глаза рабочих масс, *затрудняющий* их понимание.

Меня тов. Троцкий тоже упрекал, что «Ленин не сказал ни слова (стр. 66) о том, какую роль играют и должны играть те рычаги, которые называются аппаратом профсоюзов».

Извините, тов. Троцкий: прочитав полностью тезисы Рудзутака и присоединившись к ним, я сказал об этом *больше, полнее, вернее, проще, яснее*, чем все ваши тезисы и весь ваш доклад или содоклад и заключительное слово. Ибо, повторяю, натурпремии и дисциплинарные товарищеские суды во сто раз больше значат для овладения хозяйством, для управления промышленностью, для повышения производственной роли профсоюзов, чем совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о «производственной демократии», о «сращивании» и т. п.

Под предлогом выдвигания «производственной» точки зрения (Троцкий) или преодоления односторонности политического подхода и соединения этого подхода с хозяйственным (Бухарин) нам дали:

1) забвение марксизма, выразившееся в теоретически неверном, эклектическом определении отношения политики к экономике;

2) защиту или прикрытие той политической ошибки, которая выражена в политике перетрачивания, которая проникает собой на-

сквозь всю брошюру-платформу Троцкого. А эта ошибка, если ее не сознать и не исправить, *ведет* к падению диктатуры пролетариата;

3) шаг назад в области вопросов чисто-производственных, хозяйственных, вопросов о том, как увеличить производство, именно шаг назад от *деловых* тезисов Рудзутака, ставящих конкретные, практические, жизненные, живые задачи (развивайте производственную пропаганду, учитесь хорошенько распределять натурпремии и правильное употребление принуждения в виде товарищеских дисциплинарных судов), — к абстрактным, отвлеченным, «опустошенным», теоретически неверным, по-интеллигентски сформулированным общим *тезисам*, с *забвением* наиболее делового и практичного.

Вот каково, на самом деле, соотношение между Зиновьевым и мной, с одной стороны, Троцким и Бухариным — с другой, по вопросу о политике и экономике.

Я не мог поэтому без улыбки читать те возражения мне, которые огласил 30 декабря тов. Троцкий: «Тов. Ленин в своем заключительном слове на VIII съезде Советов по докладу о нашем положении говорил, что нам нужно поменьше политики, побольше хозяйственности, а по вопросу о профсоюзах он на первый план выдвигал политическую сторону дела» (стр. 65). Тов. Троцкому эти слова показались «чрезвычайно меткими». На деле они выражают самую отчаянную путаницу понятий, «идейную сумятицу» поистине безбрежную. Конечно, я всегда выражал, выражаю и буду выражать пожелание, чтобы мы занимались меньше политикой, больше хозяйством. Но нетрудно понять, что для выполнения этих пожеланий надо, чтобы не было политических опасностей и *политических ошибок*. Политические ошибки, которые сделаны тов. Троцким и углублены, усугублены тов. Бухариным, отвлекают нашу партию от хозяйственных задач, от «производственной работы», *заставляют нас, к сожалению, терять время* на исправление этих ошибок, на то, чтобы спорить с синдикалистским уклоном (ведущим к падению диктатуры пролетариата), спорить против неправильного подхода к профдвижению (подхода, ведущего к падению Советской власти), спорить об общих «тезисах» вместо делового, практического, «хозяйственного» спора о том, кто лучше и успешнее давал натурпремии, организовывал суды, осуществлял срачивание на основе тезисов Рудзутака, принятых 2—6 ноября V Всеросс. конференцией профсоюзов: саратовские мукомолы, углекопы в Донбассе, металлисты в Питере и т. д.

Возьмите вопрос о пользе «широкой дискуссии». Здесь мы увидим тоже, как политические ошибки отвлекают от хозяйственных задач. Я был против так наз. «широкой» дискуссии, и ошибкой, политической

ошибкой тов. Троцкого считал и считаю срыв им профкомиссии, в которой должна бы была пойти деловая дискуссия. Я считаю политической ошибкой буферной группы с Бухариным во главе, что они не поняли задач буфера (подменили и здесь диалектику эклектизмом); они именно с точки зрения «буфера» должны были с бешеной энергией выступить против широкой дискуссии, за перенесение дискуссии в профкомиссию. Посмотрите, что вышло.

30 декабря Бухарин договорился до того, что «мы провозгласили новый священный лозунг рабочей демократии, который заключается в том, чтобы все вопросы обсуждать не в узких коллегиях, не в маленьких собраниях, не в какой-нибудь своей корпорации, а выносить все вопросы на широкие собрания. И вот, я утверждаю, что, вынося вопрос о роли профсоюзов на такое громадное собрание, как сегодняшнее, мы тем самым делаем шаг не назад, а вперед (стр. 45). И этот человек обвинял Зиновьева в водолействе и в преувеличении демократии. Сплошное водолейство и «ляпанье», полное непонимание того, что формальный демократизм должен быть подчинен революционной целесообразности.

Ничуть не лучше у Троцкого. Он выступает с обвинением: «Ленин хочет во что бы то ни стало дискуссию по существу вопроса снять, сорвать» (стр. 65). Он заявляет: «Почему я в комиссию не входил, об этом я в ЦК сказал ясно: до тех пор пока, не будет разрешено мне, наравне со всеми другими товарищами, эти вопросы в полном объеме поставить в партийной печати, до тех пор не жду никакой пользы от келейного рассмотрения этих вопросов, а стало быть, и от работы в комиссии» (стр. 69).

Итог? Не прошло и месяца с тех пор, как Троцкий 25 декабря начал «широкую дискуссию», и едва ли найдется 1 из 100 ответственных партработников, который бы не чувствовал оскормины от этой дискуссии, не сознавал ее бесполезности (если не хуже), ибо Троцкий отнял время у партии спором о словах, о плохих тезисах, обругавши «кейным» рассмотрением как раз *деловое*, хозяйственное рассмотрение в комиссии, которая ставила бы своей задачей изучение и проверку практического опыта для того, чтобы, учась из этого опыта, *идти вперед* в настоящей «производственной» работе, а не *назад*, от живого дела к мертвой схоластике всяких «производственных атмосфер».

Возьмите пресловутое «сращивание». Я советовал 30 декабря о нем помолчать, ибо мы не изучили нашего собственного практического опыта, а без этого условия споры о сращивании неизбежно вырождаются в водолейство, в пустое отвлечение сил партии от хозяйственной работы. Я назвал бюрократическим прожектерством тезисы Троцкого

по этому пункту с предложениями вводить в состав совнархозов от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ и от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ представителей профсоюзов.

За это на меня очень рассердился Бухарин, который, как я вижу из стр. 49 отчета, обстоятельно и подробно доказывал мне, «что когда люди собираются и говорят о чем-нибудь, они не должны изображать из себя глухонемых» (буквально так и напечатано на указанной странице!). Рассердился и Троцкий, который воскликнул:

«Я прошу каждого из вас записать у себя в книжке, что тов. Ленин назвал это бюрократизмом такого-то числа, а я осмеливаюсь предсказывать, что это будет через несколько месяцев принято и к сведению и к руководству, чтобы в ВЦСПС и ВСНХ, в ЦК металлостов и в Отделе металла и т. д. имелось бы общих работников от трети до половины»... (стр. 68).

Прочитав это, я попросил тов. Милютин (зампредвысонархоза) прислать мне имеющиеся *печатные* отчеты по вопросу о сращивании. Думаю про себя: начну-ка я хоть по-маленечку *изучать наши практический опыт*, ибо нестерпимо скучно заниматься «общепартийным говорением» (выражение Бухарина, стр. 47, которое, пожалуй, станет «крылатым словечком» не менее, чем знаменитое «перетряхивание») — впустую, без материала, без фактов, высасывая из пальца разногласия, дефиции, «производственные демократии».

Тов. Милютин прислал мне несколько книг, в том числе «Отчет ВСНХ. VIII Всеросс. съезду Советов» (М. 1920; предисловие помещено 19 декабря 1920). На стр. 14 приведена здесь таблица, показывающая степень участия рабочих в управляющих органах. Привожу эту табличку (охватывающую только часть губсовнархозов и предприятий):

Управляющий аппарат.	И з н и х:						
	Общее число.	Рабочих.	%	Спецов.	%	Служащ. и друг.	%
Президиум ВСНХ и губсовнархозов	187	107	57,2	22	11,8	58	31,0
Коллегии главных управлений, отделов, центров и главков	140	72	51,4	31	22,2	37	26,4
Коллегиальные и единоличные фабр.-зав. управления . .	1.143	726	63,5	398	34,8	19	1,7
Итого . . .	1.470	905	61,6	451	30,7	114	7,7

Итак, уже теперь участие рабочих, в среднем, составляет 61,6%, т.-е. ближе к $\frac{2}{3}$, чем к половине! Бюрократически-прожектёрский характер того, что написал об этом в тезисах тов. Троцкий, уже *доказан*. Говорить, спорить, писать платформы «от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ » или «от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ », все это — самое пустопорожнее «общепартийное говорение», отвлечение сил, средств, внимания, времени *от производственной* работы, одно политиканство без серьезного содержания. А вот в комиссии, где нашлись бы люди с опытом, где не согласились бы писать тезисов, не изучив фактов, можно бы с пользой для дела заняться проверкой опыта, — скажем, опросом десятка-другого (из тысячи «общих работников»), сличением их впечатлений и выводов с объективными данными статистики, попыткой добиться деловых, практических указаний для будущего: надо ли при таких-то итогах опыта сейчас же двигаться вперед в том же направлении или несколько изменить и как именно изменить направление, приемы, подход, или, в интересах дела, остановиться, проверить опыт еще и еще раз, переделать, может быть, кое-что и т. д., и т. п.

Настоящий «хозяйственник», товарищи (позвольте уж и мне немного заняться «производственной пропагандой»!), знает, что капиталисты и организаторы трестов даже в самых передовых странах по многу лет, иногда по десять лет и больше, занимались изучением и проверкой своего (и чужого) практического опыта, исправляя, переделывая начатое, возвращаясь назад, исправляя много раз, чтобы добиться вполне подходящей к данному делу системы управления, подбора высших и низших администраторов и т. д. Так было при капитализме, который во всем цивилизованном мире опирался в своей хозяйственной работе на *опыт и привычки веков*. А мы строим на новой почве, требующей самой долгой, упорной и терпеливой работы перевоспитания привычек, которые капитализм оставил нам в наследство и переделка коих возможна лишь очень постепенная. Подходить к этому вопросу так, как подходит Троцкий, в корне неправильно. «Есть ли, — восклицал он в речи 30 декабря, — есть ли у наших рабочих, у работников партии и профсоюзов производственное воспитание? да или нет? Я отвечаю: нет» (стр. 29). Подходить так к подобному вопросу смешно. Как будто бы вы спрашивали: есть ли в данной дивизии достаточное количество валенок? да или нет?

Мы через десять лет наверняка должны будем сказать, что у всех работников партии и профсоюзов достаточно производственного воспитания нет. Как не будет через 10 лет достаточного военного воспитания у всех работников партии, профсоюзов, военного ведомства. Но *начало* производственного воспитания у нас создано тем, что около

тысячи рабочих, членов и делегатов профсоюзов, участвуют в управлении и управляют предприятиями, главками и выше. Основной принцип «производственного воспитания», воспитания *нас самих*, старых нелегалыщиков и профессиональных журналистов, состоит в том, чтобы мы сами брались и других учили братья за внимательнейшее и подробнейшее изучение нашего собственного практического опыта, по правилу: «семь раз примерь, один отрежь». Настойчивая, медленная, осторожная, деловая, деловитая проверка того, что сделала эта тысяча, ещё более осторожное и деловитое исправление их работы и продвижение вперед лишь после вполне доказанной пользы данного приема, данной системы управления, данной пропорции, данного подбора лиц и т. д. Вот основное, коренное, безусловное правило «производственного воспитания», и как раз это правило нарушает тов. Троцкий всеми своими тезисами, всем своим подходом к вопросу. Как раз все тезисы, вся брошюра-платформа тов. Троцкого таковы, что своими ошибками они отвлекли внимание и силы партии от деловой «производственной» работы на пустые, бессодержательные словопрения.

Диалектика и эклектизм. «Школа» и «аппарат».

К числу многочисленных ценнейших качеств тов. Бухарина принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе. Это очень ценное качество, ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений.

Сообразно этому своему стремлению теоретически углубить вопрос, тов. Бухарин, начиная с дискуссии 30 декабря, если не раньше, переводит спор именно в указанную область

«Я считаю абсолютно необходимым, — говорил тов. Бухарин 30 декабря, — в этом состоит теоретическая сущность того, что здесь называется «буферной фракцией» или ее идеологией, — и мне представляется совершенно бесспорным, что нельзя отбросить ни этот политический, ни этот хозяйственный момент...» (стр. 47).

Теоретическая сущность той ошибки, которую здесь делает тов. Бухарин, состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм) подменяет эклектизмом. «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны» — вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектизм. Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном раз-

витии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого. На примере политики и экономики я уже это показал.

На примере «буфера» это так же несомненно. Буфер полезен и нужен, если партийный поезд идет под уклон к крушению. Бесспорно. Бухарин поставил «буферную» задачу эклектически, беря кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Бухарин должен был бы как «буферист», самостоятельно определить, где, когда, в чем делает ошибку тот или другой, те или другие, ошибку теоретическую или ошибку политической бестактности, или ошибку фракционности выступления, или ошибку преувеличения и т. п. и *всей силой* обрушиваться на *каждую* такую ошибку. Бухарин не понял этой своей задачи «буфера». Одно из наглядных доказательств тому:

Фракция коммунистов Петроградского бюро Цектрона (ЦК союза железнодорожников и водников), организация, сочувствующая Троцкому и прямо заявляющая, что, по ее мнению, «в основном вопросе о производственной роли профсоюзов позиции тт. Троцкого и Бухарина представляют собой разновидности одной и той же точки зрения», — издала в Петрограде брошюрой содоклад тов. Бухарина в Петрограде 3 января 1921 (Н. Бухарин: «О задачах профсоюзов», П. 1921). В этом содокладе читаем:

«Первоначально тов. Троцкий формулировал так, что нужно сменить руководящий состав профсоюзов, нужно подобрать соответствующих товарищей и проч., а еще раньше он стоял даже на точке зрения «перетряхивания», от чего он отказался сейчас, и поэтому совершенно нелепо выставление «перетряхивания» в качестве аргумента против тов. Троцкого» (стр. 5).

Я не буду останавливаться на многочисленных фактических неточностях этого изложения. (Словечко «перетряхивание» употреблено Троцким на V Всеросс. конференции профсоюзов 2—6 ноября. О «подборе руководящего персонала» Троцкий говорил в § 5 своих тезисов, внесенных им в ЦК 8 ноября и изданных, между прочим, кем-то из сторонников Троцкого в виде печатного листка. Вся брошюра Троцкого: «Роль и задачи профсоюзов», 25 декабря, насквозь проникнута тем же образом мыслей, тем же духом, что указано мной уже раньше. Где и в чем выразился «отказ», совершенно неизвестно.) Моя тема сейчас иная. Если «буфер» эклектичен, он опускает одни ошибки, упоминает другие; молчит об ошибках 30 декабря 1920 в Москве, перед тысячами работников РКП всей России; говорит об ошибках в Питере 3 января 1921. Если «буфер» диалектичен, он *всей силой* нападает на каждую ошибку, которую он усматривает у обеих сторон или у всех сторон. Вот этого-то Бухарин и не делает. Он бро-

шпору Троцкого даже и не пытается разобрать с точки зрения политики перетраживания. *Он просто о ней молчит.* Неудивительно, что такое выполнение буфером его роли вызывает у всех смех.

Далее. В той же петроградской речи Бухарина на стр. 7 читаем.

«Ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он недостаточно защищает момент школы коммунизма».

На дискуссии 30 декабря Бухарин рассуждает так:

«Тов. Зиновьев говорил, что профсоюзы — школа коммунизма, а Троцкий говорил, что это — административно-технический аппарат управления производством. Я не вижу никаких логических оснований, которые бы доказывали, что верно не первое и не второе; верны оба эти положения и соединение этих обоих положений» (стр. 48).

Та же мысль в 6-м тезисе Бухарина и его «группы» или «фракции»... «с одной стороны, они (профсоюзы) — школа коммунизма... с другой стороны, они — и притом в возрастающей степени — составная часть хозяйственного аппарата и аппарата государственной власти вообще...» («Правда», 16 января).

Вот тут-то и заключается основная теоретическая ошибка тов. Бухарина, подмен диалектики марксизма эклектизмом (особенно распространенным у авторов разных «модных» и реакционных философских систем).

Тов. Бухарин говорит о «логических» основаниях. Все его рассуждение показывает, что он — может быть, бессознательно — стоит здесь на точке зрения логики формальной или схоластической, а не логики диалектической или марксистской. Чтобы пояснить это, начну с простейшего примера, взятого самим тов. Бухариным. На дискуссии 30 декабря он говорил:

«Товарищи, на многих из вас споры, которые здесь происходят, производят впечатление, примерно, такого характера: приходят два человека и спрашивают друг у друга, что такое стакан, который стоит на кафедре. Один говорит: «Это стеклянный цилиндр и да будет предан анафеме всякий, кто говорит, что это не так». Второй говорит: «Стакан, это — инструмент для питья, и да будет предан анафеме тот, кто говорит, что это не так» (стр. 46).

Этим примером Бухарин хотел, как видит читатель, популярно объяснить мне вред односторонности. Я принимаю это пояснение с благодарностью и, чтобы доказать делом мою благодарность, я отвечаю популярным объяснением того, что такое эклектизм в отличие от диалектики.

Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства, или качества,

или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить губы, употребляя этот стакан; и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.

Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться — с поправками — для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно (и стеклянный цилиндр и инструмент для питья), то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета — и только.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, *связь* его с окружающим миром. В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов. (В скобках уместным, мне кажется, заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все,

написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма.) *).

Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого. Можно перейти от стакана к профсоюзам и к платформе Троцкого.

«С одной стороны, школа, с другой, — аппарат», — говорит Бухарин и пишет в своих тезисах. У Троцкого ошибка в том, что он «недостаточно защищает момент школы»... у Зиновьева — недостаток на счет «момента» и «аппарата».

Почему это рассуждение Бухарина есть мертвый и бессодержательный эклектизм? Потому, что у Бухарина нет и тени попытки самостоятельно, с своей точки зрения, проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, *то-есть* диалектическая логика, требует этого безусловно), так и весь подход к вопросу, всю постановку — или, если хотите, все направление постановки — вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах. Ни тени попытки у Бухарина сделать это! Он подходит без малейшего конкретного изучения с голыми абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эклектизм.

Чтобы еще нагляднее пояснить это, возьму пример. Я ровно ничего не знаю о повстанцах и революционерах Южного Китая (кроме 2—3 статей Сун-Ят-Сена и нескольких книг и газетных статей, которые я читал много лет тому назад). Раз там идут восстания, вероятно, есть и споры между китайцем № 1, который говорит, что восстание есть продукт обостреннейшей и захватившей всю нацию классовой борьбы, и китайцем № 2, который говорит, что восстание есть искусство. Тезисы, подобные Бухарину, я могу написать, ничего больше не зная: «с одной стороны.. с другой стороны». Один недостаточно учел «момент» искусства, другой — «момент обострения» и т. д. Это будет мертвый и бессодержательный эклектизм, ибо нет *конкретного* изучения *данного* спора, *данного* вопроса, *данного* подхода к нему и т. д.

*) Кстати, нельзя не пожелать, во-первых, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во-вторых, рабочему государству, по-моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание. Но это все уже есть отступление от «пропаганды» к «администрированию».

Профсоюзы, с одной стороны, школа; с другой — аппарат; с третьей — организация трудящихся; с четвертой — организация почти только промышленных рабочих; с пятой — организация по производствам *) и т. д. и т. д. Никакого обоснования, никакого самостоятельного анализа у Бухарина нет и тени, чтобы доказать, почему надо взять первые две «стороны» вопроса или предмета, а не третью, четвертую, пятую и т. д. Поэтому и тезисы Бухаринской группы — сплошь электическая пустышка. Бухарин в корне неверно, эклектически, ставит весь вопрос о соотношении «школы» и «аппарата».

Чтобы поставить этот вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному, т.-е. данному спору. Берите этот спор, как хотите: так ли, как он возник на V Всероссийской конференции профсоюзов, или так, как его поставил и *направил* сам Троцкий своей брошюрой-платформой 25 декабря, и вы увидите, что *весь* подход Троцкого, все направление у него неверно. Он не понял того, что надо и можно подойти к профсоюзам, как к школе, и тогда, когда ставишь тему о «советском тред-юнионизме», и тогда, когда говоришь о производственной пропаганде вообще, и тогда, когда так ставишь вопрос, как Троцкий, о «сращивании», об участии профсоюзов в управлении производством. И в этом последнем вопросе, так, как он поставлен во всей брошюре-платформе Троцкого, неправильность состоит в непонимании того, что профсоюзы являются *школой административно-технического управления производством*. Не «с одной стороны» — школа, с другой нечто иное», *А со всех сторон* — при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, *профсоюзы суть школа*, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления. Вместо того, чтобы понять и исправить эту коренную ошибку тов. Троцкого, тов. Бухарин дал смешную поправочку: «с одной стороны, с другой стороны».

Еще конкретнее приблизимся к вопросу. Поглядим, что такое теперь профсоюзы, как «аппарат» управления производством. Мы видели: по неполным данным, около 900 рабочих, членов и делегатов профсоюза, управляют производством. Увеличьте это число, если хотите, хотя бы даже в десять, хотя бы даже в сто раз, допустим даже, для уступки вам и для разъяснения вашей коренной ошибки, такую невероятную быстроту «движения вперед» в ближайшее время, —

*) Между прочим, у Троцкого и тут есть ошибка. Он думает, что производственный союз это значит союз, имеющий овладеть производством. Это не верно. Производственный союз значит организующий рабочих по производствам, что неизбежно при данном (и в России, и во всем мире) уровне техники и культуры.

все же таки мы получаем ничтожную долю непосредственно *управляющих* по сравнению с 6-миллионной общей массой членов профсоюзов. И отсюда еще яснее видно, что устремлять все внимание на «руководящий слой», как делает Троцкий, говорить о производственной роли профсоюзов и об управлении производством, не учитывая, что $98\frac{1}{2}\%$ *учатся* (6.000.000 — 90.000 = 5.910.000 = $98\frac{1}{2}\%$ от суммы) и *долго должны учиться*, значит делать коренную ошибку. Не школа и управление, а *школа управления*.

Споря против Зиновьева 30 декабря и обвиняя его, совершенно голословно и неправильно, в отрицании «назначенства», т.-е. права и обязанности ЦК назначать, тов. Троцкий печально обмолвился крайне характерным противопоставлением:

«...Тов. Зиновьев, — сказал он, — слишком пропагандистски подходит к каждому практическому деловому вопросу, забывая, что тут не только материал для агитации, но и вопрос, который надо решить административно» (стр. 7).

Я сейчас разъясню подробно, каков *мог бы* быть администраторский подход к данному вопросу. Но в том как раз и состоит коренная ошибка тов. Троцкого, что он к *тем вопросам*, которые им самим в его брошюре-платформе поставлены, подошел (вернее, подлетел), как *администратор*, тогда как к *этим* вопросам можно и должно было ему подойти *исключительно, как пропагандисту*.

В самом деле. Что есть хорошего у Троцкого? Не в его тезисах, а в его *речах* — особенно, когда он забывает о своей неудачной полемике с «консервативным» якобы крылом профессионалистов — несомненно хорошим и полезным является *производственная пропаганда*. При деловой «хозяйственной» работе в профкомиссии, при выступлениях, ораторских и литературских, как участник и работник Всероссийского Бюро производственной пропаганды, тов. Троцкий несомненно принес бы (и несомненно принесет) немалую пользу делу. Ошибкой являются «тезисы-платформа». Красной нитью проходит через них подход администратора к «кризису» в профорганизации, к двум «тенденциям» в профсоюзах, к истолкованию программы РКП, к «советскому тред-юнионизму», к «производственному воспитанию», к «сращиванию». Я перебрал сейчас все главные темы «платформы» Троцкого, и именно к таким темам правильный подход в данное время, с тем материалом, который у Троцкого есть, может быть исключительно пропагандистский.

Государство — это область принуждения. Сумасшествием было бы отречься от принуждения, особенно в эпоху диктатуры пролетариата. «Администрирование» и администраторский подход к делу здесь

обязательны. Партия — это непосредственно правящий авангард пролетариата, это — руководитель. Исключение из партии, а не принуждение, вот специфическое средство воздействия, средство очищения и закала авангарда. Профсоюзы — резервуар государственной власти, школа коммунизма, школа хозяйничанья. В этой области специфическое и главное есть не управление, а «связь» «между центральным» (и местным, конечно, тоже) «государственным управлением, народным хозяйством и *широкими* массами трудящихся» (как говорит наша программа партии, § 5 экон. части, посвященный профсоюзам).

Красной нитью через всю брошюру-платформу Троцкого проходит неправильность всей постановки этого вопроса, непонимание такого соотношения.

Представьте себе, что это самое пресловутое «сращивание», в связи с остальными темами своей платформы, Троцкий разработал бы, подойдя ко всему вопросу с другой стороны. Представьте себе, что эта брошюра посвящена была бы всецело задаче обследовать детально, скажем, 90 из 900 случаев «сращивания», случаев совмещения должностей в ВСНХ по управлению промышленностью и должностей по выборам от профсоюзов, совмещения членами профсоюзов и постоянных работников профдвижения. Представьте себе, что эти 90 случаев анализированы были бы на-ряду с данными выборочного статистического обследования, на-ряду с докладами и отчетами ревизоров и инструкторов Рабкрина и соответствующих наркоматов, т.-е. анализированы по данным администрирующих учреждений, анализированы с точки зрения итогов и результатов работы, успехов производства и т. п. Такой подход к делу был бы правильным администраторским подходом, и он вполне оправдывал бы линию «перетряхивания», т.-е. устремление внимания на того, кого сместить, кого переместить, кого назначить, какие требования «руководящему слою» сейчас же предъявить. Если Бухарин сказал в своей изданной центранистами питерской речи 3 января, что Троцкий раньше стоял на точке зрения «перетряхивания», а сейчас от нее отказался, то Бухарин и здесь впадает в смехотворную практически, совершенно недопустимую для марксиста теоретически, эклектику. Бухарин берет вопрос абстрактно, не умея (или не желая) подойти конкретно. Пока мы, ЦК партии и вся партия, будем администрировать, т.-е. управлять государством, мы никогда не откажемся и не можем отказаться от «перетряхивания», т.-е. смещения, перемещения, назначения, увольнения и пр. Но в брошюре-платформе Троцкого совсем не тот материал взят, совсем не «практический деловой вопрос» поставлен. Не о «практическом деловом вопросе» спорили Зиновьев и Троцкий, спорим мы с Бухариным,

спорит вся партия, а о вопросе о «тенденциях в области продвижения» (тез. 4, конец, у Троцкого).

Это вопрос, по сути своей, политический. Исправление ошибки Троцкого эклектическими поправочками и дополнениями, как хочет Бухарин, полный самых гуманных, разумеется, чувств и намерений, по самой сути дела данного, конкретного «дела» — невозможно.

Здесь решение может быть одно и только одно.

Правильно решить политический вопрос о «тенденциях в области продвижения», о соотношении классов, о соотношении политики и «экономики», о специфических ролях государства, партии, профсоюзов, — «школы» и аппарата и т. п. Это раз.

Второе: на основе правильного политического решения провести — вернее, проводить — длительную, систематическую, настойчивую, терпеливую, разностороннюю, повторную, производственную пропаганду, проводить ее в государственном масштабе, от имени и под руководством государственного учреждения.

Третье: «практические деловые вопросы» не смешивать с теми спорами о тенденциях, которые (споры) составляют законное достояние «общепартийного говорения» и широких дискуссий, а ставить их по-деловому, в деловых комиссиях, с допросом свидетелей, с изучением докладов, отчетов, статистики, и на основании всего этого — только на основании всего этого, только в таких условиях — только по решению соответствующего советского или партийного органа или обоих таких органов «перетряхивать».

А у Троцкого и Бухарина вышла мешанина из политических ошибок в подходе, разрыва в передаточной связи, приводных ремней в середине, подлета или налета на «администрирование» впустую, на холостом ходе. «Теоретический» источник ошибки — раз Бухарин поставил своим «стаканом» вопрос о теоретическом источнике — ясен. Теоретическая — в данном случае гносеологическая — ошибка Бухарина состоит в подмене диалектики эклектикой. Эклектически ставя вопрос, Бухарин запутался совершенно и договорился до синдикализма. У Троцкого ошибка: односторонность, увлечение, преувеличение, упрямство. У Троцкого платформа состоит из того, что стакан есть инструмент для питья, тогда как у данного стакана дна не оказалось

Заключение.

Мне остается еще только коснуться вкратце некоторых пунктов, умолчание о которых могло бы подать повод к недоразумениям.

В тезисе 6-м своей «платформы» тов. Троцкий воспроизвел § 5 экон. части программы РКП, говорящий о профсоюзах. Через две странички, в тезисе 8-м, тов. Троцкий заявил:

«...Утратив старую основу своего существования, классовую экономическую борьбу, союзы...» (это неверно, это торопливое преувеличение: союзы утратили такую основу, как *классовую* экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще, к сожалению, не смогут утратить такую основу, как *неклассовую* «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата, и т. п.)... — «союзы, в силу ряда условий, не успели собрать в своих рядах необходимые силы и выработать необходимые методы для того, чтобы оказаться способными разрешить новую задачу, поставленную перед ними пролетарской революцией и формулированную нашей программой: *«организовать производство»* (курсив Троцкого, стр. 9, тезис 8).

Это опять-таки торопливое преувеличение, которое содержит в себе зародыш большой неверности. Программа не дает такой формулировки и не дает союзам такой задачи, как «организовать производство». Проследим шаг за шагом за каждой мыслью, за каждым положением нашей партийной программы в том самом порядке, в котором эти положения стоят в тексте программы:

1) «Организационный» (не всякий) «аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову» (а не исключительно) «на профсоюзы». 2) «Они должны все больше освобождаться от цеховой узости» (как освобождаться? под руководством партии и в ходе воспитательного и всякого иного воздействия пролетариата на непролетарскую трудящуюся массу) «и превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства»...

Это — первая часть того отдела, который посвящен в партпрограмме профсоюзам. Как видите, эта часть ставит сразу очень «строгие» и очень длительной работы требующие «условия» для дальнейшего. А дальше идет вот что:

«... Будучи уже, согласно законов Советской республики и установившейся практики, участниками...» (слово, как видите, очень осторожное: только участниками) «... всех местных и центральных органов управления промышленностью, профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым...» (заметьте:

должны прийти к фактическому сосредоточению управления не отраслями промышленности и не промышленностью, а всем народным хозяйством, и притом как единым хозяйственным целым: это условие, как экономическое условие, действительно выполненным можно считать не раньше, чем тогда, когда за мелкими производителями и в промышленности и в земледелии осталась меньшая, чем половина, доля в населении и в народном хозяйстве). «...Обеспечивая таким образом...» (именно «таким образом», который реализует постепенно все указанные раньше условия) «...неразрывную связь между центральным государственным управлением народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профсоюзы должны в самых широких размерах вовлекать последние...» (т.-е. массы, т.-е. большинство населения) «...в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профсоюзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства».

Итак, в последней фразе опять очень осторожное слово: «участие в ведении хозяйства», опять указание на привлечение широких масс, как главное (но не единственное) средство борьбы с бюрократизмом; и в заключение сугубо-осторожное указание: «*дает возможность*» поставить «*народный*», т.-е. рабоче-крестьянский, отнюдь не только пролетарский «*контроль*».

Резюмировать все это таким образом, что наша партпрограмма «формулировала» задачу профсоюзов «организовать производство», явно неправильно. И если на этой неправильности настаивать, заносить ее в тезисы-платформы, то ничего иного, кроме антикоммунистического, синдикалистского уклона, отсюда получить нельзя.

Кстати тов. Троцкий пишет в своих тезисах, что «мы за последний период не приблизились к поставленной программе — цели, а удалились от нее» (стр. 7, тезис. 6). Это голословно и, я думаю, неверно. Нельзя доказывать это, как делал Троцкий в дискуссиях, ссылкой на признание такого факта «самими» профсоюзами. Для партии это не окончательная инстанция. И вообще доказать это можно только серьезнейшим объективным изучением большого количества фактов. Это во-первых. А во-вторых, если бы даже это было доказано, то оставался бы еще открытый вопрос: от чего удалились? От того, что «многие профессионалисты» «отбиваются от новых задач и методов», как думает Троцкий, или от того, что «мы» «не успели собрать в своих рядах необходимые силы и выработать необходимые методы для того, чтобы пре-

сечь и исправить некоторые ненужные и вредные крайности бюрократизма».

В связи с этим уместно будет коснуться того упрека, который сделал нам тов. Бухарин 30 декабря (а Троцкий повторил вчера, 24 января, на дискуссии нашей в конференции II съезда горнорабочих), именно упрека в «отречении от линии, которую намечал IX партсъезд» (стр. 46 отчета о дискуссии 30 декабря). Дескать, Ленин на IX съезде защищал милитаризацию труда и издевался над ссылками на демократию, а теперь «отрекся» от этого. В заключительном слове 30 декабря тов. Троцкий снабдил этот упрек особым, так сказать, перцем: «Ленин учитывает тот факт, что в профсоюзах происходит... группировка оппозиционно настроенных товарищей» (стр. 65); Ленин подходит «под углом зрения дипломатическим» (стр. 69); «лабиринты внутри партийных группировок» (стр. 70) и т. п. Такое изложение дела тов. Троцким, конечно, очень лестно для тов. Троцкого и хуже, чем не лестно, для меня. Но взглянем на факты:

На той же дискуссии 30 декабря Троцкий и Крестинский утаивают факт, что «тов. Преображенский в июле еще (1920) внес в ЦК вопрос о том, что мы должны перейти на новые рельсы в отношении внутренней жизни наших рабочих организаций» (стр. 25). В августе тов. Зиновьев пишет проект письма, и ЦК утверждает *письмо ЦК* о борьбе с бюрократизмом и расширении демократизма. В сентябре вопрос ставится на партийной конференции, и решение ее утверждает ЦК. В декабре вопрос о борьбе с бюрократизмом поставлен на VIII съезд Советов. Значит, весь ЦК, вся партия и вся рабоче-крестьянская республика признали необходимость поставить на очередь дня вопрос о бюрократизме и борьбе с ним. Вытекает ли отсюда «отречение» от IX съезда РКП? Нет. Никакого отречения тут нет. Неоспоримы решения насчет милитаризации труда и т. д., и нет мне ни малейшей надобности брать назад мои насмешки над ссылками на демократизм со стороны тех, кто эти решения оспаривал. Вытекает отсюда только то, что в рабочих организациях мы будем расширять демократизм, отнюдь не делая из него фетиша; — что делу борьбы с бюрократизмом мы будем уделять сугубое внимание; — что мы будем особенно тщательно исправлять всякие ненужные и вредные крайности бюрократизма, кто бы на них ни указывал.

Еще одно последнее замечание по небольшому вопросу об ударности и уравнительности. На дискуссии 30 декабря я сказал, что формулировка тезиса 41-го у тов. Троцкого по этому пункту теоретически неверна, ибо у него вышло, что в потреблении уравнительность, а в производстве ударность. Ударность есть предпочтение, отвечал я,

а предпочтение без потребления ничто. Тов. Троцкий упрекает меня за это и за величайшую забывчивость, «и за терроризирование» (стр. 67 и 68), — удивляюсь еще, что нет упрека в лавировании, дипломатии и т. п. Он, Троцкий, делал уступки в пользу моей уравнительной линии, а я же на Троцкого нападаю.

На самом деле перед читателем, который интересуется делами партии, есть точные партийные документы: ноябрьская резолюция пленума ЦК, п. 4, и тезисы-платформа Троцкого, тезис 41-й. Как бы я ни был «забывчив», как бы ни была хороша память тов. Троцкого, остается факт, что тезис 41-й содержит в себе теоретическую неверность, которой нет в резолюции ЦК 9 ноября. Эта резолюция гласит: «Признавая необходимость сохранить принцип ударности в проведении хозяйственного плана, ЦК в полной солидарности с решением последней (т.-е. сентябрьской) Всероссийской конференции находит необходимым постепенный, но неуклонный переход к уравнительности в положении различных групп рабочих и соответствующих профсоюзов, все время усиливая общесоюзную организацию». Ясно, что это направлено против Цектрана, и точного смысла этой резолюции перетолковать никак нельзя. Ударность не отменяется. Предпочтение ударному (в проведении хозяйственного плана) предприятию, профсоюзу, тресту, ведомству остается, но вместе с тем «уравнительная линия», которую отстаивал не «тов. Ленин», а *утвердила партконференция и ЦК, т.-е. вся партия*, — требует ясно: *переходи к уравнительности постепенно, но неуклонно*. Что Цектран этой ноябрьской резолюции ЦК не исполнил, видно из декабрьского (Троцким и Бухариным проведенного) решения ЦК, где читаем еще раз напоминание о «началах нормального демократизма». Теоретическая неверность в тезисе 41-м та, что там говорится: в области потребления — уравнительность, в области производства — ударность. Это абсурд экономический, ибо это разрыв потребления с производством. Ни о чем подобном я не говорил и говорить не мог. Не нужен завод — закрыть его. Закрыть все не абсолютно нужные заводы. Из абсолютно нужных предпочтение ударному. Скажем, предпочтение транспорту. Бесспорно. Но чтобы это предпочтение не было чрезмерным, и ввиду того, что у Цектрана оно было чрезмерным, директива *партии* (а не Ленин): *переходи постепенно, но неуклонно, к уравнительности*. Если Троцкий после ноябрьского пленума, давшего точное решение и теоретически правильное, выступает с фракционной брошюрой о «двух тенденциях» и в тезисе 41-м предлагает свою формулировку, которая экономически неверна, то пусть пеняет на себя.

Сегодня, 25 января, ровно месяц прошел со дня фракционного выступления тов. Троцкого. Что партия была отвлечена этим нецелесообразным по форме и неправильным по существу выступлением от деловой, практической, хозяйственной, производственной работы, отвлечена ради исправления политических и теоретических ошибок, это видно уже теперь с очень большой ясностью. Но старая поговорка: «нет худа без добра».

Про внутренние разногласия в ЦК говорили, по слухам, чудовищные вещи. Около оппозиции ютились (и ютятся, несомненно) меньшевики и эс-эры, которые раздувают слухи, придают неслыханно злобные формулировки, сочиняют небылицы с целью всячески опорочить, придать грязное истолкование, обострить конфликты, испортить работу партии. Это — политический прием буржуазии, в том числе мелко-буржуазных демократов, меньшевиков и эс-эров, которые кипят бешеной злобой на большевиков и не могут не кипеть по причинам, слишком понятным. Всякий сознательный член партии знаком с этим политическим приемом буржуазии и знает ему цену.

Разногласия внутри ЦК заставили обратиться к партии. Дискуссия показала наглядно сущность и меру этих разногласий. Слухам и клевете положен конец. Партия учится и закаляется в борьбе с новой (в том смысле, что после октябрьского переворота мы о ней забыли) болезнью, фракционностью. По сути дела, это — старая болезнь, рецидивы которой, вероятно, неизбежны в течение нескольких лет, но излечение от которой может и должно теперь идти быстрее и легче.

Партия учится не преувеличивать разногласия. Здесь уместно повторить правильные замечания тов. Троцкого по адресу тов. Томского: «В самой острой полемике с тов. Томским я всегда говорил, что мне абсолютно ясно, что руководителями нашими в профсоюзах могут быть только люди с опытом, с авторитетом, которые есть у тов. Томского. Это я говорил во фракции V конференции профсоюзов, это говорил на днях и в театре Зиминой. Идеальная борьба в партии не значит взаимное отметание, а значит взаимное воздействие» (стр. 34 отчета о дискуссии 30 декабря). Само собою разумеется, что партия применит это правильное рассуждение и к тов. Троцкому.

Синдикалистский уклон обнаружился во время дискуссии особенно у тов. Шляпникова и его группы, так называемой «рабочей оппозиции». Так как это очевидный уклон в сторону от партии, в сторону от коммунизма, то с этим уклоном придется особо посчитаться, о нем придется особо беседовать, на пронаганду и разъяснения ошибочности этих взглядов и опасности такой ошибки придется обратить особое внимание. Тов. Бухарин, договорившийся до синдикалистской

фразы «обязательные кандидатуры» (профсоюзов в органы управления), защищается сегодня в «Правде» очень неудачно, явно неправильно. Он, видите ли, в других пунктах говорит о роли партии. Еще бы. Иначе это было бы уход из партии. Иначе это не было бы только *ошибкой*, требующей исправления и допускающей легкое исправление. Если говорить об «обязательных кандидатурах» и тут же не прибавлять, что они обязательны не для партии, то это есть синдикалистский уклон, это непримиримо с коммунизмом, непримиримо с партийной программой РКП. Если добавлять: «обязательные не для партии», то получится обман беспартийных рабочих призраком какого-то увеличения их прав, тогда как на деле ни малейшего изменения против того, что есть теперь, не будет. Чем дальше будет тов. Бухарин защищать явно неверное и теоретически и обманное политически свое уклонение от коммунизма, тем печальнее будут плоды упрямства. Но защитить незащитимое не удастся. Партия не против всякого расширения прав беспартийных рабочих, но небольшого размышления достаточно, чтобы понять, каким путем при этом можно, каким нельзя идти.

На дискуссии коммунистической фракции II Всероссийского съезда горнорабочих платформа Шляпникова, несмотря на то, что ее защищал особо авторитетный в этом союзе тов. Киселев, потерпела поражение: за нашу платформу было 137 голосов, за Шляпниковскую — 62, за Троцкого — 8. Синдикалистский уклон должен быть извлечен и будет извлечен.

За один месяц и Питер, и Москва, и ряд провинциальных городов уже показали, что партия отклонила на дискуссию и подавляющим большинством отвергла ошибочную линию тов. Троцкого. Если на «верхах» и в «периферии», в комитетах, в учреждениях, несомненно, были колебания, то масса рядовых членов партии, рабочая партийная масса в большинстве, именно подавляющем, высказывалась против этой ошибочной линии.

Тов. Каменев сообщил мне, что на дискуссии в Замоскворецком районе города Москвы, 23 января, тов. Троцкий заявил, что свою платформу снимает и объединяется на новой платформе с группой Бухарина. К сожалению, я ни 23, ни 24 января не слышал об этом ни единого словечка от тов. Троцкого, выступавшего против меня на коммунистической фракции съезда горнорабочих. Изменились ли спать намерения и платформы тов. Троцкого, или дело объясняется как-нибудь иначе, я не знаю. Но, во всяком случае, заявление тов. Троцкого 23 января показывает, что партия, не успев даже мобилизовать все свои силы, успев выразить взгляды только Питера, Москвы

и меньшинства провинциальных центров, все же выправила сразу, твердо, решительно, быстро, непреклонно ошибку тов. Троцкого.

Враги партии торжествовали напрасно. Они не смогли и не смогут использовать неизбежных иногда разногласий внутри партии во вред ей и во вред диктатуры пролетариата в России.

Написано 25 января 1921 г.

Напечатано отдельной брошюрой

в феврале 1921 г.

О работе Наркомпроса.

В № 25 «Правды», от 5 февраля, напечатаны *«Директивы ЦК РКП коммунистам работникам Наркомпроса (в связи с реорганизацией комиссариата)»*.

К сожалению, в первом пункте оказалась трижды повторенная искажающая смысл опечатка, вместо «политехнического» образования напечатано: политического!!

Мне бы хотелось обратить внимание товарищей на эти директивы и вызвать обмен мнений по некоторым особенно важным пунктам.

В декабре 1920 г. состоялось партийное совещание по вопросам народного образования. Участвовало 134 делегата с решающим и 29 с совещательным голосом. Совещались пять дней. Отчет об этом совещании дает «Приложение к бюллетеню VIII съезда Советов, посвященное партийному совещанию по вопросам народного образования» (издание ВЦИК, 10 января 1921 г.). Из резолюций совещания, из отчета о нем, из всех помещенных в названном «Приложении к бюллетеню» статей — кроме вводной статьи тов. Луначарского ⁵⁷⁾ и статьи тов. Грицько ⁵⁸⁾ — видна неправильная постановка вопроса о политехническом образовании, виден тот недостаток, на борьбу с которым директивы ЦК обращают «главное внимание» наркома и коллегин, именно: «увлечение» общими рассуждениями и абстрактными лозунгами.

Вопрос о политехническом образовании решен, в основном, нашей программой партии, §§ 1 и 8, в отделе программы, посвященном народному просвещению. На эти пункты программы директива ЦК и указывает. § 1 говорит о *политехническом образовании до 17 лет*, § 8 — о *широком развитии профессионального образования для лиц от 17-летнего возраста, в связи с общими политехническими знаниями*.

Таким образом вопрос поставлен программой партии вполне ясно. Рассуждения о том, «политехническое или монотехническое образование» (именно эти взятые в кавычки и подчеркнутые мною слова,

во всей их чудовищной нелепости, мы встречаем на стр. 4 названного «Приложения к бюллетеню»), — эти рассуждения в корне неверны, для коммуниста прямо недопустимы, показывают и незнание программы и пустейшее «увлечение» абстрактными лозунгами. Если мы вынуждены временно понизить возраст (перехода от общего политехнического к профессионально-политехническому образованию) с 17 лет до 15, то *«партия должна рассматривать»* это понижение возрастной нормы «исключительно» (пункт 1 директив ЦК), как практическую необходимость, как временную меру, вызванную *«нищетой и разорением страны»*.

Общие рассуждения с потугами «обосновать» подобное понижение представляют из себя сплошной вздор. Довольно игры в общие рассуждения и якобы теоретизирование! Весь центр тяжести работы должен быть перенесен в дело «учета и проверки *практического опыта*», в дело «систематического *использования указаний* этого опыта».

Как ни мало у нас толковых, знающих, опытных в педагогической *практике* людей, они все же, несомненно, есть. Мы страдаем от неумения их найти, поставить их на надлежащее, руководящее место, от неумения *изучать* вместе с ними практический опыт советского строительства. Этого как раз и не видно на партийном совещании декабря 1920 года, а если этого не видно на совещании 163 — ста шестидесяти трех! — деятелей по народному образованию, то становится совершенно несомненным, что есть известный общий, коренной недостаток в постановке дела, недостаток, вызвавший необходимость в особой директиве ЦК партии.

В комиссариате просвещения есть два — и только два — товарища с заданиями исключительного свойства. Это — нарком, тов. Луначарский, осуществляющий общее руководство, и заместитель, тов. Покровский⁵⁹⁾, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще.

Вся партия, хорошо знающая и тов. Луначарского и тов. Покровского, не сомневается, конечно, в том, что они оба являются, в указанных отношениях, своего рода «спецами» в Наркомпросе. Для всех остальных работников такой «специальности» быть не может. «Специальностью» всех остальных работников должно быть умение *наладить* дело привлечения к работе спецов-педагогов, осуществить правильную постановку их работы, использовать указания практического опыта систематически. Об этом директивы ЦК говорят и в § 2-м, и в 3-м, и в 5-м.

На совещании партработников должны были быть заслушаны спецы, педагоги, лет 10 работавшие практически и могущие сказать нам всем, что сделано и делается в такой-то области, например, в области профессионального образования, и каким образом советское строительство с этим справляется, что достигнуто хорошего, каковы образчики этого хорошего (такие образчики, наверное, есть, хотя бы и в самом небольшом числе), каковы конкретные указания на главные недочеты и способы устранения этих недочетов.

На совещании партработников *нет* этого учета *практического* опыта, нет отзывов педагогов, применявших этот опыт так-то и так-то, а есть неудачные потуги на «общие рассуждения» и на оценку «абстрактных» лозунгов. Надо, чтобы вся партия, все работники Наркомпроса этот недостаток сознали и чтобы мы общими силами взялись за его устранение. Надо, чтобы местные работники обменялись своим опытом в этом отношении и помогли партии выдвинуть образцовые губернии или уезды, или районы, или учебные заведения, или образцовых педагогов, которые добились хороших результатов в сравнительно узком, местном или специальном масштабе. Опираясь на эти, уже проведенные практикой, достижения, мы должны двигать дело вперед, расширяя — после надлежащей проверки — местный опыт до размера всероссийского, передвигая талантливых или просто способных педагогов на посты более ответственные, с кругом деятельности более широким и так далее.

Успех работы коммуниста, действующего в области (и в учреждениях) народного просвещения, должен измеряться в первую голову тем, как поставлено это дело привлечения спецов, умение найти их, умение использовать их, умение осуществить сотрудничество спецпедагога и коммуниста-руководителя, умение проверить; что именно и насколько *осуществляется в жизни*, умение двигаться вперед — пусть даже архимедленно, в архискромных размерах, но только на *деловой* почве, на почве *практического* опыта. Если же у нас будет и впредь в Наркомпросе обилие претендентов на «коммунистическое руководство» и пустота в практической области, недостаток или отсутствие спецов-практиков, неумение их выдвинуть, их заслушать, их опыт учесть, — тогда дело не пойдет. Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих*, все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет* им помочь работать, их выдвинуть, их опыт показать и учесть.

В этом смысле безусловный лозунг наш должен быть: *поменьше «руководства», побольше практического дела, то-есть поменьше общих*

рассуждений, побольше фактов и проверенных фактов, показывающих, в чем, при каких условиях, насколько идем мы вперед или стоим на месте, или отступаем назад. Коммунист-руководитель, исправивший программы преподавания педагогов-практиков, составивший удачный учебник, добившийся хотя бы ничтожного, но *практически-осуществляющегося* улучшения в содержании работы в условиях работы *десяти, сотни, тысячи* педагогов-спецов, — вот это настоящий руководитель. А коммунист, *рассуждающий* о «руководстве» и *неумеющий* приспособить к практическому делу спецов, неумеющий добиться *их* успеха на практике, неумеющий использовать практического опыта сотен и сотен учителей, такой коммунист никуда не годится.

Достаточно пробегать очень хорошо составленную книжечку: «Народный комиссариат по просвещению, 1917 — октябрь — 1920. Краткий отчет», — чтобы видеть, как вся работа Наркомпроса страдает больше всего от указанного недостатка. Тов. Луначарский сознает это, говоря в предисловии (стр. 5) о «несомненной непрактичности». Но потребуются еще не мало упорной работы над тем, чтобы это сознали все коммунисты в Наркомпросе и чтобы они добились действительного претворения сознанных истин в жизнь. Названная книжечка показывает, что фактов мы знаем мало, непомерно мало; собирать их не умеем, не знаем меры того количества вопросов, которые надо ставить и на которые можно (при нашем уровне культуры, при наших нравах, при наших средствах сообщения) ждать ответа; не умеем собирать указания практического опыта и обобщать их; занимаемся пустыми «общими рассуждениями и абстрактными лозунгами», а использовать дельных преподавателей вообще, дельных инженеров и агрономов для технического образования особенно, использовать заводы, совхозы, сносно поставленные хозяйства и электрические станции для политехнического образования не умеем.

Несмотря на эти недостатки, Советская республика идет вперед в деле народного просвещения, это несомненно. «Снизу», т.-е. из той массы трудящихся, которую капитализм отстранял — и путем открытым, путем насилия, и средствами лицемерия и обмана — отстранял от образования, идет могучий подъем к свету и знанию. Мы в праве гордиться тем, что помогаем этому подъему и служим ему. Но закрывать глаза на недостатки нашей работы, на то, что мы еще не научились правильной *постановке* государственно-просветительного аппарата, было бы прямо преступлением.

Возьмем еще вопрос — о распределении газет и книг, вопрос, которому посвящен последний, 7-й пункт директив ЦК.

3 ноября 1920 г. издан декрет СНК «о централизации библиотечного дела» (ст. 439 Собр. Узак. 1920, № 87). о создании *единой библиотечной сети РСФСР*.

Вот некоторые фактические данные, которые мне удалось получить по этому вопросу от тов. Малкина ⁶⁰⁾, из Центропечати, и тов. Модестова, из библиот. секции Моно (Моск. отдела нар. образ.). По 38 губерниям, по 305 уездам, количество библиотек в центральной Советской России (без Сибири, без сев. Кавказа) было следующее:

Библиотеки центральные	342
» районные городские	521
» волостные	4.474
» передвижные	1.661
Избы-читальни	14.739
Прочие («сельские, детские, справочные, разных учреждений, разных организаций»).	12.203
Всего	33.940

Тов. Модестов полагает, на основании своего опыта, что около $\frac{3}{4}$ этих библиотек существуют на деле, остальные только на бумаге. По Московской губ. данные Центропечати дают 1.223 библиотеки, по данным тов. Модестова — 1.018; в том числе 204 по городу, 814 по губернии, не считая библиотек профсоюзов (вероятно, около 16) и военных (около 125).

Насколько можно судить из сравнения погубернских данных, надежность этих цифр не очень велика, — как бы не оказалась она на деле меньше, чем в 75%! В Вятской губ., напр., 1.703 избы-читальни в Владимирской — 37, в Петроградской — 98, в Иваново-Вознесенской — 75 и т. п. «Прочих» библиотек в Петроградской губ. 36, в Воронежской — 825, в Уфимской — 525, в Псковской — 31, и т. д.

Повидимому, эти данные указывают именно на то, что подъем к знанию массы рабочих и крестьян громадный, стремление к образованию и к созданию библиотек могучее, «народное» в настоящем смысле слова. Но уметь организовать, упорядочить, оформить это стремление народа, дать этому стремлению правильное удовлетворение у нас далеко, далеко еще нет. Над созданием действительно *единой библиотечной сети* придется еще очень и очень много и упорно поработать.

Как распределяем мы газеты и книги? По данным Центропечати, за 1920 год распространено газет 401 миллион экземпляров, книг — 14 милл. (за 11 месяцев). Вот данные о распределении 3-х газет (12/1

1921), это распределение установлено секцией период. печати ЦУРК (цифры означают *тысячи* экземпляров):

«Известия». «Правда». «Беднота».

Агентства центропечати	191	139	183
Военбюро для литэкспедивов.	50	40	85
Ж. д. орган., ж.-д. отдел центроп., агитпункты	30	25	16
Учреждения и организации гор. Москвы	65	35	8
Военком города Москвы.	8	7	6
Компл. для пасс. поездов	1	1	1
Расклейка и комплекты	5	3	1
Всего	350	250	300

Поразительно мало на расклейку, т.-е. для наиболее широких масс. Поразительно много на столичные «учреждения» и т. п., — видимо, на расхищение и бюрократическое использование «совбюров» — как военных, так и штатских.

Вот еще несколько цифр из отчетов местных подотделов «Центропечати». Воронежское губагентство центропечати за сентябрь 1920 г. получило газеты 12 раз (т.-е. из 30 дней сентября 18 дней получки газет не было). Полученные газеты распределялись так: «Известия» агентствам Центропечати: уездным 4.986 экз. (4.020, 4.310 *); районным — 7.216 (5.860, 10.064); волостным — 3.370 (3.200, 4.285); парторганизациям — 447 (569, 3.880); советским учреждениям — 1.765 (1.641, 509), — заметьте, что «Правды» досталось советским учреждениям почти втрое больше, чем парторганизациям! Затем: агитпросвету военкома — 5.532 (5.793, 12.332), агитпунктам — 352 (400, 593); избам-читальням — *ноль*. Подписчикам — 7.167 (3.080, 764). «Подписчикам», следовательно, очень жирно, т.-е. на деле, копейно, «совбюрам». Расклейка — 460 (508, 500). Всего 32.517 (25.104, 37.237).

По Уфимской губ. за ноябрь 1920 г. Получек 25, т.-е. только пять дней газет не было. Из распределения: парторганизациям — 113 (1.572, 153); советским учреждениям — 2.763 (1.296, 1.267); агитпросвету военкома — 687 (470, 6.500); волостным исполкомам — 903 (308, 3.511); избам-читальням — 36 (8 — «Правды» 8 экземпляров! — 2.538), подписчикам — *ноль*; «разным уездным организациям» — 1.044 (219, 991). Всего 5.841 (4.069, 15.429).

Наконец, отчет Пустошенского волагентства Судогодского уезда, Владим. губ., за декабрь 1920 г. Парт. организациями — 1 (1, 2); советским учреждениям — 2 (1, 3); агитпросвету военкома — 2 (1, 2); волостным исполкомам — 2 (1, 3); потель-учреждениям — 1 (1, 1); Урошевскому завкому — 1 (1, 2); райсобесу — 1 (0, 3). Итого 10 (6, 16).

*) В скобках первая цифра относится к «Правде», вторая — к «Бедноте».

Каковы итоги этих отрывочных данных? Итог, по-моему, тот, который наша партийная программа выразила словами: «в данный момент... делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму».

Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богатей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся. Мы сломали орудия наживы и обмана. Мы *начали* делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство без помещиков и без капиталистов. Но мы только-только еще начали это делать. За три с лишним года сделали немного. А надо сделать еще очень много, пройти еще очень большой путь. Поменьше политической трескотни, поменьше общих рассуждений и абстрактных лозунгов, которыми усаждают неопытные и непонявшие своих задач коммунисты, побольше производственной пропаганды, а всего больше делового, умелого, приспособленного к уровню развития массы учета практического опыта.

В распределении газет (насчет книг не имею данных; вероятно, там обстоит дело еще хуже) мы отменили подписку. Это шаг вперед от капитализма к коммунизму. Но капитализм нельзя убить сразу. Он возрождается в виде «совбюров», советской бюрократии, которая под разными предлогами захватывает газеты. Сосчитать, сколько она их захватывает, нельзя, но, видимо, много. Надо работать упорно и систематично над тем, чтобы бюрократию «бить по рукам», не давать ей захватывать газет и книг, уменьшать ее долю, уменьшать неуклонно самое число «совбюров». Мы не в силах, к сожалению, сразу уменьшить это число в десять, в сто раз — при данном уровне нашей культуры обещать это было бы шарлатанством, — но уменьшать постоянно и неуклонно мы можем и должны. Коммунист, этого не делающий, есть коммунист только на словах.

Надо добиваться и добиваться того, чтобы газеты и книги, по правилу, распределялись даром *только* по библиотекам и читальням, по *сети* их, правильно обслуживающей всю страну, всю массу рабочих, солдат, крестьян. Тогда народ во сто раз сильнее, быстрее, успешнее потянется к грамоте, к свету, к знанию. Тогда дело просвещения двинется вперед семимильными шагами.

Маленький расчет для наглядности, в качестве примера, 350 тысяч «Известий» и 250 тысяч «Правды» на всю Россию. Мы нищие. Бумаги нет. Рабочие холодают и голодают, раздеты, разуты. Машины изношены. Здания разваливаются. Представим себе, что мы имеем на всю страну, на 10.000 с лишним волостей, 50.000 библиотек и читален, но не на бумаге, а на деле. Не меньше трех на каждую волость и обязательно по одной на каждый завод или фабрику, на каждую

воинскую часть. Представим себе, что мы научились делать не только «первый шаг от капитализма к коммунизму», но и второй и третий шаг. Представим себе, что мы научились распределять правильно по 3 экземпляра газет на каждую библиотеку и читальню, из них 2, допустим, «на расклейку» (предполагая, что мы сделали четвертый шаг от капитализма к коммунизму, я допускаю, решаюсь допустить, что вместо варварской «расклейки», портящей газету, мы прибаваем ее деревянными гвоздями — железных нет, железа и на «четвертом шаге» у нас будет нехватка! — к гладкой доске, чтобы было удобно читать и чтобы сохранялась газета). Итак, 2 экземпляра на 50.000 библиотек и читален на «расклейку», 1 экземпляр для запаса. Представим себе дальше, что давать газету зря, совбюрам, мы научились в *умеренном* количестве, ну, скажем, не более, чем несколько тысяч экземпляров для избалованных «сановников» всей Советской республики.

При столь смелых допущениях 160, допустим 175 тысяч экземпляров хватит на всю страну впятеро лучше, чем теперь. Все будут иметь возможность осведомляться из газеты (при надлежащей организации «передвижек», которые так успешно, на мой взгляд, защищала на днях товарищ Ф. Доблер ⁶¹⁾ в «Правде»). 350 тысяч экземпляров двух газет. Ныне — 600 тысяч, расхищенных «совбюрами», растаскиваемых зря, «на цыгарки» и т. п., просто в силу капиталистических привычек. Экономия была бы 250 тыс. экземпляров. Другими словами: сэкономили бы себе, несмотря на наше нищенство, две ежедневных газеты по 125 тыс. экз. И в каждой такой газете каждый день можно бы давать народу серьезный и ценный литературный материал, лучшую и классическую беллетристику, учебники обще-образовательные, учебники сельского хозяйства, учебники по промышленности. Если французские буржуа еще до войны научились, чтобы наживать деньги, издавать романы для народа не по 3¹/₂ франка в виде барской книжечки, а по 10 сантимов (т.-е. в 35 раз дешевле, 4 копейки по довоенному курсу) в виде пролетарской газеты, то почему бы нам — на втором шаге от капитализма к коммунизму — не научиться поступать таким же образом? Почему бы нам не научиться, поступая таким образом, достичь того, чтобы в один год — даже при теперешней нищете — дать народу по 2 экземпляра на каждую из 50.000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники?

Научимся.

Написано 7 февраля 1921 г.;
напечатано в «Правде» № 28,
9 февраля 1921 г.

Об едином хозяйственном плане.

Тяжёлое впечатление производят статьи и разговоры на эту тему. Взгляните на статьи Л. Крицмана ⁶²⁾ в «Экон. Жизни» (I—14 декабря 1920; II—23 декабря; III—9 февраля; IV—16 февраля; V—20 февраля). Пустейшее говорение. Литературщина. Нежелание считаться с тем, что создано в этой области делового, и изучать это. Рассуждения—в длинных пяти статьях!—о том, как надо подойти к изучению, вместо изучения данных и фактов.

Возьмите тезисы Милютина («Эк. Ж.» 19 февраля), Ларина («Эк. Ж.» 20 февраля), вслушайтесь в речи «ответственных» товарищей. Те же коренные недостатки, что у Крицмана. Скучнейшая схоластика вплоть до болтовни о законе цепной связи и т. п., схоластика то литературская, то бюрократическая, а живого дела нет.

Хуже того. Высокомерно-бюрократическое невнимание к тому живому делу, которое уже сделано и которое надо продолжать. Опять и опять простейшее «производство тезисов» или высасывание из пальца лозунгов и проектов вместо внимательного и тщательного ознакомления с нашим собственным практическим опытом.

Единственная серьёзная работа по вопросу об едином хозяйственном плане есть «План электрификации РСФСР», доклад VIII съезду Советов от «Гозлро» (гос. ком. по электрификации России), изданный в декабре 1920 г. и розданный на VIII съезде. В этой книге изложен единый хозяйственный план, который разработан — разумеется, лишь в порядке первого приближения — лучшими учеными силами нашей республики по поручению высших ее органов. И борьбу с невежественным самомнением сановников, с интеллигентским самомнением коммунистических литераторов приходится начать с самого скромного дела, с простого рассказа об истории этой книги, ее содержании, ее значении.

2—7 февраля 1920 г., т.е. больше года тому назад, состоялась сессия ВЦИК, которая приняла резолюцию об электрификации. В этой резолюции читаем:

«...На-ряду с ближайшими, насущнейшими, неотложными и первоочередными задачами по устройству транспорта, устранению кризисов в топливе, продовольствии, в борьбе с эпидемиями, организации дисциплинированных армий труда, — для Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяй-

ства. Принимая во внимание первенствующее значение электрификации, оценивая значение электрификации для промышленности, земледелия, транспорта... и т. д., и т. д..., ВЦИК постановляет поручить ВСНХ, совместно с НКЗ, разработать проект постройки сети электрических станций...»

Кажется, ясно? «Научная выработка государственного плана всего народного хозяйства», — можно ли не понять этих слов, этого решения нашей высшей власти? Если кичащиеся перед «спецами» своим коммунизмом литераторы и сановники не знают этого решения, то остается только напомнить им, что незнание (наших же законов) не есть аргумент.

Во исполнение решения ВЦИК, президиум ВСНХ 21 февраля 1920 г. утвердил образованную при электроотделе электрификационную комиссию, а затем Совет Обороны утвердил положение о «Гоэлро», состав которой поручено было определить и утвердить ВСНХ, по соглашению с НКЗ. «Гоэлро» уже 24 апреля 1920 г. выпустила № 1 всего «Бюллетеня», с детальнейшей программой работ, с перечнем ответственных лиц, ученых, инженеров, агрономов, статистиков, входящих в различные подкомиссии, руководящих работой по отдельным районам, взявших на себя различные, точно определенные задания ⁶³). Один перечень этих работ и взявших их на себя лиц занимает в № 1 «Бюллетеня» десять печатных страниц. Все лучшие силы, которые только были на виду у ВСНХ и НКЗ, а равно НКПС, были привлечены к работе.

Результатом работ «Гоэлро» явился названный выше обширный — и превосходный — научный труд. В нем участвовало свыше 180 сотрудников-специалистов. В перечень доставленных ими в «Гоэлро» работ входит свыше 200 номеров. Мы имеем, во-первых, сводку этих работ (первая часть названного тома, обнимающая свыше 200 страниц): а) электрификация и план государственного хозяйства; затем б) топливо-снабжение (с подробно разработанным «топливным бюджетом» РСФСР в пределах *ближайшего десятилетия*, с учетом потребного количества рабочих); в) водная энергия; г) сельское хозяйство; д) транспорт и е) промышленность.

План рассчитан примерно на десятилетие с указанием числа рабочих и мощности (в тысячах лошадиных сил.) Конечно, это — план лишь приблизительный, первоначальный, грубый, с ошибками, план «в порядке первого приближения», но это настоящий научный план. Мы имеем точные расчеты спецов по всем основным вопросам. Мы имеем их расчеты по всем отраслям промышленности. Мы имеем — один маленький пример — расчет размеров производства кожи, обуви по две

пары на душу (300 милл. пар) и т. д. В итоге мы имеем и материальный и финансовый (в золотых рублях) баланс электрификации (ок. 370 милл. рабочих дней, столько-то бочек цемента, штук кирпича, пудов железа, меди и проч., такая-то мощность турбогенераторов и т. д.). Баланс рассчитан на увеличение («по очень грубой оценке») обрабатывающей промышленности за 10 лет на 80%, а добывающей на 80—100%. Дефицит золотого баланса (+11 миллиардов—17, итого дефицит около 6 миллиардов) «может быть покрыт путем концессий и кредитных операций».

Указано местонахождение 20 паровых и 10 гидроэлектрических районных станций первой очереди с подробным описанием хозяйственного значения каждой станции.

После общей сводки имеем входящие в тот же том, с отдельной нумерацией страниц, работы по каждому району: северному, центрально-промышленному (эти две особенно хороши, точны, детальны, основаны на богатейшем научном материале), южному, приволжскому, уральскому, кавказскому (Кавказ взят в целом, в предположении экономического соглашения между разными республиками), Западной Сибири и Туркестану. По каждому району имеем расчет на электрические станции не только первой очереди; затем имеем так называемую «программу А. Гозлро», т.-е. план использования *существующих* электрических станций наиболее рационально и экономно. Еще один небольшой пример: по отношению к северному (Петроградскому) району рассчитано, что соединение петроградских станций могло бы дать экономии, определяемую следующим образом. До половины мощности можно было бы (стр. 69 отчета по северному району) направить к местам сплава леса на севере, в Мурманск, Архангельск и т. д. Увеличение заготовок леса и сплава его за границу могло бы дать при таких условиях *«до полумиллиарда валютных рублей в год в ближайшее же время»*.

«Ежегодная выручка за северный лес может в ближайшие же годы достигнуть величины нашего золотого запаса» (стр. 70, там же), если мы сумеем, конечно, перейти от разговоров о плане к изучению и *применению* действительно разработанного учеными плана!

Надо сказать еще, что по ряду вопросов (разумеется, далеко, далеко не по всем) мы имеем начало календарной программы, т.-е. не только плана вообще, но расчета на каждый год, с 1921 по 1930, сколько станций можно пустить в ход и насколько расширить существующие станции (опять-таки при указанном условии, не слишком легко осуществимом при наших интеллигентско-литераторских и сановно-бюрократических нравах).

Чтобы оценить всю громадность и всю ценность труда, совершенного «Гоэлро», бросим взгляд на Германию. Там аналогичную работу проделал один ученый Баллед ⁶⁴). Он составил научный план социалистической перестройки всего народного хозяйства Германии. В капиталистической Германии план повис в воздухе, остался литературщиной, работой одиночки. Мы дали государственное задание, мобилизовали сотни специалистов, получили в десять месяцев (конечно, не в два, как наметили сначала) единый хозяйственный план, построенный научно. Мы имеем законное право гордиться этой работой; надо только *понять, как следует ею пользоваться, и именно с непониманием этого приходится теперь вести борьбу.*

Резолюция VIII съезда Советов говорит: *...Съезд... одобряет работу ВСНХ и т. д. и в особенности «Гоэлро» по разработке плана электрификации России...* оценивает этот план *как первый шаг полного хозяйственного начинания, поручает ВЦИК и т. д. завершить разработку этого плана и утвердить его*, притом обязательно в кратчайший срок... Поручает принять все меры к *самой широкой пропаганде этого плана...* Изучение этого плана должно быть введено *во всех без изъятия учебных заведениях республики*» и т. д.

Ничто не характеризует столь наглядно наличность болячек в нашем аппарате, особенно верхушечном, и бюрократических, и интеллигентских болячек, как наблюдаемое в Москве отношение к этой резолюции, попытки «истолковать» ее вкривь и вкось вплоть до того, чтобы отговориться от нее. Литераторы не пропагандируют выработанного плана, а пишут тезисы и пустые рассуждения о том, как подойти к выработке плана! Сановники ставят ударение чисто-бюрократически на необходимости «утвердить» план, понимая под этим не вынесение конкретных заданий (построить то-то и тогда-то, купить то-то за границей и т. п.), а нечто совершенно путанное, вроде разработки *нового* плана! Непонимание дела получается чудовищное, слышатся речи: сначала восстановим хоть частью старое, прежде чем строить новое; электрификация похожа на электрофикацию; почему не газификация; в «Гоэлро» буржуазные спецы, мало коммунистов; «Гоэлро» должно дать кадры экспертов, а не общеплановой комиссии и т. п.

Вот этот-то разброд мнений и опасен, ибо показывает неумение работать, господство интеллигентского и бюрократического самомнения над настоящим делом. Насмешки над фантастичностью плана, вопросы насчет газификации обнаруживают самомнение невежества. Исправлять скондачка работу сотен лучших специалистов, отделы-

ваться пошло звучащими шуточками, чваниться своим правом «не утвердить», — разве это не позорно?

Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое» чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику!

Конечно, «планы» вещь такая по самой ее сути, что говорить и спорить можно бесконечно. Но неумно допускать общие разглагольствования и споры о «принципах» (построения плана), когда надо взяться за изучение данного, единственно научного, плана и за исправление его на основании указаний *практического* опыта и на основании более детального изучения. Конечно, право «утвердить» и «не утвердить» всегда остается за сановником и сановниками. Если понимать разумно это право и толковать разумно решения VIII съезда насчет утверждения одобренного им и преподанного к самой широкой пропаганде плана, то под утверждением надо понимать ряд заказов и приказов: то-то, тогда-то и там-то купить, то-то начать строить, такие-то материалы собрать и подвезти и т. п. Если же толковать по-бюрократически, тогда «утверждение» означает самодурство сановников, бумажную волокиту, игру в проверяющие комиссии, — одним словом, чисто чиновничье убийство живого дела.

Взглянем на дело еще с одной стороны. Необходимо особо связать научный план электрификации с текущими практическими планами и их действительным осуществлением. Это, разумеется, совершенно бесспорно. Как же именно связать? Чтобы знать это, надо, чтобы экономисты, литераторы, статистики не болтали о плане вообще, а детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле, способы исправления этих ошибок. Без такого изучения мы слепые. При таком изучении, на-ряду с ним, при условии изучения практического опыта, — остается совсем маленький вопрос административной техники. Плановых комиссий у нас хоть пруд пруди. Взять для объединения двоих от ведомства, вверенного Ивану Ивановичу, одного — от ведомства, вверенного Пал. Палычу, или наоборот. Соединить их с подкомиссией общеплановой комиссии. Ясно, что это именно административная техника и ничего — больше. Испытать и так и эдак, выбрать лучшее — об этом смешно и разговаривать.

Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством. У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех и в других. Насчет этого не может быть двух мнений. Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собствен-

ный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того, ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь.

В том-то и болячка, что неверно ставят вопрос об отношении коммуниста к спецам, администратора к ученым и литераторам. В вопросе о едином хозяйственном плане, как и во всяком другом вопросе, есть такие стороны — и всегда могут возникнуть такие новые стороны, — которые требуют решения только коммунистами или требуют подхода только администраторского. Это бесспорно. Но это голая абстракция. А сейчас у нас к данному вопросу подходят ошибочно как раз коммунистические литераторы и коммунистические администраторы, не сумевшие понять, что здесь надо побольше поучиться у буржуазных спецов и ученых, поменьше играть в администрирование. Никакого другого единого хозяйственного плана, кроме выработанного уже «Гоэлро», нет и быть не может. Его надо дополнить, развивать дальше, исправлять и применять к жизни на основании указаний практического опыта, внимательно изучаемого. Обратное мнение есть только «мнимо-радикальное, на самом же деле, невежественное самомнение», говоря словами партпрограммы. Не менее невежественным самомнением является мысль, будто возможна иная общеплановая комиссия в РСФСР, кроме «Гоэлро», чем, конечно, не отвергается возможная польза частичных, деловых исправлений ее состава. Строить что-либо серьезное, в смысле улучшения общего плана нашего народного хозяйства, можно только на этой основе, только продолжая начатое, иначе это будет игра в администрирование или, проще, самодурство. Задача коммунистов внутри «Гоэлро» — поменьше командовать, вернее, вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными мирозерцанием и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а *через данные своей науки, что по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д. Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца.

Коммунисты, стоящие вне «Гозлро», помочь делу создания и проведения единого хозяйственного плана могут двояко. Если они экономисты, статистики, литераторы, надо сначала изучить наш собственный практический опыт и только на основании детального изучения собственных фактов рекомендовать исправление ошибок, улучшение работы. Изучение — дело ученого, и тут, поскольку дело идет у нас уже давно не об общих принципах, а именно о практическом опыте, нам опять в десять раз ценнее хотя бы буржуазный, но знающий дело «специалист науки и техники», чем чванный коммунист, готовый в любую минуту дня и ночи написать «тезисы», выдвинуть «лозунги», преподнести голые абстракции. Побольше знания фактов, поменьше претендующих на коммунистическую принципиальность словопрений.

С другой стороны, если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием, уметь сначала посчитаться с тем, что наука уже выработала, сначала спросить, проверены ли факты, сначала добиться изучения (в докладах, в печати, на собраниях и проч.) — изучения того, где именно мы сделали ошибку, и лишь на этой основе исправлять делаемое. Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»), побольше изучения наших практических ошибок.

Давно уже замечено, что недостатки людей большей частью связаны с их достоинствами. Таковы недостатки многих из руководящих коммунистов. Десятки лет делали мы великое дело, проповедывали свержение буржуазии, учили недоверию к буржуазным спецам, разоблачали их, отнимали у них власть, подавляли их сопротивления. Великое, всемирно-историческое дело. Но стоит чуточку преувеличить, и получается подтверждение истины, что от великого до смешного один только шаг. Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили — мы должны научиться Россией управлять. Для этого надо научиться скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники», для этого надо научиться деловому и внимательному анализу наших многочисленных *практических* ошибок и исправлению их постепенному, но неуклонному. Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что наш практический опыт, в центре и на местах, дает, и того, что наука нам уже дала.

«Правда» № 39,
21 февраля 1921 г.

Речь на пленуме Московского Совета Р. и К. Д.

(Заседание 27 февраля 1921 г.)

Прежде чем перейти к вопросу о внутреннем положении, вызывающем, естественно, и большой интерес, и большие тревоги, — позвольте мне коротко коснуться только главных новинок в области международной. Таких новинок, чтобы быть кратким, я отмечу только три: первая, это — та, что у нас началась конференция с турецкими делегатами здесь в Москве ⁶⁵). Этот факт в особенности надо приветствовать, потому что препятствий к непосредственному ведению переговоров между нами и делегацией турецкого правительства было множество, и мы уверены, что теперь, когда получится возможность договориться здесь, будет положено начало сближению и дружбе чрезвычайно прочно, и достигнуты они будут, конечно, не дипломатическими ухищрениями (в этом наши противники гораздо сильнее нас, и мы не боимся в этом сознаться), а тем, что оба народа претерпели от империалистических держав в последние годы неслыханно и невиданно много. Один из предыдущих ораторов говорил здесь о вреде изолированности (отделения) от империалистических стран. Но когда волк нападает на овцу, то овце говорить о том, чтобы не быть изолированной от волка, не приходится. И если народы Востока до сих пор были только овечками перед империалистским волком, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко. Этим примером Советской России заразились очень многие народы, независимо даже от их сочувствия или несочувствия «большевистским шептунам». Об этих «шептунах» на всем свете много говорят и нас даже называют зловредными шептунами по отношению к Турции. Уж, конечно, мы до сих пор в этой области ничего сделать не могли, а, тем не менее, турецким рабочим и крестьянам удалось показать, что отпор современных народов против хищничества — вещь, с которой надо считаться, и тот грабеж, на который империалистские правительства осудили Турцию, вызвал отпор, заставивший самые мощные империалистические державы убрать руки прочь. Вот вещь, которая заставляет эти переговоры с турецким правительством считать очень крупным достижением. Никакими ухищрениями мы не задаемся. Мы знаем, что эти переговоры пройдут в рамках очень скромных, но они важны тем, что сближение трудящихся масс рабочих и крестьян всех народов идет, несмотря на отчаянные препятствия, вперед и вперед, и этого не надо забывать при оценке переживаемых нами трудностей. Вторая вещь, которую сле-

дует упомянуть, когда речь идет о международном положении, это — положение с мирными переговорами в Риге ⁶⁶⁾. Вы знаете, что для заключения мира, хоть сколько-нибудь прочного, мы, по отношению ко всем государствам, входившим раньше в состав Российской империи, делаем как можно больше уступок. Это понятно, так как одной из главных сил, которая вызывает ненависть к империалистам и спавивает народы против них, является угнетение национальности, и не много найдется государств в мире, которые так погресли в этом отношении, как старая Российская империя и буржуазная республика Керенского ⁶⁷⁾ и др. меньшевиков и эс-эров в союзе с буржуазией. Вот почему именно по отношению к этим государствам мы проявляем больше всего уступчивости, идя на такие мирные условия, за которые некоторые эс-эры нас бранили чуть ли не толстовцами ⁶⁸⁾. Мы к этим упрекам относимся очень хладнокровно, потому что по отношению к этим государствам мы должны проявить наибольшую уступчивость, чтобы там рассеять вековое недоверие, порожденное прежним угнетением, и положить начало союзу рабочих и крестьян разных наций, которые некогда вместе страдали от царизма и русских помещиков и теперь страдают от империализма. По отношению к Польше эту политику больше всего срывали русские белогвардейцы, эс-эры и меньшевики, которые имеют «свободу печати», «свободу слова» и прочие великолепные «свободы» рядом с чрезвычайной свободой французских и др. капиталистов, которые свободно скупили себе большую часть Польши и в высшей степени свободно развивали там свою агитацию, чтобы втянуть ее в войну против нас. Теперь все усилия капиталистов направлены на то, чтобы сорвать заключенный мир. Одним из условий, объясняющих, почему мы не можем демобилизовать нашу армию так, как мы этого хотели бы, является то, что мы должны считаться с войной в гораздо больших размерах, чем некоторые это думают. Ошибаются те, которые говорят, что мы могли бы и не так много силы уделять на военное дело. Ошибаются потому, что нашими врагами все козни и интриги сейчас пускаются в ход для того, чтобы окончательный мир с Польшей, предварительный мир с которой уже подписан, сорвать. В последнее время эти переговоры затянулись, и хотя несколько недель тому назад дошло до того, что приходилось опасаться серьезного кризиса в этих переговорах, в последнее время мы решили еще пойти на некоторые уступки не потому, что считали это справедливым, а потому, что считали важным делом сорвать интриги русских белогвардейцев, эс-эров и меньшевиков в Варшаве, империалистов Антанты, больше всего стремящихся не допустить мира. Мир еще не подписан, но я могу сказать, что мы имеем право быть настроенными очень опти-

мистически в том отношении, что в ближайшее время мир подписан будет, интриги против заключения его сорвать нам удастся. Я думаю, что этому обстоятельству мы все будем рады, хотя это только догадка. Но не надо хвалить утро, пока не наступил вечер. И поэтому мы ни на минуту и ни на йоту своих военных сил не уменьшим и не ослабим, в то же время не боясь делать несколько больше уступок по отношению к буржуазной Польше, лишь бы оторвать рабочих и крестьян Польши от Антанты и доказать им, что рабоче-крестьянская власть национальной грызней не занимается. Мир этот мы будем отстаивать даже ценой не всегда легких жертв.

После этих замечаний о внешней политике я перейду к внутренней политике. Я не мог, к сожалению, слышать целиком доклад, который здесь делал тов. Брюханов ⁶⁹⁾ Вы уже выслушали от него все подробности и получили точные сведения, и мне, разумеется, нет надобности их восстанавливать. Я хотел остановиться на самом главном на том, что, может быть, покажет нам причины нашего ужасного кризиса. Мы должны будем поставить перед собой задачу, к разрешению которой мы выберем путь. Путь этот есть, мы его нашли, но у нас нет еще силы идти по этому пути с той настойчивостью, с той систематичностью, которая требуется создавшимися тяжелыми условиями, оставшимися в наследство после войны. У нас большая нищета во всем, но все же мы разорены не больше, чем разорены рабочие Вены. Рабочие Вены умирают, голодают, дети их также умирают, голодают, но у них нет самого главного, что есть у нас, у них нет надежды. Они умирают, подавляемые капитализмом, они находятся в таком положении, что несут жертвы, но не так, как несем мы их. Мы несем жертвы ради войны, которую мы объявили всему капиталистическому миру. Вот отличие положения, в котором находятся рабочие Петрограда и Москвы, от положения рабочих Вены. Теперь, весной продовольственные наши страдания обострились опять, хотя немного ранее мы и наблюдали улучшение продовольственного положения. Здесь вышло так, что мы не рассчитали. Когда был составлен план разверстки, то успех показал нам возможность улучшения. Народ наголодался так, что нужно было улучшить его положение во что бы то ни стало. Надо было не только помочь, а надо было именно улучшить. Мы не рассчитали, что если мы сделаем хорошо сейчас, то трудно будет в конце, и это было той ошибкой, благодаря которой мы стоим перед продовольственным кризисом теперь. Ту же самую ошибку мы сделали и в другой области. Мы сделали такую ошибку в польской войне и ту же самую ошибку мы сделали и в топливе. Продовольственная работа, топливная, уголь, нефть, дрова, — все это разнородные работы, и

во всех трех областях мы сделали одинаковые ошибки. В голоде, в холоде мы преувеличивали свои силы и не рассчитали их. Мы не рассчитали того, что сразу истратили свои ресурсы, мы не рассчитали тех ресурсов, которые у нас имелись в запасе, и мы не оставили ничего на черный день. Это вообще простое правило, и это правило понятно всякому крестьянину в его несложном обыкновенном хозяйстве. Но в государственном масштабе мы все время находились в таком положении: какой там запас, лишь бы нам прожить этот день, и вот, в первый раз, когда пришлось столкнуться с этим запасом, подойти к нему с практической точки зрения, мы и не смогли устроить это так, чтобы этот запас оставить на черный день.

В польской войне мы имели энергичную, смелую Красную армию, но пошли несколько дальше, чем нужно — к воротам Варшавы, а потом откатились почти к самому Минску. Вот это обстоятельство также случилось и в продовольствии. Правда, мы из войны вышли победителями. Мы в 1920 году предложили польским помещикам и буржуазии мир на условиях более для них выгодных, чем те, которые они имеют сейчас. Они тут получили урок, и весь мир получил урок, которого никто раньше не ожидал. Когда мы говорим о своем положении, мы говорим правду, мы скорее преувеличиваем немного в худшую сторону. Мы в апреле 1920 года говорили: «Транспорт падает, продовольствия нет». Писали это открыто в своих газетах, говорили на тысячных собраниях в лучших залах Москвы и Петрограда. Шпионы Европы спешили это послать по телеграфу, а там потирали руки: «Валяйте, поляки, видите, как у них плохо, мы их сейчас раздавим». А мы говорили правду, иногда преувеличивая в худшую сторону. Пускай рабочие и крестьяне знают, что трудности не кончены. И когда польская армия под присмотром французских, английских и других специалистов-инструкторов, на их капиталы, с их аммуницией пошла, она была разбита. И теперь, когда мы говорим, что у нас плохо, когда наше последнее сообщение о том, что во всей буржуазной прессе печатается: «Конец Советской власти», когда даже Чернов сказал, что она несомненно падет, — тогда мы говорим: кричите, сколько влезет, на то свобода печати на капиталистические деньги; этой свободы у вас сколько угодно, а мы несколько не будем бояться печальную правду говорить. Да, в эту весну положение опять ухудшилось, и теперь наши газеты полны признания того, что положение плохо. А попробуйте, тамошние капиталисты, меньшевики, эс-эры, семеновцы ли, как они там называются, попробуйте на этом что-нибудь заработать, полетите еще хуже, дальше и глубже. Очевидно, труден переход от состояния полной нищеты, в котором мы были в 1918—1919 гг., когда

никто не мог подумать о запасе и распределении на год, а могли только думать на три недели и на две, а третью «будем посмотреть». Очевидно, труден переход от этого состояния к состоянию 1920 года, когда мы увидели, что у нас армия больше, чем у поляков, хлеба вдвое больше, чем в прошлом году, топливо есть, донецкого и сибирского угля в полтора раза больше. Мы не сумели это разделить в общегосударственном масштабе. Надо помнить, что расчеты на год требуют особого подхода, особых условий. Что весна будет хуже, чем осень, мы знали, но насколько хуже, мы этого знать не могли. Дело не в цифрах, дело не в распределении, а дело в том, насколько изголодались рабочие и крестьяне, какую меру жертв на общее дело всех рабочих и крестьян они вынести в силах. Кто это рассчитает? Пусть тот, кто за это обвиняет нас, справедливо обвиняет, — ибо тут есть наша ошибка, и никому не придет в голову это скрывать, как и ошибку в польской войне, — пусть тот, кто на эту ошибку указывает, представит нам расчет, на основании которого в государственном масштабе можно определить наперед, сколько нужно из имеющихся на первое полугодие запасов припрятать, чтобы во втором полугодии иметь на черный день. Таких расчетов не было. Мы их делали в первый раз в 1920 году и просчитались. Революция в известных случаях означает собою чудо. Если бы нам в 1917 г. сказали, что мы три года выдержим войну со всем миром, и в результате войны 2 миллиона русских помещиков, капиталистов и их детей окажется за границей, а мы окажемся победителями, то никто бы из нас не поверил. Вышло чудо, потому что из рабочих и крестьян поднялась такая сила против нашествия помещиков и капиталистов, что даже могущественному капитализму грозила опасность. Именно потому, что здесь было чудо, оно и отучило нас рассчитывать надолго. Поэтому мы все очень и очень хромаем. Предстоящий партийный съезд ускорен, потому что нам надо подвести серьезнейшие итоги этому новому опыту. В защите власти рабочих и крестьян тут произошло чудо, но чудо не в смысле небесном, не то, что откуда-нибудь с неба что свалилось, а чудо в том смысле, что у рабочих и у крестьян, как они ни были задавлены, принижены, разорены, измучены, — именно потому, что революция пошла с рабочими, — она нашла во сто раз больше силы, чем в каком угодно богатом, просвещенном и передовом государстве. Но с такой привычкой нельзя идти на хозяйственную работу. На хозяйственной работе нужно — пусть это не совсем подходящее слово — известное «скопидомство». А вот «скопидомничать»-то мы еще не научились. Нужно помнить, что буржуазию мы победили, но буржуазия у нас осталась, и борьба осталась. И одно из средств борьбы ее против нас — сеять панику. На этот счет они мастера, и этого не надо забы-

вать. У них газеты, хотя и не напечатаны, но распространяются великолепно, при чем из муки они делают не только слона, а целые театры. Но в панику вдаваться нам ни в коем случае нельзя. У нас положение обострилось тем, что мы сделали ошибку во всех видах работы. Не будем же бояться этих ошибок, не будем бояться признания их, не будем перебрасываться обвинениями; а для того, чтобы во всех видах работы суметь использовать все силы и наибольшее напряжение энергии, нужно уметь сделать расчет, вести его нужно так, чтобы стать хозяином всей нашей республики, потому что только при таком расчете можно учесть крупное количество хлеба и топлива. С точки зрения здорового человека нам хлеба будет мало, но его увеличить сразу нельзя. Его нехватит только в том случае, если не сделать запаса, но если рассчитать правильно, чтобы выдать тому, кому больше всего нужно, и взять с того, кто имеет большие излишки, чем с того, кто последние три года давал, может быть, последний кусок. Поняли ли этот расчет крестьяне Сибири и Украины? Нет еще. У них есть и были такие излишки, которых в средней России не было никогда. Они в таком положении еще не были. Они такой нужды, которую у нас, в Московской и Петроградской губерниях, крестьяне терпели три года (а получали гораздо меньше, чем украинский мужик), такой нужды и голода ни украинский, ни сибирский крестьянин, ни северо-кавказский крестьянин никогда, никогда не видали. У них сотни пудов обычно было излишков, и они привыкли считать, что за такой излишек отдай им сейчас товары. Неоткуда их взять, когда стоят фабрики. Ведь, чтобы пустить их, нужно время, подготовка, нужны рабочие. Не в отчаянии несем мы неслыханные жертвы, но в борьбе, которая одерживает победы. Эта разница определяет все. Вот главное, что мне хотелось здесь подчеркнуть вам не сточки зрения точных данных, которые изложили вам товарищ продовольственный и товарищ топливник даже, а с точки зрения хозяйственной и политической, чтобы понять, чем ошибки последних годов отличаются от предыдущих, и, хотя они и иного рода, но все же общее в них то, что мы, имея возможность подняться на ступеньку, попытались вскочить на две ступеньки. Но все-таки мы выше. Это хорошо. Все-таки в этом году топливный баланс сделаем много лучше, чем в прошлом. А относительно продовольствия приведу еще только последнее, чтобы закончить, — телеграмму, которую мне дали от помощника главнокомандующего всеми силами республики в Сибири. Телеграфирует, что сообщение восстановлено, и к Москве движутся 7 маршрутов с хлебом. Одно время были волнения и кулацкие восстания. Тут, конечно, можно шутить насчет шептунов, но надо понимать, что мы все-таки в классовой борьбе чему-нибудь

научились. Мы знаем, что царское правительство называло нас шептунами, а когда мы говорим о шептунах, эс-эрах и меньшевиках, то мы говорим о другом классе, говорим о тех, которые идут за буржуазией, о тех, которые пользуются всяким тяжелым положением, выпускают листки и говорят: «Смотрите, у вас отбирают 300 пудов излишков, отдайте все, а получите только разноцветные бумажки». Что, мы не знаем таких шептунов? Из какого они класса? Это те же помещики как бы они себя ни называли, эс-эрами, сторонниками свободы, народовластия, учредилки и т. д. Мы все их слова прослушали и научились их понимать. Эти восстания обозначают то, что в крестьянской среде есть слои, которые не хотят примириться ни с продовольственной разверсткой, ни с налогом. Здесь один говорил о налоге. Тут много здравого смысла, но напрасно он забыл добавить, что в газете «Правда», которая является центральным органом Российской коммунистической партии, и раньше, чем мы с трибуны этой сказали, на страницах «Правды», за подписью не только случайных сотрудников, но и ответственных, предложения налогов были. Когда беспартийный крестьянин говорит нам: «Давайте сообразовать расчет с тем, что мелкому крестьянину нужна уверенность, что столько-то я дам, а потом хозяйничаю». Мы говорим, да, это — дело, тут есть здравый смысл, совершенно соответствующий местным условиям, и пока мы не имеем машин, пока крестьянин не захочет сам перейти от мелкого хозяйства к крупному, мы с этой мыслью считаться склонны и на съезде партии через неделю вопрос этот поставим, разберем и вынесем решение, которое удовлетворит беспартийного крестьянина, удовлетворит и широкие массы. Конечно, в нашем аппарате много несовершенства, безобразия, потому что в него много проникло бюрократизма, много, очень много. А разве таких ошибок и несовершенств в нашей Красной армии не было? От них сразу избавиться было нельзя, но благодаря помощи рабочих и крестьян она все же победила. То, что было в Красной армии, то по-другому, но пройдет во всех областях, и от этих бюрократических безобразий, о которых все кричат и которые ругают сплошь и рядом, потому что они означают наши ошибки и бедствия, от них мы излечимся настойчивой работой, не поддаваясь панике и не закрывая себе глаза на тех, кто на этих ошибках пытается повторить колчаковскую и деникинскую историю. На Украине безобразий в виде растаскивания угольных запасов, от недостатка которых мы так страдаем здесь, сколько угодно. Там было 120 правительств, и зажиточное крестьянство там развращено. Оно не может понять, что есть рабоче-крестьянское правительство, раз оно берет хлеб, не может понять, что берут для того, чтобы облегчить положение рабочих и крестьян. До тех пор,

пока мы не добьемся там полного освещения всех этих вопросов, мы не перестанем получать известия о беспорядках, бандах, восстаниях. Это неизбежно, потому что неизбежны темнота, распыленность и озлобленность отдельных крестьян, которые остались нам в наследие от капитализма, которых нам нужно перевоспитывать годами. Это мы видим каждую весну и будем видеть еще каждую весну.

Другое дело с Юго-Восточными жел. дорогами. Ведь, мы этот год, главным образом, жили теми ресурсами, которые давали Сибирь и Северный Кавказ. Вот у меня имеется пятидневка. С 1 февраля 8 вагонов в сутки. Вторая пятидневка — 32, 3-я — 60, 4-я — 109, а мы должны получать 200 вагонов в сутки, и только за последние пять дней от 20 до 24 февраля достигли 120 вагонов. Это три маршрута. Сегодня же тов. Фомин сообщает, что за последние два дня мы получили уже 4 маршрута. В Донбассе получается так, как указывал один товарищ: хлеба нет, потому что нет угля, угля нет, потому что нет хлеба. Тут надо где-нибудь эту проклятую цепь прорвать своей энергией, нажимом, героизмом трудящихся, чтобы все машины завертели. Здесь мы испытали величайшие трудности, из которых начинаем выходить. Просвет показался. Я, товарищи, вовсе не хочу вас успокаивать обещаниями и не думаю заявлять, что трудная полоса кончилась. Ничего подобного! Есть признаки улучшения, но полоса осталась неслыханно трудной, а по сравнению с прошлой осенью она могла быть не так трудна, как теперь, несмотря на то, что мы отрезаны от Западной Европы. Чтобы не быть от нее отрезанной, мы должны были пойти на концессии: на тебе 500 проц. прибыли, а нам прибавь хлеба, керосина и т. д. И мы на них идем, пойдем. И это будет новой борьбой, потому что 500 проц., а может быть, и больше, им без торга не отдадим, а перейти на эту борьбу, это все равно, что все поезда перевести на новые рельсы.

Для этого надо, чтобы капиталисты убедились, что к нам с войной не сунешься. Эту политику концессий мы окончательно приняли. Вы знаете, что не мало было споров с крестьянами и рабочими по этому поводу, вы знаете, что рабочие говорили: «Свою буржуазию прогнали, а других будем пускать». И мы им разъяснили, что мы сразу не можем перейти из такого положения, когда не было ничего, к такому, когда будет все, и чтобы облегчить себе этот переход, чтобы получить необходимое количество хлеба, мануфактуры, для этого надо уметь не отказываться от всяких жертв. Пускай капиталисты пользуются своей жадностью, — лишь бы улучшить положение рабочих и крестьян. Но осуществить дело концессий — дело трудное. Мы издали об этом декрет еще в декабре, но до сих пор еще ни одна концессия не заклю-

чена. Конечно, здесь влияние белогвардейской и меньшевистской печати. Ведь нет ни одной страны в мире, где не было бы сейчас русской газеты, и во всех них меньшевики кричат против концессий, указывают, что в Москве не спокойно, что поэтому Советская власть скоро падет, и вы, господа капиталисты, не верьте им и не вступайте с ними в сделку. Но мы от этой борьбы не откажемся, мы капиталистов победили, но не уничтожили, они перешли на другой стул и сидят в Варшаве, которая была когда-то центром борьбы против русского самодержавия, а теперь объединяет белогвардейцев против Советской России, и мы будем против них бороться везде и на внешнем, и на внутреннем фронте.

Вот от тов. Зиновьева из Петрограда я имею телеграмму, где говорится, что, в связи с произведенными там арестами, у одного из задержанных найден листок, из которого ясно видно, что он является разведчиком заграничных капиталистов. Дальше имеется листок, под заглавием «К верным», с контр-революционным содержанием. Затем тов. Зиновьев сообщает о том, что по Москве расклеены листовки меньшевиков, в которых они призывают к забастовкам, а здесь в Москве раздули слух о какой-то демонстрации. На самом деле, был провокационный выстрел, которым был убит один коммунист. Это единственная жертва этих несчастных дней. Когда Деникин стоял под Орлом, белогвардейские газеты писали о том, что он прыгал чуть не по 100 верст в час. Нас эти газеты не удивят. Мы смотрим на вещи трезво, нам нужно, товарищи, тесно сплотиться, иначе, что же нам делать? Попробовать снова «коалиционное» правительство Керенского, Колчака? Положим, Колчака уже нет, но если нет Колчака, то другой придет. Генералов русских сколько угодно, хватит на громаднейшую армию. Мы должны говорить прямо, не боясь газет, которые выходят во всех городах мира. Это пустяки, из-за этого не будем молчать о нашем тяжелом положении. Но мы скажем, что мы, товарищи, видим всю эту тяжелую кровавую борьбу, и, если против нас не могут пойти сейчас с оружием в руках, то идут с оружием лжи и клеветы, пользуются всяким случаем нужды и бедности, чтобы помочь этим самым нашим врагам. Все это, повторяю, мы испытали и прошли. Мы пережили гораздо большие трудности, мы прекрасно знаем этого врага и мы этого врага этой же весной победим, победим его тем, что будем работать более успешно, более рассчитанно, будем более победоносно терпеть.

Международный день работниц.

Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме. Их давили, их обманывали, их грабили капиталисты и при монархии и в демократически-буржуазных республиках. Этот гнет, этот обман, этот грабеж народного труда капиталистами были неизбежны, пока держалась частная собственность на землю, фабрики, заводы.

Суть большевизма, суть Советской власти в том, чтобы, разоблачая ложь и лицемерие буржуазного демократизма, отменяя частную собственность на землю, фабрики, заводы, всю государственную власть сосредоточить в руках трудящихся и эксплуатируемых масс. Они сами, эти массы, берут в свои собственные руки политику, т.-е. дело строительства нового общества. Дело трудное, массы забиты и задавлены капитализмом, но иного выхода из наемного рабства, из рабства капиталистов нет и быть не может.

А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капитализмом, и, сверх того, они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашнего семейного хозяйства.

Большевицкая, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщин с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью.

Это — первый только шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных хотя бы и наиболее демократических республик не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед «священной частной собственностью».

Второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного

и действительного освобождения женщины, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному, обобществленному.

Переход этот труден, ибо дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых порядков (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили.

И в международный день работниц ⁷⁰⁾ во всех странах мира на бесчисленных собраниях работниц будут раздаваться приветия Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело. Будут раздаваться бодрые призывы не падать духом перед лицом свирепой и зверской буржуазной реакции. Чем «свободнее» или «демократичнее» буржуазная страна, тем более свирепствует и зверствует банда капиталистов против революции рабочих; пример тому демократическая республика Северо-Американских Соединенных Штатов. Но рабочий в массе уже проснулся. Империалистическая война окончательно разбудила спящие, полусонные, косные массы и в Америке, и в Европе, и в отсталой Азии.

Лед сломан во всех концах мира.

Освобождение народов от ига империализма, освобождение рабочих и работниц от ига капитала идет неуклонно вперед. Это дело ловели вперед десятки и сотни миллионов рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. И потому это дело свободы труда от ига капитала победит во всем мире.

Написано 4 марта 1921 г.

Напечатано — в приложении

к «Правде» № 51, 8 марта 1921 г.

«Международный день работниц».

Х СЪЕЗД РКП (б.)

8—16 марта 1921 г.

Вступительная речь.

(Заседание 8 марта 1921 г.)

Товарищи, позвольте объявить открытым X съезд Российской коммунистической партии. Мы пережили год, очень богатый событиями и в международной и в нашей внутренней истории. Чтобы начать с международного положения, я должен сказать, что мы впервые собираемся теперь в таких условиях, когда Коммунистический Интернационал перестал быть только лозунгом, а превратился действительно в могучее организационное строение, имеющее свой фундамент, настоящий фундамент в крупнейших передовых капиталистических странах. То, что после второго съезда Коминтерна, за истекший год удалось осуществить, нашло себе выражение, подтверждение, закрепление в таких странах, как Германия, Франция, Италия. Достаточно назвать эти три страны, чтобы вы видели, что во всех передовых крупнейших европейских странах Коммунистический Интернационал после II съезда, состоявшегося прошлым летом в Москве, стал делом рабочего движения в каждой из этих стран и, мало того, стал основным фактором международной политики. Это такое гигантское завоевание, товарищи, что, как бы ни были трудны и тяжелы различные испытания, нам предстоящие, а мы никогда не можем и не должны упускать их из вида, что его у нас не в силах взять назад никто. Итак, товарищи, мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет. В первый раз, благодаря победам Красной армии за этот год, мы открываем партийный съезд при таких условиях. Три с половиной года неслыханно-тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории, — это мы завоевали. Конечно, мы далеко еще не завоевали этим всего и ни в каком случае не завоевали этим того, что мы завоевать должны — действительного освобождения от нашествий и вмешательств империалистов. Наоборот, их военные действия против нас приняли форму менее военную, но в некоторых отношениях более

тяжелую и более опасную для нас. Переход от войны к миру, тот переход, который мы на прошлом съезде партии уже приветствовали и пытались осуществить, паладить работу в этом отношении, он еще и сейчас не завершен. И сейчас еще стоят перед нашей партией невероятной трудности задачи, которые касаются не только хозяйственного плана, в котором мы сделали не мало ошибок, которые касаются не только основ хозяйственного строительства, но основ самих отношений между классами, которые в нашем обществе, в нашей Советской республике остались. Самое отношение между классами подверглось изменению, и вопрос этот должен быть, — я думаю, вы все с этим согласитесь, — должен быть одним из главных вопросов, которые вам предстоит здесь разобрать и разрешить. Товарищи, мы в этом отношении пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна.

Я не знаю, как вы оцените теперь это? Вполне ли соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным, и духовным. От вас зависит оценить это. Но во всяком случае я должен сказать одно, что мы на этом съезде должны здесь своим лозунгом, своей главной целью и задачей, которую мы во что бы то ни стало должны осуществить, это — чтобы из дискуссии и споров выйти более крепкими, нежели тогда, когда мы их начали. Вы, товарищи, не можете не знать, что все наши враги, а имя им легион, во всех своих бесчисленных заграничных органах повторяют и развивают ту же стоустую и тысячеустую молву, которую наши буржуазные и мелко-буржуазные враги распространяют здесь внутри Советской республики, а именно: если дискуссия — значит споры, если споры — значит раздоры, если раздоры — значит коммунисты ослабели, напирай, лови момент, пользуйся их ослаблением. Это сделалось лозунгом враждебного нам мира. Мы этого ни на секунду не должны забывать. Наша задача теперь показать, что, как бы в прошлом, правильно или неправильно мы себе эту роскошь ни позволяли, но из нее надо выйти таким образом, чтобы из чрезвычайного обилия платформ, оттенков, оттеночков, почти что оттеночков, формулированных, продискуссированных, мы, на нашем партийном съезде надлежащим образом просмотрев их, сказали себе, что во всяком случае, как бы мы ни расходились, как бы мы между собой ни спорили, а перед нами столько врагов, задача диктатуры пролетариата в крестьянской стране так необъятна, трудна, что нам мало, чтобы только формально, — уже ваше присутствие здесь, на

этом съезде, доказывает, что это так, — чтобы не только формально работа была более сплоченной, более дружной, чем прежде. Чтобы не было ни малейших следов, не было фракционности, где бы и как она ни проявлялась до сих пор, чтобы ни в коем случае их не осталось. Только при этом условии мы те громадные задачи, которые лежат на нас, выполним, и я уверен, что я выражу намерение всех вас и твердое решение, если скажу, что с еще более прочным, еще более дружным и искренним партийным единством мы должны выйти с настоящего съезда, во всяком случае.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Гос. Издат. 1921 г.

Доклад о политической деятельности ЦК РКП.

(Заседание 8 марта 1921 г.)

Товарищи, вопрос о политической работе ЦК, как вы, конечно, знаете, так тесно сплетается и со всей работой партии, и со всей работой советских учреждений, и со всем ходом революции, что об отчете в точном, в буквальном смысле слова, на мой, по крайней мере, взгляд, не может быть и речи. И я свою задачу понимаю так, чтобы постараться выделить некоторые из важнейших событий, — то, что, на мой взгляд, представляет из себя как бы узловые пункты нашей работы и советской политики за этот год, то, что всего характернее из пережитого и что дает больше всего материала для размышления о причинах хода революции, о значении сделанных ошибок, — а их сделано не мало, — и об уроках на будущее время. Ибо как ни естественна задача дать отчет за прошлый год, как ни обязательна она для ЦК, как она ни интересна для партии сама по себе, — задачи борьбы, предстоящей и развертывающейся перед нами, так неотложны, тяжелы, трудны, так давят всей своей тяжестью на нас, что все внимание невольно устремляется именно на то, как из пережитого сделать надлежащие выводы и как лучше разрешать захватывающие все наше внимание задачи настоящего и ближайшего времени.

Из тех узловых пунктов нашей работы, которые за этот год больше всего обращают на себя внимание и с которыми связано на мой взгляд больше всего наших ошибок, первым является переход от войны к миру. Вероятно, все вы, или по крайней мере большинство из вас помнит, что мы этот переход делали уже несколько раз за три с половиной года и ни разу его не совершили, и сейчас, видимо, его не перейдем, потому что слишком глубоко жизненные интересы между-

народного капитализма связаны с тем, чтобы этот переход не допустить. Я помню еще в апреле 1918 года, т.-е. три года тому назад, мне пришлось перед ВЦИК говорить о задачах, которые тогда формулировались так, что главное в войне гражданской окончено, тогда как в действительности она только начиналась. Вы все помните, что на предыдущем партийном съезде мы все свои расчеты строили на этом переходе к мирному строительству, полагая, что огромные уступки, которые мы в то время делали Польше, обеспечат нам мир. Но в том же апреле началось наступление польской буржуазии, которая вместе с империалистами капиталистических стран истолковали наше миролюбие, как нашу слабость — за что жестоко и поплатились, получив мир более невыгодный. Но мы перехода к мирному строительству не получили, и нам вновь пришлось главное внимание обращать на войну с Польшей и впоследствии — на ликвидацию Врангеля ⁷¹). Вот что составило содержание нашей работы за отчетный год. Опять вся наша работа подвинулась к военным задачам.

Затем начался переход от войны к миру, когда нам удалось добиться, что ни одного солдата вражеских армий на территории РСФСР не осталось.

Этот переход потребовал таких потрясений, которые далеко и далеко не были нами учтены. Несомненно, здесь одна из главных причин той суммы ошибок, неправильностей, которые мы в нашей политике за это отчетное время сделали и от которых мы сейчас страдаем. Демобилизация армии, которую пришлось создавать в стране, вынесшей неслыханной тяжести напряжение, которую приходилось создавать после нескольких лет империалистической войны; демобилизация армии, перевозка которой, при наших транспортных средствах, стоила невероятных трудностей, в момент, когда к этому прибавились голод, вызванный неурожаем, и недостаток топлива, в значительной степени приостановивший транспорт, — эта демобилизация поставила нас, как мы теперь видим, перед задачами, далеко и далеко не оцененными. Здесь в значительной степени кроется целый ряд источников кризисов, хозяйственного и социального, и политического. Еще в конце прошлого года мне приходилось указывать, что одной из главных трудностей предстоящей весны будут трудности, связанные с демобилизацией армии. Мне приходилось указывать это и 30 декабря, на большой дискуссии *), в которой, вероятно, многие из вас были участниками. Я должен сказать, что размер этих трудностей мы тогда едва ли себе представляли; мы не видели тогда еще

*) См. стр. 7 настоящ. тома.

до какой степени здесь будут не только технические трудности, но до какой степени все бедствия, обрушившиеся на Советскую республику, измученную и прежней империалистической и новой гражданской войной, именно будут при демобилизации. В некоторой степени правильно будет сказать, что именно при демобилизации они обнаружатся в большей степени. Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не жалела ничего из последних своих остатков скудных резервов и ресурсов на эту цель, и только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые на долго осуждают нас на простое только излечение ран. Но мы не можем перейти целиком даже к излечению этих ран. Технические трудности демобилизации армии в значительной степени показывают всю глубину разорения, из которой вытекает, помимо прочего, неизбежный ряд кризисов экономического и социального характера. Война приучила нас, всю нашу страну, сотни тысяч людей, только к военным задачам.

Несомненно, ошибкой ЦК было то, что размер этих трудностей демобилизации не был учтен; конечно, надо сказать, что для этого учета опорных пунктов быть не могло, ибо гражданская война была так трудна, что тут единственным правилом было: все для победы на фронте гражданской войны и только. При соблюдении этого правила и при том неслыханном напряжении сил, которое Красная армия в борьбе с Колчаком⁷²⁾, Юденичем⁷³⁾ и др. проявила, мы только так могли достигнуть победы над вторгавшимися в Россию империалистами.

От этого основного обстоятельства, определяющего целый ряд ошибок и обостряющего кризис, я хотел бы перейти к тому, как в работе партии и в борьбе всего пролетариата обнаружился целый ряд еще более глубоких несоответствий, неправильностей учета или плана — и не только неправильности плана, но и неправильностей в определении соотношений между силами нашего класса и тех классов, с которыми он в сотрудничестве, а иногда и в борьбе должен решать судьбы республики. Обратимся к этой точке зрения и к итогам пережитого, — это такие разнородные явления, как ход нашей польской войны, вопросы продовольствия и топлива при нашем наступлении, слишком быстром продвижении почти что до Варшавы, — несомненно, была сделана ошибка, я сейчас не буду разбирать, была ли это ошибка стратегическая или политическая, ибо это завело бы меня слишком далеко, я думаю, что это должно составлять дело будущих историков, а тем людям, которым приходится в трудной борьбе продолжать отбиваться от всех врагов, не до того, чтобы заниматься историческими изыска-

ниями. Но во всяком случае ошибка налицо, и эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами. Насколько этот перевес сил зависел от экономических условий, насколько это зависело от того, что польская война пробудила патриотические чувства даже среди мелко-буржуазных элементов, вовсе не пролетарских, вовсе не сочувствующих коммунизму, не поддерживающих диктатуру пролетариата безусловно, а иногда, надо сказать, и вообще не поддерживающих ее, разбираться в этом было бы слишком сложно. Но это факт. Итак, в польской войне мы совершили известную ошибку.

А если возьмем такую область работы, как работа продовольственная, то мы видим аналогичную ошибку. В отношении разверстки и се сбора отчетный год был несравненно благоприятнее предыдущего. В этом году сумма собранного хлеба переходит в 250 милл. пудов. К 1 февраля считалось собранным 235 милл. пудов, тогда как за весь прошлый год было собрано 210; значит, за гораздо меньшую часть года сбор превысил полностью предыдущий год. И оказалось, однако, что из этих 235 милл., собранных по 1 февраля, мы израсходовали первое полугодие около 155 милл., т.-е. в среднем по 25 милл. пудов в месяц или даже больше. Конечно, в общем надо признать, что мы не сумели правильно распределить наши ресурсы, когда они оказались лучшими, чем ресурсы прошлого года. Мы не сумели правильно оценить всей опасности надвигающегося на весну кризиса и поддались естественному стремлению увеличить выдачу голодающим рабочим. Конечно, надо сказать и здесь, что опорного пункта для расчетов у нас не было. Во всех капиталистических государствах, несмотря на анархию, несмотря на хаос, свойственный капитализму, опорным пунктом для расчетного хозяйственного плана является опыт десятилетий, опыт, который могут сравнивать капиталистические государства, однородные по своему экономическому строю и отличающиеся в частности. Из этого сравнения может быть выведен действительно научный закон, известная закономерность и правильность. У нас ничего подобного для такого подсчета не было и быть не может, и совершенно естественно, что когда представилась возможность по окончании войны дать, наконец, изголодавшемуся населению побольше, то мы сразу не смогли установить должной меры. Ясно, что мы должны были бы умерить увеличение выдачи и на счет этого умерения создать известный резервный фонд на черный день, который должен был наступить весной и который наступил. Этого мы не сделали. Опять-таки-тут ошибка и такого рода, которая свойственна была всей нашей работе, — ошибка, которая показывает, что переход от войны к миру представил нам целый ряд таких задач и трудностей, для преодо-

ления которых ни опыта, ни подготовки, ни нужного материала не было, и таким образом получилось чрезвычайное усиление, обострение и ухудшение кризиса.

Нечто аналогичное, несомненно, было и с топливом. Это основной вопрос хозяйственного строительства. Весь переход от войны к миру, весь переход к хозяйственному строительству, — о чем говорилось на предыдущим съезде партии и что составляло главную заботу и главное внимание всей политики за отчетный год, — все это, конечно, не могло не базироваться и не основываться на учете добычи топлива и его правильном распределении. Без этого, ни о преодолении трудностей, ни о восстановлении промышленности не может быть и речи. Что мы в этом отношении находимся в лучших условиях, чем в прошлом году, это ясно. Прежде мы были отрезаны от угольного и нефтяного районов. После побед Красной армии мы уголь и нефть получили. Во всяком случае размер топливных ресурсов был увеличен. Мы знаем, что те топливные ресурсы, с которыми мы в отчетный год входили, были больше, чем прежде. И на этой почве увеличения наших топливных ресурсов мы сделали ошибку, пустивши сразу топливо в такое широкое развертывание, которое исчерпало эти топливные ресурсы, и очутились перед топливным кризисом раньше, чем мы перевели все на правильную работу. По всем этим вопросам здесь вам будут сделаны специальные доклады, и я здесь не могу приблизительно представить вам тех данных, которые имеются по этому вопросу. Но во всяком случае, учитывая опыт прошлого, мы должны сказать, что ошибка эта связана с неправильным представлением о положении вещей и с быстротой перехода от войны к миру. Оказалось, что этот переход возможен только гораздо медленнее, чем мы себе представляли. Нужна гораздо более длительная подготовка, более медленный темп, — вот урок, который мы за этот год пережили, урок, который партии в целом надо будет сугубо и сугубо усвоить, чтобы определить наши основные задачи на будущий год и чтобы этих ошибок в дальнейшем избежать.

Несомненно, при этом надо сказать, что обострились эти ошибки, и особенно обострились вытекающие из них кризисы в силу неурожая. Если я указал на то, что продовольственная работа дала нам за отчетный год несравненно лучшие продовольственные ресурсы, то надо сказать, что в этом тоже лежал один из главнейших источников кризисов, потому что в силу неурожая, повлекшего громадную бескормилу, падеж скота и разорение крестьянского хозяйства, центр этих продовольственных разверсток сосредоточен был в тех местностях, где излишки хлеба не были очень велики. Эти излишки гораздо больше в различных окраинных республиках — в Сибири, на северном Кав-

казе, — но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там Советская власть была менее устойчива, и отсюда был очень затруднен транспорт. Получилось так, что увеличенные продовольственные ресурсы мы собрали из наименее урожайных губерний, и этим кризис крестьянского хозяйства чрезвычайно обострился.

Опять-таки здесь мы ясно видим, что у нас не было надлежащей правильности в учете. Но, с другой стороны, мы были в таком стесненном положении, что у нас не было никакого выбора. Страна, выдержавшая после разорительной империалистической войны такую штуку, как многолетняя гражданская война, конечно, не могла существовать иначе, как отдавая все свои силы на фронт. И, конечно, будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Это необходимо было, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть. Мы говорили крестьянам: «Конечно, вы даете свой хлеб в ссуду рабоче-крестьянскому государству, но иначе вы спасти свое государство от помещиков и капиталистов не можете». Мы не могли поступать иначе в тех условиях, которые нам навязывали империалисты и капиталисты своей войной. У нас другого выбора не было. Но эти обстоятельства привели нас к тому, что крестьянское хозяйство, после продолжавшейся так долго войны, так ослабело, что неурожай оказался и на почве понижения засева, и ухудшения средств производства, и понижения урожайности, рабочей силы и т. д. Неурожай оказался громаднейший, и лучший, чем все-таки мы ожидали, сбор продовольственных излишков оказался спутником такого обострения кризиса, который, может быть, готовит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы. Это обстоятельство надо внимательно учесть при анализе того, что мы за отчетный год в политике пережили и какие политические задачи мы должны поставить себе на новый год. Отчетный год оставил следующему году все те же неотложные задачи.

Пока я перейду теперь к другому пункту, совершенно из иной области—к дискуссии о профсоюзах¹⁾, которая отняла у партии так много времени. Мне сегодня пришлось уже об этом говорить, и, разумеется, я мог только осторожно сказать, что едва ли многие из вас не оценят эту дискуссию, как непомерную роскошь. От себя же лично я не могу не добавить, что, на мой взгляд, эта роскошь была действительно совершенно непозволительной и что, допустив такую дискуссию, мы, несомненно, сделали ошибку. Не видя того, что мы в этой дискуссии выпятили на первое место вопрос, который по объективным условиям не может стоять на первом месте, что мы пустились роскоше-

ствовать, не видя того, до какой степени мы отвлекаем внимание от насущного и грозного, лежащего так близко перед нами, вопроса о том же самом кризисе. Каковы же действительные результаты этой дискуссии, отнявшей так много месяцев и едва ли не надоевшей большинству из присутствующих? Об этом вы будете иметь специальные доклады, но мне хотелось бы обратить внимание в своем отчете на одну сторону дела, — именно на то, что тут оправдалась, несомненно, одна пословица: «нет худа без добра».

К сожалению, худа оказалось немного много, а добра немного мало. Но добро все же было: оно состояло в том, что, потеряв время, отвлекши внимание наших партийных товарищей от насущных задач борьбы с той мелко-буржуазной стихией, которая нас окружает, мы все-таки научились распознавать некоторые взаимоотношения, которых мы раньше не видели. Добро получилось в том, что партия не могла в этой борьбе кое-чему не научиться. Хотя мы все знали, что, как правящая партия, мы не могли не сливать с верхами партийными — верхи советские, они у нас слиты и будут таковыми, — но партия получила в этой дискуссии известный урок, который необходимо учесть. За одни платформы голосовали, по преимуществу, верхи партии. Платформы, которые пазывались иногда «платформами рабочей оппозиции», иногда как-нибудь иначе, оказалось, представляли явно-синдикалистский уклон. И это не мое личное мнение, а мнение громадного большинства присутствующих.

Партия показала себя в этой дискуссии настолько зрелой, что, видя некоторое шатание верхов, видя, что верхи говорят: «мы не сошлись, разберите нас», — она мобилизовалась для этой задачи быстро, и громаднейшее большинство партийных центров быстро отвечало нам: «Мы имеем мнение, и мы его вам скажем».

В этой дискуссии мы получили ряд платформ. Их было так много, что я, например, хотя по должности и обязан был их читать, боюсь, что погрешил и не все их прочел. Я не знаю, все ли присутствующие были так свободны, чтобы их читать, но во всяком случае надо сказать, что этот синдикалистский и, до известной степени, даже полуанархистский уклон, который обнаружился, дает много материала, чтобы подумать над этим. Мы на несколько месяцев оказались такими роскошествующими, что увлекались изучением оттенков мнений. Между тем демобилизация армии обостряла экономический кризис. Эта дискуссия должна была помочь нам понять, что наша партия, как партия, достигающая, примерно, не менее полумиллиона и перевалившая даже за полмиллиона членов, стала массовой партией, во-первых, партией правительственной — во-вторых, и что, будучи партией

массовой, отражает частью кое-что такое, что происходит вне ее рядов. Это очень и очень важно понять. Не страшен был бы небольшой синдикалистский или полуанархистский уклон, — партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправлять. Но если он связан с гигантским преобладанием в стране крестьянства, тогда не время спорить о теоретических уклонах. И мы должны из этого извлечь надлежащий урок и политический отчет ЦК добавить, укрепить, закрепить и превратить это в обязательство для партии, в закон. Обстановка спора становится в величайшей степени опасной. Некоторые товарищи, с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса», говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризируете». Я несколько раз должен был выслушивать эту приклепку к своим замечаниям, — что я кого-то терроризирую, — и я отвечал на это, что было бы смешно с моей стороны терроризировать старых революционеров, видевших всяческие испытания. Но когда вы видите, во что трудности демобилизации разворачиваются, теперь не может быть спора о том, что тут не было не только терроризирования, а даже неизбежного в споре увлечения, а было совершенно точное указание на то, что наступило, что нам нужна сплоченность, выдержка и дисциплина — не только потому, что без этого пролетарская партия не может дружно работать, — но потому, что весна принесла и принесет еще такие трудные условия, в которых действовать без максимальной сплоченности мы не можем. Эти два главных урока, я думаю, мы все-таки из дискуссии извлечь сумеем. И поэтому, мне кажется, нужно сказать, что, если мы пороскошествовали и дали миру удивительный образец того, как партия, поставленная в труднейшие условия отчаянной борьбы, проявляет неслыханное внимание к деталям выяснения отдельных подробностей платформ, то мы сделаем из этого политический вывод, не только вывод, указывающий на ту или иную ошибку, а вывод политический, касающийся отношения между классами, между рабочим классом и крестьянством, и это при условии неурожая и кризиса, при условии разорения и демобилизации, в которых мы оказались. Отношения не те, что мы думали. Отношения эти требуют от пролетариата неизмеримо большей сплоченности и сосредоточения сил, отношения эти представляют при диктатуре пролетариата опасность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе. На этот счет не должно быть ни у кого заблуждений, ибо оно было бы самым роковым. Трудности, проистекающие от этой мелко-буржуазной стихии, большие, и чтобы их преодолеть,

пужна большая сплоченность, — не только формальная, — пужна единая, дружная работа, единая воля, ибо только с такой волей пролетарской массы может пролетариат в крестьянской стране осуществить гигантские задачи своей диктатуры.

Помощь из западно-европейских стран идет, но она не приходит так быстро. Она идет и возрастает.

На утреннем заседании я уже указал, что одним из крупнейших факторов за отчетный период — это тоже стоит в тесной связи с деятельностью ЦК — является организация II съезда Коминтерна. Конечно, международная революция теперь, по сравнению с прошлым годом, сделала большой шаг вперед. Конечно, Коммунистический Интернационал, который во время прошлогоднего съезда не существовал иначе, как в форме прокламаций, стал существовать теперь, как самостоятельная партия в каждой стране, и не только, как передовая партия, — коммунизм стал центральным вопросом всего рабочего движения в целом. В Германии, Франции и Италии Коммунистический Интернационал стал не только центром рабочего движения, но центром внимания всей политической жизни этих стран. Нельзя было осенью взять в руки немецкую или французскую газету без того, чтобы не видеть, как там склоняют Москву и большевиков, какими прилагательными нас награждают и как делают из большевиков и 21 условия приема в III Интернационал центральный вопрос всей их собственной политической жизни. Это наше завоевание, и этого никто не может отнять. Это показывает, как международная революция нарастает, и, параллельно, экономический кризис в Европе обостряется. Но во всяком случае, если бы мы из этого сделали предположение, что вообще в короткий срок помощь придет оттуда в виде прочной пролетарской революции, то мы просто были бы сумасшедшими, и в этом зале, я уверен, таких людей нет. Мы научились за три года понимать, что ставка на международную революцию не значит — расчет на определенный срок и что темп развития, становящийся все более быстрым, может принести к весне революцию, а может и не принести, и поэтому мы должны уметь так сообразовать свою деятельность с классовыми соотношениями внутри нашей страны и других стран, чтобы мы длительное время были в состоянии диктатуру пролетариата удержать и, хотя бы постепенно, излечивать все те беды и кризисы, которые на нас обрушиваются. Только такая постановка вопроса будет правильной и трезвой.

Теперь я перейду к одному пункту, который касается деятельности ЦК за текущий год и подходит близко к задачам, стоящим перед нами. Это — вопрос о сношениях с заграницей

До IX съезда партии наше внимание и все наши усилия были направлены на то, чтобы добиться перехода от отношения войны с капиталистическими странами к отношениям мирным и торговым. Мы предприняли для этого всякого рода дипломатические шаги и оказались победителями против несомненно крупных дипломатов. Когда, например, представители Америки или представители Лиги Наций предлагали нам на известных условиях прекращение военных действий против Деникина, Колчака, они думали, что мы попадем в трудные условия. На самом же деле они оказались в трудных условиях, а мы дипломатически одержали громадную победу. Они оказались одураченными, вынужденными взять обратно свои условия, что потом было разоблачено во всей дипломатической литературе и прессе всего мира. Но удовлетворяться дипломатической победой для нас слишком мало. Нам нужны настоящие торговые сношения, не только дипломатические победы. Но только за этот год дело стало подходить к тому, что торговые сношения начали несколько развиваться. Стал вопрос о торговых сношениях с Англией... Польская война отбросила нас на долго в этом отношении. Англия уже готова была подписать торговое соглашение. Английская буржуазия хотела этого соглашения, английские придворные круги его не желали, срывали, польская война оттянула соглашение. Получилось так, что дело не решено до сих пор...

В связи с этим стоит вопрос о концессиях. За истекший год мы занимались этим вопросом больше, чем прежде. 23 ноября вышел декрет Совета Народных Комиссаров, который изложил вопрос о концессиях в форме, наиболее приемлемой для заграничных капиталистов. Когда в партийных кругах возникли некоторые недоразумения по этому вопросу, или неполное понимание его, был проведен ряд собраний ответственных работников, на которых этот вопрос дискуссировался. В общем и целом он не вызвал разногласий, хотя протестов со стороны рабочих и крестьян мы слышали не мало. Говорили так: «Прогнали, мол, своих капиталистов, а теперь хотят призвать капиталистов иностранных». Насколько эти протесты были бессознательны, насколько тут звучал расчет кулацкой или прямо капиталистической части беспартийных, которые считают, что им принадлежит законное право быть в России капиталистами и притом капиталистами с властью, а не так, чтобы иностранный капитал был привлечен без власти, — насколько то или другое играло здесь роль, на этот счет в ЦК никаких статистических данных, конечно, не имелось, да и вообще вряд ли какая-либо статистика в мире могла это учесть и выяснить. Но мы, во всяком случае, этим декретом делали шаг к тому, чтобы завязать концессионные сношения...

ЦК в своем большинстве стал на точку зрения необходимости этих концессий, и эту точку зрения мы будем просить вас подкрепить своим авторитетом. Этот союз с государственными трестами других передовых стран совершенно необходим для нас, вследствие того, что наш экономический кризис так глубок, что своими силами восстановить разрушенное хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не сможем. Простой привоз этого оборудования недостаточен. Можно сдать концессии на более широких началах, чтобы обеспечить себя постановкой оборудования по последнему слову техники. Таким образом мы сможем хотя немного догнать, хотя на четверть или на половину, современные передовые синдикаты других стран. Что мы без этого будем находиться в очень тяжелом положении и без колоссальнейшего напряжения всех наших сил их не нагоним, — в этом не может сомневаться никто, кто хотя сколько-нибудь трезво смотрит на настоящее положение. Переговоры с некоторыми из величайших всемирных трестов уже начаты. Разумеется, с их стороны это не простая услуга нам: они делают это только ради необъятных барышей. Современный капитализм, — это не прежний капитализм эпохи нормального времени: он берет сотни % прибыли, пользуясь монопольным положением на мировом рынке. Конечно, нам обойдется очень дорого такая вещь. Но иной возможности подтянуть свою технику у нас нет.

Первого февраля 1921 г. Совнарком принял решение о закупке за границей 18.500.000 пудов угля, так как тогда уже обрисовался наш топливный кризис. Нам придется идти на еще большие уступки для закупки предметов потребления для крестьян.

Теперь я хочу остановиться на событиях в Кронштадте⁷⁵). Я не имею еще последних новостей из Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни. В этом сомнения быть не может. Но нам необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события.

Что оно означает? Переход политической власти от большевиков к какому-то неопределенному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже немножко только правее большевиков, а может быть, даже и левее большевиков. Настолько неопределенна та сумма политических группировок, которая в Кронштадте попыталась взять власть в свои руки. Несомненно, что в то же время белые генералы, вы все это знаете, играли тут большую роль. Это вполне доказано. За две недели до кронштадтских событий в парижских газетах уже печаталось, что в Кронштадте восстание. Совершенно

ясно, что тут работа эс-эров и заграничных белогвардейцев, и что вместе с тем движение это свелось к мелко-буржуазной контр-революции, к мелко-буржуазной анархической стихии. Это уже нечто новое. Это обстоятельство, поставленное в связи со всеми кризисами, надо очень внимательно политически учесть и очень обстоятельно разобрать. Тут проявилась стихия мелко-буржуазная, демократическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата. Но беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы. Это неизбежно политически. Мы видели мелко-буржуазные, анархические элементы в русской революции, мы с ними боролись десятки лет. С февраля 1917 года мы видели эти мелко-буржуазные элементы в действии, во время великой революции, и мы видели попытки мелко-буржуазных партий заявить, что они в своей программе мало расходятся с большевиками, но только осуществляют ее другими методами. Мы знаем из опыта не только октябрьского переворота, мы знаем это из опыта окраин различных частей, входивших в состав прежней Российской империи, где на смену Советской власти приходили представители другой власти. Вспомним демократический комитет в Самаре ⁷⁶). Все они приходили с лозунгами равенства, свободы, учредилки, и они не один раз, а много раз оказывались простой ступенькой, мостиком для перехода к белогвардейской власти. Опыт всей Европы показывает на деле, чем оканчивается попытка сесть между двух стульев. Мы должны внимательно присмотреться к этой мелко-буржуазной контр-революции, которая выдвигает лозунги свободы торговли.

Мы должны понять, что в условиях кризиса крестьянского хозяйства мы не можем существовать иначе, как апеллируя к этому крестьянскому хозяйству для помощи городу и деревне. Мы должны помнить, что буржуазия старается восстановить крестьянство против рабочих, старается восстановить против них мелко-буржуазную анархистскую стихию под лозунгами рабочих. Тут политические затруднения налицо, и они требуют от правительственной партии коммунистов, от руководящих революционных элементов пролетариата, несомненно, не такого отношения, которое сплошь и рядом нами за этот год было показано. Эти затруднения требуют несомненно большей сплоченности, несомненно большей дисциплины, несомненно более дружной работы. Без этого невозможно справиться с теми затруднениями, которые нам принесла судьба.

А дальше стоят вопросы экономические. Что значит этот лозунг свободы торговли, выдвигаемый мелко-буржуазной стихией? Он показывает, что в отношениях пролетариата и мелких земледельцев

есть такие трудные проблемы, есть такие задачи, которые мы еще не решили. Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство мелко-буржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду. Это теоретически несомненно. Этого перехода мы коснулись в целом ряде законодательных актов, но мы знаем, что дело не в законодательных актах, а в практическом осуществлении, и мы знаем, что это можно обеспечить, когда имеешь сильнейшую крупную промышленность, способную дать мелкому производителю такие блага, что он увидит на практике преимущества этого крупного хозяйства.

Так теоретически ставили всегда вопрос марксисты и все социалисты, размышлявшие о социальной революции и ее задачах. А у нас именно первая та особенность, о которой я говорил и которая России свойственна в максимальной степени: мы имеем не только меньшинство, но и значительное меньшинство пролетариата и огромное большинство крестьянства. А условия, в которых нам пришлось защищать революцию, сделали то, что разрешение наших задач оказалось неслыханно трудным. Показать все преимущества крупного производства на практике мы не могли, ибо это крупное производство разрушено, ибо ему самому приходится вести самое жалкое существование, и восстанавливать его можно только путем возложения жертв на этих же самых мелких земледельцев. Нужно поднятие промышленности, а для этого нужно топливо, а раз нужно топливо, нужно рассчитывать на дрова, а рассчитывать на дрова — значит рассчитывать на крестьянина и его лошадь. В условиях кризиса, бескормицы и падежа скота крестьянин должен оказывать кредит Советской власти — во имя крупной промышленности, от которой он пока ничего не получает. Вот та экономическая обстановка, которая создает громадные трудности, вот та экономическая обстановка, которая заставляет вникнуть в условия перехода от войны к миру с более глубокой точки зрения. Мы не можем хозяйничать во время войны иначе, как говоря крестьянам: «Необходимо дать ссуду рабоче-крестьянскому государству для того, чтобы оно могло выйти из тяжелого положения». Когда мы все внимание направляем на восстановление хозяйства, мы должны знать, что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производства, до его восстановления, а это восстановление невозможно на старой базе. Это дело многих лет, не меньше, чем десятилетия,

а при разоренности нашей, вероятно, и больше. До тех пор, долгие годы мы с этим мелким производителем должны будем иметь дело, как с таковым, и лозунг свободной торговли будет неизбежным. Не в том опасность этого лозунга, что он прикрывает белогвардейские и меньшевистские стремления, а в том, что он может получить распространение, несмотря на ненависть той же крестьянской массы к белогвардейцам. Потому он и будет получать распространение, что он отвечает экономическим условиям существования мелкого производителя. Исходя из этого рода соображений, ЦК и принял решение и хотел открыть дискуссию по вопросу о замене разверстки налогом, а сегодня прямо поставил этот вопрос на съезде, что вы и одобрили в сегодняшнем решении. Вопрос о налоге и разверстке в законодательстве у нас поставлен давно, еще с конца 1918 года. Закон о налоге значится от 30 октября 1918 года. Он был принят — этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, но в жизнь он не вошел. За его объявлением последовало в течение нескольких месяцев несколько инструкций, и он остался у нас непримененным. С другой стороны, взятие с крестьянских хозяйств излишка означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью, но которая сколько-нибудь мирным условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает. Ему нужна уверенность, что он столько-то отдаст, а столько-то может употребить для своего мелкого оборота.

Все наше хозяйство, как в целом, так и в отдельных частях, было насквозь проникнуто условиями военного времени. Считаясь с ними, мы должны были ставить своей задачей сбор определенного количества продовольствия, не считаясь совершенно с тем, какое это займет место в общехозяйственном обороте. Теперь, когда мы от вопросов войны переходим к вопросам мира, мы на натуральный налог начинаем смотреть иначе: мы смотрим не только с точки зрения обеспечения государства, а также с точки зрения обеспечения мелких земельных хозяйств. Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельско-хозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе. Мы должны постараться сделать максимум возможного в этом отношении. Это дело самое важное для нас. Дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог, чтобы мелкий хозяин мог лучше рассчитать свое производство и сообразно с налогом устанавливать размер своего производства. Разумеется, мы знаем, что в обстановке, которая окружает нас, — это вещь, очень трудно осуществимая. Площадь посева, урожайность,

средства производства, — все это понизилось, излишки стали, несомненно, меньше, и в очень многих случаях их вовсе нет. С этими условиями надо считаться, как с фактом. В общегосударственном масштабе — это вещь вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин-хозяин — мы на это не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно. Не надо думать также, что эта мера избавит нас от кризиса. Но в то же время мы ставим своей задачей максимум уступок, чтобы доставить мелкому производителю наилучшие условия для проявления своих сил. До сих пор мы приравнивались к задачам войны. Теперь мы должны приравниваться к условиям мирного времени. Эта задача перед ЦК встала, и она тесно связана с концессиями, — это задача перехода к натуральному налогу при условии существования пролетарской власти. Эта задача будет вами специально обсуждаться, и она требует к себе особого внимания. Пролетарская власть посредством концессий может обеспечить себе союз с капиталистическими государствами передовых стран, и от этого союза зависит усиление нашей промышленности, без чего мы не можем двинуться дальше по пути к коммунистическому строю, с другой стороны, в этот переходный период, в стране крестьянства, мы должны суметь перейти к мерам экономического обеспечения с преобладанием крестьянства, максимуму мер для облегчения его экономического положения. Пока мы еще не переделали, пока его крупная машина не переделана, надо обеспечить ему возможность свободы хозяйничать. Это положение межеумочное, наша революция существует в окружении капиталистических стран. Пока мы в таком межеумочном положении, мы выпущены искать чрезвычайно сложных форм взаимоотношений. Мы, придавленные войной, не могли сосредоточить свое внимание на том, как поставить экономические взаимоотношения между пролетарской государственной властью, имеющей в своих руках крупное производство, неслыханно разоренное, и как найти формы сожительства с мелкими земледельцами, которые пока остаются мелкими земледельцами, не могут жить без обеспечения мелкого хозяйства известной системой оборота. Я считаю этот вопрос самым важным вопросом экономики и политики для Советской власти в настоящее время. Я считаю, что этот вопрос подведет политические итоги нашей работы, когда мы закончили период военный и начали в отчетный год осуществлять переход на мирное положение. Этот переход связан с такими трудностями, так ясно обрисовал эту мелко-буржуазную стихию, что нужно смотреть на нее трезво. Мы смотрим на этот ряд явлений с точки зрения классовой борьбы

и мы никогда не заблуждались насчет того, что отношения пролетариата к мелкой буржуазии — вопрос трудный, требующий для победы пролетарской власти сложных мер, или, вернее сказать, целую систему сложных переходных мер. Из того, что мы в конце 1918 года издали декрет о натуральном налоге, видно, что вопрос этот перед сознанием коммунистов стоит, но что мы не могли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам. Нам пришлось в состоянии гражданской войны переходить к мерам военного времени. Но было бы величайшей ошибкой, если бы мы сделали отсюда тот вывод, что только такого рода меры и отношения возможны. Когда переход к миру осуществляется в условиях экономического кризиса, надо вспомнить, что осуществить строительство пролетарского государства в стране с крупным производством легче, чем в стране, в которой преобладает мелкое производство. Эта задача требует целого ряда подходов, и мы несколько не закрываем глаза на эти трудности и не забываем, что одно дело пролетариат и другое дело мелкое производство. Мы не забываем, что есть разные классы, что мелко-буржуазная анархическая контр-революция есть политическая ступень к белогвардейщине. Мы должны смотреть на это прямо, трезво, сознавая, что здесь необходима, с одной стороны, максимальная сплоченность, выдержка и дисциплина внутри пролетарской партии, с другой стороны, целый ряд экономических мер, которые мы осуществить не могли, благодаря военным обстоятельствам. Мы должны признать необходимыми концессии, закупку машин и орудий для удовлетворения сельского хозяйства, чтобы в обмен их на хлеб восстановить такие отношения между пролетариатом и крестьянством, которые обеспечивают существование его в обстановке мирного времени. Я надеюсь, что к этому мы еще вернемся, и я повторяю, что, на мой взгляд, мы здесь имеем дело с важным вопросом, и истекающий год, который должен быть охарактеризован, как переход от войны в миру, ставит нас перед задачами в высшей степени трудными.

В заключение я скажу только два слова о том вопросе борьбы с бюрократизмом, который занял у нас так много времени. Еще летом прошлого года этот вопрос был поставлен в ЦК, в августе ЦК выдвинул его в письме ко всем организациям, в сентябре он был поставлен на партийной конференции, наконец, на декабрьском съезде Советов вопрос этот был поставлен в более широком масштабе. Несомненно, бюрократическая язва есть; она признана, и необходима действительная борьба против нее. Конечно, в той дискуссии, которую мы наблюдали, в некоторых платформах, этот вопрос ставился по меньшей мере легкомысленно, и сплошь и рядом он рассматривался с точки зрения мелко-буржуазной. Надо, чтобы мы поняли, что борьба с бюре-

кратизмом есть борьба абсолютно необходимая и что она так же сложна, как задача борьбы с мелко-буржуазной стихией. Бюрократизм в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о ней говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелко-буржуазной стихией, с ее распыленностью. Победить эти болезни можно только объединением трудящихся, чтобы они умели не только приветствовать декреты рабоче-крестьянской инспекции, — мало разве у нас декретов, которые приветствуются, — но чтобы они умели через рабоче-крестьянскую инспекцию осуществлять свое право, чего сейчас нет не только в деревне, но и в городах, и даже в городах столичных? Часто не умеют осуществлять его даже там, где больше всего кричат против бюрократизма. На это обстоятельство надо очень и очень обратить внимание.

Здесь мы часто наблюдаем, что некоторые, борясь с этим злом, хотят, может быть, даже искренно, помочь пролетарской партии, пролетарской диктатуре, пролетарскому движению, а на деле помогают мелко-буржуазной анархической стихии, которая не раз в течение революции показывала себя, как самого опасного врага пролетарской диктатуры. А теперь, — и это основной вывод и урок текущего года, — она показала себя еще раз, как враг самый опасный, больше всего могущий иметь сторонников и поддержки в стране, могущий изменить настроение широких масс, перебрасываться даже на часть беспартийных рабочих. Если мы этого не поймем, если этого урока мы не выведем и не превратим этот съезд в поворотный пункт и в экономической политике и в смысле максимального сплочения пролетариата, придется применить к нам печальные слова, что мы ничего не забыли из того иногда пустого и мелкого, что следует забывать, и ничему не научились из того серьезного, чему за этот год революции нам надо было научиться. Я надеюсь что этого не будет.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат. 1921 г.

Заключительное слово по докладу о деятельности ЦК РКП.

(Заседание 9 марта 1921 г.)

Товарищи, естественно было бы ожидать, что по докладу, касавшемуся политической деятельности ЦК, и критика и замечания, и дополнения и поправки и т. д. направятся больше всего на политическую работу, на политические ошибки, и будут сделаны политические указания.

К сожалению, когда присматриваешься к прениям, здесь развернувшимся, когда перечитываешь еще раз главные пункты, в этих прениях выдвинутые, то не можешь удержаться, чтобы не задать себе вопрос, не потому ли съезд так быстро закрыл эти прения, что удивительно бессодержательно говорили и почти что только одни представители «рабочей оппозиции»? На самом деле, что мы слышали о политической работе ЦК и политических задачах момента? Большинство говоривших называло себя «рабочей оппозицией», — не шуточное название. Тов. Коллонтай ⁷⁷⁾ здесь осталась недовольна моим докладом.

Если люди выступают от имени оппозиции и называют эту оппозицию «рабочей» и говорят, что ЦК руководил политикой партии неправильно, надо таким людям сказать: нужны указания на эти неправильности по основным вопросам и указания на то, как их исправить. К сожалению, мы не слышали абсолютно ничего, ни одного звука, ни одного словечка о современном моменте и его уроках. Здесь даже не подошли к тому выводу, который я сделал. Очень может быть, что он неправилен, но для того и делается отчет на съезде, чтобы эти неправильности исправлялись. Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии — политический вывод из современного момента, а экономический вывод — не удовлетворяться тем, что сделано в политике, искать новых путей соглашения рабочего класса с крестьянством, применять, испытывать это новое. Я указал конкретно, что надо. Может быть, это неправильно, но никто не единого слова об этом не сказал. Кто-то из ораторов, кажется, Рязанов ⁵⁾, упрекнул меня лишь в том, что налог явился будто бы в моей речи откуда-то сразу, неподготовленным обсуждением. Это неправильно. Я удивляюсь только, как перед партийным съездом ответственными товарищами делаются такие заявления. Дискуссия о налоге была открыта несколько недель тому назад в «Правде». Если в ней не пожелали принять участия товарищи, которые любят играть в оппозицию и бросать упреки в том, что мы не даем возможности широкой дискуссии, — в этом их вина. С редакцией «Правды» мы связаны не только тем, что тов. Бухарин — член Центрального Комитета, но и тем, что важнейшие темы и важнейшие линии политики всегда обсуждаются ЦК — без этого не может быть политической работы. Вопрос о налоге был поставлен ЦК на дискуссию. Статьи в «Правде» были, на них никто не отвечал. Этим не отвечавшие показали, что они не хотели работать над этим вопросом. А когда уже после этих статей на собрании Московского Совета выступил член собрания, — я не помню, беспартийный или меньшевик, — и стал говорить о налоге, я сказал: «Вы не знаете того, что пишет» «Правда». Сделать беспартийному этот упрек было более естественно, чем члену

партии. Поставлена была в «Правде» дискуссия не случайно, и на съезде нам придется этим вопросом заняться. Ораторы в критике проявили абсолютную неделовитость. Вопрос на дискуссию был поставлен, и в ней следовало принять участие, — иначе вся эта критика становится беспочвенной. Точно так же по вопросу политическому. Я повторяю, все мое внимание было устремлено на то, чтобы мы сделали правильный вывод из последних событий.

Но прежде, чем перейти к ответу выступавшим здесь представителям «рабочей оппозиции», скажу два слова об Осинском. Выступил товарищ, немало писавший и выступавший с собственной платформой, с критикой по отчету ЦК. Нужно было ожидать, что он на съезде даст критику основных мероприятий, очень для нас важную. Вместо этого он сказал, критикуя, что будто бы «выкинули» Сапронова и, что из этого очевидно, что слова о необходимости сплоченности расходятся с делом, и подчеркивал, что выбрали двоих от «рабочей оппозиции» в президиум. Я удивлен, как можно с такими мелочами, имеющими 10-степенное значение, выступать крайне видному партийному литератору и работнику, занимающему ответственный пост! Специфическая особенность Осинского — во всем усматривать политиканство. Это политиканство он видит и в том, что два места в президиуме даны «рабочей оппозиции». Неоднократно мы говорили, и в частности — я, — и на этот счет не было разногласий в ЦК, — что наша задача — отсеять в оппозиции здоровое от нездорового именно потому, что она получила известное распространение. Еще в сентябре, во время партийной конференции мы свою задачу видели в том, чтобы отсеять здоровое от нездорового, — ибо нельзя относиться к этой группе, как к здоровой группе. Когда нам говорят о недостаточном проведении демократизма, мы говорим: это абсолютно верно. Да, он проведен у нас недостаточно. Нужна помощь в этом отношении и указания, как провести. Нужно действительное проведение, а не разговоры. Мы принимаем и тех людей, которые называют себя «рабочей оппозицией»

Мы говорим себе: раз это — болезнь, затрагивающая часть рабочих, нужно на нее обратить сугубое внимание. И то, что тов. Осинский ставил почему-то нам в вину, нужно поставить нам в заслугу.

Теперь перехожу к «рабочей оппозиции». Вы признали, что остались в оппозиции. Вы на партийный съезд пришли с брошюрой тов. Коллонтай, на которой написано: «Рабочая оппозиция».

Если есть хотя что-либо здоровое в этой оппозиции, — надо все силы употребить, чтобы здоровое от нездорового отсеять. Мы не можем вполне бороться с бюрократизмом и проводить последовательно демократизм, потому что мы слабы, нет сил, и тот, кто поможет в этом,

того надо привлечь, а кто под видом помощи преподносит вот этикие брошюры, того надо разоблачать.

После этих предварительных замечаний, я обращаю ваше внимание на брошюру тов. Коллонтай, которая действительно заслуживает вашего внимания и которая подводит итог работы, в течение нескольких месяцев произведенной этой оппозицией. Здесь уже указывал, кажется, товарищ из Самары на то, что я «административно» наклеил ярлык синдикализма на «рабочую оппозицию». Упоминание об администраторстве здесь безусловно не к месту, и здесь надо посмотреть, какой вопрос требует администраторского решения. Тов. Милонов хотел таким словечком пострашней блеснуть, а вышло нескладно, что будто я «административно» наклеиваю ярлык. Я не раз говорил, что на собраниях тов. Шляпников¹⁵⁾ и другие упрекали меня, что я терроризирую словом синдикализм. И на какой-то дискуссии, чуть ли не на съезде горнорабочих, при упоминании об этом, я говорил тов. Шляпникову: кого из взрослых людей вы хотите обмануть? Ведь мы с тов. Шляпниковым знаем друг друга много лет,—много лет во время еще работы в подполье и эмиграции,—и как же можно заявлять, что характеристикой отдельных уклонов я кого-то терроризирую. И при чем здесь администраторство, когда я говорю про положения «рабочей оппозиции»,—что это синдикализм? И почему тов. Коллонтай пишет, что я легкомысленно бросаю слово «синдикализм»? Чтобы говорить так,—надо бы немножко это доказать. Я готов в кредит принять, что мое доказательство неправильно, а утверждение тов. Коллонтай более солидно,—я готов этому поверить. Но нужно хотя маленькое доказательство не словами о терроризировании или администрировании (которым я, к сожалению, по должности много занят), но точным ответом в опровержение выдвигаемого мною обвинения «рабочей оппозиции» в ее уклоне в синдикализм.

Это обвинение было сделано мною перед всей партией, — сделано ответственно, и это отпечатано в брошюре, и все это читали. Очевидно, все товарищи готовились к этому съезду и все должны знать, что синдикалистский уклон, это и есть анархический уклон, и что «рабочая» оппозиция, которая укрывается за пролетарской сининой, и есть мелко-буржуазная, анархическая стихия.

Что эта стихия проникает в широкие массы, это видно, и партийный съезд осветил это. Что эта стихия проводится в жизнь,—это доказано брошюрами тов. Коллонтай и тезисами, тов. Шляпникова. И тут нельзя отделаться только тем, что, как всегда тов. Шляпников говорит о своем истинно-пролетарском характере. Тов. Коллонтай начинает свою брошюру так. На 1-й странице мы читаем: «В оппозицию входит передовая

часть классово-организованных пролетариев». На съезде горнорабочих, делегат из Сибири указывал на то, что у них поднимались такие же вопросы, как и в Москве, и на это тов. Коллонтай указывает также в своей брошюре.

«У нас понятия не имели о том, что в Москве идут разногласия и дискуссии о роли профсоюзов,—говорил делегат из Сибири на съезде горнорабочих,—а нас волновали те же вопросы, что стоят перед вами». За рабочей оппозицией стоят пролетарские массы или точнее: рабочая оппозиция — это классово-спаянная, классово-сознательная и классово-выдержанная часть нашего промышленного пролетариата.

Ну, слава богу, так и будем знать, что тов. Коллонтай и тов. Шляпников — классово-спаянные, классово-сознательные. Но, товарищи, когда так говоришь и так пишешь, то нужно немножко знать и меру. На странице 25-й этой брошюры тов. Коллонтай пишет: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством»,—и это является одним из главнейших пунктов тезисов. Это тезис «рабочей оппозиции» — тот самый тезис, который я во всех случаях дискуссии и в печати приводил. И должен сказать, что, прочитавши этот тезис, я уже других не стал читать, потому что это значило бы терять время, так как после этих тезисов ясно, что люди уже договорились, что это является мелкобуржуазной, анархической стихией. Я указывал на II съезде Коминтерна, летом, на резолюцию о роли коммунистической партии. Эта резолюция является резолюцией, объединяющей коммунистических рабочих в коммунистические партии всего мира. Эта резолюция объясняет все. Значит ли это, что мы партию отгораживаем от всего рабочего класса, определенно осуществляющего диктатуру? Так смотрят некоторые левые и очень многие синдикалисты, и сейчас этот взгляд распространен повсюду. Этот взгляд и есть порождение мелкобуржуазной идеологии. Ведь эти тезисы бьют в лицо решению II съезда Коминтерна о роли коммунистической партии и об осуществлении диктатуры пролетариата. Это и есть синдикализм, потому что, вы подумайте, ясно, что наш пролетариат, в большей части своей, деклассирован, что неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраниваться в деревне и переставали быть рабочими. Разве мы этого не знаем и не наблюдаем, как неслыханные кризисы, гражданская война, прекращение правильных взаимоотношений между городом и деревней, прекращение подвоза хлеба создавали обмен каких-нибудь мелких

продуктов, изготавливаемых на больших заводах, каких-нибудь зажигалок, — на хлеб, когда рабочие голодают и когда хлеб не подвозят? Что же — мы не видели этого на Украине, мы этого не видели в России? Это все и есть то, что экономически и порождает деклассирование пролетариата, что неизбежно вызывает это, заставляет проявляться и там буржуазно-анархические тенденции.

После того, что мы пережили, что мы все это практически видели, все эти бедствия, мы знаем, как чертовски трудно с ними бороться. Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию. И нас тогда бешено ругали анархисты и синдикалисты, которые говорили: «Вот как, они думают, что для осуществления пролетарской диктатуры необходима коммунистическая партия». Но мы это сказали перед всем Коммунистическим Интернационалом. И после этого к нам приходят люди, «классово-сознательные и классово-спаянные», которые говорят, что «организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей» (брошюра тов. Коллонтай). Всероссийский съезд производителей — что это такое? Будем ли мы еще терять время на такие оппозиции в партии? Мне кажется, что довольно об этом дискутировать. Все эти рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые во всей этой брошюре пестрят и сквозят во всех речах «рабочей оппозиции», составляет девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла, — все эти слова того же порядка. Ведь, надо же, товарищи, не только говорить о словах, но и о содержании их. Нас словами, вроде «свобода критики»; не проведешь. Когда сказали, что в партии есть признаки болезни, мы говорили, что это указание заслуживает тройного внимания: несомненно, эта болезнь есть. Давайте помогать эту болезнь лечить. Скажите, как вы можете ее лечить? У нас прошло довольно много времени в дискуссии.

Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций.

Свободно критиковать эта группа имела право уже давно. И мы спрашиваем теперь, на партийном съезде, каковы итоги, каково содержание нашей критики, чему вы вашей критикой партию научили? Тех из вас, которые ближе к массам стоят, к массам, действительно классово-спаянным и классово-зрелым, мы готовы привлечь к работе. Если товарищ Осинский будет усматривать в этом политикачество,

то он останется один, а остальные усмотрят в этом целесообразную помощь членам партии. Мы должны действительно помочь тем, которые действительно живут в рабочей массе, ближе ее знают, имеют опыт; и они могут дать ЦК свои указания. И пусть они себя называют, как угодно, — это все равно, — если только они будут помогать работе, если они не играют в оппозицию и не отстаивают группы и фракции во что бы то ни стало, а будут лишь нам помогать.

И когда нам на той же странице своей брошюры товарищ Коллонтай жирным шрифтом пишет о «недоверии к рабочему классу», это на тему о том, что они-де настоящая «рабочая» оппозиция. На 36-й странице той же брошюры есть еще более яркое выражение этой мысли: «рабочая оппозиция» не должна идти, да и не может идти на уступки, это не значит звать к расколу. «Нет, ее задача иная. Даже в случае поражения на съезде—оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию». «Даже в случае поражения на съезде»,—скажите, пожалуйста, как предусмотрительно! Извините, но я от себя лично позволю с уверенностью заявить, что этого партийный съезд не позволит. Выпрямлять линию партии имеет право всякий. Вам дали все возможности для этого.

На партийном съезде поставили условие, чтобы не было и тени подозрения по обвинению в том, что мы хотим кого-нибудь исключить. Мы приветствуем всякую помощь в деле проведения демократизма. Но его фразами одними не проведешь, когда народ измучен. Всякий, кто хочет помочь делу, должен быть приветствуем, а когда так говорят, что на уступки не пойдут, то съезд этого не допустит. Тут никаких двусмысленностей оставлять мы не имеем права. Работа помощи в борьбе с бюрократизмом, работа помощи в отстаивании демократизма, помощь в деле большей связи с действительно рабочими массами—безусловно необходимы. Итти в этом отношении на «уступки» мы можем и должны, и как бы нам ни говорили, что они на уступки не идут, мы будем повторять, что мы идем. Это вовсе не уступки, это помощь рабочей партии. Этим мы все, что есть, здорового и пролетарского в рабочей оппозиции, мы все получим на сторону партийную, останутся «классово сознательные» авторы синдикалистских речей. Последняя Московская конференция сказала: «Мы возьмем из рабочей оппозиции того, кого мы хотим, а не кого они хотят»,—потому что нам нужна помощь людей, связанных с рабочими массами, которые практически научат нас бороться с бюрократизмом. Это трудная задача. Мне кажется, партийному съезду этот опыт москвичей нужно учесть и также приступить к экзамену, и не только на этом пункте, а на всех пунктах порядка

дня экзамен дать. В результате, людям, которые говорят, что «на уступки не идут», сказать: «А партия на уступки идет», — нужно, чтобы работа была дружная. Этой политикой мы отсеем здоровое от нездорового в «рабочей оппозиции» и получим укрепление партии.

Посмотрите, здесь говорили, что управлять производством должен «всероссийский съезд производителей». Я затрудняюсь, какими словами следует еще эту несурзапицу характеризовать, но утешаюсь тем, что здесь все партийные работники — советские, которые уже год, два, три революционную работу делают. Перед ними не стоит это и критиковать. Они потому и прения закрывают, когда такие речи слышат, что это скучно, не серьезно говорить о «всероссийском съезде производителей», который управляет народным хозяйством. Может быть, это можно было бы в стране, где никакого приступа к работе, при взятой уже политической власти, не было. У нас этот приступ есть. И любопытно, что на странице 33-й той же брошюры мы находим следующее: «Рабочая оппозиция не настолько невежественна, чтобы не учитывать великой роли техники и технически выпколенных сил. «Рабочая оппозиция не мыслит создать свои органы управления народным хозяйством, избранные на съезде производителей, и затем распускать совнархозы, главки, центры. Нет, она мыслит иное: — подчинить эти технические и необходимые центры управления своему руководству, давать им теоретические задания, использовать их так, как в свое время фабриканты и заводчики использовали силы специалистов-техников». Итак, тов. Коллонтай и тов. Шляпников и следующие за ними «классово-спаянные» люди подчиняют своему необходимому руководству совнархозы, главки, и центры, — всяких Рыковых, Ногиных и прочие «ничтожества», и будут давать им теоретические задания. И что же, товарищи, разве можно это взять всерьез? Если у вас были какие-либо теоретические задания, почему вы их не давали? Для чего мы объявляли свободу дискуссий? Мы объявляли не для одного обмена словами. Во время войны мы говорили: нам не до критики, если мы делаем ошибку, — нас ждет Врангель, мы ее исправляем тем, что бьем Врангеля. Когда мы кончили войну, нам начинают кричать: «Давайте свободу дискуссий». Когда мы спрашиваем, скажите, какие ошибки сделали, нам говорят: не нужно распускать совнархозы и главки, им надо давать теоретические задания. Почему тов. Киселев, который на съезде горнорабочих, как представитель классово-спаянной рабочей оппозиции, остался в ничтожном меньшинстве, почему, когда он стоял во главе Главтекстиля, он не научил нас борьбе с бюрократией, почему тов. Шляпников, когда он был наркомом, почему тов. Коллонтай, когда она была также наркомом, не научили нас борьбе с бюрокра-

тизмом? Мы сами знаем, что бюрократический налет у нас есть, и мы, которым приходится ближе всего иметь дело с этим бюрократическим аппаратом, мы от этого страдаем. Подписываем бумажку, а как дойдет она до дела? Как это проверить, когда бюрократический аппарат такой громадный? Вы знаете, как его уменьшить,—поделитесь, пожалуйста, с нами, дорогие товарищи, вашим знанием. У вас есть желание дискуссировать, но, кроме общих заявлений, вы ничего не даете. Вместо этого вы занимаетесь чистой демагогией. Прочитайте все, товарищи, эту брошюрку, убедительно вас прошу. Лучшего материала против рабочей оппозиции, чем брошюра тов. Коллонтай «Рабочая оппозиция», — быть не может. Вы увидите, что так подходить к вопросу действительно нельзя. Что бюрократизм есть вопрос больной, это мы все признаем, это есть даже в нашей партийной программе. Критика против главков и совнархозов очень легка, но когда вы так критикуете, беспартийные рабочие массы понимают—распустить, это подхватывают эс-эры. Мне сказали товарищи украинцы, что у них на конференции левые эс-эры буквально свои предложения формулировали таким же образом. «Рабочая оппозиция» говорит: мы распускать совнархозы не будем, а подчиним своему руководству всероссийский съезд производителей. Подчиним своему руководству 71 главк совнархоза. Я спрашиваю, смеются что ли они, и можно ли таких людей брать всерьез. Это есть мелко-буржуазная, анархическая стихия не только в рабочей партии, но и внутри нашей партии, и этого допустить мы ни в каком случае не можем. Когда мне приходилось на II съезде горнорабочих спорить с гг. Троцким и Киселевым, эти две точки зрения выступали явно. «Рабочая оппозиция» говорила: Ленин и Троцкий соединяются. Троцкий выступил и говорил: «Кто не понимает, что нужно соединиться, тот идет против партии; конечно, мы соединимся, потому что мы люди партии». Я поддержал его. Конечно, мы с тов. Троцким расходились, и когда в ЦК образуется более или менее равная группа, партия рассудит и рассудит так, что мы объединимся согласно воле и указаниям партии. Вот с каким заявлением мы с тов. Троцким шли на съезд горнорабочих и пришли сюда, а «рабочая оппозиция» говорит: «Мы не будем делать уступок, но мы останемся в партии». Нет, этот номер не пройдет! Еще раз скажу, что нам в борьбе с бюрократизмом всякая помощь рабочего, как бы он себя ни называл, если он хочет искренно нам помогать, архижелательная помощь. В этом смысле, мы на «уступки» пойдем, какие бы вызывающие нас ни делали заявления, мы на уступки пойдем, потому что мы знаем, как трудно работать. Распустить совнархоз и главки мы не можем. Когда говорят, что у нас есть недоверие к рабочему классу,

что мы не пускаем,—это сплошная неправда. Всякого сколько-нибудь сносного администратора из рабочих мы ищем и рады взять, мы его испытываем. Я указывал, что противоположное утверждение — неправда, что мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека,—а из рабочих втрое,—мы берем обеими руками. Но у нас их нет. На этой почве является анархия. Тут надо поддержать борьбу с бюрократизмом, — это сотни тысяч людей.

Что мы будем с ними делать? Легко писать об этом. Вы сами понимаете, что значит расслабить советский аппарат, когда 2 миллиона русских находится за границей. Их выгнала гражданская война. Они нас ошастливили тем, что теперь заседают в Берлине, Париже, Лондоне и во всех столицах, кроме нашей. Они поддерживают ту же стихию, которая называется мелким производителем, мелко-буржуазной стихией.

Все, что можно сделать для того, чтобы изжить бюрократизм путем выдвигания рабочих снизу,—мы будем делать, всякое практическое указание в этом отношении примем. Если называть это даже неподходящим словом «уступок», как здесь называют, нет сомнения, что 99 проц. съезда скажет вопреки этой брошюрке: а мы пойдем вопреки этому и завоюем все, что есть здорового. Становитесь вместе с рабочими и научите, как бороться с бюрократизмом, если знаете лучше нас, а не выступайте так, как выступал Шлянников. Это такая вещь, от которой нельзя отмахнуться.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г.

Речь о профессиональных союзах.

(Заседание 14 марта 1921 г.)

Товарищи, сегодня тов. Троцкий особенно вежливо полемизировал со мной и упрекал или называл меня архи-осторожным. Я должен его поблагодарить за этот комплимент и выразить сожаление, что лишен возможности вернуть его обратно. Напротив, мне придется говорить о моем неосторожном друге, чтобы выразить подход к той ошибке, из-за которой я так много лишнего времени потерял и из-за которой приходится теперь продолжать прения по вопросу о профсоюзах, не переходя к вопросам более актуальным. Тов. Троцкий свое заключительное слово по вопросу о профдискуссии сказал в «Правде» от 29 января 1921 г. В своей статье «Есть разногласия, но к чему пута-

ница?» он упрекал меня в том, что я в этой путанице повинен, что я ставлю вопрос: кто первый сказал: «Э». Обвинение это целиком поворачивается на Троцкого: именно он валит с больной головы на здоровую. Весь его фельетон был построен на том, что он выдвигал производственную роль профсоюзов, и что об этом надо говорить. Неверно, не это создало разногласия, не это сделало их болезненными, и как ни скучно повторять после дискуссии, — правда, я участвовал в ней только один раз, — и повторять до чрезмерности, — надо повторить, что исходным пунктом было не это, а был тот лозунг «перетряхивания», который был брошен на конференции 2—6 ноября, на всероссийской конференции профсоюзов. И тогда уже казалось всем, кто не прозевывал резолюции Рудзутака, — а к числу таких принадлежали и чекисты, и я в том числе, — что по вопросу о производственной роли профсоюзов не разыщут разногласий, а трехмесячная дискуссия их разыскала; эти разногласия были, и они представляют собой политическую ошибку. Товарищ Троцкий меня упрекал на дискуссии в Большом театре перед ответственными работниками в том, что я срывал дискуссию. Это я зачислю себе в комплимент; я старался сорвать дискуссию в том виде, как она пошла, потому что такое выступление перед тяжелой весной было вредно. Это только слепым было не видно.

Почему я говорю о вхождении в комиссию? Да потому, что это имеет большое значение, тов. Троцкий, — очень большое значение, потому что невхождение в профкомиссию было бы срывом дисциплины ЦК. И когда об этом говорит Троцкий, от этого получается не спор, а трясение партии и озлобление, бывают крайности, — тов. Троцкий употребил выражение «осатанение». Я припоминаю одно выражение тов. Гольцмана, — я не стану цитировать его, потому что слово «сатана» напоминает что-то страшное, а Гольцман напоминает собой нечто милое, — поэтому здесь нет «осатанения», но что бывают крайности с обеих сторон, и что гораздо чудовищнее, — были некоторые крайности некоторых милейших товарищей, забывать этого не следует. Но когда сюда прибавляется еще авторитет тов. Троцкого, и когда он 25 декабря выступает публично и говорит, что съезд должен выбирать между двумя тенденциями, — эти слова непростительны! Эти слова составляют политическую ошибку, из-за которой мы боремся. И когда здесь острят по поводу того, что бывают совещания в 2-х комнатах, — это наивно. Я хотел бы посмотреть того шутника, который скажет, что запрещаются совещания делегатов на съезде, чтобы не раскололись их голоса. Это было бы слишком большим преувеличением. Была допущена политическая ошибка тов. Троцким и Цектраном в том, что вопрос о «перетряхивании» был поставлен в корне неправильно.

Это — политическая ошибка, и она до сих пор не исправлена. Насчет транспорта есть резолюция.

Мы же говорим о профессиональном движении, об отношении авангарда рабочего класса к пролетариату. Если мы кого-либо с высоких должностей смещаем, то в этом ничего порочного нет. Это никого не порочит. Если вы сделали ошибку, съезд признает ее и восстановит взаимоотношение и взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой. Вот значение платформы «Десяти». Если есть в платформе вещи заменимые, если это подчеркивает Троцкий и развивает Рязанов, — это пустяки. Если говорят в речи, что в платформе видна рука Ленина, то или другое участие его, — то я скажу: что если бы я во всем, что мне надо подписывать, участвовал рукой или телефонным разговором, я давно бы сошел с ума. Я говорю, что для того, чтобы установить взаимоотношение, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку, — каждому случается увлекаться, — если сделана ошибка, надо было ее исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности. Если бы максимально возможного в смысле демократии не сделали из тех настроений, которые здесь выражает Кутузов⁸⁰), мы бы пришли к политическому краху. Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить. Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами.

Когда такие люди, как Кутузов, часть деловой речи направляют на указание на бюрократические безобразия нашего аппарата, мы отвечаем: это верно, наше государство — есть государство с бюрократическим извращением. С этим мы зовем бороться и беспартийных рабочих. И здесь я должен сказать, что такого типа товарищей, как Кутузов, надо к этой работе привлечь поближе и поставить на должности повыше. Вот урок, который вытекает из нашего опыта.

Что касается синдикалистского уклона, достаточно сказать два слова Шляпникову, ссылавшемуся на то, что «всероссийский съезд производителей», о котором написано буквально черным по белому в их платформе и подтверждено Коллонтай, что это будто бы может быть защищено ссылкой на Энгельса, — это смешно. Энгельс говорит о коммунистическом обществе. Там не останется классов, — там будут производители. А сейчас у нас есть классы? Есть. Сейчас у нас есть борьба классов?.. Самая бешеная! И в момент самой бешеной борьбы классов приходится и говорить: «всероссийский съезд производителей», — что это как не синдикалистский уклон, который

надо решительно и окончательно осудить? В той чехарде платформ, которая была, мы видели, что даже Бухарин споткнулся на кандидатурах одной трети... Товарищи, в истории партии мы таких штатаний забывать не должны.

И сейчас, поскольку «рабочая оппозиция» защищала демократию, поскольку она ставила здоровые требования, мы сделаем максимум для сближения с нею, и съезд, как съезд, должен произвести определенный отбор. Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом,— идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться, но если вы предлагаете «всероссийский съезд производителей»,—это не марксистская, не коммунистическая точка зрения. «Рабочая оппозиция» истолковывает стараниями Рязанова фальшиво программу. В программе сказано: «профсоюзы *должны притти* к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым». Шляпников думает, преувеличивая, как всегда,— что, по-нашему, это будет через 25 столетий... Программа говорит: профсоюзы «должны притти», и когда съезд скажет, *что они пришли*,—тогда это требование будет осуществлено.

Товарищи, когда теперь съезд перед пролетариатом всей России, перед пролетариатом всего мира заявит, что он считает выставляемые «рабочей оппозицией» предложения за синдикалистский полууклон, я уверен, что все, что есть истинно-пролетарского, здорового в оппозиции, оно пойдет за нами, оно поможет восстановить доверие масс к нам, подорванное из-за небольшой цектранистской ошибки, и общими силами мы сможем упрочить, сплотить наши ряды и едиными выйти на тяжелую борьбу, которая предстоит. И пойдя на нее дружно, решительно, твердо, мы в этой борьбе победим.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г.

Натуральный налог.

(Заседание 15 марта 1921 г.)

Товарищи, вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству. Постановка этого вопроса означает, что мы должны отношения этих двух главных классов, борьба между которыми или соглашение между которыми определяют судьбы всей нашей революции, подвергнуть новому или, я бы сказал, пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру. Мне нет надобности

подробно останавливаться на вопросах о причинах такого пересмотра. Вы все, конечно, прекрасно знаете, какая сумма событий особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванной войной, разорением, демобилизацией и неурожаем, какая сумма обстоятельств сделала положение крестьянства особенно тяжелым, острым и неизбежно усилила колебание его от пролетариата к буржуазии.

Два слова о теоретическом значении или о теоретическом подходе к этому вопросу. Нет сомнения, что социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть в течение десятков лет сложившийся класс наемных рабочих земледелия. Только такой класс социально, экономически и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, переход от капитализма к социализму возможен. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной из нескольких передовых странах.

Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение, это — понятие очень широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов. Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации на-чистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Классов обмануть нельзя. Мы очень много сделали за 3 года, чтобы политическую сознательность в массах подпять. Массы из острой борьбы учились больше всего. Нам надо — согласно нашему мирозерцанию, 10-летнему нашему революционному опыту, урокам нашей революции —

ставить вопросы прямоком: интересы классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. И так, прямоком, во всех собраниях, во всей прессе нужно говорить. Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямоком, что крестьянство формой отношений, которая у нас установилась, недовольно, что оно этой формы соотношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать.

Мы должны сказать: хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно. Целый ряд исторических примеров и примеров революции это свидетельствует. Весьма небольшое рассуждение из азбуки коммунизма, из азбуки политической экономии подтвердит неизбежность этого. Давайте же разбирать. Расчет ли крестьянству расходиться с пролетариатом так, чтобы докатиться назад и позволять стране откатываться от власти капиталистов и помещиков, или не расчет? Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе.

И мы думаем, что если рассчитывать правильно, то, при всей сознательной глубокой розни экономических интересов пролетариата и мелкого земледельца, расчет будет в нашу пользу.

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство — должна быть разрешена. Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнилельно, кулак подрезан и в значительной части экспроприирован. В России больше, чем на Украине, в Сибири меньше, но, в общем и целом, данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнивалась, т.-е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка.

Можем ли мы удовлетворить это среднее крестьянство, как такое, с его экономическими особенностями, с его экономическими корнями? Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер, и, нечего греха таить, таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно

худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров? Практика, разумеется, показала, какую огромнейшую роль могут играть всевозможного рода опыты и начинания в области коллективного ведения земледельческого хозяйства. Но практика показала, что эти опыты, как таковые, сыграли и отрицательную роль, когда люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню устраивать коммуны, коллективы, не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Вы прекрасно знаете, сколько было таких примеров. Повторяю, что это неудивительно, ибо дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца. Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну — такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее, чем десятилетиями. Вот какова объективная обстановка.

Теперь спрашивается, как это сделать? Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые не удовлетворены, которые недовольны и законно недовольны и не могут быть довольны. Мы должны сказать: «Да, такое положение не может держаться дальше». Как его удовлетворить и что значит удовлетворить его? Откуда мы можем взять ответ на вопрос о том, как его удовлетворить? Конечно, из тех же самых требований. Мы эти требования знаем. Но мы должны проверить их, свести в экономическую науку все то, что мы знаем об экономических требованиях земледельца. Вникая в этот вопрос, мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, — *нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина*, а во-вторых, *нужно достать товары и продукты*. Что за свобода оборота, ежели нечего оборачивать, и свобода торговли, ежели нечем торговать! Это останется бумажкой, а классы удовлетворяются не бумажками, а материальными вещами. Эти два условия надо хорошенько понять. Как нам достать товары, об этом мы будем говорить потом. Сумеет ли мы их достать, на этом надо остановиться. Что такое свобода оборота? Свобода оборота, это есть свобода торговли, а свобода торговли, значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли,

это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рук, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т.-е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и к условиям хозяйства мелкого земледельца, не может не наблюдать этого.

Спрашивается, как же так, может ли коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий? На это надо ответить, что вопрос, разумеется, в практическом разрешении чрезвычайно труден. Я заранее предвижу и из беседы с товарищами знаю, что предварительный проект замсны разверстки налогом, проект, который вам роздан, больше всего вопросов законных и неизбежных вызывает насчет того, что обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота. Что это значит, каковы этому пределы, как это осуществить? Если кто думает на такой вопрос получить ответ на данном съезде, тот ошибается. Ответ на этот вопрос мы получим от нашего законодательства. *Наша задача установить только принципиальную линию, выставить лозунг.* Наша партия — правительственная партия, и то постановление, которое вынесет партийный съезд, будет обязательным для всей республики, и здесь мы должны принципиально решить этот вопрос. *Мы должны решить вопрос принципиально, оповестить об этом крестьянство, потому что посея на посея.* И дальше — двинуть весь наш аппарат, все наши теоретические силы, весь наш практический опыт, чтобы посмотреть, как это сделать. Можно ли это сделать, теоретически говоря, можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корни политической власти пролетариата? Можно ли это? — Можно, ибо вопрос в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, могли бы пустить эти товары в оборот, — мы бы, как государство, к политической власти своей прибавили экономическую власть. Введение этих товаров в оборот оживит мелкое земледелие, которое сейчас страшно замерло под гнетом тяжелых условий войны, разорения и под гнетом невозможности развернуть мелкое земледелие. Мелкий толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, т.-е. мелкому отдель-

ному хозяйству. Тут из местной свободы оборота не выскочишь. Если этот оборот дает государству в обмен на продукты известное минимальное количество хлеба, достаточное для покрытия потребностей города, фабрики, промышленности, тогда экономический оборот восстанавливается так, что государственная власть в руках пролетариата остается и укрепляется. Крестьянство на практике требует показать ему, что рабочий, держащий в своих руках фабрики, заводы, промышленность, может оборот с крестьянством поставить. И, с другой стороны, громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различными сельско-хозяйственными условиями и проч. неизбежно предполагает известную свободу оборота в местном масштабе местного земледелия и местной промышленности.

В этом отношении было много просто ошибочного и было бы величайшим преступлением здесь видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюдать. Но тут также была вынужденная необходимость, — мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической. И чудом было, что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно поднялось из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом: этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам. Но, в то же время, факт несомненный и его не нужно скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо. Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать — это дело практики. Мое дело доказать вам, что теоретически это мыслимо. Пролетариату, держащему в руках государственную власть, если у него имеются какие-нибудь ресурсы, вполне возможно пустить их в оборот и достигнуть этим известного удовлетворения среднего крестьянина, удовлетворить на основе местного хозяйственного оборота.

Теперь несколько слов о местном хозяйственном обороте. Предварительно я должен коснуться вопроса о кооперации. Конечно, при местном хозяйственном обороте кооперация нам нужна. Наша программа подчеркивает, что лучший аппарат для распределения есть оставшаяся от капитализма кооперация, что этот аппарат нужно сохранить. Это говорится в программе. Использовали ли мы кооперацию? Очень недостаточно: опять-таки частью по ошибке, частью

по военной нужде. Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эс-эров. Это химический закон, тут ничего не поделаешь... Меньшевики и эс-эры — это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны с ними воевать. Коли воевать, так по-военному. Мы должны были защищать себя, и мы себя защитили. Но можно ли остаться непременно при теперешнем положении? Нельзя. И связывать этим руки будет безусловно ошибкой. Вот почему по вопросу о кооперации я предлагаю резолюцию, которая очень коротка, и я ее прочту:

«Ввиду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется натуральным налогом, X съезд РКП постановляет:

Указанную резолюцию отменить.

Съезд поручает ЦК выработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшили и развили строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом».

Но резолюция IX съезда связывает руки, она говорит: «Подчинить Компроду». Компрод прекрасное учреждение, но обязательно подчинить ему кооперацию и связывать себе руки, когда пересматриваешь отношения к мелким земледельцам, — это политически делать явную ошибку. Мы должны поручить выбранному ЦК разработать и установить меры и изменения. Мы в этом отношении стоим, говоря теоретически, перед целым рядом переходных ступеней, переходных мер. Для нас ясно одно: резолюция IX съезда предполагала, что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами. Связывать руки такой резолюцией — политическая ошибка. Отменяя ее, мы говорим, что надо руководствоваться программой, которая подчеркивает значение кооперативного аппарата.

Отменяя ее, мы говорим: применяйтесь к замене разверстки налогом. Но когда мы это проведем? — Не раньше урожая, т.е. через несколько месяцев. Одинаково это будет в разных местностях? Ни в коем случае. Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонировать, подчинять известному шаблону, будет величайшей глупостью. Я предлагаю эту основную мысль о свободе местного оборота вынести в виде постановления съезда. Мыслью себе, что после этого непременно будет в ближайшие дни письмо ЦК, который скажет, и, конечно,

он скажет это лучше, чем я говорю это сейчас: «Ничего не ломайте, не спешите, не мудрите наспех, поступайте так, чтобы максимально удовлетворить среднее крестьянство, не нарушая интересов пролетариата. Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически на опыте, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось, а мы создадим специальную комиссию или даже несколько комиссий, которые собравший опыт учтут. Чтобы идти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить принятые меры.

Нам предложат вопрос и пожелают узнать, где достать товары. Теперь сможем, потому что наше экономическое положение в международном масштабе улучшилось в громадной степени. Как мы это сумеем сделать, это другой вопрос, но известная возможность есть.

Повторяю, тип экономических отношений, который получает этот блок союзных государств вверху, даст возможность для пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу. Я знаю, это мне уже приходилось говорить, что это вызывало некоторые насмешки. В Москве есть целый слой интеллигентски-бюрократический, который пытается создавать «общественное мнение». Он начал потешаться: вот так коммунизм вышел, вроде того, как человек, внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от этого коммунизма остается загадочная картинка. Этого рода шуточки я достаточно слышал, но шуточки эти либо бюрократические, либо пессерьзные. Россия из войны вышла в таком положении, что больше всего похожа на состояние человека, которого избили до полусмерти. 7 лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться. Вот мы в каком положении! Тут думать, что мы можем вылезти без костылей,—значит ничего не понимать. Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотен миллионов, а то и миллиардов, поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты,—нельзя. Это надо понять. И поэтому либо это тип экономических отношений, либо ничего. Кто иначе ставит вопрос, тот не понимает в практической экономике абсолютно ничего и отделяется теми или иными остротами. Надо признать такой факт, как переутомление и изнеможение. Семь лет войны, как они должны были сказаться, если 4 года войны в передовых странах до сих пор дают себя чувствовать там!

А у нас, в нашей отсталой стране, после семилетней войны это прямо состояние изнеможения. Это изнеможение, это состояние, близкое к полной невозможности работать. Тут нужна экономическая передышка. Я оглашу справку, которую я имею от тов. Лежавы⁸¹). Из нее мы видим, что несколько сот тысяч пудов разнообразных предметов продовольствия уже куплены и в самом спешном порядке идут из Литвы, Финляндии и из Латвии. Сегодня получено известие, что в Лондоне подписана сделка на уголь в количестве $18\frac{1}{2}$ милл. пудов, который мы постановили купить, чтобы оживить промышленность питерскую и текстильную. Если мы получим товары для крестьянина, это есть, конечно, нарушение программы, это есть неправильность, но нужно дать передышку, потому что народ переутомлен так, что иначе он не в состоянии работать.

Должен сказать еще относительно индивидуального товарообмена. Если мы говорим о свободе оборота, то это означает индивидуальный товарообмен, т.-е., значит, поощрять кулаков. Как же быть? Не надо закрывать глаза, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло. Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами. Если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты. Пока не можешь дать этого, дай известное количество товару. Если они в твоих руках, — ты держишь власть, но приостановить, зарезать, отместить такую возможность — это значит отнять всякую возможность оборота, это значит не удовлетворить среднее крестьянство. Крестьянство в России стало больше средним и бояться, что обмен станет индивидуальным, — нечего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий — трудовую повинность. В основном положение такое, — что мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе — сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя, экономически мы не сможем. Это надо ясно сознать и несколько не бояться об этом говорить. В проекте, вы увидите, много несогласованности, есть противоречия, поэтому мы и написали в конце: «Съезд, одобряя в основном внесенные ЦК положения о замене разверстки натуральным налогом, поручает ЦК партии в скорейшем порядке согласовать эти положения». Мы знаем, что они не были согласованы, мы не могли

успеть этого сделать, мы не касались этой детальной работы. Детально разработает формы проведения налога в жизнь и проведет соответствующий закон ВЦИК и Совет Народных Комиссаров. Если вы это примете сегодня, то это будет постановлено в 1-й сессии ВЦИК, которая тоже издаст не закон, а только видоизмененное положение, затем Совнарком и Совет Труда и Оборона превратят это в закон, а что еще более важно — дадут практические инструкции. Важно, чтобы на местах поняли значение этого и пошли нам навстречу.

Почему нам нужно было заменить налогом разверстку? *Разверстка предполагала изъять все излишки, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды.* Теоретически это не обязательно, государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма, но как переходная мера в стране крестьянской, которая имеет промышленность и промышленность работает. И если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который по возможности будет определен заранее. Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу. *Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем.* Перед государством стояла определенная продовольственная обязанность. *Наша разверстка в прошлом году была увеличена. Налог должен быть меньше.*

Если будет неурожай, брать излишки нельзя, потому что излишков не будет. Их пришлось бы взять изо рта крестьян. Если будет неурожай, тогда — все поголодают немножко, и — государство будет спасено; либо, если не сумеем взять у людей, которые не в состоянии наесться досыта, государство погибнет. Это задача нашей пропаганды среди крестьян. Если сносный урожай — излишков до полумиллиарда, они покрывают потребление и дают известный фонд. Все дело в том, чтобы дать крестьянам стимул, побудитель с точки зрения экономики. Нужно сказать сельскому хозяину: ты, хозяин, давай продукты, а государство берет минимальный налог. Поэтому мы предлагаем принять резолюцию за основу и поручаем согласовать ее. Работники на местах постараются согласовать и пополнить. Согласовать до конца нельзя, это неразрешимая задача, потому что жизнь слишком пестра. Искать переходные меры — задача очень трудная. Не удалось быстро и прямолинейно это сделать, — мы духом не упадем, мы свое возьмем.

Сколько-нибудь сознательный крестьянин не может не понять, что мы, как правительство, представляем рабочий класс и тех трудящихся, с которыми могут согласиться трудящиеся крестьяне (а их $\frac{9}{10}$), что всякий поворот назад означает возвращение к старому царскому правительству. Это показывает Кронштадтский опыт ⁷⁵). Там не хотят белогвардейцев, а другой власти нет, не хотят нашей власти и стоят в таком положении, которое является лучшей агитацией за нас и против всякого нового правительства.

Мы имеем сейчас возможность согласиться с крестьянами, и это нужно провести практически, умело, со сметкой, гибкостью. Мы знаем наш аппарат Компрода, мы знаем, что он один из лучших наших аппаратов. Сравнивая его с другими, мы видим, что это лучший аппарат, и он должен быть сохранен, но аппарат должен быть подчинен политике. Не к чему нам великолепнейший компродовский аппарат, если мы не сумеем наладить отношение с крестьянами. Тогда этот великолепнейший аппарат будет служить не нашему классу, а Деникину и Колчаку. Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого перехода, руководители должны это понять. Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров. Если же твердость аппарата превращается в закостенелость, мешает поворотам, тогда борьба неизбежна. Поэтому нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике. Политика есть отношение между классами,— это решает судьбу республики. Аппарат, как подсобное средство, чем тверже, тем он лучше и пригоднее для маневров. А если он не в состоянии этого выполнить, он ни на что не годен. И я приглашаю вас иметь в виду основное,— что разверстка в деталях и толкованиях — работа нескольких месяцев. А сейчас нам надо иметь в виду основное, нам нужно, чтобы вечером же было разослано по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев; что съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г

Заключительное слово.

(Заседание 15 марта 1921 г.)

Товарищи, я хотел бы с самого начала сказать несколько слов по вопросу о кооперации. Доклад тов. Цюрупы⁸²⁾, как он сам заявил и как мы все слышали здесь, не был содокладом в смысле противопоставления докладчиком принципиально иной точки зрения. Решение ЦК о замене разверстки налогом было настолько единодушно, и, главное, мы сразу увидели еще до открытия работ съезда, что на местах различные товарищи независимо от этого, на основании указаний практического опыта пришли к тем же выводам, — что сомневаться в целесообразности и необходимости такой меры по существу нет возможности. И доклад тов. Цюрупы сводился к дополнениям и предостережениям по ряду вопросов, но не заключал в себе предложения иной политики.

Отступлением от этой общей линии в докладе тов. Цюрупы был лишь вопрос о кооперации. Здесь тов. Цюрупа возражал против предлагаемой мной резолюции, но мне кажется, что его возражения нельзя признать убедительными. Каким образом будут развиваться отношения местного свободного хозяйственного оборота, — через кооперацию или путем воссоздания мелкой частной торговли, — мы едва ли можем сейчас окончательно установить. Этот вопрос рассмотреть надо, — это несомненно, — и в этом отношении нам предстоит внимательно присмотреться к местному опыту; с этим, конечно, мы все согласимся. Я думаю, однако, что известное преимущество кооперации остается. Если она политически, как я уже указывал, служит местом организации, централизации, объединения элементов, политически враждебных нам, проводящих по сути дела колчаковскую и денкинскую политику, — то, конечно, кооперация по сравнению с мелкими хозяйствами, с мелкой торговлей изменяет только форму дела. Разумеется, что всякое выделение кулачества и развитие мелко-буржуазных отношений порождают соответствующие политические партии, которые в России сложились десятилетиями и которые нам хорошо известны. Здесь надо выбирать не между тем, — давать ли ход этим партиям, — они неизбежно порождаются мелко-буржуазными экономическими отношениями, — а нам надо выбирать, и то лишь в известной степени, только лишь между формами концентрации, объединения и действий этих партий. Никак нельзя доказать, чтобы кооперация в этом отношении была хуже. Напротив,

средств систематического воздействия и контроля по отношению к кооперации будет у коммунистов все-таки несколько больше.

Резолюция IX съезда о кооперации встретила здесь решительную защиту тов. Цюрупы и решительное возражение тов. Милютина.

Тов. Цюрупа говорил, между прочим, что я сам был свидетелем той борьбы, которая шла по вопросу о кооперации до разрешения его съездом. Факт этот я должен подтвердить. Действительно, борьба была, и резолюция IX съезда ей положила конец в направлении обеспечения большого перевеса, или, вернее сказать, полнейшего перевеса, за ведомством продовольствия. Не отказываться теперь от большей свободы действий и свободы выбора политических мер в отношении кооперации из-за этого соображения было бы уже, несомненно, политически неправильно. Мне, конечно, гораздо неприятнее, с точки зрения, скажем, председателя Совнаркома, быть обреченным наблюдать на десятке заседаний мелкую борьбу, чем иметь позади обязательную для всех резолюцию съезда, которая кладет конец этой борьбе. Но надо считаться не с такого рода удобствами, а с интересами проведения определенной экономической политики. Вы все видели здесь большое количество записок, которые я получил, — гора записок — подтвердило это еще более наглядно, что в этом конкретном вопросе детальных трудностей при проведении этого изменения нашей политики возникает масса. В этом суть дела. И нет никакого сомнения, что мы сразу разрешить их не сможем. Если оставим резолюцию IX съезда о кооперации, то мы свяжем себе руки. Мы поставим себя в такое положение, что, будучи целиком подотчетны съезду и обязаны проводить его политику, мы отступать от буквы этой резолюции не сможем. Резолюция постоянно напоминает про разверстку, а вы заменяете ее налогом. Мы должны оставить до некоторой степени свободу хозяйственного оборота — это несомненно. Экономические условия этого надо учесть и проверить. Поэтому, конечно, отмена резолюции IX съезда снова приводит нас в такое положение, что вопрос, как бы закрытый, до известной степени превращается в открытый. Но это совершенно неизбежно. Обойти это, значит испортить в основе намеченные нами отношения экономической политики, несомненно более приемлемые для крестьян.

Что замена разверстки налогом есть экономическая политика, более приемлемая для крестьян, на этот счет, повидимому, нет двух мнений на данном съезде, и нет вообще двух мнений среди коммунистов. Об этом же целый ряд заявлений мы имеем и от беспартийного крестьянства. Это совершенно установлено. Ради уже одного этого нам следует пойти на такую перемену. Поэтому я резолюцию по коопе-

рации еще раз оглашаю: «Ввиду того, что резолюция IX съезда РКП об отношении к кооперации вся построена на признании принципа разверстки, которая теперь заменяется налогом, X съезд РКП постановляет: указанную резолюцию отменить. Съезд поручает ЦК разработать и провести в партийном и советском порядке постановления, которые бы улучшали и развивали строение и деятельность кооперативов в согласии с программой РКП и применительно к замене разверстки натуральным налогом».

Я буду предлагать съезду от имени ЦК принять первую резолюцию — предварительный проект о замене разверстки налогом, — одобрить ее в основном и поручить ЦК партии согласовать, разработать и внести в ВЦИК, а также и вторую резолюцию о кооперативах.

Теперь я перехожу к замечаниям, которые здесь были сделаны. Надо сказать, что вопросов, по запискам, которые мною были получены, такая масса, записки представляют такую гору, что я не только не могу перечислить те вопросы, которые они затрагивают, но вынужден совершенно отказаться от задачи сгруппировать их все полностью так, чтобы даже можно было по поводу их сейчас еще беседу продолжать. Я вынужден, к сожалению, отказаться от этого, и записки сохранию, как материал для дальнейшего обсуждения вопроса.

Их, может быть, удастся более детально использовать для печати или по крайней мере собрать и сгруппировать так, чтобы дать сводку, детальную и в самом деле полную, всем тем товарищам экономистам, администраторам и политическим руководителям, которые должны будут ближайшим образом заняться делом подготовки законов о замене разверстки налогом. Я могу выделить сейчас же только два основных ручья и сказать несколько слов о двух основных возражениях или замечаниях, о двух основных типах или группах вопросов, которые в этих записках подняты.

Первое — это указание на технику. Целый ряд многочисленных и детальных указаний на то, как трудно будет, и как много нерешенных вопросов возникает при конкретном проведении этих мероприятий в жизнь. Я уже в первом своем докладе оговорился, что такого рода указания совершенно неизбежны и что сейчас узнать сразу, как именно к решению этих трудностей мы приступим, нет никакой возможности.

Второе — общее указание сводится уже к основам экономической политики. И то, что здесь многие, и даже большинство из высказавшихся ораторов говорили в своих речах и на что указывается в **поданных записках**, — это неизбежное усиление мелкой буржуазии и капи-

тализма. Вы таким образом открываете настесь — писали некоторые в своих записках — двери для развития буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений. По этому поводу я должен сказать, товарищи, повторяя в известной степени то, что говорил в первом своем докладе: нет никакого сомнения, что переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство. И с этой стороны я должен заметить, что никем из ораторов и ни в одной записке (я все же прочел большинство их, а их было несколько десятков) не критиковались эти положения. Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность, или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен. Без этого переход к коммунизму невозможен экономически. Тов. Милютин говорил здесь о том, что у нас была стройная система, и что наше законодательство представляет из себя, как он выразился, до известной степени стройную систему подобного перехода, но которая не учитывала необходимости ряда уступок мелкой буржуазии. Говоря это, тов. Милютин сделал не тот вывод, который я делаю. Та стройная система, которая создавалась, она диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими. В тех условиях неслыханного разорения, в которых мы находились, когда мы вынуждены были после большой войны вынести ряд гражданских войн, другого выхода не было. Пожалуй, при применении определенной политики ошибки были, был целый ряд преувеличений, — это совершенно определенно надо сказать. Но в основе, в тех условиях войны, в которые мы были поставлены, эта политика была правильна. Мы не имели никакой другой возможности, кроме максимального применения немедленной монополии вплоть до взятия всех излишков, хотя бы без всякой компенсации. И иначе к этой задаче мы приступить не могли. Это не означало стройной экономической системы. Это была мера, вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной степени условиями военными. Что же касается соображений экономических, то здесь основное соображение сейчас — это увеличить количество продуктов. Мы находимся в условиях такого обнищания, разорения, переутомления и истощения главных производительных сил — крестьян и рабочих, что этому основному соображению — во что бы то ни стало увеличить количество продуктов — приходится на время подчинить все.

Меня спрашивают: в каком отношении стоит замена разверстки налогом с той посевной кампанией, которая ведется сейчас, и товарищи в записках стараются вскрыть здесь ряд противоречий. Я думаю, что в основном здесь имеется экономическая согласованность, а не противоречие. Посевная кампания рассчитана на ряд мер, которые максимально использовали бы все экономические возможности, чтобы увеличить количество засева. Для этого пужно перераспределить семена, сохранить их, перевезти. Но мы, имея даже такой скудный запас семенного фонда, не можем его перевезти; сплошь и рядом приходится прибегать к целому ряду мер взаимопомощи, чтобы, при поразительном недостатке инвентаря, уменьшить недосев, чтобы его устранить. Об этом для целого ряда губерний не приходится думать. Если беспартийный крестьянин, в очень многих случаях сам уже выставивший требование замены разверстки налогом, получая в этом стимул развития своего хозяйства на данной экономической основе, если он до весенней кампании имеет заявление со стороны государственной власти, что эта мера решена и будет проводиться, — идет ли это вразрез с общей политикой посевной кампании? — Нет, не идет. А это есть мера, которая вносит элемент поощрения. Что пароходы с углем, с небольшим количеством продовольствия выходят из Англии, это мы знаем, знаем, что до заключения торгового договора, который еще не подписан, идет торговля с отдельными торговцами, которым буржуазное правительство, конечно, запретить этого не может. Пробивать брешь в том кольце экономической блокады, которым мы окружены, — дело трудное, и обещать чего бы то ни было широкого мы, конечно, не можем. Во всяком случае то, что может быть сделано, мы делаем, изменение импортного плана в этом отношении мы производим.

С точки зрения мелкого хозяина, мелкого земледельца, налог, который будет определен в сумме меньшей, чем разверстка, который будет определен с большей точностью и который даст ему возможность больше засеивать, даст ему возможность быть уверенным, что излишки пойдут на улучшение хозяйства, — это есть линия максимальной поддержки старательного хозяина, что было выдвинуто и в посевной кампании. Все возражения, в конце концов, сводятся к такому вопросу, — выиграет ли больше мелкая буржуазия, экономически враждебная коммунизму, или выиграет больше крупная промышленность, которая представляет из себя основу перехода к социализму и которая с точки зрения состояния производительных сил, т.-е. по основному критерию всего общественного развития, представляет основу социалистической хозяйственной организации.

объединяя передовых промышленных рабочих, объединяя класс, осуществляющий диктатуру пролетариата.

Здесь некоторые пытались сказать, или экономически вывести, что, несомненно, больше выиграет мелкая буржуазия, кустарное товарное производство. и особенно пытались обосновать это с точки зрения того, что именно крупная промышленность, благодаря концессиям, будет не социалистическая. Я думаю, что в этих рассуждениях есть основная экономическая неправильность. Если бы даже было совершенно точно доказано, что гораздо больше выиграет пропорционально, даже допустим абсолютно, мелкая промышленность, это несколько не опровергает ни теоретически ни практически, правильности принимаемых нами шагов. Вывод таков, что иной опоры для укрепления экономически всего нашего дела по строительству социализма быть не может. Допустим сейчас, чисто примерно, — я беру это наглядно для пояснения, — что мелкая промышленность выражается величиной 100 (будет ли это 100 миллионов трудовых единиц или 100 единиц каких-либо других, — это все равно), а крупная — цифрой 200. Примерно, допустим, что мелкая вырастает на основе капиталистической на величину 175, а крупная останется только 200. Предположим застой крупной и громадное развитие мелкой. Я думаю даже, — это худшее предположение, которое я делал, но и оно означало бы для нас несомненную выгоду.

Перейдем к концессиям. Надо природу концессий представлять себе ясно. Это экономический договор с передовым финансовым капиталом в передовых странах, договор, который даст небольшое увеличение продуктов, но и увеличение продуктов контрагентов. Если мы дадим руду или лес концессионеру, он возьмет громадную долю этого продукта и нам даст небольшое долевое отчисление. Но для нас важно увеличить количество продуктов вообще, поэтому и небольшое отчисление есть все же плюс для нас.

Итак, бояться того, что поднимется мелкое земледелие и мелкая промышленность в размерах, которые могли бы оказаться опасными для нашей крупной промышленности, несомнительно.

Если у нас будет неурожай (я вам уже указывал на брошюру Попова)⁸³, если мы получим неурожай и такие же скудные средства, как и в прошлом году, то ни о каком уменьшении кризиса и о развитии мелкой промышленности не может быть и речи. Вопрос о том, выиграет ли больше мелкое или крупное производства, есть вопрос о соединении и сочетании того использования нашего фонда и развития рынка, которого мы достигаем соглашением с капитализмом в связи с концессиями, и это даст нам увеличение сельско-хозяй-

ственного производства. Кто из нас использует эти средства лучше, от этого зависят и результаты. Я думаю, что рабочий класс, имея в своих руках важнейшие отрасли крупной промышленности, если он сосредоточит внимание на наиболее важных из них, то он выиграет больше, чем выиграет мелкая промышленность, хотя бы пропорционально она и вырастала быстрее. У нас положение в текстильной промышленности было таково, что к концу 1920 года замечалось несомненно улучшение, но нехватило топлива, а если бы топлива у нас было достаточно, то мы получили бы до 800.000.000 аршин тканей и мы имели бы для обмена на крестьянские продукты материал собственного производства.

Но с кризисом топлива мы имеем гигантское падение производства. Если теперь и реализуется закупка угля за границей, и мы через неделю или через две получим пароходы с этим грузом, мы, все равно, уже потеряли несколько недель или даже месяцев.

Всякое улучшение положения крупного производства, возможность пустить некоторые крупные фабрики — настолько упрочивает положение пролетариата, что бояться стихии мелкой буржуазии, даже возрастающей, нечего. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастет. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже обессиление пролетариата, его невозможность противостоять стихии мелко-буржуазных колебаний. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности, и мы должны поощрять мелкое сельское хозяйство. Все, что мы можем сделать для его поощрения, мы обязаны сделать. Налог — одна из скромных мер в этом отношении, но мер несомненных, которая это поощрение даст и которую принять безусловно следует.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г.

Речь об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне.

(Заседание 16 марта 1921 г.)

Товарищи, мне думается, что много говорить по этому вопросу не будет надобности, так как весь наш съезд по всем вопросам подходил уже к тем темам, о которых теперь надо сказать официально от имени съезда партии, значит, от имени всей партии. Что касается

резолуции о единстве, то она в значительной своей части содержит в себе характеристику политического положения. Вы, конечно, все читали розданный печатный текст.

Перехожу к резолюции о синдикалистских и анархистских уклонах. Здесь мы имеем вопрос, который был затронут пунктом четвертым порядка дня съезда. Гвоздем всей резолюции является определение нашего отношения к некоторым течениям мысли. К уклонам мысли,—говоря уклонам, мы тем самым подчеркиваем, что еще не видим здесь ничего окончательно оформившегося, ничего безусловного и вполне определенного, а лишь начало такого политического направления, которое не может оставаться без оценки партии.

В тезисах, предложенных «рабочей оппозицией», имеется пункт: «Организация управления народным хозяйством принадлежит все-российскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральные органы, управляющие всем народным хозяйством республики». Мы уже неоднократно говорили на съезде об этом пункте (как на частных совещаниях, так и на общих заседаниях съезда). Мне кажется, что мы уже там выяснили, что защищать этот пункт ссылкой на то, что у Энгельса есть рассуждение об объединении производителей, ни в коем случае нельзя, ибо совершенно очевидно, — и точная справка со всем соответствующим местом устанавливает, — что речь идет о коммунистическом обществе, где не будет классов. Это для нас всех бесспорно. Когда в обществе не будет классов, тогда в обществе останутся только производители-работники. И мы прекрасно знаем из всех произведений Маркса и Энгельса, что они точнеешим образом различают тот период, когда классы еще есть и когда их уже не будет. Мысли, речи и предположения об исчезновении классов до коммунизма Маркс и Энгельс высмеивали беспощадно и говорили, что только коммунизм есть уничтожение классов.

Мы пришли в такое положение, когда первые поставили практический вопрос об этом уничтожении классов, и в стране крестьянской остались сейчас с двумя основными классами — рабочим классом и крестьянским. Наряду с ними целые группы остатков и пережитков капитализма.

Наша программа определенно говорит, что мы делаем первые шаги, что мы будем иметь целый ряд переходных ступеней.

Мы прекрасно знаем, что у нас классы остались и останутся долго, что в стране, с преобладающим крестьянским населением, они неминуемо останутся долго, много лет. Минимальный срок, в течение которого можно было бы так наладить крупную промышленность,

чтобы она создала фонд для подчинения себе сельского хозяйства, исчисляется в десять лет. Этот срок — минимальный, при неслыханно благоприятных технических условиях. Мы же знаем, что мы находимся в условиях, неслыханно неблагоприятных. План построения России на современных основах современной крупной промышленности мы имеем — это план электрификации, разработанный научными силами. Там минимальный срок устанавливается десятилетний, предполагая в основе условия, сколько-нибудь приближающиеся к нормальным. Но мы прекрасно знаем, что на-лицо их нет. Значит, десятилетие — срок несравненно более краткий. Итак, возможно такое положение, что остаются классы, враждебные пролетариату. Потом будет бесклассовое общество. Маркс и Энгельс беспощадно боролись с людьми, которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще. Кто сколько-нибудь знает произведения Маркса и Энгельса, тот не может забыть, что через все эти произведения проходит высмеивание тех кто говорит о производителях, о народе, о трудящихся вообще. Нет трудящихся вообще или работающих вообще, а есть либо владеющий средством производства мелкий хозяйчик, у которого вся психология и все навыки жизни капиталистические, — которые и не могут быть другими, — либо наемный рабочий. Если мы подошли к этому вопросу через три года нашей борьбы, испытав применение политической власти пролетариата, когда мы знаем, какие громадные трудности существуют в соотношениях между классами, когда они еще остались, когда остатки буржуазии наблюдаются еще во всех щелях нашей жизни, внутри советских учреждений, — при таких условиях возникновение у нас платформы с тезисами, мною прочитанными, представляет явный и очевидный уклон синдикалистско-анархический. Эти слова не чрезмерные, они обдуманы. *Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить.* Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». *Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, подчеркивание того, что дело — легко поправимое, — это желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиально.* Если кто-либо найдет русское слово, более выражающее эту мысль, — пожалуйста. Я надеюсь, что мы из-за слов спорить не станем, а по сути дела мы разбираем этот тезис, как основной, чтобы не бросаться за массой подобных же идей, которых у группы «рабочей оппозиции» имеется очень много. Это предоставим разбирать нашим литераторам, а также руководителям этого течения, ибо в конце резолюции

мы специально говорим, что в специальных изданиях, сборниках можно и должно уделить место более обстоятельному обмену мнений членов партии по всем указанным вопросам. Нам сейчас не до того, чтобы откладывать этот вопрос. Мы — партия, борющаяся в условиях обостренных трудностей. Мы должны сказать себе: чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден определенный уклон. Раз он наметился, нужно его выявить и обсудить. Но если обстоятельная дискуссия — милости просим, у нас найдутся люди, которые приведут детально всю литературу, и, если нужно и уместно, мы поставим этот вопрос и в интернациональном масштабе, так как вы слышали сейчас в докладе Коминтерна и вы все знаете и о наличии известного уклона в левизну в рядах революционного международного рабочего движений. Уклон, о котором мы сейчас говорим, это то же самое, что анархистский уклон у немецкой коммунистической рабочей партии, борьба которой ясно выявилась на предыдущем съезде Коминтерна. Слова, которые там употреблялись для его оценки, были часто более резкими, чем слово «уклон». Вы знаете, что это — вопрос интернациональный. Поэтому покончить с ним в *таком* смысле — не дискусируй больше и конец — было бы неправильным. Но одно дело теоретическая дискуссия, другое дело — политическая жизнь партии, политическая борьба. Мы — не дискуссионный клуб. Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем, но мы должны прежде всего бороться в самых трудных условиях и поэтому должны сплотиться воедино. Если при этом в политическую дискуссию, в политическую борьбу будут вмешиваться предложения вроде организации всероссийского съезда производителей, мы не можем тогда идти дружно и сплоченно; это не та политика, которую мы на несколько лет себе определили. Это — политика, которая сбивала бы дружную работу партии, и эта политика не только теоретически не верна, она не верна потому, что неверно определяет отношения между классами, — то коренное и основное, без чего нет марксизма, и о чем вынес резолюцию второй съезд Коминтерна. Момент сейчас такой, что стихия беспартийная поддается тем мелко-буржуазным колебаниям, которые, при современном экономическом положении России, неизбежны. Мы должны проявить сплоченность не только формальную, а идущую далеко глубже. Для создания такой сплоченности мы не можем обойтись без подобной резолюции.

Дальше, очень важным я считаю параграф 4-й этой резолюции, который дает толкование нашей программы, аутентичное толкование, т.-е. такое толкование, которое исходит от автора. Съезд является автором ее, и поэтому съезд должен дать толкование, чтобы поло-

жить конец шатаниям, а иногда даже игре, которая ведется с нашей программой. Как будто бы в программе о профсоюзах сказано то же самое, что хотелось бы там кое-кому видеть. Вы слышали критику этой программы тов. Рязановым с этой трибуны, — поблагодарим автора этой критики за теоретические изыскания. Вы слышали критику, данную тов. Шляпниковым. Нельзя обходить этого молчанием. Мне кажется, что здесь в этой резолюции мы имеем то, что нам нужно сейчас. От имени съезда, который утверждает программу и который является высшим органом партии, надо сказать: — вот как мы эту программу понимаем. Повторяю, что теоретические споры этим не пресекаются. Предложения изменить программу могут делаться, на этот счет не вносится никакого запрета. Мы программу не считаем настолько великолепной, чтобы в ней нечего было изменять, но мы сейчас не имеем формальных предложений, мы не посвящали времени на разбор этого вопроса. Читая внимательно эту программу, мы находим здесь следующее: «Профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению» и т. д. Должны притти к фактическому сосредоточению, — это надо подчеркнуть. А выше мы читаем, что «согласно закону профсоюзы являются участниками всех местных и центральных органов управления производством». Мы знаем, что производство капиталистическое, при содействии всех передовых стран мира, строилось десятилетиями. Разве мы впали уже в ребячество, чтобы думать, что в момент величайшей нужды, обнищания в стране, где рабочие составляют меньшинство, в стране с измученным, истекающим кровью пролетарским авангардом и массой крестьян мы можем закончить так быстро этот процесс. Мы даже основного фундамента еще не положили. Мы начали намечать только на опыте, как это управление производством при участии профсоюзов вести. Мы знаем, что главное препятствие — это нужда. *Неправильно, что мы не привлекаем массы; наоборот, всякий сколько-нибудь заметный талант, малейшая выдающаяся способность в рабочей массе встречает самую искреннюю поддержку с нашей стороны.* Надо только, чтобы положение стало чуточку легче. Нам необходимо год или два отдыха от голода, не меньше. С точки зрения истории — это ничтожный срок, а в наших условиях — это срок большой. *Год или два отдыха от голода, год или два правильного снабжения топливом, чтобы фабрики работали, и мы получим от рабочего класса в 100 раз большие поддержки, и из его рядов выдвинется талантов гораздо больше. Никто не сомневается, не может сомневаться в этом.* Сейчас мы не получаем этой поддержки не потому, что не хотим. Мы все делаем, что можно сделать для этого. Никто не сможет указать, что правительство, проф-

союзы, центральный комитет партии упустили хотя бы одну возможность в этом отношении; но мы знаем, что нужда отчаянная, что всюду голод и нищета, и сплошь и рядом на этой почве возникает пассивность. Не будем бояться называть это и бедствие настоящим именем. Вот что тормозит подъем энергии из масс. При таком положении пытаться сейчас слова программы — «профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению» и т. д., когда мы знаем из статистики, что 60% рабочих сидят в управлениях, пытаться их толковать по-шляпниковски — абсолютно невозможно.

Аутентичное толкование даст нам возможность соединить необходимую тактическую сплоченность и единство с необходимой свободой дискуссии, что и подчеркнуто в конце резолюции. К чему сводится резолюция? Читаем пункт 6-й. Разве вы не видите, вы, агитаторы и пропагандисты в той или иной форме, разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках? — Я уверен, что эту разницу видит всякий человек, желающий вникнуть в эту резолюцию. И мы надеемся, что и ЦК, в который мы берем представителей того уклона, о котором здесь говорится, и представители отнесутся к решению партийного съезда, как всякий сознательный дисциплинированный член партии, мы надеемся, — что они — мы при их помощи — в ЦК эту грань разберем, не создавая особого положения. Что происходит внутри партии, — пропаганда идей внутри борющихся политических партий или обмен мнений в специальных изданиях и сборниках? — Кто интересуется изучением цитат из Энгельса до тонкостей — пожалуйста. Есть теоретики, которые всегда дадут партии полезный совет. Это необходимо. Но разве это похоже на борьбу платформ, разве это можно смешивать? Этого никто из желающих вникнуть в наше политическое положение не смешает.

Не тормози нашей политической работы, особенно в тяжелый момент, но не оставляй научных изысканий. Если тов. Шляпников, к примеру сказать, в дополнение к своему тому, который он недавно выпустил об опыте его революционной борьбы в эпоху еще нелегального положения, добавит от своих досугов в ближайшие месяцы второй том с анализом понятия производителя — пожалуйста. А данная резолюция, она послужит нам вехой. Мы открыли самую широкую, самую свободную дискуссию. Платформа «рабочей оппозиции» печаталась в центральном органе партии в количестве 250.000 экземпляров, — мы взвешивали ее со всех сторон и всячески, мы выбирали на основе этой платформы, мы собрали, наконец, съезд, который подводит итоги политической дискуссии и говорит: уклон определился,

не будем играть в прятки, скажем открыто: уклон есть уклон, его надо исправить, исправим его, а дискуссия — будет дискуссией теоретической.

Вот почему я возобновляю и поддерживаю предложение о том, чтобы мы обе эти резолюции приняли, подписали единство партии и дали правильное определение того, чем должны заниматься партийные собрания и чем в свободные минуты свободы заниматься отдельные лица — марксисты, коммунисты, которые хотят помочь и заняться теми или иными вопросами теории.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г.

Резолюция X съезда РКП о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии.

1. За последние месяцы в рядах партии явно обнаружился синдикалистский и анархистский уклон, который требует самых решительных мер идейной борьбы, а также очистки и оздоровления партии.

2. Указанный уклон вызван отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое мировоззрение, главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелко-буржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятия и средства к жизни.

3. Одним из наиболее законченных и наиболее оформленных выражений этого уклона являются тезисы и другие литературные произведения группы так называемой «Рабочей оппозиции». Достаточно показательным является, например, следующий ее тезис: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Идеи, лежащие в основе этого и других подобных заявлений, в корне неправильны теоретически, будучи полным разрывом с марксизмом и коммунизмом, а равно с итогами практического опыта всех полупролетарских и настоящей пролетарской революции.

Во-первых, понятие «производитель» объединяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаро-производителем, отступая таким образом в корне от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы.

Во-вторых, неправильная постановка вопроса об отношениях между партией и широкими беспартийными массами, приводящая к подчинению партии беспартийной стихии, данная в приведенном тезисе, является не менее коренным отступлением от марксизма.

Марксизм учит — и это учение не только формально подтверждено всем Коммунистическим Интернационалом в решении второго (1920 г.) конгресса Коминтерна о роли политической партии пролетариата, но и практически проверено всем опытом нашей революции, — что только политическая партия рабочего класса, т.-е. коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который способен противостоять неизбежным мелко-буржуазным колебаниям этой массы, традициям и неизбежным рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всеми сторонами пролетарского движения, а значит и всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата немыслима. Неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, и столь же неправильное понимание роли рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся — с другой, — является коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «Рабочей оппозиции».

4. X съезд РКП заявляет, что он считает также в корне неправильным все попытки указанной группы и отдельных лиц защитить свои ошибочные взгляды ссылками на § 5 экономической части программы РКП посвященный роли профсоюзов. Этот § говорит, что профсоюзы «должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым», и что они обеспечивают таким образом неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, «вовлекая» эти массы «в непосредственную работу по ведению хозяйства».

Предварительным условием такого положения, к которому «должны прийти» профсоюзы, программа РКП в том же самом параграфе считает процесс «все большего освобождения профсоюзов от

цеховой узости» и охватывания ими большинства, «а постепенно и всех поголовно» трудящихся.

Наконец, в том же самом параграфе программа РКП подчеркивает, что профсоюзы «являются уже, согласно законов РСФСР и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью».

Вместо учета именно этого практического опыта участия в управлении, вместо дальнейшего развития этого опыта в строгом соответствии с достигнутыми успехами и исправленными ошибками, синдикалисты и анархисты ставят непосредственный лозунг «съездов или съезда производителей», «избирающих» органы управления хозяйством. Руководящая, воспитательная, организующая роль партии по отношению к профсоюзам пролетариата, а этого последнего по отношению к полумещанским и прямо мелко-буржуазным массам трудящихся, обходится и устраняется, таким образом, совершенно, и вместо продолжения и исправления начатой уже Советской властью практической работы строительства новых форм хозяйства получается мелко-буржуазно-анархическое разрушение этой работы, способное повести лишь к торжеству буржуазной контр-революции.

5. Кроме теоретической неверности и в корне неправильного отношения к практическому опыту начатого Сов. властью хозяйственного строительства, съезд РКП видит во взглядах указанной группы и аналогичных групп и лиц громадную политическую неправильность и непосредственную политическую опасность для сохранения власти за пролетариатом.

В такой стране, как Россия, громадное преобладание мелко-буржуазной стихии и неизбежные в результате войны разорение, обнищание, эпидемии и неурожай, крайнее обострение нужды и народных бедствий порождают особенно резкие проявления колебаний в настроениях мелко-буржуазной и полупролетарской массы. Эти колебания идут то в сторону укрепления союза этих масс с пролетариатом, то в сторону буржуазной реставрации. Весь опыт всех революций XVIII, XIX и XX веков показывает с безусловнейшей ясностью и убедительностью, что ничего иного, кроме реставрации (восстановления) власти и собственности капиталистов и помещиков от этих колебаний, — при условии малейшего ослабления единства, силы, влияния революционного авангарда пролетариата — получить не может.

Поэтому взгляды «рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелко-буржуазных и анархических шатаний, практически осла-

бляют выдержанную руководящую линию компартии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции.

6. На основании всего этого съезда РКП, решительно отвергая указанные идеи, выражающие синдикалистский и анархистский уклон, постановляет:

1) признать необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями;

2) признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП.

Поручая ЦК партии строжайшее проведение в жизнь этих своих решений, съезд указывает вместе с тем, что в специальных изданиях, сборниках и т. п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г.

Заключительное слово.

(Заседание 16 марта 1921 г.)

Товарищи, мы здесь слышали невероятно резкие выражения. Но бывают такие резкости, которые сами себя разоблачают. Вы резолюцию имеете. Вы знаете, что мы двух представителей «рабочей оппозиции» взяли в ЦК, что мы употребили выражение «уклон». Я подчеркиваю его значение. Ни Шляпников, ни Медведев¹⁸⁴⁾ не предложили другого слова. Мы здесь критиковали тезисы, которые до съезда критиковались представителями всех оттенков. Как можно говорить после этого о демагогии и извращении точки зрения «рабочей оппозиции»? Если бы приписали людям то, что фактически опровергается, тогда это резкое слово имело бы смысл. Сейчас это — просто выражение известного раздражения. Это несерьезное возражение!

Теперь перейду к тем пунктам, которые были отмечены здесь. Было указание, что была проявлена несправедливость к группе «демократического централизма». Вы следили за тем, как развивалось соглашение между группами и обмен мнений по вопросу о выборе в ЦК, который был затронут здесь представителями из группы «демократического централизма». Вы знаете, что, начиная с частного совещания, на котором была группа «рабочей оппозиции» в полном составе и ряд виднейших товарищей, представителей всех оттенков, мне, например, лично приходилось открыто выступать за то, что представители групп «рабочей оппозиции» и «демократического центра-

лизма» нам в ЦК желательны. Никто этого на совещании, на котором были все товарищи из «рабочей оппозиции» и представители всех оттенков, не опровергал. Совершенно ясно, что если мы в результате получили от группы «демократического централизма» кандидата, а не члена ЦК, — это было результатом продолжительного обмена мнений соглашения групп между собою. И видеть в этом какое-либо недоверие или несправедливость к группе «демократического централизма» — просто придирка. Мы все, что нужно было сделать для того, чтобы подчеркнуть желание быть справедливыми, в ЦК сделали. Это факт, которого не вычеркнешь. И делать вывод о несправедливости — это придирка!

Дальше говорилось о том, что единство не создается такими резолюциями, что будто бы критика согласно резолюции должна направляться непременно только через губкомы, что будто бы выражается какое-то недоверие к товарищам из «рабочей оппозиции», чем затрудняется их присутствие в ЦК. Но и это сплошь неверно! Я с самого начала указал, почему выбрано слово «уклон». Если оно вам не нравится, сдайте эту резолюцию, приняв ее за основу, в президиум для возможного смягчения. Если мы найдем более мягкое слово, то я предложил бы поставить его вместо слова «уклон», а также и в других местах внести смягчение. Против этого мы не будем возражать. Сейчас здесь, конечно, не время заниматься такими деталями. Сдайте резолюцию в президиум для редактирования, для смягчения. Успешнее тут немыслимо, — против этого я возражать не стану. Но, когда говорят, что эта резолюция означает натравливание одной части партии на другую, то опять-таки это неверно.

Я не знаю состава группы «рабочей оппозиции» в Самаре, я никогда там не был, но я уверен, что если бы член ЦК любого оттенка, или член съезда любого оттенка, кроме «рабочей оппозиции», стал бы доказывать на собрании Самарской организации, что в резолюции нет натравливания, а есть призыв к единству, то он сумел бы это сделать. Когда здесь употребляют такое выражение, как «натравливание», то забывают о пункте 5-м резолюции об единстве, где говорится о признании заслуг «рабочей оппозиции». Разве там это не поставлено рядом? С одной стороны, «допускают уклон», а с другой стороны, читайте § 5-й: «Съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекающим особое внимание, напр., группы так называемой «рабочей оппозиции», — об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самостоятельности рабочих и тому подобное, какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим внима-

нием» и т. д. Разве это натравливание? Это признание заслуг. Мы говорим: с одной стороны, вы в дискуссии проявили уклон, который политически опасен, и даже резолюция тов. Медведева в других словах это признает, а дальше говорится: что касается борьбы с бюрократизмом, то мы согласны, что мы еще не все делаем, что возможно. Это есть признание заслуг, а не натравливание!

Когда в ЦК включается товарищ из рабочей оппозиции, это есть выражение товарищеского доверия. И после этого, когда кто-нибудь пойдет на собрание, не разожженное фракционной борьбой, то это собрание скажет, что тут натравливания нет. Есть выражение товарищеского доверия. Если вы находите, что мы теоретически неправы, то у нас есть возможность издать десятки сборников, и если есть молодые товарищи, напр., в Самарской организации, которые имеют сказать что-то новое по этому вопросу, то — пожалуйста, товарищи самарцы! Мы напечатаем несколько ваших статей. Ведь нет ни одного человека, который не понимал бы разницы между тем, что говорится на съезде и тем, что бросается вне его. Если вы сопоставите точный текст резолюции, то вы увидите, что здесь сделано теоретическое принципиальное указание, ничего оскорбляющего здесь нет, а рядом с этим есть признание заслуги в борьбе с бюрократизмом, выражение желания получить помощь, и, кроме того, представители этой группы включены в ЦК, а это есть проявление высшего доверия, больше которого в партии не может быть. Вот почему, товарищи, я предлагаю эти обе резолюции принять, при чем принять поименным голосованием, затем сдать в президиум для редактирования, для смягчения формулировки, и так как в президиум входит тов. Шляпников, то он, может быть, найдет более подходящее выражение вместо слова «уклон».

А по поводу заявленной отставки я предлагаю принять следующую резолюцию: «Съезд призывает всех членов распущенной группы «рабочей оппозиции» подчиниться партийной дисциплине, обязать их оставаться на порученных им местах и не принимать отставки товарища Шляпникова и каких-либо других отставок».

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г.

Заключительная речь перед закрытием съезда.

(Заседание 16 марта 1921 г.)

Товарищи, мы закончили работы партийного съезда, который собрался в момент чрезвычайно важный для судеб нашей революции.

Ведение гражданской войны, после стольких лет империалистической войны, настолько истерзало и запутало страну, что оживление ее, после окончания гражданской войны, приходится сейчас наблюдать в условиях необыкновенно трудных. Поэтому мы не можем удивляться тому, что элементы распада или разложения, мелко-буржуазная и анархическая стихия поднимают свою голову. Ведь одним из основных условий для этого является крайне невиданное и неслыханное обострение нужды и отчаяния, которое овладевает сейчас десятками и сотнями тысяч, а иногда, может быть, и большим числом людей, невидящих выхода из тяжелого положения. Но мы знаем, товарищи, что страна переживала гораздо более тяжелые моменты. Нисколько не закрывая глаз на опасность, ни капельки не впадая в какой-либо оптимизм, говоря прямо себе и своим товарищам, что эта опасность велика, мы в то же время твердо и уверенно рассчитываем на сплоченность авангарда пролетариата. Мы знаем, что другой силы, которая в состоянии объединить миллионы распыленных мелких землевладельцев, сплошь и рядом переживающих неслыханные тяготы, другой силы, которая бы экономически и политически была способна объединить их против эксплуататоров, другой силы, кроме сознательного пролетариата, нет. Мы уверены, что из опыта борьбы, из тяжелого опыта революции эта сила вышла достаточно закаленной, чтобы всем тяжелым испытаниям и новым трудностям противостоять.

Товарищи, кроме решений, принятых в этом духе, исключительную важность имеет решение нашего съезда по вопросу об отношении к крестьянству. Мы здесь самым трезвым образом учитываем отношение класса и не боимся признать открыто, что имеем дело с задачей труднейшей — правильным установлением отношений пролетариата к преобладающему крестьянству при условии, что нормальных отношений мы сейчас достигнуть не можем. Нормальные отношения таковы, и только таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность с ее продуктами и не только полностью удовлетворял крестьянство, но, давая ему средства к жизни, так бы облегчил его положение, чтобы разница по сравнению со строем капиталистическим была бы очевидна и ощутительна. Это и только это создаст базу нормального социалистического общества. Мы не можем сейчас этого сделать — настолько придавили нас разорение, нужда, обнищание и отчаяние. Но, чтобы легче это проклятое наследие изжить, мы, несмотря на установившиеся за время отчаянной тяжелой войны отношения, реагируем на них определенным образом. Мы не будем скрывать, что крестьянство имеет глубочайшее основание к недовольству. Мы пойдем на более обстоятельные объяснения и скажем, что мы сделаем все,

что в наших силах, чтобы это положение уничтожить, чтобы больше считаться с условиями жизни мелкого хозяина.

Все, что нужно, чтобы жизнь этого хозяина облегчить, чтобы больше дать мелкому земледельцу, чтобы дать условия для более прочного хозяйничания. Мы не боимся, что это мероприятие разовьет тенденции, враждебные коммунизму, а это несомненно будет. Мы не боимся ухудшения нашего положения при условиях торговли и крупной промышленности как в России, так и в других странах. Вот, товарищи, в каком духе трезвого учета этих отношений и порой готовности нашей пересмотреть политику должны мы видоизменить даже ее, ибо мы в первый раз в истории в течение нескольких лет предприняли дело создания основ социалистического общества, основ пролетарского государства. Я думаю, что в этом результаты работы нашего съезда тем более будут успешны, что абсолютное единство по этому коренному вопросу у нас было достигнуто с самого начала, потому что два коренных вопроса должны были быть разрешены единодушно, и у нас по вопросу об отношении авангарда пролетариата к его массе и об отношении его к крестьянству — разногласий не было. В этом мы проявили больше, чем когда-либо, единство, несмотря на то, что нам приходится голосовать в условиях политических, которые весьма тяжелы.

Нам тем более неуместно — и нет ни малейших оснований — проявлять панику, что сейчас неслыханно нервную, истерическую кампанию против нас повел всемирный капитализм. Я вчера получил, по соглашению с тов. Чичериным, сводку по этому вопросу и думаю, что она будет всем полезна. Это сводка по вопросу о кампании лжи, по поводу внутреннего положения России. «Никогда, — пишет товарищ, подводящий сводку, — ни в какое время не было в западной печати такой вакханалии лжи и такого массового производства фантастических измышлений о Советской России, как за последние две недели. С начала марта ежедневно вся западная печать публикует целые потоки фантастических известий о восстаниях в России, о победе контр-революции, о бегстве Ленина и Троцкого в Крым, о белом флаге на Кремле, о потоках крови на улицах Петрограда и Москвы, о баррикадах там же, о густых толпах рабочих, спускающихся с холмов на Москву для свержения Советской власти, о переходе Буденного ⁸⁵⁾ на сторону бунтовщиков, о победе контр-революции в целом ряде русских городов, при чем фигурирует то один, то другой город, и в общем было перечислено чуть ли не большинство губернских городов России. Универсальность и планомерность этой кампании показывают, что в этом проявляется какой-то широко-задуманный

план всех руководящих правительств. 2 марта Форрейн-Оффис через посредство Прессе-Ассоциации заявил, что считает публикуемые известия правдоподобными, а сейчас же после этого Форрейн-Оффис от себя опубликовал известие о восстании в Петрограде, о бомбардировке Петрограда Кронштадтским флотом и о боях на улицах Москвы.

2 марта все английские газеты публиковали телеграммы о восстаниях в Петрограде и Москве: Ленин и Троцкий бежали в Крым, 14.000 рабочих в Москве требуют Учредилки, Московский арсенал и Московско-Курский вокзал в руках восставших рабочих, в Петрограде Васильевский Остров целиком в руках восставших.

Приведу несколько примеров из радио и телеграмм следующих дней: 3 марта Клышко ⁸⁶⁾ телеграфирует из Лондона, что Рейтер ⁸⁷⁾ подхватил нелепые слухи о восстании в Питере и усиленно их распространяет.

6 марта: Берлинский корреспондент Мейсон телеграфирует в Нью-Йорк, что рабочие из Америки играют важную роль в Петроградской революции, и Чичерин ⁸⁸⁾ послал по радио приказ генерату Ганецкому ⁸⁹⁾ о том, чтобы закрыть границу эмигрантам из Америки.

6 марта: Зиновьев бежал в Ораниенбаум. В Москве красная артиллерия обстреливает рабочие кварталы. Петроград отрезан со всех сторон (радио Виганда).

7 марта: Клышко телеграфирует, что по сведениям из Ревеля баррикады построены на улицах Москвы; газеты публикуют известие из Гельсингфорса, что Чернигов взят антибольшевистскими войсками.

7 марта: И Петроград и Москва в руках восставших. Восстание в Одессе. Семенов во главе 25.000 казаков двигается по Сибири. Революционный Комитет в Петрограде имеет под своей властью фортификации и флот (сообщения английской радио-станции Польдью).

Наусен 7 марта: Фабричные кварталы Петрограда восстали. Антибольшевистское восстание охватило Волынь.

Париж 7 марта: Петроград в руках Революционного Комитета. «Тан» сообщает, что, по полученным в Лондоне известиям, белый флаг висит на Кремле.

Париж 8 марта: Мятельники овладели Красной Горкой. Красноармейские полки взбунтовались в Псковской губернии. Большевики посылают башикир на Петроград.

10 марта: Клышко телеграфирует: газеты спрашивают себя, пал ли Петроград или не пал; по известиям из Гельсингфорса три четверти Петрограда в руках бунтовщиков; Троцкий, или по другим сведениям Зиновьев, командует операциями в Тосне или же в Петропавловской крепости; по другим — главнокомандующим назначен Брусилов; по

сведениям из Риги, Петроград взят за исключением железнодорожных вокзалов, Красная армия отступила в Гатчину; петроградские стачечники выставляют лозунг — долой Советы и коммунистов. Английское военное министерство заявило, что еще не известно, соединились ли кронштадтские бунтовщики с петроградскими, но, по его сведениям, Зиновьев находится в Петропавловской крепости, где командует советскими войсками.

Из громадного количества ложных измышлений этого времени выбираю примеры: Саратов превратился в самостоятельную антибольшевистскую республику (Науен, 11 марта). В Приволжских городах жестокие погромы против коммунистов (там же). В Минской губернии борьба белорусских военных отрядов против Красной армии (там же).

Париж 15 марта: «Тан» ⁹⁰⁾ сообщает, что кубанские и донские казаки восстали большими массами.

Науен 14 марта сообщил, что кавалерия Буденного присоединилась к бунтовщикам около Орла. В разное время сообщалось о восстаниях в Пскове, Одессе и других городах.

9 марта Красин ⁹¹⁾ телеграфирует, что Вашингтонский корреспондент «Таймса» говорит, что советский режим близится к концу, и поэтому Америка отсрочит установление сношений с окраинными государствами. В разное время попадались известия из американских банковских сфер о том, что при данных условиях торговать с Россией было бы азартной игрой.

Нью-Йоркский корреспондент «Дейли Кроникль» ⁹²⁾ говорит еще 4 марта, что деловые круги и республиканская партия в Америке считают торговые сношения с Россией в настоящее время азартной игрой.

Несомненно, кампания лжи имеет в виду не только Америку, но и турецкую делегацию в Лондоне, и Силезский плебисцит. Есть сведения, что эта кампания повлияла на исход выборов во втором парижском округе.

Товарищи, картина совершенно ясна. Всемирный синдикат прессы — там свобода прессы, которая состоит в том, что она куплена 99% финансовых магнатов, которые ворочают сотнями миллионов рублей, — открыл всемирный поход империалистов, желающих сорвать прежде всего торговое сношение с Англией, которое Красин начал, и предстоящее торговое соглашение с Америкой, которое мы здесь ведем, как я указывал, и на что были сделаны указания в течение занятий съезда. Это показывает, это означает, что враги, окружающие нас, потеряв возможность провести интервенцию, они рассчиты-

вают на мятеж, и кронштадтские события показали связь с международной буржуазией, а, кроме того, мы видим, что больше всего они боятся сейчас, с практической точки зрения международного капитала правильного восстановления торговых сношений. Но сорвать им их не удастся. У нас здесь есть в Москве представители крупного капитала, которые во всех этих слухах изверились, и они заявили о том, как в Америке одна группа граждан употребила невиданный прием агитации за Советскую Россию.

Эта группа собрала из газет самых разнообразных за несколько месяцев все то, что говорили про Россию, про бегство Ленина и Троцкого, про расстрел Троцким Ленина и обратно, и собрала в одну брошюру. Лучшей агитации для Советской власти нельзя себе представить. Изо дня в день собирались сведения о том, сколько раз расстреливались, убивались, эти сведения повторялись каждый месяц, и затем, в конце концов, их собирают в один сборник и издают. Современная американская буржуазная пресса подорвала к себе доверие полностью. Вот тот враг, которому служат два миллиона русских эмигрантов за границей из среды помещиков и капиталистов, вот та армия буржуазии, которая стоит против нас. И пускай они делают попытки подорвать практический успех Советской власти и сорвать торговые сношения. Мы знаем, что им это сделать не удастся. И вся эта информация международной прессы, той, которая держит в руках сотни тысяч газет, информирует весь мир, она еще раз показывает, до какой степени мы врагами окружены и до какой степени эти враги по сравнению с прошлым годом обессилены, и это мы должны понять, товарищи, и я думаю, что большинство присутствующих членов съезда поняли то, какую меру надо отвести нашим разногласиям. Естественно, что в съездовской борьбе меры этой невозможно было удерживать. Нельзя требовать от людей, которые только что вели борьбу, чтобы они тут же поняли эту меру. Но когда мы взглянем на нашу партию, как на очаг мировой революции, и на ту кампанию, которую ведет сейчас синдикат государств всего мира против нас, у нас не должно быть сомнения. Пускай они ведут свою кампанию, мы бросили взгляд на нее и точно знаем меры наших разногласий, и мы знаем, что, сплотившись на этом съезде, мы действительно выйдем из наших разногласий абсолютно едиными и с партией, более закаленной, которая пойдет к более и более решительным международным победам.

«X Съезд РКП».

Стенографич. отчет.

Госиздат, 1921 г.

Речь на всероссийском съезде транспортных рабочих

(Заседание 27 марта 1921 г.)

Товарищи, позвольте мне прежде всего поблагодарить вас за приветствие и ответить, равным образом, приветствием вашему съезду. Прежде, чем перейти к теме, которая прямо касается задач вашего съезда, ваших работ и того, чего вся Советская власть от вашего съезда ждет, позвольте начать несколько издалека.

Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». И когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу, — может быть, кто нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его, — когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: «А ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание». В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов; а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма. И вот, размышляя о том, как у нас, 3¹/₂ года спустя после Октябрьского переворота, существуют, хотя и отодвинутые немножечко, столь странные плакаты, я стал размышлять также о том, что, пожалуй, и в отношении к самым распространенным и общеупотребительным у нас лозунгам есть еще чрезвычайно большие недоразумения. Все мы поем, что ведем сейчас наш последний и решительный бой, — вот, например, один из самых распространенных лозунгов, вслески нами повторяемый. Но я побаиваюсь, что ежели бы спросить большую часть коммунистов, против кого вы ведете сейчас, — не последний, конечно, это немного лишнего сказано, но один из ваших последних и решительных боев, то я боюсь, что немногие дадут правильный ответ на этот вопрос и обнаружат ясное понимание того, против чего или против кого мы ведем сейчас один из наших последних и решительных боев. И мне сдается, что теперешней весной, в связи с теми политическими событиями, которые обратили на себя внимание широких масс рабочих и крестьян, следует, мне кажется, в связи с этими событиями, еще раз сначала рассмотреть или, по крайней мере, попытаться рассмотреть вопрос о том, против кого мы ведем теперешней весной, вот сейчас, один из наших последних и решительных боев. Позвольте мне на этом вопросе остановиться.

Чтобы разобраться в этом вопросе, я думаю, надо, прежде всего, возможно точнее и возможно трезвее обозреть еще раз те силы, которые стоят друг против друга, и борьба которых определяет и судьбу Советской власти, и, вообще говоря, ход и развитие пролетарской революции, — революции за низвержение капитала как в России, так и в других странах. Каковы эти силы? Как они группируются друг против друга? Каково в данное время расположение этих сил? Всякое сколько-нибудь серьезное политическое обострение, всякий новый, хотя бы и не очень крупный, поворот политических событий должен всегда всякого мыслящего рабочего и всякого мыслящего крестьянина приводить к этому вопросу о том, какие силы налицо имеются, как они группируются. И лишь тогда, когда мы сумеем правильно и совершенно трезво, независимо от наших симпатий и желаний, учесть эти силы, лишь тогда мы сможем сделать и правильные выводы относительно нашей политики вообще и наших ближайших задач. И вот, позвольте мне эти силы сейчас кратко и описать.

Сил этих в главном, общем и основном — три. Я начну с той, которая всего ближе нам, начну с пролетариата. Это — первая сила. Это — первый особый класс. Вы все это хорошо знаете, вы сами в гуще этого класса живете. Каково его положение теперь? В Советской республике это тот класс, который взял власть $3\frac{1}{2}$ года тому назад и который осуществил за это время господство, диктатуру, который больше всех других классов за эти $3\frac{1}{2}$ года пострадал, перенес, измучился, потерпел лишения и бедствий. Эти $3\frac{1}{2}$ года, большая часть которых прошла в отчаянной гражданской войне Советской власти против всего капиталистического мира, означали собой для рабочего класса, для пролетариата, такие бедствия, такие лишения, такие жертвы, такое обострение всяческих нужд, как никогда в мире. И получилась странная вещь. Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его *один*. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти. Любителей по части такой словесности, как вы все прекрасно знаете, очень много, и даже сверх много есть, но, во всяком случае, не из числа пролетариата, ибо пролетарии осознали и в конституции, в основных законах республики, написали о том, что речь идет о диктатуре пролетариата. Этот класс понимал, что он берет власть один в исключительно трудных условиях. Он осуществлял ее таким путем, каким осуществляется всякая диктатура, т.-е. с наибольшей твер-

достью, с наибольшей непреклонностью осуществлял он свое политическое господство. И при этом подвергся за эти 3 года политического господства таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс из истории. И понятно, что в результате такого сверхчеловеческого напряжения, мы имеем теперь особую усталость и изнеможение и особую издерганность этого класса.

Как могло случиться, что в стране, в которой пролетариат так малочислен, по сравнению с остальной частью населения, в стране отсталой, которая была отрезана искусственно военной силой от стран с более многочисленным, сознательным воспитанием, дисциплинированным и организованным пролетариатом, как могло случиться, что в такой стране, при сопротивлении, при натиске буржуазии всего мира, один класс мог осуществить свою власть? Как могло это осуществляться в течение $3\frac{1}{2}$ лет? Где была поддержка этому? Мы знаем, что поддержка была внутри страны, в массе крестьян. Я сейчас перейду к этой второй силе, но сначала нужно покончить с разбором первой силы. Я сказал, и всякий из вас наблюдал над жизнью ближайших товарищей по фабрикам, заводам, депо, мастерским, и знает, что никогда не было так велико и остро бедствие этого класса, как в эпоху его диктатуры. Никогда страна не достигала такой усталости, изношенности, как теперь. Что же давало этому классу моральные силы, чтобы пережить эти лишения? Ясно, совершенно очевидно, что откуда-нибудь он должен был брать моральные силы, чтобы преодолеть эти материальные лишения. Вопрос о моральной силе, о моральной поддержке, как вы знаете, вопрос неопределенный, все можно понимать под моральной силой и все можно туда подсунуть. Чтобы избежать этой опасности, — подсунуть что-либо неопределенное или фантастическое под это понятие моральной силы, — я себя спрашиваю, нельзя ли найти признаков точного определения того, что давало пролетариату моральную силу перенести невиданные материальные лишения, связанные с его политическим господством? Я думаю, что если так поставить вопрос, то на него найдется точный ответ. Спросите себя, могла ли Советская республика вынести то, что она за $3\frac{1}{2}$ года вынесла, и так успешно отстоять себя от натиска белогвардейцев, поддерживаемых капиталистами всех стран мира, если бы рядом с ней стояли отсталые, а не передовые страны? Достаточно задать этот вопрос, чтобы в ответе не было никаких колебаний.

Вы знаете, что против нас в течение 3 лет воевали все богатейшие державы мира. Та военная сила, которая стояла против нас и которая поддерживала Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля, —

вы прекрасно знаете, каждый из вас участвовал в войне, — во много раз, безмерно и безусловно превышала наши военные силы. Вы прекрасно знаете, что мощь всех этих государств неизмеримо больше нашей и сейчас. Как же это могло случиться, что они ставили задачу победить Советскую власть и не победили? Как это могло быть? Ответ мы имеем точный. Это могло быть и это случилось потому, что пролетариат во всех капиталистических странах был за нас. Даже в тех случаях, когда он заведомо был под влиянием меньшевиков и эс-эров — в странах Европы они называются иначе, — он, тем не менее, не поддерживал борьбу против нас. В конце концов, при вынужденных уступках массам со стороны вожakov, рабочие эту войну сорвали. Не мы победили, ибо наши военные силы ничтожны, а победило то, что державы не могли пустить в ход против нас всей своей военной силы. Рабочие передовых стран настолько определяют ход войны, что против их желания нельзя вести войны, и в конечном счете они сорвали войну против нас пассивным и полупассивным сопротивлением. Этот бесспорный факт точно отвечает на вопрос, где мог русский пролетариат взять моральные силы, чтобы 3¹/₂ года держаться и победить. Моральной силой русского рабочего было то, что он знал, чувствовал, осязал помощь, поддержку в этой борьбе, которая была оказана ему пролетариатом всех передовых стран в Европе. В каком направлении идет там развитие рабочего движения, показывает нам то, что в последнее время в Европе в рабочем движении не было более крупных событий, как раскол социалистических партий в Англии, Франции, Италии и других странах, как побежденных, так и победителей, в странах с разной культурой, с разной степенью экономического развития. Во всех странах главным событием этого года было то, что из разбитых, потерпевших полное крушение партий социалистов и социал-демократов, по-русски меньшевиков и эс-эров, образовалась партия коммунистов, опирающаяся на поддержку всего, что есть передового в рабочем классе. И, конечно, нет никакого сомнения, что если бы против нас вместо передовых стран вели борьбу страны отсталые, в которых нет таких могучих пролетарских масс, то мы не продержались бы не только 3 года, но и 3 месяца. Могла ли быть у нашего пролетариата моральная сила, если бы он не опирался на сочувствие рабочих передовых стран, которые поддерживали нас, вопреки той лжи, которую в миллионах экземпляров распространяют империалисты про Советскую власть, вопреки усилиям «рабочих вождей», меньшевиков и эс-эров, которые должны были сорвать и срывали борьбу рабочих за нас? Опираясь на эту поддержку, наш пролетариат, слабый своей малочисленностью, измученный бедствиями

и лишениями, победил, так как он силен своей моральной силой.

Вот вам первая сила.

Вторая сила — это то, что стоит между развитием капитала и пролетариатом. Это — мелкая буржуазия, мелкие хозяева, это то, что в России больше всего является продуктом подавляющего перевеса крестьянского населения. Главным образом, это мелкие хозяева и мелкое земледелие. На девять десятых они таковы и иными быть не могут. В острой борьбе капитала с трудом они ежедневно не участвуют, школы не проходили, экономические и политические условия жизни не сближают их, а разъединяют, отталкивают один от другого, превращают в миллионы мелких хозяев по одиночке. Таковы факты, которые вы все прекрасно знаете. Никакие коллективы, колхозы, коммуны раньше, чем через долгий и долгий ряд лет, переделать это не могут. Со своими врагами справа, с классом помещиков, эта сила, благодаря революционной энергии и беззаветности пролетарской диктатуры, покончила так скоро, как никогда, смела его донизу, устранила его господство с невиданной быстротой. Но чем скорее она устранила его господство, чем скорее переходила к своему хозяйству на общенародной земле, чем решительнее расправлялась с небольшим меньшинством кулаков, тем скорее сама превращалась в хозяйчиков. Вы знаете, что русская деревня за это время выровнялась. Убавилась доля крупных посевищиков и беспосевищиков, увеличилось хозяйство середняцкое. Наша деревня стала за это время более мелко-буржуазной. Это самостоятельный класс, тот класс, который после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов остается единственным классом, способным противостоять пролетариату. И поэтому нелепо писать на плакатах, что царству рабочих и крестьян не будет конца.

Вы знаете, какова эта сила с точки зрения ее политического настроения. Это — сила колебания. Это мы видели на своей революции во всех концах страны — в России по-своему, в Сибири по-своему, на Украине по-своему, но везде итог был один, это — сила колебания. Ее долго вели на помочах эс-эры и меньшевики, и при помощи Керенского, и в период Колчака, и когда было в Самаре учредительное собрание, и когда у Колчака или у его предшественников был министром меньшевик Майский и т. д. Эта сила колебалась между руководством пролетариата и руководством буржуазии. Почему же эта сила, которая в громадном большинстве, сама собой не руководила? Потому что экономические условия жизни этой массы таковы, что объединиться сама, сплотиться сама она не может. Это ясно для всякого, кто не даст себя во власть пустых слов о «всенародном голосовании»,

об учредилровке и тому подобной «демократии», которая одурачивала народ сотни лет во всех странах, а у нас ее сотни недель проделывали эс-эры и меньшевики, кажинный раз на эфтом самом месте терпя провал. Мы знаем из своего собственного опыта — и подтверждение этого видим в развитии всех революций, если брать новую эпоху, скажем 150 лет, во всем мире, — что везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет. Все, кто о ней мечтает, пустые мечтатели, фантазеры. Их опровергает политика, экономика и история. Все учение Маркса показывает, что раз предположить мелкого хозяина собственником на средства производства и на землю, то из обмена между ними обязательно вырастает капитал, а вместе с ним противоречия между капиталом и трудом. Борьба капитала с пролетариатом — это неизбежность, это закон, показавший себя во всем мире, и кто не хочет сам себя обманывать, тот не может этого не видеть.

Из этих основных экономических фактов и вытекает то, почему эта сила сама себя проявить не может и почему попытки к тому в истории всех революций всегда кончались крахом. Поскольку пролетариату не удастся руководить революцией, эта сила всегда становится под руководство буржуазии. Так было во всех революциях, и, конечно, и российские люди не особым миром мазаны, и, если они пожелают лезть в святые, ничего, кроме смешного, не выйдет. Разумеется, история и к нам относится так же, как к другим. Для нас всех все это потому особенно наглядно, что все мы пережили керенщину. Тогда руководителей политической линии, умных, образованных, с большим опытом в политике и в управлении государством, для поддержки правительства было в сто раз больше, чем у большевиков. Если посчитать всех должностных лиц, которые нас саботировали и которые не ставили своей задачей саботировать правительство Керенского, опиравшееся на меньшевиков и эс-эров, то таких было огромное большинство. И все-таки оно потерпело крах. Значит, были причины, которые перешили громадное преобладание интеллигентских, образованных сил, привыкших к управлению государством, овладевших этим искусством за десятилетия раньше того, как им пришлось брать в свои руки государственную власть. Этот опыт проделали в других вариантах Украина, Дон, Кубань, и все пришли к одному результату. Тут случайностей не может быть. Таков экономический и политический закон второй силы: либо под руководством пролетариата, — путь тяжелый, но **который** может вывести из-под господства помещиков и капитали-

стов, — либо под руководством капиталистов, как в передовых демократических республиках, даже в Америке, где еще не совсем закончена даровая раздача земли (раздавалась по 60 десятин даром, всякому пришлому; лучшего условия нельзя себе представить!) и где это привело к полному господству капитала.

Вот вторая сила.

У нас эта вторая сила колеблется, она особенно устала. На нее ложатся тяжести революции, а в последние годы обрушиваются все больше: год пелуржая, выполнение разверстки в связи с падежом скота, бескормицей и т. д. При таком положении понятно, что эта вторая сила, масса крестьянства, поддавалась отчаянию. Подумать об улучшении своего положения она не могла, несмотря на то, что с уничтожения помещиков прошло три года, а улучшение становится необходимым. Расходящаяся армия не встречает возможности получить правильного применения своего труда. И вот вам превращение этой мелко-буржуазной силы в анархический элемент, который выражает свои требования в волнении.

Третья сила всем известна, это — помещики и капиталисты. У нас сейчас этой силы не видно. Но вот одно из особо важных событий, один особо важный урок последних недель — кронштадтские события явились как бы молнией, которая осветила действительность ярче, чем что бы то ни было.

Теперь нет страны в Европе, где бы не было белогвардейского элемента. Русских эмигрантов считают до 700.000 человек. Это бежавшие капиталисты и та масса служащих, которая не могла приспособиться к Советской власти. Эту третью силу мы не видим, она перешла за границу, но она живет и действует в союзе с капиталистами всего мира, которые поддерживают ее так же, как Колчака, Юденича, Врангеля, поддерживают финансированием, поддерживают другими способами, потому что они имеют свою международную связь. Этих людей всякий помнит. Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы с разъяснением событий в Кронштадте. За последние дни эти события описывал Бурцев ⁹³), издающий газету в Париже, их оценивал Милюков ⁹⁴), — вы, конечно, все это читали. Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага. Его не так видно, когда он перешел за границу, но посмотрите, — он передвинулся не очень далеко, самое большое на несколько тысяч верст, а передвинувшись на это расстояние, притаился. Он цел, он жив, он ждет. Вот почему надо к нему присматриваться, тем более, что это не только беженцы. Нет, это

прямые помощники всемирного капитала, на его счет содержимые и вместе с ним действующие.

Вы, конечно, все обратили внимание, как цитаты из белогвардейских газет, издаваемых за границей, шли рядом с цитатами из газет Франции и Англии. Это один хор, один оркестр. Правда, в таких оркестрах не бывает одного дирижера, по нотам разыгрывающего пьесу. Там дирижирует международный капитал способом, менее заметным, чем дирижерская палочка, но что это один оркестр, — это из любой цитаты вам должно быть ясно. Они признавали, что если лозунгом становится «Советская власть без большевиков», — мы согласны. И Милуков это особенно ярко разъясняет. Он историю учил внимательно и все свои знания обновил изучением русской истории на собственной шкуре. Результат своего 20-летнего профессорского изучения он подкрепил 30-месячным собственным изучением. Он заявляет, что если лозунгом становится Советская власть без большевиков, я — за это. Будет ли это передвижка немножко направо или немножко налево к анархистам, за границей, в Париже этого не видно. Там не видно, что делается в Кронштадте, но он говорит: «Господа монархисты, не торопитесь, не мешайте тем, что вы об этом кричите». И он заявляет, что если передвижка влево, я готов быть за Советскую власть против большевиков.

Вот что пишет Милуков и что является абсолютно правильным. Кое-чему он научился из русской истории и от помещиков и капиталистов, утверждая, что все равно кронштадтские события являются стремлением создать Советскую власть без большевиков; немножко вправо, немножко с свободной торговлей, немножко с учредилкой. Послушайте любого меньшевика, и вы все это услышите, может быть, даже не выходя из этого зала. Если лозунг кронштадтских событий есть уклон немножко влево — Советская власть с анархистами, порожденными бедствиями, войной, демобилизацией армии, — то почему Милуков за нее? Потому, что он знает, что уклон может быть либо в сторону пролетарской диктатуры, либо в сторону капиталистов.

Иначе политическая власть существовать не могла бы. Хотя мы ведем не последний, а один из последних и решительных боев, единственно правильный ответ на вопрос: с кем мы поведем сегодня один из решительных боев, гласит: с мелко-буржуазной стихией у себя дома. Что касается помещиков и капиталистов, то мы их в первую кампанию победили, но только в первую, а вторая будет уже в международном масштабе. Воевать против нас современный капитализм, будь он даже в сто раз сильнее, не может потому, что там,

в передовых странах, рабочие сорвали ему войну вчера и сорвут сегодня еще лучше, еще вернее, потому, что там последствия войны разворачиваются все больше. Мелко-буржуазную же стихию у себя дома мы победили, она себя еще покажет, и это учитывают помещики и капиталисты, особенно те, кто поумнее, как Миллюков, который сказал монархистам: «Посидите вы у себя, помолчите, потому что иначе только будете укреплять Советскую власть». Это показал общий ход революций, в которых бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддержанные временно деревней, но не бывало упроченной власти трудящихся; все в короткое время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйства своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний приходится идти назад. Так было и в Великую французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех революциях. И понятно, что этому уроку все научились. Наша белогвардейщина передвинулась через границу, отъехала на трое суток пути и сидит там и подкарауливает, имея опору и поддержку западно-европейского капитала. Вот каково положение. Отсюда ясны задачи и обязанность пролетариата.

На почве усталости и истощения рождается известное настроение, а иногда отчаяние. Как всегда, у революционных элементов это настроение и отчаяние выражается в анархизме. Так было во всех капиталистических странах, так происходит и у нас. Мелко-буржуазная стихия переживает кризис, потому что последние годы ей достались тяжело, хотя не так тяжело, как пролетариату достался 1919 год, но все же тяжело. Крестьянство должно было спасти государство, перейти на разверстку без вознаграждения, но оно уже не может выдерживать такого напряжения, и потому в нем растерянность духа, колебания, шатание, и это учитывает враг-капиталист, который говорит: лишь бы колебнуть, шатнуть, а потом уж покатится. Вот что значит кронштадтские события, освещенные с точки зрения учета классовых сил в российском и международном масштабе. Вот что значит один из последних и решительных боев, который мы ведем, потому что эту мелко-буржуазно-анархическую стихию мы не победили и от победы над нею сейчас зависит ближайшая судьба революции. Если мы ее не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно, и надо смотреть на это, глаз себе не засоряя и фразами не отговариваясь. Надо сделать все, что можно, для облегчения положения этой массы и сохранить пролетарское руководство, и тогда растущее в Европе движение коммунистической революции получает себе новое подкрепление. То, что не произошло там сегодня, может быть завтра, то, что не произошло завтра, может произойти после-

завтра, но такие периоды, как завтра и послезавтра, в мировой истории означают не меньше, как несколько лет.

Вот мой ответ на вопрос, за что мы сейчас боремся и ведем один из наших последних и решительных боев, каков смысл последних событий, какой смысл имеет борьба классов в России. Теперь понятно, почему эта борьба так обострилась, почему нам так трудно перейти к пониманию того, что главным врагом является не Юденич, Колчак или Деникин, а наша обстановка, наша собственная среда.

Тут я могу перейти к заключительной части своей, слишком затянувшейся речи, к положению железнодорожного и водного транспорта и к задачам съезда железнодорожников и водников. Я думаю, что то, что мне пришлось здесь обрисовать, самым тесным, неразрывным образом связано с этими задачами. Едва ли есть другая часть пролетариата, которая так ясно входит своей повседневной экономической деятельностью в связь с промышленностью и земледелием, чем железнодорожники и водники. Вы должны дать городам продукты, должны оживить деревню посредством транспорта продуктами промышленности. Это всякому ясно, а рабочим железнодорожникам и водникам ясно более, чем другим, потому, что это составляет предмет их ежедневного труда. И отсюда, мне кажется, само собой вытекает, какие исключительно важные задачи, какая ответственность падает в настоящий момент на трудящихся железнодорожного и водного транспорта.

Вы все знаете, что ваш съезд собрался в условиях, когда между верхами и низами союза существовали трения, когда это несоответствие распространялось на партию. Когда этот вопрос был перенесен на последний партийный съезд, то были вынесены такие решения, чтобы согласовать верхи и низы, путем подчинения верхов низам, путем исправления частных, по-моему, но, во всяком случае, требующих исправления ошибок, которые верхами были допущены. Вы знаете, что эти исправления на партийном съезде сделаны, что съезд, собранный в условиях меньшего соответствия управляющих верхушек, закончил свои работы при большей сплоченности и большем единстве в рядах коммунистической партии, чем до сих пор. Это есть ответ законный, необходимый и единственно правильный ответ авангарда, т.-е. руководящей части пролетариата, на движение мелкобуржуазно-анархической стихии. Если мы, сознательные рабочие, поймем опасность этого движения, сплотимся, будем работать в десять раз дружнее, в сто раз более сплоченно, то это удесятерит наши силы, и тогда мы, после победы над военным натиском одержим победу и над колебаниями, шатаниями этой стихии, которая будора-

жит всю нашу повседневную жизнь, а потому, повторяю, и опасна. Решение партийного съезда, исправившего то, на что было обращено его внимание, означает крупный шаг в деле сплочения и дружности пролетарской армии. Теперь вам на вашем съезде предстоит сделать то же и претворить в жизнь решение партийного съезда.

Повторяю от работы этой части пролетариата непосредственно больше зависит судьба революции, чем от остальных частей его. Нам нужно восстановить оборот земледелия и промышленности, а чтобы его восстановить, нужна материальная опора. Что есть материальная опора для связи между промышленностью и земледелием? Это есть транспорт железнодорожных и водных путей. Вот почему на вас лежит обязанность — особенно серьезно относиться к своей работе, и не только на тех из вас, которые являются членами коммунистической партии и, следовательно, сознательными проводниками пролетарской диктатуры, но и на тех, которые не принадлежат к партии, но которые являются работниками профессионального союза, объединяющего миллион-полтора миллиона тружеников транспорта. Все вы, участвуя на уроках нашей революции и всех предыдущих революций, должны понять всю трудность переживаемого положения и, нисколько не закрывая себе глаз всякими лозунгами, будет ли речь о «свободе», об учредилке, о «свободных Советах», — ведь так нетрудно переукрасить этикетки, что вот Милоков показал себя сторонником Советов кронштадтской республики, — не закрывая глаз на соотношение классовых сил, вы приобретете трезвую и прочную базу, фундамент для всех своих политических выводов. Вам станет ясно, что мы переживаем период кризиса, когда от нас зависит, пойдет ли пролетарская революция так же неуклонно к победе, как шла в последнее время, или колебаниями, шатаниями вызовет победу белогвардейцев, которая не изменит тяжести положения, а только на много десятков лет отодвинет Россию от революции. Для вас, представителей железнодорожников и водников, вывод может быть и должен быть только один: в сто раз больше пролетарской сплоченности и пролетарской дисциплины. Во что бы то ни стало, товарищи, мы должны это осуществить и одержать победу.

*«Правда» № 67 и 68,
29 и 30 марта 1921 г.*

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Статьи и речи

О продналоге.

Доклад на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП г. Москвы и Московской губ. ⁹⁵).

(Заседание 9 апреля 1921 г.)

Товарищи, по вопросу о продовольственном налоге и об изменении продовольственной политики, а также об экономической политике Советской власти приходится слышать самые различные мнения, которые порождают много недоразумений. Позвольте мне, по соглашению с тов. Каменевым, так разделить наши темы, что на его долю придется изложить только что вышедшие законы во всех их подробностях. Это будет тем более целесообразно, что тов. Каменев был председателем комиссии, которая была назначена сначала ЦК нашей партии, а затем подтверждена Совнаркомом, и которая в целом ряде совещаний с представителями заинтересованных ведомств выработала все законы, изданные за последнее время. Последний из этих законов был издан вчера, и сегодня мы могли уже прочесть его в газетах. Нет сомнения, что каждый из этих законов вызовет целый ряд практических вопросов, и потребуются немало работы для того, чтобы все работники партии и советских учреждений на местах могли ознакомиться достаточно с этими законами и выработать правильную практику применения их на деле на местах.

Мне хотелось бы остановить ваше внимание на общем или принципиальном значении всех указанных мероприятий. Каким образом объяснить, что Советская власть и диктатура пролетариата становятся на этот путь признания в той или иной мере свободной торговли? В какой мере может быть допущена свободная торговля и индивидуальное хозяйство совместно с социалистическим хозяйством? В какой мере может быть допущено это возрождение капитализма, которое может казаться неминуемым при каком бы то ни было, хотя бы ограниченном, допущении свободной торговли? Чем вызвано такое изменение, в чем его настоящий смысл, характер и значение, и каким образом

членам коммунистической партии нужно понимать это изменение? Как нужно его объяснить, и как нужно смотреть на границы его применения в жизни? Вот, приблизительно, та задача, которую я себе ставлю.

Первый вопрос состоит в том, чем вызвано это изменение, которое многим кажется непомерно крутым и недостаточно обоснованным?

Основной и главнейшей причиной этого изменения является необыкновенно обострившийся кризис крестьянского хозяйства, очень тяжелое положение его, которое к весне 1921 года оказалось гораздо более тяжелым, чем можно это было предвидеть, а с другой стороны, последствия этого положения сказались как на восстановлении нашего транспорта, так и на восстановлении нашей промышленности. Я хотел бы отметить, что когда говорят о замене разверстки продовольственным налогом, когда обсуждают значение этой замены, то делают больше всего ошибок оттого, что не задают себе вопроса, в чем, собственно, этот переход состоит, от чего и к чему он ведет, этот переход? Необыкновенно тяжелый кризис крестьянского хозяйства, которое после всех разорений, вызванных войной, было еще добито и необыкновенно тяжелым неурожаем и, связанной с этим, бескормицей, потому что неурожай был и на травы, и падежом скота, ослабление производственных сил крестьянского хозяйства, сплошь и рядом осуждение его во многих местах прямо-таки на разорение, — вот картина крестьянского хозяйства к весне 1921 года. И тут стоит вопрос, в какой связи стоит этот, необыкновенно обострившийся, кризис крестьянского хозяйства с той заменой разверстки, которую Советская власть предприняла? Я говорю, что для того, чтобы значение этой меры понять, надо, прежде всего, спросить себя: от чего и к чему мы тут переходим?

Если в стране, с преобладанием крестьянского населения, происходит рабочая революция, и фабрики, заводы и жел. дор. переходят в руки рабочего класса, то в чем должна состоять сущность экономических отношений между рабочим классом и крестьянством? Очевидно, в том, что рабочие, производя на фабриках и заводах, им отныне принадлежащих, все необходимые для страны, а значит, для крестьянства, как большинства населения, продукты, перевозят их на своих железных дорогах, на своих речных судах, доставляя их крестьянству, получая от него все излишки из сельско-хозяйственных продуктов. Это совершенно очевидно, и едва ли требует и пояснительных объяснений. Но когда рассуждают о продовольственном налоге, это постоянно забывают. А это необходимо иметь в виду, потому что для того, чтобы выяснить значение продовольственного налога,

который является только мерою, надо ясно понять, к чему же мы хотим прийти. И вот, из приведенного мною ясно, что прийти мы хотим и должны прийти к тому, чтобы крестьянские продукты поступали рабочему государству не как излишки по разверстке и не как налог, а поступали бы в обмен на доставляемые крестьянству все необходимые ему продукты, перевозимые средствами транспорта. На этом основании хозяйство страны, перешедшее к социализму, может быть построено. Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство постепенно объединялось, организовало бы общественное, крупное земледельческое хозяйство. Так представляли себе все социалисты всегда. Именно так смотрит и наша коммунистическая партия. Повторяю, самый большой источник ошибок и недоразумений состоит в том, что продовольственный налог оценивают, не учитывая, в чем состоит особенность тех переходных мер, которые необходимы, чтобы мы могли дойти до того, до чего можем и должны дойти.

Что же такое продовольственный налог? Продовольственный налог представляет собою меру, в которой мы видим и кое-что от прошлого, и кое-что от будущего. Налог — это значит то, что государство берет с населения без всякого вознаграждения. Если этот налог определен приблизительно в половину того, как была определена разверстка в прошлом году, то рабочее государство для содержания Красной армии, всей промышленности, всего неземледельческого населения, для развития производства, для развития сношений с границей, в помощи которой насчет машин и оборудования мы нуждаемся, — рабочее государство не может обойтись одним налогом. С одной стороны, оно хочет опереться на налог, определяя его приблизительно вдвое меньше, чем была перед этим разверстка, с другой стороны, хочет опереться на обмен продуктов промышленности, на те или иные излишки крестьянского производства. Значит, в налоге есть частица прежней разверстки и есть частица того порядка, который один только представляется правильным, именно обмен продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства путем обмена через продовольственные органы государственной власти, принадлежащей рабочему классу, через кооперации рабочих и крестьян.

Почему, спрашивается, вынуждены мы прибегать к мере, в которой частичка принадлежит прошлому, и только частичка ставит на правильные рельсы, при чем мы далеко не уверены, удастся ли нам на правильные рельсы поставить сразу и значительна ли будет эта

часть, которую мы на правильные рельсы поставим? Почему мы вынуждены прибегать к мере столь половинчатой, почему в нашей продовольственной и экономической политике мы должны рассчитывать на такие меры? Чем вызвана эта мера? Конечно, всякий знает, что она вызвана не каким-то предпочтением Советской власти к той или иной политике. Она вызвана крайней нуждой, безвыходным положением. Вы знаете, что в течение нескольких лет после победы рабочей революции в России, нам пришлось после империалистической войны выдержать войну гражданскую, и теперь можно сказать без преувеличений, что среди всех стран, которые были втянуты в империалистическую войну, даже из тех, которые больше всего пострадали от нее, потому что она происходила на их территории, все-таки нет ни одной, которая пострадала бы так, как Россия, потому что после 4-летней империалистической войны, мы вынесли три года гражданской войны, которая в смысле разорения, уничтожения, ухудшения условий производства была гораздо хуже, чем война внешняя, потому что война эта была в центре государства. Это отчаянное разорение представляет из себя основную причину того, почему мы вначале, в эпоху войны, особенно, когда гражданская война отрезала хлебные районы, как Сибирь, Кавказ и всю Украину, а также отрезала и снабжение углем и нефтью и сократила возможность подвоза остального топлива, — почему мы, будучи в осажденной крепости, не могли поддерживаться иначе, как применением разверстки, т.-е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем. В течение гражданской войны эта задача была необыкновенно трудной, а если взять оценку ее другими партиями, то она всеми объявлялась задачей неразрешимой. Взять меньшевиков и эс-эров, т.-е. мелкую буржуазию и партию кулаков. Эти партии больше всего кричали в течение самых острых моментов гражданской войны, что большевики затеяли дело сумасбродное, что удержаться в гражданской войне, когда на помощь белогвардейцам пришли все державы, нельзя. В самом деле, задача была чрезвычайно трудная, требовавшая напряжения всех сил, и была успешно выполнена только потому, что те жертвы, которые вынесли за это время рабочий класс и крестьянство, были, можно сказать, сверхъестественными. Никогда такого недоедания, такого голода, как в течение первых лет своей диктатуры, рабочий класс не испытывал. И понятно, что для решения этой задачи не было никаких возможностей, кроме разверстки, в смысле взятия всех излишков и части необходимого крестьянину. «Ты тоже поголодай,

но мы все вместе отстоим свое дело и прогоним Децикина и Врангелл», — никакого решения другого нельзя было себе представить.

Не в том дело, что была экономическая система, экономический план политики, что он был принят при возможности сделать выбор между той и другой системой. Этого не было. Восстановить промышленность, когда не было обеспечено минимально ни продовольствие, ни топливо, нельзя было и думать. Только сохранить остатки промышленности, чтобы не совсем разбежались рабочие, иметь армию — вот задача, которую мы себе ставили, и нельзя было решить ее никак иначе, как разверсткой без вознаграждения, потому что буржуазные деньги, конечно, не вознаграждение. Никакого другого выхода у нас не было. Вот от чего мы ушли, а к чему переходим, я вам уже сказал. Как этот переход осуществить — вот для этого и является такая мера как налог. Если бы восстановление нашей промышленности удалось поставить быстрее, то, может быть, при условии лучшего урожая, мы могли бы перейти к обмену продуктов промышленности на продукты сельского хозяйства скорее.

Многие из вас, вероятно, помнят, как на IX съезде партии мы ставили вопрос о переходе на хозяйственный фронт. Все внимание тогда было уделено этому вопросу. Мы рассчитывали тогда, что от войны мы избавились: ведь мы сделали тогда буржуазной Польше неслыханно выгодное для нее предложение мирных условий. Как вы знаете, мир оказался сорванным, последовала польская война и ее продолжение — Врангелл и др. Период от IX до X съезда был почти весь заполнен войной; вы знаете, что мы лишь в самое последнее время подписали окончательный мир с поляками и несколько дней тому назад мирное соглашение с турками, которое одно только избавляет нас от вечных войн на Кавказе. Только теперь мы заключили торговый договор с Англией, имеющий всемирное значение, только теперь Англия вынуждена была вступить в торговые сношения с нами, вынуждена; Америка, например, до сих пор отказывается от этого. Вот вам представление о том, с каким трудом мы вылезли из этой войны. Если бы мы могли предположения IX съезда тогда же осуществить, то мы могли бы бы, конечно, гораздо больше дать продуктов.

У меня сегодня был тов. Королев из Иваново-Вознесенска, из нашей наиболее промышленной, пролетарской, красной губернии. Он привел цифры и факты. В 1-й год работало не более 6 фабрик, и ни одна не работала сплошь даже месяц. Это была полная остановка промышленности. За этот же миновавший год первый раз пущены 22 фабрики, которые работали без перерыва по нескольку месяцев, некоторые по полгода. Задание-план был определен в 150 милл. аршин,

по цифрам, которые относятся к самому последнему времени, они произвели 117.000.000, топлива же они получили лишь половину того, что было назначено. Вот как сорвались, и не только в иваново-вознесенском масштабе, но в масштабе всероссийском. Это было связано в значительной степени с подрывом крестьянского хозяйства, с падежом скота, с невозможностью подвести достаточное количество дров к станциям и пристаням. Иваново-вознесенцы получили из-за этого меньше дров, меньше торфа, меньше нефти. И является чудом, что они топлива получили только наполовину, а программу выполнили 117 милл. из 150 миллионов. Они увеличили производительность труда и произвели передвижение рабочих на лучшие фабрики, отчего и получили большой процент выхода. Вот вам пример, близкий и точный, который показывает, в какое положение мы попали. Вся программа на мануфактуру на IX съезде партии определялась в 600 слишком миллионов, мы теперь и трети не выполнили, потому что Иваново-Вознесенская губ. оказалась лучшей, но и она дает только 117 миллионов. Вы можете себе представить многомиллионную Россию и эти 117 миллионов аршин мануфактуры. Это нищета. Восстановление промышленности задержалось в таких громадных размерах, что к весне 1921 года восстановление ее казалось совершенно немыслимым. Нам нужна была громадная армия, и она была доведена до многомиллионного состава; демобилизовать ее быстро зимой, вследствие разрухи транспорта, было чрезвычайно трудно. Нам удалось все это ценой неслыханного напряжения.

Вот то положение, которое создалось. А какой выход, как не тот, что понизить разверстку до последних пределов, взять 240 миллионов хлеба, вместо 423? Этот тот минимум, который необходимо собрать при среднем урожае, при котором мы можем кормиться едва-едва. Для того, чтобы этим не ограничиться, надо дать возможность крестьянскому хозяйству подняться. Теперь нужны меры. Наилучшей мерой, конечно, явилось бы восстановление крупной промышленности. Разумеется, это явилось бы самой лучшей, единственной экономически-правильной мерой — усилить производство фабрик и дать больше продуктов, которые необходимы крестьянину, не только мануфактуры, которая нужна работнику и его семье, но и машин, орудий, хотя бы простейших, в которых крестьянин нуждается до последней степени. Но то, что произошло с мануфактурой, произошло и с металлической промышленностью. Таково оказалось наше положение. С одной стороны, промышленность восстановить после IX съезда не удалось, потому что обрушился год войны, и недостаток топливного снабжения, и недостаток транспорта, и крестьянское хозяйство осла-

блено до последних пределов. Какие меры могут быть приняты для того, чтобы дать максимальную помощь крестьянскому хозяйству? Нет других мер, как понизить разверстку, перевести в налог, который при среднем урожае определен в 240 миллионов, при неурожае, может быть, еще меньше, чтобы крестьянин знал, что он должен отдать известную сумму, определенную в наименьшем размере, мог с наибольшей ревностью обратить весь труд на производство, чтобы все остальные продукты могли дать ему то, что ему нужно, чтобы могли дать возможность крестьянскому хозяйству улучшиться не только на счет промышленности — это было бы правильное всего, это было бы самым рациональным, но на это нехватит сил. Налог определен в размере наименьшем, и применение его на местах уже даст восстановление мелкой промышленности, ибо мы не можем наладить крупную промышленность в тот срок, в который нам бы хотелось. Это уже доказано иваново-вознесенской программой, которая дала наилучшую долю того, что мы наметили. Нужно ждать еще год, пока запасы топлива будут настолько достаточны, чтобы обеспечить производство на всех фабриках. Хорошо, если мы сможем это сделать в год, а то, может быть, и в два. Можем ли мы обеспечить крестьянина? Если бы урожай оказался хорошим, это было бы возможно.

На съезде партии, когда решался вопрос о продналоге, была раздана брошюра руководителя нашего центрального статистического управления, тов. Попова, о хлебном производстве России. Эта брошюра на днях в дополненном виде выйдет в свет, и всем надо с ней ознакомиться. Она дает представление о хлебном производстве, она рассчитана на основании данных той переписи, которую мы произвели, и которая дала точные цифры всего населения и приблизительно определила размеры хозяйства. В ней указано, что при урожае в 40 пуд. с десятины крестьянское хозяйство могло бы на теперешней территории Советской России дать 500 милл. пудов излишков. Мы бы тогда полностью покрыли потребность городского населения — 350 милл. пудов — и имели бы запас для заграничной торговли и для улучшения крестьянского хозяйства. Неурожай был так велик, что в среднем мы имели не больше 28 пудов с десятины. Получился дефицит. Если считать, как считает статистика, что необходимо 18 пудов на душу, то надо с каждой души взять три пуда, и осудить на известное недоедание каждого крестьянина, чтобы обеспечить полуголодное существование армии и промышленности. Вот при таком положении у нас не оказалось иного выхода, как максимально понизить разверстку и перевести ее в налог. Надо приложить все силы и заботы к улучшению мелкого крестьянского хозяйства. Дать ему мануфактуры, машин

и др. изделий с крупных фабрик, мы этой задачи решить не могли, между тем решить ее нужно немедленно и решать ее приходится при помощи мелкой промышленности. Первый год проведения новой меры уже должен дать результаты.

Теперь, почему на крестьянское хозяйство обращается больше всего внимания? Потому, что только оттуда мы можем получить необходимые нам продовольствие и топливо. Рабочий класс, если он хочет правильно вести хозяйство, как господствующий класс, как класс, который осуществляет свою диктатуру, должен сказать: вот где оказалось самое слабое место — в кризисе крестьянского хозяйства; это пужно исправить, чтобы еще раз взяться за восстановление крупной промышленности и добиться того, чтобы в том же Иваново-Вознесенском районе работали не 22 фабрики, а все 70. Тогда эта крупная фабричная мануфактура покроет потребности всего населения, и тогда у крестьянского населения продукты будут братья не в виде налога, а в виде обмена на те продукты промышленности, которые ему будет давать рабочий класс. Вот тот переход, который мы переживаем, когда нужно было разделить нужду и голод, чтобы ценою недоедания всех были спасены те, без которых нельзя держать ни остатка фабрик, ни железных дорог, ни армии, чтобы оказывать сопротивление белогвардейцам.

Нашу разверстку так поносили меньшевики, которые говорили, что Советская власть ничего не дала населению, кроме разверстки, нужды и разрушения, что после восстановления частичного мира, после окончания гражданской войны оказалось невозможным в скором времени восстановить нашу промышленность. Но, ведь, даже в самых богатых странах годами исчисляется то время, в которое можно восстановить промышленность. Даже такая богатая страна, как Франция, должна потратить много времени на восстановление своей промышленности, а ведь Франция не так пострадала от этой войны, как пострадали мы, ибо разрушение там коснулось лишь небольшой части страны. Нужно удивляться, что мы в первый год неполного мира добились, например, того, что в Иваново-Вознесенске было пущено 22 фабрики из 70 и выработано 117 миллионов из 150 миллионов. Разверстка в свое время была неизбежна, а теперь нам необходимо было изменить продовольственную политику, т.-е. от разверстки перейти к налогу. Это, несомненно, улучшит положение крестьянина, это, несомненно, даст ему возможность рассчитывать точнее, определеннее и увереннее на то, что все те свободные излишки хлеба, которые у него будут, он сможет пускать в обмен хотя бы на предметы местной кустарной промышленности. Вот почему такая экономическая политика Советской власти является необходимой.

Теперь, в заключение, я хочу остановиться на вопросе, как эта политика примирима с точки зрения коммунизма, и как выходит то, что коммунистическая Советская власть способствует развитию свободной торговли. Хорошо ли это с точки зрения коммунизма? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательно присмотреться к тем изменениям, которые произошли в крестьянском хозяйстве. Сначала положение было таково, что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя, конечно, с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещика и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления. На Украине эта рознь интересов и сейчас видна с гораздо большей ясностью, чем у нас. Беднота непосредственно этот переход земли от помещиков могла использовать очень мало, ибо у нее не было для этого ни материалов, ни орудий. И вот мы видим, что беднота организуется, чтобы не дать кулакам захватить отобранные земли. Советская власть оказывает помощь возникшим комитетам бедноты у нас и комнезам на Украине. Что же получилось в результате? В результате получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки. Мы знаем это из статистики, а всякий, живущий в деревне, знает это из своих наблюдений. Меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к средняцкому. Если нам нужно поднять производительность нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться, в первую очередь, со средняком. Коммунистической партии и пришлось сообразно с этим строить свою политику.

Раз деревня стала средняцкой, то нужно помочь средняку поднять хозяйство и, кроме того, к нему нужно предъявить те требования, которые мы предъявляем к рабочему. На последнем съезде партии главным вопросом являлась продовольственная пропаганда: все силы на хозяйственный фронт, поднять производительность труда и увеличить количество продуктов. Без выполнения этих задач никакое движение вперед невозможно. Если мы это говорим по отношению к рабочим, то мы должны сказать то же и по отношению к крестьянству. С крестьянина государство возьмет определенный налог, но взамен потребует, чтобы по уплате налога он свое хозяйство расширил, зная, что от него больше ничего не возьмут, и что у него останется весь излишек для развития хозяйства. Значит, изменение в политике по отношению к крестьянству объясняется тем, что изменилось положение самого крестьянства. Деревня стала более средняцкая, и для поднятия производительных сил мы должны с этим считаться.

Я затем еще напомню, что мне приходилось, в 1918 году, после заключения Брестского мира, спорить с группой так называемых «левых коммунистов». Кто был тогда в партии, помнит, как опасались некоторые коммунисты, что заключение Брестского мира подорвет всякую коммунистическую политику. Между прочим, в споре с этими товарищами я говорил: государственный капитализм у нас в России не страшен, он был бы шагом вперед. Это показалось очень странным: как это так — в Советской социалистической республике государственный капитализм был бы шагом вперед? И я, отвечая на это, говорил: присмотритесь внимательно, что мы наблюдаем в России, с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно. Второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок. Третье — капиталистическое; это появление капиталистов, небольшого частного хозяйственного капитала. Четвертое — государственный капитализм, и пятое — социализм. И, если присмотреться, мы должны сказать, что и сейчас в экономической системе, в экономическом строе России мы все эти отношения видим. Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем, — социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты, или когда рабочие стараются распределять правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. Это есть социализм. Но рядом с ним существует мелкое хозяйство, которое сплошь и рядом существует независимо от него. Почему оно может существовать независимо от него? Потому, что крупная промышленность не восстановлена, потому что социалистические фабрики могут получить, может быть, только десятую долю того, что они должны получать; и поскольку они не получают, оно остается независимым от социалистических фабрик. Неимоверное разорение страны, недостаток топлива, сырья и транспорта приводят к тому, что мелкое производство существует отдельно от социализма. И я говорю: при таких условиях государственный капитализм — что это такое? Это будет объединение мелкого производства. Капитал объединяет мелкое производство, капитал вырастает из мелкого производства. На этот счет нечего закрывать глаза. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма; из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот

только тешит себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена, — появляется капитализм. Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю? И вот я говорил тогда, буду повторять теперь и считаю, что это неопровержимо, что этот капитализм нам не страшен. Таким капитализмом являются концессии.

Мы усиленно стремимся заключить концессии, но, к сожалению, до сих пор ни одной не заключили. Но, все-таки, теперь мы ближе к ним, чем были несколько месяцев тому назад, когда в последний раз беседовали о концессиях. Что такое концессия с точки зрения экономических отношений? Это есть государственный капитализм. Советская власть заключает договор с капиталистом. По этому договору ему предоставляется известное количество предметов: сырье, рудники, промыслы, горная руда или, как в одном из последних проектов концессии, особый завод даже (проект концессии шведского предприятия на подшипники). Социалистическая государственная власть отдает капиталисту принадлежащие ей средства производства: заводы, материалы, рудники; капиталист работает, как контрагент, как арендатор на социалистические средства производства, и получает на свой капитал прибыль, отдавая социалистическому государству часть продуктов.

Почему это нам нужно? Потому, что мы сейчас же получаем увеличение количества продуктов а это нам нужно, сами мы не в силах этого сделать. И вот получается государственный капитализм. Страшен ли он нам? Не страшен, потому, что мы будем определять, в какой мере мы концессии раздаем. Скажем, концессия на нефть. Это даст нам сразу миллионы пудов керосина, больше, чем мы сами произведем. Это нам выгодно, потому что крестьянин будет нам излишки своего хлеба давать за этот керосин, а не за бумажные деньги, и мы сейчас же будем иметь возможность внести улучшение в положение всей страны. Вот почему тот капитализм, который неизбежно будет вырастать из свободной торговли, нам не страшен. Он будет являться результатом развития оборота, результатом обмена промышленных продуктов, хотя бы мелкой промышленности, на продукты земледельческие.

Из вчерашнего закона вы узнаете, что рабочим предоставлено в некоторых отраслях промышленности, в виде натуральной премии, получать известную часть продуктов, производимых на их фабриках, для обмена на хлеб. Так, текстильные рабочие будут получать при условии покрытия государственной потребности часть мануфактуры себе и сами обменивать ее на хлеб. Это нужно для того, чтобы

быстрее улучшить положение рабочих и положение крестьян. В общегосударственном масштабе мы это сделать не могли бы, а надо это сделать во что бы то ни стало. Вот почему мы несколько не закрываем глаз на то, что свобода торговли означает в известной мере развитие капитализма, и говорим: этот капитализм будет под контролем, под надзором государства. Если рабочее государство приобрело в свои руки фабрики, заводы и железные дороги, нам не страшен этот капитализм. Это даст нам улучшение хозяйственного оборота между крестьянскими продуктами и соседними кустарями, которые хотя и не так уж много возместят потребность крестьянина в продуктах промышленности, но все же в известной степени возместят; все же крестьянское хозяйство улучшится по сравнению с прежним, а нам улучшить его надо дозарезу. И пускай мелкая промышленность разовьется до известной степени, пускай разовьется государственный капитализм, — это не страшно Советской власти; она должна смотреть на вещи прямо, называя своими именами, но она должна контролировать это, определять меру этого.

Концессии не страшны, если мы отдаем концессионерам несколько заводов, сохраняя большинство за нами; это не страшно. Конечно, совершенно нелепо было бы, если Советская власть большую часть того, что ей принадлежит, раздала бы в концессии; тогда бы вышла не концессия, а возвращение к капитализму. Концессии не страшны, пока мы держим в руках все государственные предприятия и взвешиваем точно и строго, какие и на каких условиях мы можем отдать концессии и в каких размерах. Капитализм, который растет, находится под контролем, учетом, а государственная власть остается в руках рабочего класса и рабочего государства. Как тот капитал, который будет в виде концессий, так и тот, который будет расти неизбежно через кооперативы, через свободу торговли, нам не страшны; мы должны стремиться к развитию и улучшению положения крестьянства; мы должны напрячь все усилия, чтобы это было в интересах рабочего класса. Все, что можно сделать для улучшения крестьянского хозяйства, для развития местного аппарата, в то же время рассчитывая общегосударственное хозяйство так, чтобы крупная социалистическая промышленность восстанавливалась быстрее, чем до сих пор, — все это при помощи концессий мы сделаем раньше, чем без концессий; при помощи отдохнувшего и оправившегося крестьянского хозяйства мы сделаем раньше, чем при абсолютной нужде, которая была в крестьянском хозяйстве до сих пор.

Вот что я имел сказать по вопросу, как нужно, с точки зрения коммунистической, оценивать эту политику, почему она была необхо-

дима, почему она при правильном применении даст нам немедленное и, во всяком случае, более быстрое улучшение, чем если бы она не была применена.

*«Правда» №№ 81, 82 и 83,
15, 16 и 17 апреля 1921 г.*

Письмо коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и Горской республики.

Горячо приветствуя советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе.

Но как ни важен мир между рабочими и крестьянами Кавказа, но еще важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму. Задача трудная, но выполняемая.

Всего важнее для ее разрешения, чтобы коммунисты Кавказа поняли своеобразие своей республики в отличие от положения и условий РСФСР поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к развитию конкретных условий.

Советская республика в России не нашла поддержки, когда она годы и годы боролась против враждебных нашествий Антанты и ее блокады. Советские республики Кавказа имели в небольшой мере военную поддержку РСФСР. Это коренное отличие.

Со стороны Антанты не приходится бояться сейчас ни нашествия, ни военной поддержки белогвардейцев Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана и горских. Антанта «обожглась», и это заставит ее некоторое время быть настороже.

Кавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия.

Экономически Россия была, и в значительной мере останется, отрезанной от передовых капиталистических стран, пока сможет наладить «сожитительство и товарообмен» с капиталистическим Западом быстро и легко.

Это — не все различия. Но и указанных различий достаточно, чтобы понять необходимость иной тактики. Больше мягкости, осторожности и уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и, особенно, к крестьянству.

Использовать экономически-капиталистический Запад, политику концессий и товарообмен с заграницей. Нефть, марганец, уголь —

таков далеко не полный перечень туземных коренных богатств. Есть полная возможность политику концессий и товарообмен с Западом развернуть очень широко. Надо это сделать широко, твердо, умело, осмотрительно.

Использовать это необходимо в частности для улучшения положения рабочих и крестьян, для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции. Всеми силами развить, использовать товарообмен с Италией, Америкой и другими странами. Развить производительные силы богатого края, белый уголь, орошение. Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало.

Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республики Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики.

Мы пробивали первую брешь в мировом капитализме. Брешь пробита. Мы отстаивали себя в тяжелой, мучительной, крутой войне против белых и черных меньшевиков, поддержанных Антантой и ее блокадой. Вам, товарищи-коммунисты Кавказа, не надо пробивать брешу. Надо только добиваться нового использования, выгодного для вас, международной обстановки.

В 1921 году Европа и весь мир — уже не те, что была в 1917—1918 гг. Не копировать нашу тактику, а самостоятельно обдумывать причины и следствия и все своеобразие условий и итоги — вот ваша задача. Принять у себя не букву, а дух, смысл — урок опыта 1917 и 1918 гг. экономически сразу опереться на товарообмен с капиталистической границей и не скупиться. Пусть десятки тысяч пудов ценнейших наших минеральных продуктов достанутся им. Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы по электрификации и орошению. Орошение важнее всего — оно пересоздаст край, возродит его, укрепит переход к социализму.

Написано 14 апреля 1921 г.

«Правда» № 122,

5 июня 1921 г.

О продовольственном налоге.

(Значение новой политики и ее условия).

(Вместо введения.⁹⁰)

Вопрос о продналоге вызывает в настоящее время особенно много внимания, обсуждения, споров. Вполне понятно, ибо это действительно один из главных вопросов политики при данных условиях.

Обсуждение носит характер немного суетолочный. Этим грехом, по причинам слишком понятным, страдаем мы все. Тем более полезной будет попытка подойти к этому вопросу не с его «злободневной», а с его общепринципиальной стороны. Иными словами: взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня.

Чтобы сделать такую попытку, я позволю себе привести длинную выписку из моей брошюры: «Главная задача наших дней.— О «левом» ребячестве и о мелко-буржуазности». Эта брошюра вышла в издании Петроградского Совдепа в 1918 г. и содержит в себе, во-первых, газетную статью от 11 марта 1918 года по поводу Брестского мира, во-вторых, полемику с тогдашней группой левых коммунистов, помеченную 5 мая 1918 г. Poleмика теперь не нужна, и я ее выкидываю. Оставляю то, что относится к рассуждениям о «государственном капитализме» и об основных элементах нашей современной, переходной от капитализма к социализму, экономики.

Вот, что я писал тогда:

О современной экономике России.

(Из брошюры 1918 г.)

«...Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется кто-то от этих слов... Как? В Советской социалистической республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед?.. Это ли не измена социализму?

Именно на этом пункте надо подробнее остановиться.

Во-первых, надо разобрать, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который даст нам право и основание называться социалистической республикой Советов.

Во-вторых, надо обнаружить ошибку тех, кто не видит мелко-буржуазных экономических условий и мелко-буржуазной стихии, как *главного* врага социализма у нас.

В-третьих, надо хорошенько понять значение *советского* государства в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

- 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);
- 3) частно-хозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской среде преобладает, и не может не преобладать, мелко-буржуазная стихия: большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там *спекулянты*, и главным предметом спекуляции является *хлеб*.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий, вроде «государственный капитализм»? Между четвертой и пятой ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борется вместе, заодно и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического.

Это — совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень целого ряда экономических ошибок. Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами деклараций, то теперь чисто-французское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эс-эров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелко-собственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частно-хозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелко-буржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелко-буржуазными предрассудками.

Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных «правдами» и, особенно, неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный, как основа спекуляции и частно-хозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многочисленный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря, «отсиживаясь» от пролетарской бури. Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т.е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполсоны ⁹⁷⁾ и Кавеньяки ⁹⁸⁾, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос.

Мелкий буржуа, хранящий тысячки, — враг государственного капитализма, и эти тысячки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тысячек дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство. Допустим, что известное число рабочих дает в несколько дней сумму ценностей, выражаемую цифрой 1.000. Допустим, далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и мелко-собственни-

ческого «обхода» советских декретов и советских распоряжений. Великий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи, ценою создания большого порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьшить потом эту «дашь», скажем, до ста или до пятидесяти будет совсем легкой задачей, раз порядок и организация будут налажены, раз мелко-собственнической срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломлен.

Этим простым цифровым примером, — который умышленно упрощен до последней степени для популярного изложения, — поясняется соотношение теперешнего положения государственного капитализма и социализма. У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность взять всю тысячу, т.-е. ни копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма. Но многими путями мелко-собственническая и частно-капиталистическая стихии подрывают юридическое положение, протаскивают спекуляцию, срывают выполнение советских декретов. Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, *даже если бы* (и я нарочно взял такой цифровой пример, чтобы резко показать это) — если бы мы заплатили *больше*, чем теперь, ибо заплатить за «науку» стоит, ибо это полезно для рабочих, ибо победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелко-собственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) *безусловно*, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму. Рабочий класс, научившийся тому, как отстоять государственный порядок против мелко-собственнической анархичности, научившийся тому, как наладить крупную общегосударственную организацию производства на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда, — извините за выражение, — все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено.

Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это — во-первых.

Во-вторых, в нем нет для Советской власти ничего страшного, ибо Советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты.

* * *

Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно,

каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерско-буржуазному империализму*. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.-е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которую дает социализм.

Социализм немислим без крупно-капиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые даже этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эс-эров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немислим вместе с тем без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. История (от которой никто, кроме разве меньшевистских туниц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка, под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий всякого цыпленка), осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями. — конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Если в Германии революция еще медлит «разрядиться», наша задача — *учиться* государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых эс-эров (я нечаянно вспомнил речи Карелина⁹⁹) и Ге¹⁰⁰) в ЦИК), которые способны по-карелински рассуждать, что, де, не пристало нам, революционерам, «учиться» у немецкого империализма, то надо сказать одно:

погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая всерьез таких людей.

В России преобладает сейчас как раз мелко-буржуазный капитализм, от которого и к государственному крупному капитализму, и к социализму ведет *одна и та же дорога*, ведет путь *через одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов». Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением «капитализма» «социализму» и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас.

В скобках будь сказано: это та же самая теоретическая ошибка, которая сбила с толку лучших из людей лагеря «Новой Жизни» и «Вперед»; худшие и средние из них, по тупости и бесхарактерности, плетутся в хвосте буржуазии, запуганные ею; лучшие — не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, при чем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя идти вперед, не проходя через то, *что обще* и государственному капитализму, и социализму (всенародный учет и контроль), пугать других и самих себя «эволюцией в сторону государственного капитализма» есть сплошная теоретическая нелепость. Это значит как раз растекаться мыслью «в сторону» от действительной дороги «эволюции», не понимать этой дороги; на практике же это равносильно тому, чтобы *тянуть назад* к мелко-собственническому капитализму.

Дабы читатель убедился, что «высокая» оценка государственного капитализма дается мной вовсе не теперь только, а давалась и до взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей брошюры: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 г.

«Попробуйте подставить вместо юнкерско-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства — государство революционно-демократическое, т.е. революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм. Вы увидите, что государственно-монополистический

капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

«...Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии.

«...Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (стр. 27 и 28).

Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь не о диктатуре пролетариата, не о социалистическом государстве, а о «революционно-демократическом». Неужели не ясно, что *чем выше мы поднялись над этой политической ступенькой, чем полнее мы воплотили в Советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, тем менее* нам позволительно бояться «государственного капитализма»? Неужели не ясно, что в *материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие» в дверь социализма не войдешь?

* * *

Крайне поучительно еще следующее обстоятельство.

Когда мы спорили в ЦИК с тов. Бухариным, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам «мы» «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды» (именно от банды капиталистов, т.-е. *выкупить* у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства).

Это чрезвычайно интересное замечание.

Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде до-монополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелем социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов перелома, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда

встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота.

Ну, а у Советской России *после* взятия власти пролетариатом, *после* подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров — неужели не очевидно, что *некоторые* условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: 1) полнейшим преобладанием рабочих, пролетариев в населении вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); 2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первой в мире страной в указанном отношении); 3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, выпколенного вековым развитием политической свободы; 4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии — тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии) — к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности мирного подчинения капиталистов Англии ее рабочим.

У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными конкретными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов). У нас *вместо* полнейшего преобладания рабочих, пролетариев в населении и высокой организованности их фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством. У нас, наконец, нет высокой культуры, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь *соединения* приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными, ни на какой «государственный капитализм» не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, *с приемами компромисса* или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов крупнейших предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятки миллионов людей.

Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной доступности мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, ежели (в виде *исключения*: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что *заставят* капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа.

Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западно-европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма. Не ясно ли, что из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного «выкупа», который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать организации крупного и крупнейшего «государственного» производства? Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по-своему мелко-буржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власти. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием, — создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы, революционную работу не способны.

К счастью, история развития революционных партий и борьбы большевизма с ними оставила нам в наследство резко очерченные типы, из коих левые эс-эры и анархисты иллюстрируют собой тип плохень-

ких революционеров достаточно наглядно. Они кричат теперь — до истерики захлебываясь криком, — кричат против «соглашательства» «правых большевиков». Но подумать они не умеют, *чем* плохо было и *за что* по справедливости осуждено историей и ходом революции «соглашательство».

Соглашательство времен Керенского отдавало власть империалистской буржуазии, а вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Соглашательство части большевиков в октябре-ноябре 1917 года либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело делить власть поровну не только с «ненадежными попутчиками» вроде левых эс-эров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном, разгоне учредилки, в беспощадном сокрушении Богаевских, в полном проведении советских учреждений, в каждой конфискации.

Теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии, партии пролетариата, даже без «ненадежных попутчиков». Говорить теперь о соглашательстве, когда быть не может даже речи о разделе *власти*, об отказе от диктатуры пролетариев против буржуазии, значит просто повторять, как сорока, заученные, но непонятные слова. Называть «соглашательством» то, что, придя в положение, когда мы можем и должны управлять страной, мы стараемся привлечь к себе, не жалея денег, культурнейшие из обученных капитализмом элементов, их взять на службу против мелко-собственнического распада, это значит вовсе не уметь думать об экономических задачах строительства социализма».

О продналоге, о свободе торговли, о концессиях.

В приведенных рассуждениях 1918 года есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда. Это неудивительно. Но основные элементы нашей экономики остались те же. Крестьянская «беднота» (пролетарии и полупролетарии) превратилась, в очень большом числе случаев, в середняков. От этого мелко-собственническая, мелко-буржуазная «стихия» усилилась. А гражданская война 1918—1920 годов чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат. К этому прибавился неурожай 1920 года, бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров, нашего главного топлива.

В итоге политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры

для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы.

Почему именно крестьянства, а не рабочих?

Потому что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас «задержка» самая большая — с точки зрения всего государственного хозяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства. Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только *через* это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы *не через это* пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы *на деле* пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо идти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов, значит: интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала.

Итак: в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства.

Сделать это нельзя без серьезных изменений продовольственной политики. Таковым изменением явилась замена разверстки продналогом, связанная со свободой торговли после уплаты налога, по крайней мере в местном хозяйственном обороте.

В чем сущность замены разверстки продналогом?

На этот счет очень распространены неправильные представления. Неправильность проистекает большей частью от того, что не вникают в сущность перехода, не спрашивают, себя, от чего к чему ведет данный переход. Представляют себе дело так, как будто бы переход был от коммунизма вообще к буржуазности вообще. Против этой ошибки приходится неизбежно указывать на то, что говорилось в мае 1918 года.

Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму.

Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержки наших эксплуататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-эры, Каутский¹⁰¹) и К-о, когда они ставили нам *в вину* этот «военный коммунизм». Его надо поставить нам в заслугу.

Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. «Военный коммунизм» был выпущен войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелко-крестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе.

Продналог есть переход к ней. Мы все еще так разорены, так придавлены гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть, благодаря алчности и злобе капиталистов, завтра), что не можем дать крестьянину за *весь* нужный нам хлеб продукты промышленности. Зная это, мы вводим продналог, то-есть минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берем как налог, а остальное будем обменивать на продукты промышленности.

При этом надо еще не забывать следующее. Нужда и разорение таковы, что восстановить *сразу* крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т. п. Мы на опыте убедились, что этого нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разори,

тельной империалистской войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого, ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно.

Спрашивается необходимо ли это? Можно ли оправдать это? Не опасно ли это?

Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают только наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы.

Взгляните на то, как я в мае 1918 года определял наличные в нашей экономике элементы (составные части) разных общественно-экономических укладов. Оспорить то, что на-лицо имеются все эти пять ступеней или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального, то-есть полудикого, до социалистического, никому не удастся. Что в мелко-крестьянской стране преобладает «уклад» мелко-крестьянский, то-есть частью патриархальный, частью мелко-буржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелко-буржуазное, с^ее развитие капиталистическое, и, разумеется, обмен: это бесспорная истина, азбучная истина политической экономики, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским.

Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Это была бы самая желательная, самая «правильная» политика, — мы ее и начали. Но мы не можем дать *всех* продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем — по крайней мере до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работ по электрификации всей страны.

Как же быть?

Либо пытаться запретить, запретить совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии,

которая испробовала бы ее. Глуностью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах. Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов «помышлением, словом и делом» грешил, впадая именно в такую политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет.

Либо (последняя *возможная* и единственно разумная политика) — не пытаться запретить или заперсть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо — в той или иной форме, в той или иной степени — всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще.

Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства диктатуры пролетариата с государственным капитализмом?

Конечно, возможно. Это я и доказывал в мае 1918 года. Это я, надеюсь, и доказал в мае 1918 года. Мало того: я доказал тогда же, что государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелко-собственнической (и мелко-патриархальной, и мелко-буржуазной) стихией. Тьму ошибок делают, сопоставляя или сравнивая государственный капитализм только с социализмом, тогда как в данной политико-экономической обстановке обязательно сравнивать государственный капитализм и с мелко-буржуазным производством.

Весь вопрос — как теоретический, так и практический — состоит в том, чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм.

Чтобы подойти к разрешению этого вопроса, надо, прежде всего, возможно более отчетливо представить себе, чем на практике будет и может быть государственный капитализм внутри нашей советской системы, в рамках нашего Советского государства.

Самый простой случай или пример того, как Советская власть направляет развитие капитализма в русло государственного капитализма, как она «посаждаёт» государственный капитализм, это — концессии. Теперь у нас все согласны, что концессии необходимы, но не все размышляют о том, каково значение концессий. Что такое концессии при советской системе, с точки зрения общественно-экономических укладов и их соотношения? Это — договор, блок, союз советской, г.-е. пролетарской, государственной власти с государственным капи-

тализмом против мелко-собственнической (патриархальной и мелко-буржуазной) стихии. Концессионер, это — капиталист. Он ведет дело капиталистически, ради прибыли, он соглашается на договор с пролетарской властью ради получения экстренной прибыли, сверх обычной, или ради получения такого сырья, которое иначе достать ему невозможно или крайне трудно. Советская власть получает выгоду в виде развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок. Мы имеем, скажем, сотню таких-то промыслов, рудников, лесных участков. Мы можем разрабатывать не все, — нехватает машин, продовольствия, транспорта. Мы плохо разрабатываем по тем же причинам остальные участки. Из-за плохой и недостаточной разработки крупных предприятий происходит усиление мелко-собственнической стихии во всех ее проявлениях: ослабление окрестного (а затем и всего) крестьянского хозяйства, подрыв его производительных сил, упадок доверия его к Советской власти, хищения и массовая мелкая (самая опасная) спекуляция и т. п. «Насаждающая» государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно-упорядоченные экономические отношения в противовес мелко-буржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой, степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, — конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика.

Государственный капитализм в виде концессий является, по сравнению с другими формами государственного капитализма внутри советской системы, едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной. Мы имеем здесь прямо формальный письменный договор с наиболее культурным, передовым, западно-европейским, капитализмом. Мы точно знаем свои выгоды и свои потери, свои права и свои обязанности, мы точно знаем тот срок, на который сдаем концессию, знаем условия досрочного выкупа, если договор предусматривает право досрочного выкупа. Мы платим известную «дань» всемирному капитализму, «откупаемся» от него в таких-то отношениях, получая немед-

ленно определенную меру упрочения положения Советской власти, улучшения условий нашего хозяйствования. Вся трудность задачи, по отношению к концессиям, сводится к тому, чтобы все обдумать и взвесить при заключении концессионного договора, а затем уметь следить за его исполнением. Трудности тут, несомненно, есть, и ошибки тут, вероятно, на первое время неизбежны, но трудности, это — наименьшие по сравнению с другими задачами социальной революции и, в частности, по сравнению с другими формами развития, допущения, насаждения государственного капитализма.

Самая важная задача всех партийных и советских работников, в связи с введением продналога, — суметь применить принципы, начала, основы «концессионной» (т.-е. подобной «концессионному» государственному капитализму) политики к остальным формам капитализма, свободной торговли, местного оборота и т. п.

Возьмем кооперацию. Недаром декрет о продналоге вызвал немедленно пересмотр положения о кооперации и известное расширение ее «свободы» и ее прав. Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчетливо-очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности. Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистов, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть на-лицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением.

Но «кооперативный» капитализм в отличие от частно-хозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма, и в качестве такового он нам выгоден и полезен сейчас, — разумеется, в известной мере. Поскольку продналог означает свободу продажи остальных (не взимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы *это* развитие капитализма — ибо свобода продажи, свобода торговли *есть* развитие капитализма — направить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (Советским в данном случае) и капиталистом. Кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем

частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму.

Сравним концессии и кооперацию, как формы государственного капитализма. Концессия базируется на крупной машинной промышленности, кооперация — на мелкой, ручной, частью даже патриархальной. Концессия касается одного капиталиста или одной фирмы, одного синдиката, картеля, треста в каждом отдельном концессионном договоре. Кооперация охватывает многие тысячи, даже миллионы мелких хозяйств. Концессия допускает и даже предполагает точный договор и точный срок. Кооперация не допускает ни вполне точного договора, ни вполне точного срока. Отменить закон о кооперации гораздо легче, чем порвать договор о концессии, но разрыв договора означает сразу, просто, немедленно разрыв фактических отношений экономического союза или экономического «сожительства» с капиталистом, тогда как никакая отмена закона о кооперации, никакие законы вообще не только сразу не разорвут фактического «сожительства» Советской власти с мелкими капиталистами, но и вообще не в состоянии разорвать фактических экономических отношений. За концессионером «уследить» легко, за кооператорами — трудно. Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических, даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне». Политика концессий, в случае успеха, даст нам небольшое число образцовых — по сравнению с нашими — крупных предприятий, стоящих на уровне современного передового капитализма; через несколько десятков лет эти предприятия перейдут целиком к нам. Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения.

Возьмем третий вид государственного капитализма. Государство привлекает капиталиста, как торговца, платя ему определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов и за скупку продуктов мелкого производителя. Четвертый вид: государство

сдает в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащее государству заведение, или промысел, или участок, леса земли и т. п., при чем арендный договор похож более всего на договор концессионный. Об этих двух последних видах государственного капитализма у нас совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не замечают. Но происходит это не потому, чтобы мы были сильны и умны, а потому, что мы слабы и глупы. Мы боимся посмотреть прямо в лицо «низкой истине» и слишком часто отдаем себя во власть «нас возвышающему обману». Мы постоянно сбиваемся на то, что «мы» переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это «мы». Перечень всех — непременно всех без изъятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5/V 1918, необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось. «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода до-капиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь.

Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом? Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и дру-

гих машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не требуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка.

На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. «Мы» часто сбиваемся все еще на рассуждение: «капитализм есть зло, социализм есть благо». Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил.

Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла.

Проходит еще год. На VIII съезде РКП, 18—23 марта 1919 г., принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о *«частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя»*.

Прошло еще два года. Весной 1921 года, после VIII съезда Советов, обсуждавшего (дек. 1920 г.) вопрос о бюрократизме, после X съезда РКП (март 1921 г.), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим *это* зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой. Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двойные: с одной стороны,

развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судебском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени, это — результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед «военным коммунизмом», не испугаться самой отчаянной крайности: вытершим полуголодное и хуже чем полуголодное существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эс-эры и меньшевики (шедшие фактически за буржуазией в большой мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону как раз к весне 1921 года, когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории РСФСР. «Запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и приданностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне.

Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз сначала, — нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче. Обнаружилась отсрочка восстановления крупной промышленности, обнаружилась невыносимость «запертого» оборота промышленности с земледелием, — значит, надо налечь на более доступное: восстановление мелкой промышленности. Помочь делу с этой стороны, подпереть этот бок полуразваленного войной и блокадой строения. Всячески и во что бы то ни стало развить оборот, не боясь капитализма, ибо рамки для него поставлены у нас (экспроприацией помещиков и буржуазии в экономике, рабоче-крестьянской властью в политике)

достаточно узкие, достаточно «умеренные». Такова основная мысль продналога, таково его экономическое значение.

Все работники, партийные и советские, должны направить все усилия, все внимание, чтобы создать, вызвать большую инициативу мест — губерний; еще больше уездов; еще больше волостей и селений, — в деле хозяйственного строительства именно с точки зрения поднятия немедленно, хотя бы и «малыми» средствами, в малых размерах, крестьянского хозяйства, помощи ему развитием мелкой, окрестной промышленности. Общегосударственный единый хозяйственный план требует того, чтобы центром внимания и забот, центром «ударных» работ стало именно это. Известное улучшение, достигнутое здесь, ближе всего к «фундаменту», самому широкому и самому глубокому, позволит перейти в кратчайший срок к более энергичному и более успешному восстановлению крупной промышленности.

Продовольственный работник знал до сих пор одну основную директиву: собери 100% разверстки. Теперь директива иная: собери 100% налога в кратчайший срок, затем собери еще 100% обменом на продукты крупной и *мелкой* промышленности. Тот, кто соберет 75% налога и 75% (из второй сотни) обменом на продукты крупной и *мелкой* промышленности, сделает более полезное государственное дело, чем тот, кто соберет 100% налога и 55% (из второй сотни) обменом. Задача продовольственника усложняется. С одной стороны, это — задача фискальная. Собери налог как можно быстрее, как можно рациональнее. С другой стороны, это — задача обще-экономическая. Постарайтесь так направить кооперацию, так пособить мелкой промышленности, так развить инициативу, почин на местах, чтобы увеличился и упрочился оборот земледелия и промышленности. Мы еще очень и очень плохо умеем это делать; доказательство — бюрократизм. Нам надо не бояться признать, что тут еще *многому можно и должно поучиться у капиталиста*. Сравним по губерниям, по уездам, по волостям, по селам итоги практического опыта: в одном месте частные капиталисты и капиталистики достигли того-то. Их прибыль, приблизительно, такая-то. Это — дань, плата, которую мы отдали «за науку». За науку заплатить не жалко, лишь бы ученье шло толком. А вот в соседнем месте путем кооперативным достигнуто то-то. Прибыль кооперативов такая-то. А в третьем месте чисто государственным, чисто коммунистическим путем достигли того-то (этот третий случай будет в данное время редким исключением).

Задача должна состоять в том, чтобы каждый областной хозяйственный центр, каждое губернское экономическое совещание при исполнении немедленно поставило, как первоочередное дело, органи-

зацию тотчас же различного рода опытов или систем «оборота» на счет тех излишков, которые остаются после уплаты продналога. Через несколько месяцев надо иметь практические результаты, чтобы сравнить и изучить их. Местная или привозная соль; керосин из центра; кустарная деревообрабатывающая промышленность; ремесло, на местном сырье дающее некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина, продукты: «зеленый уголь» (использование местных водных сил небольшого значения для электрификации) и так далее и тому подобное, — все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частно-хозяйственный капитализм в роли пособника социализму?

Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз на-лицо мелко-крестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частно-хозяйственный капитализм (не говоря уже о государственном), во-вторых.

Поменьше спора о словах. Мы еще до сих пор безмерно много грешим по этой части. Побольше разнообразия в практическом опыте и побольше изучения его. Бывают условия, когда образцовая постановка местной работы, даже в самом небольшом масштабе, имеет более важное государственное значение, чем многие отрасли центральной государственной работы. И у нас как раз в данный момент по отношению к крестьянскому хозяйству вообще и обмену излишков с.-х. производства на продукты промышленности в особенности условия именно таковы. Образцовая постановка дела в указанном отношении, хотя бы для одной волости, имеет более крупное общегосударственное значение, чем «образцовое» улучшение центрального аппарата того или иного наркомата. Ибо центральный аппарат у нас за три с поло-

виной года настолько уже сложился, что успел приобрести известную вредную косность; мы его не можем значительно и быстро улучшить, мы не знаем, как это сделать. Помощь ему для более радикального улучшения, для нового притока свежих сил, для успешной борьбы с бюрократизмом, для преодоления вредной косности должна идти с мест, с низов, с образцовой постановки небольшого «целого», но именно «целого», т.-е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а *суммы всех* хозяйственных отношений, *суммы всего* хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности.

Те из нас, кто осужден на то, чтобы остаться на центральной работе, будут продолжать дело улучшения аппарата и чистки его от бюрократизма хотя бы в скромных, непосредственно доступных, размерах. Но главная помощь в этом отношении идет и придет с мест. На местах у нас в общем стоит дело лучше — насколько я могу обозревать, — чем в центре, да и это понятно, ибо зло бюрократизма, естественно, концентрируется в центре; Москва не может не быть в этом отношении худшим городом и вообще наихудшим «местом» в республике. На местах уклонения от среднего есть в обе стороны; уклонения в худшую сторону реже, чем уклонения в лучшую. Уклонения в худшую сторону, это — злоупотребления примазавшихся к коммунистам старых чиновников, помещиков, буржуа и прочей сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством. Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно. Пускай Мартовы, Черновы и беспартийные мещане, подобные им, бьют себя в грудь и восклицают: «Хвалю, тебя, господи, за то, что я не похож на «них», что я не признавал и не признаю террора». Эти дурачки «не признают террора», ибо они выбрали себе роль лакействующих пособников белогвардейщины по части одурачения рабочих и крестьян. Эс-эры и меньшевики «не признают террора», ибо они исполняют свою роль *подведения* масс под флаг «социализма» *под белогвардейский террор*. Это доказала керенщина и корниловщина в России, колчаковщина в Сибири, меньшевизм в Грузии; это доказали герои Второго Интернационала и Интернационала «два с половиной» в Финляндии, Венгрии, Австрии, Германии, Италии, Англии и т. д. Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистической войны 1914—1918 годов — таковы все страны мира, — без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный

террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты)¹⁰²⁾, германского, венгерского и других фасонов, либо красный пролетарский террор. Средины нет, «третьего» нет и быть не может.

Уклонения в лучшую сторону: успешная борьба с бюрократизмом, внимательнейшее отношение к нуждам рабочих и крестьян, заботливейшее поднятие хозяйства, повышение производительности труда, развитие местного оборота между земледелием и промышленностью. Эти уклонения в лучшую сторону, хотя и чаще, чем уклонения в худшую, но все же редки. Однако, они есть. Выработка новых, молодых, свежих коммунистических сил, закаленных гражданской войной и лишениями, идет повсюду на местах. Мы все еще делаем далеко и далеко недостаточно для систематической и неуклонной передвижки этих сил снизу наверх. Это возможно и необходимо делать шире и настойчивее. Некоторых работников можно и должно снимать с центральной работы и ставить на местную: в качестве руководителей уездов и *волостей*, создавая там *образцовую* постановку *всей* хозяйственной работы *в целом*, они принесут громадную пользу и сделают *общегосударственное* дело более важное, чем иная центральная функция. Ибо образцовая постановка дела послужит *рассадником* работников и примером для подражания, который перенять будет уже сравнительно нетрудно, а мы сумеем из центра помочь тому, чтобы «перенимание» образцового примера шло широко повсюду и становилось обязательным.

Дело развития «оборота» между земледелием и промышленностью на счет излишков после уплаты продналога и на счет мелкой, преимущественно кустарной, промышленности требует по самому своему существу самостоятельной, сведущей, умной *инициативы мест*, а потому образцовая постановка уездной и волостной работы приобретает в настоящий момент совершенно исключительную важность с общегосударственной точки зрения. В военном деле, например, во время последней польской войны мы не боялись отступать от бюрократической иерархии, не боялись «понижать в чинах», перемещать членов РВСР (с оставлением в этой высокой центральной должности) на низшие места. Почему бы теперь не переместить некоторых членов ВЦИК или членов коллегий или других высокопоставленных товарищей на работу, даже уездную, даже волостную? Не настолько же мы в самом деле «обюрократились», чтобы «смущаться» этим. И найдутся у нас десятки центральных работников, которые охотно пойдут на это. А дело хозяйственного строительства всей республики выиграет от этого чрезвычайно, и образцовые волости или образцовые уезды сыграют не только крупную, но прямо решающую, историческую роль.

Между прочим. Как мелкое, но имеющее все же значение, обстоятельство, надо отметить необходимую перемену в принципиальной постановке вопроса о борьбе со спекуляцией. «Правильную» торговлю, не уклоняющуюся от государственного контроля, мы должны поддерживать, нам выгодно ее развить. А спекуляцию *нельзя* отличить от «правильной» торговли, если понимать спекуляцию в смысле политико-экономическом. Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, — закрывать глаза на это смешно.

Как же быть? Объявить спекуляцию безнаказанной?

Нет. Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемым (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое *хищение* и всякое *уклонение*, прямое или косвенное, открытое или прикрытое, от *государственного контроля, надзора, учета*. Именно такой постановкой вопроса (в СНК уже начата работа, т.-е. Совнаркомом уже предписано начать работу по пересмотру законов о спекуляции) мы и добьемся того, чтобы направить неизбежное в известной мере и необходимое нам развитие капитализма в русло *государственного* капитализма.

Политические итоги и выводы.

Мне осталось еще коснуться хотя бы вкратце политической обстановки, как она сложилась и видоизменилась в связи с обрисованной выше экономикой.

Уже сказано, что основные черты нашей экономики в 1921 г. те же самые, какие были в 1918 г. Весна 1921 года принесла, главным образом, в силу неурожая и падежа скота — крайнее обострение в положении крестьянства, и без того чрезвычайно тяжелом вследствие войны и блокады. Результатом обострения явились политические колебания, составляющие, вообще говоря, самое «натуру» мелкого производителя. Самым ярким выражением этих колебаний был кронштадтский мятеж.

Характернее всего в кронштадтских событиях именно колебания мелко-буржуазной стихии. Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «Советов без большевиков» или перевыборы Советов, или избавление от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное. И меньшевики и эс-эры объявляют кронштадтское движение «своим». Виктор Чернов¹⁰³) посылает гонца в Кронштадт; за «*учредилку*» голосует в Кронштадте, по предложению этого гонца, меньшевик Вальк, один из кронштадтских вождей. Вся белогвардейщина мобилизуется «за Кронштадт» моментально, с быстротой, можно сказать, радиотелеграфической. Белогвардейские военспецы в Кронштадте, ряд

спецов, а не один Козловский, разрабатывают план десанта в Ораниенбаум, план, испугавший колеблющуюся меньшевистски-эс-эровски-беспартийную массу. Свыше полусотни заграничных белогвардейских русских газет развивают бешеную по энергии кампанию «за Кронштадт». Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту. Умный вождь буржуазии и помещиков кадет Милоков терпеливо разъясняет дурачку Виктору Чернову прямо (а сидящим в Питерской тюрьме по их связи с Кронштадтом меньшевикам Дану¹⁰⁴) и Рожкову¹⁰⁵) косвенно), что не к чему торопиться с учредилкой, что *можно и должно высказаться за Советскую власть — только без большевиков.*

Конечно, нетрудно быть умнее таких самовлюбленных дурачков, как Чернов, герой мелко-буржуазной фразы или реформизма. Не в том собственно и дело, что Милоков, как личность, умнее, а в том, что партийный вождь крупной буржуазии яснее видит, лучше понимает классовую суть дела и политические взаимоотношения в силу своего классового положения, чем вожди мелкой буржуазии — Черновы и Мартовы¹⁰⁶). Ибо буржуазия есть действительно классовая сила, которая при капитализме господствует неизбежно и в монархии и в самой что ни на есть демократической республике, пользуясь так же неизбежно поддержкой всемирной буржуазии. А мелкая буржуазия, *то-есть* все герои Второго Интернационала и Интернационала «два с половиной», не может быть не чем иным, по экономической сути дела, как выражением классового бессилия, — отсюда колебания, фраза, беспомощность. В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917 — 1921 годах они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами¹⁰⁷) и так далее и тому подобное.

Когда Мартов в своем берлинском журнале заявляет, будто Кронштадт не только проводил меньшевистские лозунги, но и дал доказательство того, что возможно противобольшевистское движение, не служащее целиком белогвардейщине, капиталистам и помещикам, то это именно образец самовлюбленного мещанского Нарцисса. Давайте по-просту закроем глаза на тот факт, что все настоящие белогвардейцы приветствовали кронштадтцев и собирали через банки фонды в помощь Кронштадту! Милоков прав против Черновых и Мартовых, ибо дает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, какую угодно Советскую власть, *лишь бы* свергнуть боль-

шевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!* Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, *лишь бы* передвижку власти от большевиков; а остальное... а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем; анархистиков, Черновых, Мартовых мы плепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому¹⁰⁸), как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам¹⁰⁹) и К-о. Этих мещанских¹⁰⁹) Нарциссов — меньшевиков, эс-эров, беспартийных — настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях, десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать.

«Лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно, немного вправо или немного влево, а остальное приложится», в этом Милюков совершенно прав. Это — классовая истина, подтвержденная всей историей революций всех стран всей многовековой эпохи новой истории, после средневековья. Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и *политически* либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме, во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало в зачаточной форме при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории на самое короткое время, так было в России в 1917—1921 годах в более развитой форме). О «третьем» пути, о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы.

С величайшим трудом, в отчаянной борьбе выработали большевики способный управлять авангард пролетариата, создали и отстаивали диктатуру пролетариата, и соотношение классовых сил в России стало яснее ясного после проверки опытом, практикой четырех лет. Стальной и закаленный авангард единственного революционного класса, мелкобуржуазная колеблющаяся стихия, притаившиеся за границей и имеющие поддержку всемирной буржуазии Милюковы, капиталисты, помещики. Дело яснее ясного. Всякую «передвижку власти» используют и могут использовать только они.

В приведенной брошюре 1918 года говорилось об этом: «главный враг» — «мелко-буржуазная стихия». «Либо мы подчиним ее своему контролю и учету, либо она скинет рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелко-собственнической почве и произрастающие.

так стоит вопрос. Только так стоит вопрос». (Из брошюры 5 мая 1918 года, см. выше.)

Наша сила — полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин и русских и международных, а затем и проистекающие отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы. Врагов у нас много, но они разъединены или не знают, чего хотят (как все мелкие буржуа, все Мартовы и Черновы, все беспартийные, все анархисты). А мы объединены прямо меж собой и косвенно с пролетариями всех стран; мы знаем, чего мы хотим. И потому мы непобедимы в мировом масштабе, хотя этим нисколько не исключается возможность поражения отдельных пролетарских революций на то или другое время.

Мелко-буржуазная стихия недаром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное. Нарциссы мелкой буржуазии думают, что «всеобщее голосование» уничтожает натуру мелкого производителя при капитализме, но на самом деле оно *помогает* буржуазии, при помощи церкви, печати, учительства, полиции, военщины, экономического гнета в тысячах форм, помогает ей *подчинять* себе распыленных мелких производителей. Разорение, нужда, тяжесть положения вызывает колебания; сегодня за буржуазию, завтра за пролетариат. Только закаленный авангард пролетариата способен устоять и противостать колебаниям.

Весенние события 1921 года показали еще раз роль эс-эров и меньшевиков; они помогают колеблющейся мелко-буржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков. *Меньшевики и эс-эры научились теперь перекрашиваться в «беспартийных»*. Это доказано вполне. И только дураки могут теперь не видеть этого, не понимать, что нам нельзя давать себя одурачивать. Беспартийные конференции не фетиш. Они ценны, если можно сблизаться с массой, еще не затронутой, со слоями трудящихся миллионов, вне политики стоящих, но они вредны, если дают платформу меньшевикам и эс-эрам, перекрашенным в «беспартийных». Такие люди помогают мятежам, помогают белогвардейщине. Меньшевикам и эс-эрам, как открытым, так и перекрашенным в беспартийных, место в тюрьме (или в заграничных журналах, рядом с белогвардейцами; мы охотно пустили Мартова за границу), но не на беспартийной конференции. Можно и должно найти другие способы проверки настроения масс, сближения с ними. Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, в беспартийные конференции, отправляйтесь туда, к Мартово, милости просим,

испытайте прелесть «демократии», расспросите врангелевских солдат про эту прелесть, сделайте одолжение. А нам не до игры в «оппозиции» на «конференциях». Мы окружены всемирной буржуазией, караулящей каждую минуту колебания, чтобы вернуть «своих», чтобы восстановить помещиков и буржуазию. Мы будем держать меньшевиков и эс-эров, все равно как открытых, так и перекрасившихся в «беспартийных», в тюрьме.

Мы будем всеми способами завязывать более тесные связи с неза-
тронутой политикой массой трудящихся, кроме тех способов, которые
дают простор меньшевикам и социалистам-революционерам, дают
простор колебаниям, выгодным для Миллюкова. Мы будем в особенности
усердно двигать на советскую работу сотни и сотни беспартийных,
настоящих беспартийных из массы, из рядовых рабочих и крестьян,
а не тех, кто «перекрасился» в беспартийные, чтобы читать по цшпар-
галке меньшевистские и эс-эровские наказания, столь выгодные для Ми-
люкова. У нас работают сотни и тысячи беспартийных, из них десятки
на важнейших и ответственных постах. Больше проверки их работы.
Больше выдвигать для новой проверки тысячи и тысячи рядовых тру-
дящихся, испытывать их систематически и неуклонно, сотнями пере-
двигать на высшие посты на основании проверки опытом. Комму-
нисты у нас до сих пор еще мало умеют понять свою настоящую
задачу управления: не «самим» стараться «все» делать, надрываясь и
не успевая, берясь за 20 дел и не кончая ни одного, а проверять ра-
боту и десятков и сотен помощников, налаживать проверку их работы
снизу, т. е. настоящей массой; *направлять* работу и *учиться* у тех,
у кого есть знания (спецы) и опыт налаживания крупного хозяйства
(капиталисты). Умный коммунист не боится учиться у военспеца,
хотя $\frac{9}{10}$ военспецов способны на измену при каждом случае. Умный
коммунист не побоится учиться у капиталиста (все равно, будет ли этот
капиталист крупным капиталистом-концессионером или торговцем-
комиссионером, или мелким капиталистиком-кооператором и т. п.),
хотя капиталист не лучше военспеца. Научились в Красной армии
ловить изменников военспецов, выделять честных и добросовестных,
использовывать в общем и целом тысячи и десятки тысяч военспецов.
Учимся делать то же (в своеобразной форме) с инженерами, учите-
лями, — хотя делаем это много хуже, чем в Красной армии (там Де-
никин и Колчак хорошо нас подгоняли, заставляли учиться поскорее,
поусерднее, потолковее). Научимся делать то же (опять-таки в своеоб-
разной форме) с комиссионерами-торговцами, со скупщиками, рабо-
тающими на государство, с кооператорами-капиталистическими, с кон-
цессионерами-предпринимателями и т. д.

Массе рабочих и крестьян нужно немедленное улучшение их положения. Поставив на полезную работу новые силы, в том числе беспартийных, мы этого достигнем. Продналог и ряд связанных с ним мероприятий этому помогут. Экономический корень неизбежных колебаний мелкого производителя мы этим подрежем. А с политическими колебаниями, полезными только Милюкову, мы будем бороться беспощадно. Колеблущихся много. Нас мало. Колеблущиеся раздвинены. Мы объединены. Колеблущиеся экономически не самостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблущиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим.

И потому мы победим.

Заключение.

Подведем итоги.

Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социальному продуктообмену.

Крайнее разорение, обостренное неурожаем 1920 года, сделало этот переход неотложно необходимым в силу невозможности быстро восстановить крупную промышленность.

Отсюда: в первую голову улучшить положение крестьян. Средство: продналог, развитие оборота земледелия с промышленностью, развитие мелкой промышленности.

Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени с бюрократизмом. Меру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность.

Борьбу со спекуляцией надо превратить в борьбу с хищениями и с уклонениями от государственного надзора, учета, контроля. Таким контролем мы направляем неизбежный в известной мере и необходимый нам капитализм в русло государственного капитализма.

Всестороннее, всемерное во что бы то ни стало развитие инициативы, почина, самостоятельности мест в деле поощрения оборота земледелия с промышленностью. Изучение практического опыта в этом отношении. Возможно большее его разнообразие.

Помощь мелкой промышленности, обслуживающей крестьянское земледелие и помогающей ему подняться; помощь ей, до известной степени, и раздачей государственного сырья. Преступнее всего — оставлять сырье необработанным.

Не бояться «ученья» коммунистов у буржуазных спецов, в том числе и у торговцев, и у капиталистиков-кооператоров, и у капиталистов. Учиться у них по форме иначе, а по сути дела так же, как учились и научились у военспецов. Результаты «науки» проверять только практическим опытом; сделай лучше, чем сделали рядом буржуазные спецы, сумей добиться и так и этак подъема земледелия, подъема промышленности, развития оборота земледелия с промышленностью. Не скупись платить «за науку»: за науку заплатить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком.

Всячески помогать массе трудящихся, сближаться с ней, выдвигать из нее сотни и тысячи работников беспартийных на хозяйственную работу. А переодетых в модный кронштадтский беспартийный наряд меньшевиков и эс-эров держать бережливо в тюрьме или отправлять в Берлин к Мартову для свободного использования всех прелестей чистой демократии, для свободного обмена мыслями с Черновым, с Милюковым, с грузинскими меньшевиками.

Написано 21 апреля 1921 г.

*Напечатано отдельной брошюрой
в мае 1921 г.*

Наказ Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям.

Первоочередной задачей Советской республики является восстановление производительных сил, подъем сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Разорение и обнищание, причиненные всюду империалистической войной, так необъятно велики, что во всем мире свирепствует экономический кризис, и даже в передовых странах, которые до войны были далеко впереди России по своему развитию и которые несравненно меньше пострадали от войны, восстановление хозяйства идет с необычайными трудностями и растянется на долгий ряд лет. И дело обстоит так даже во многих странах «победительницах» несмотря на то, что они связаны союзом с богатейшими капиталистическими державами и получают громадную дань, возложенную на страны, побежденные, зависимые и колониальные.

Понятно, что отсталой России, которая вынесла не только империалистическую войну, но и 3 с лишним года гражданской войны, навязанной рабочим и крестьянам помещиками и капиталистами при помощи всемирной буржуазии, приходится с неизмеримо большими трудностями восстанавливать свое хозяйство. Тяжелый неурожай 1920 г., бескормица и падеж скота сделали положение крестьянского хозяйства невыносимо тяжелым.

По закону, который издан ВСЕЦИК'ом, разверстка заменена продовольственным налогом. Установлена свобода обмена остающихся земледельцу излишков на всякие продукты. Постановлением Совнаркома опубликованы ставки налога. Размеры налога приблизительно вдвое ниже разверстки. Совнаркомом издан новый закон о кооперации, расширяющий ее права в связи с свободой обмена земледельческих излишков.

Этими законами сделано очень многое для немедленного улучшения положения крестьянского хозяйства, для усиления интереса крестьян к расширению запашки и к улучшению земледелия и скотоводства, а вместе с этим для подъема и развития мелкой, местной промышленности, которая не нуждается в заготовке и подвозе больших запасов продовольствия, сырья и топлива.

Самостоятельный местный почин в деле улучшения крестьянского хозяйства, развития промышленности, установления оборота между земледелием и промышленностью получает теперь особенно большое значение. Создаются большие возможности применения новых сил, новой энергии к восстановлению народного хозяйства.

Совет Труда и Оборона, обязанный в силу постановления VIII Всероссийского съезда Советов объединять деятельность экономических наркоматов и направлять ее, обращается ко всем местным учреждениям с настоятельным требованием напрячь все силы и развернуть во что бы то ни стало широкую деятельность по всестороннему улучшению крестьянского хозяйства и подъему промышленности, строго выполняя новые законы и руководясь при этом излагаемыми ниже основными положениями и указаниями.

Практическое мерило успехов нашего хозяйственного строительства в общегосударственном масштабе мы имеем теперь в первую очередь двоякое: во-первых, успех быстрого, полного, государственно-правильного сбора продовольственного налога; во-вторых — и это особенно важно — успех товарообмена и продуктообмена сельскохозяйственных продуктов на промышленные — успех оборота между земледелием и промышленностью.

Это — самое насущное, немедленно и во что бы то ни стало необходимое. Это — проверка всей работы и закладка фундамента для осуществления великого плана электрификации, которая даст нам восстановление крупной промышленности и транспорта в таких размерах и на такой технической основе, чтобы окончательно и навсегда победить голод и нищету.

Надо собрать 100% продовольственного налога и затем собрать еще столько же продовольственных продуктов путем свободного

обмена с.-х. излишков на промышленные изделия. Конечно, это не может удасться повсюду сразу, но эту ближайшую задачу мы все должны себе поставить, и мы сможем ее в кратчайший срок осуществить, если правильно поймем положение нашего хозяйства и со всей энергией вступим на правильный путь его подъема. Все местные власти, все местные учреждения каждой губернии, каждого уезда, каждого областного центра, каждой автономной республики должны объединенно и согласованно развернуть дело так, чтобы обмен излишков был двинут. Пусть опыт покажет, насколько удасться двинуть этот обмен посредством увеличения производства и доставки государственных продуктов крупных социалистических предприятий — насколько удасться поощрить и развить мелкую местную промышленность; — какую роль сыграет кооперация и частная торговля, предприниматели, капиталисты, находящиеся на государственном учете, все и всяческие приемы, с наибольшим развитием местной инициативы, должны быть испытаны. Мы стоим перед новой задачей, неиспробованной еще нигде в мире; мы решаем эту задачу при таких условиях, когда послевоенное разорение не позволяет ни точно рассчитать ресурсы, ни определить наперед, какую степень напряжения могут внести рабочие и крестьяне, принесшие неслыханно тяжелые жертвы ради победы над помещиками и капиталистами. Мы должны смелее и шире применить разнообразные приемы, подходы к делу с разных сторон, разную степень допущения капитала и частной торговли, не боясь известного насаждения капитализма, лишь бы немедленно поднять оборот, оживить этим и земледелие и промышленность, подсчитать на результатах практического опыта, какими ресурсами страна обладает и каким путем всего вернее можно идти к улучшению положения рабочих и крестьян для дальнейшей более широкой и прочной работы хозяйственного строительства, для осуществления плана электрификации.

Сверх налога, сколько с.-х. излишков обменивали крестьяне на продукты мелкой промышленности и частной торговли и сколько на продукты, доставляемые государством, — вот два вопроса, которые должны в первую очередь заинтересовать всякого советского работника, занятого делом хозяйственного строительства. Вот главные ближайшие направления, по которым мы должны достигнуть наибольших успехов и по которым будем измерять степень успешности работы, а затем будем судить, как именно двинуться к дальнейшим задачам. Согласованно с этими двумя ближайшими вопросами должны ставиться все вопросы хозяйственного строительства вообще.

Чтобы осуществить это согласование, чтобы поощрить в наибольших размерах инициативу, самостоятельность, размах работы на местах,

а также, чтобы контролировать местным опытом и местным надзором работу центрального аппарата и обратно, достигая этим устранение волокиты и бюрократизма, Совет Труда и Оборона ¹¹⁰⁾ постановил:

Во-первых, ввести повсюду экономические совещания для согласования работы местных органов всех экономических паркоматов

и, во-вторых, установить правильную отчетность местных экономических совещаний в целях обмена опыта, организации соревнования и, главное, проверки местной работы и ее результатов, правильности премов деятельности и способа постройки центральных учреждений.

Местные экономические совещания должны быть организуемы по типу СТО (Совета Труда и Оборона) и находиться в таких же отношениях к местным исполкомам, в каких СТО находится к Совнаркому. СТО работает на правах комиссии Совнаркома; при условии подбора членов СТО из членов Совнаркома получается полнейшая согласованность работы обоих учреждений, устранение всякой возможности трений между ними, быстрота работы, простота аппарата, ибо никакого аппарата СТО не создает, а работает через аппараты ведомств, стараясь упростить их и согласовать между собою.

Губэкономсоветы в таких же отношениях должны находиться к губисполкомам; на практике именно дело так и складывается. При этом СТО, утверждая членов и председателя областных и краевых экономических советов, старается учитывать опыт местных работников и без совещания с ними не давать утверждений. Несомненно, областэкономсоветы должны стараться и будут стараться согласовать свою работу с губэкономсоветами, обеспечивая возможно полное их участие, их осведомленность, их заинтересованность. Едва ли своевременно было бы сейчас же пытаться регламентировать все эти взаимоотношения: опыта еще мало, из попыток такой регламентации могло бы получиться чисто бюрократическое творчество. Целесообразнее предложить сначала практике выработать подходящие формы отношений (СТО работал около года рядом с СНК., не имея в сущности никакой конституции). Пусть эти формы лучше будут вначале не абсолютно устойчивы: разнообразие желательно, полезно, даже необходимо, чтобы точнее изучить, полнее сравнить разные системы взаимоотношений.

Уездные и волостные экономсоветы должны быть образуемы на таких же основаниях, — разумеется, при допущении всяких видоизменений основного типа, т.-е. исполкомы могут целиком брать на себя задачи и обязанности ЭС, могут свои же «распорядительные» и «экономические» заседания приравнивать к ЭС, могут выделять (например, в волостях, а иногда в уездах (специальные комиссии или даже

специально назначенных отдельных лиц для выполнения всех или некоторых задач ЭС и т. д. и т. п. Низшей ячейкой должны быть *селькомы*, они должны стать низшими органами СТО в деревне. Закон о соответствующем расширении прав селькомов и об определении их взаимоотношений к сельсовдепам утвержден уже Совнаркомом и опубликован V—1921 г. На обязанности губисполкомов лежит то или иное предварительное установление наиболее подходящих для данной местности правил обязательным расширением, а не сужением почина к самостоятельности «мест» вообще и низших ячеек *в особенности*.

В промышленных уездах и поселениях низшими органами СТО должны быть райкомы и фабкомы или правления фабрик и заводов, смотря по тому, с одной ли отраслью промышленности приходится иметь дело или с несколькими. Во всяком случае, *объединение* работы с уездными исполкомами, волисполкомами, селькомами для мер по руководству *всей* местной хозяйственной жизнью необходимо в той или иной форме безусловно.

Далее, вопрос о правильной отчетности местных органов перед СТО приобретает исключительную важность, ибо одно из главных зол, которым мы страдаем, состоит в недостатке изучения практического опыта, обмена опытом, взаимоконтроля — распоряжений центра практикой мест и практики мест руководством центра. Одно из важнейших средств борьбы с бюрократизмом и волокитой должно состоять в проверке исполнения законов и распоряжений центра местами, для этого нужны отчеты, печатаемые в общее сведение с обязательным *расширением участия беспартийных* и не ведомственных людей. Такой журнал, как «Наше Хозяйство», двухнедельный орган Тверского губернского экономического совета (№ 1, 15/IV 1921 г.; № 2, 30/IV 1921 г.), показывает, что на местах потребность в изучении, освещении, оглашении итогов нашего хозяйственного опыта сознается и находит правильные пути ее удовлетворения. Конечно, не в каждой губернии смогут, по крайней мере, в ближайшие месяцы, поставить журнал, не везде смогут печатать 2 раза в месяц по 3.000 экз., как печатает Тверь. Но не только в каждой губернии, а и в каждом уезде могут — и должны — составлять раз в 2 месяца (для начала можно допустить в виде изъятия и более продолжительные промежутки) отчет о местной экономической работе и печатать его, скажем, 100—300 экз. Бумаги и типографий на такую небольшую работу безусловно везде найдется, если мы поймем важность и неотложность такой работы; необходимо для удовлетворения этой потребности отнимать бумагу от многих ведомств, печатающих массу ненужных или далеко

не в первую очередь пужных вещей. Если пабирать мелким прифтом, если печатать в 2 столбца (как делают товарищи в Твери), если понять ту нехитрую истину, что даже сотня экземпляров при доставке по одному в каждую губернскую библиотеку и в каждую крупнейшую общегосударственную библиотеку дает уже, правда, скудную, по все же несомненную возможность *всероссийского* осведомления и учета опыта, — то ясна будет осуществимость и неотложность этого.

Действительный учет опыта, действительный обмен опытом, привлечение всех выдающихся и способных организаторов из беспартийных, все это невозможно без правильного печатания отчетов, хотя бы в ничтожном минимуме экземпляров. Добиться этого можно и должно немедленно.

При составлении отчетов необходимо соединять возможно большую краткость с точностью ответа на поставленные вопросы. Вопросы делятся на четыре группы: первая группа вопросов, это — те, которые в особенности выдвигаются на первое место в настоящее время. Ответ на них обязателен в каждом отчете и с наибольшей точностью и подробностью. Это необходимо в особенности потому, что эта группа вопросов для громадного большинства уездов имеет исключительно насущное, злободневное значение именно в данный момент. Для меньшинства уездов и районов, именно, для чисто промышленных, на первый план выдвинутся иные вопросы. Вторая группа вопросов, это — такие, ответ на которые тоже обязателен в каждом отчете, но очень часто может и должен быть дан в виде краткой сводки тех отчетов, которые уже представлены в соответственные ведомства. Во всех таких случаях в отчете для СТО обязательно должно быть указано: отчеты посланы тогда-то, в такие-то учреждения, краткий итог проделанной работы выражается по этим отчетам в цифрах таких-то. Подобного рода ответы необходимы для СТО как для проверки отдельных ведомств, так и для получения итоговых цифр, дающих достигнутые результаты в области продовольственной, топливной, промышленной и пр. Третья группа вопросов, это — такие, ответ на которые обязателен не в каждом отчете. Ответы на эти вопросы обязательны вначале, т.-е. в первом отчете, а в последующих отчетах отмечается лишь добавочное и новое по мере скопления нового материала. Каждые 2 месяца на эти вопросы отвечать во многих случаях будет нечего. Четвертая группа, это — все и всяческие дополнительные вопросы, которые не указываются наперед, не ставятся центром, а возникают на местах. Эта группа должна быть составляема самими местными учреждениями, не будучи ограничена ничем. Само собою разумеется, что вопросы, составляющие государственную тайну (военные или связанные с воен-

тыми операциями и охраной государства и т. п.), должны быть выделяемы в особый отчет, не подлежащий публикации, а предназначенный исключительно для СТО, как отчет секретный.

Перейдем к перечню вопросов:

1-я группа вопросов.

1. Товарообмен с крестьянством.

Это — первый вопрос по важности и злободневности в настоящее время. Во-первых, без полного и правильного снабжения продовольствием армии и городских рабочих государство не может вести хозяйственного строительства вообще, а товарообмен должен стать главным средством сбора продовольствия. Во-вторых, товарообмен есть проверка правильного взаимоотношения промышленности и земледелия, а равно фундамент всей работы по созданию сколько-нибудь правильно действующей денежной системы. На вопрос о товарообмене (включая сюда и продуктообмен, ибо государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае, не только товар) должно быть обращено теперь главное внимание всех экономсоветов, всех органов хозяйственного строительства.

Подготовка к товарообмену. Что именно сделано для этой подготовки?—Компродом?—Кооперацией? Число кооперативных лавок для этого? В каждой ли волости есть? В скольких селах? Фонд для товарообмена. Цены на «вольном» рынке. Излишки хлеба и других с.-х. продуктов. Есть ли опыт товарообмена и какой именно? Итоги и результаты. Борьба с хищениями товарообменного фонда и продовольствия. (особ. важный пункт, требующий разбора *каждого* случая хищения).

Соль, керосин как предметы товарообмена. Мануфактура. Другие продукты. В чем больше всего нужда? Чего больше всего не хватает крестьянину? Что могло быть дано местным, мелким, кустарным производством и развитием местной промышленности?

Цифры и факты, касающиеся постановки товарообмена и его итогов, имеют самое важное значение для проведения общегосударственного опыта.

Правильны ли соотношения между Компродом, как органом контроля и надзора за товарообменом, и кооперацией, как органом, осуществляющим товарообмен? Каковы именно эти взаимоотношения на практике, в местном их осуществлении?

Роль частной торговли в товарообмене. Насколько именно развивалась или развивается частная торговля? Число торговцев, их оборот по главным продуктам, в особенности, по продовольственным продуктам.

2. Отношение государства к капиталистам.

Товарообмен и свобода торговли означает неминуемо появление капиталистов и капиталистических отношений. Бояться этого нечего. Рабочее государство имеет в своих руках достаточно средств, чтобы *лишь в меру* допустить развитие этих отношений, которые полезны и необходимы в обстановке мелкого производства, и чтобы контролировать эти отношения. Все дело теперь именно в точном изучении размеров явления и изыскании подходящих (не стеснительных, вернее, не запретительных) приемов контроля и учета со стороны государства.

Насколько именно развивается частная торговля в связи с заменой разверстки налогом? Поддается учету или нет? Только мешечническая или и правильная торговля? Регистрация ее и итоги регистрации.

Предпринимательство: есть ли случаи предложения со стороны капиталистов и предпринимателей взять в аренду те или иные предприятия или заведения или торговые помещения? Точный учет этих случаев и разбор их. Как поставлено определение, хотя бы приблизительно, итогов торговых операций? То же — отчетность арендаторов, комиссионеров, если такие есть?

Были ли предложения характера комиссионного? Сбор продуктов, закупка их в пользу государства за процент? Или продажа и распределение? Или организация промышленных предприятий?

Кустарная промышленность; в чем изменилось ее положение после продналога? Степень ее развития вообще. Источник данных.

3. Поощрение самостоятельного почина в деле товарообмена и хозяйственного строительства вообще.

Этот вопрос тесно связан с предыдущим. Поощрение насколько может оказаться не связанным с капиталистическими отношениями? Как осуществить это поощрение, — такой вопрос должен стоять перед экономсоветами и всеми органами хозяйственного строительства вообще. Ввиду повизны этой задачи едва ли можно сейчас дать вполне определенные указания. Все дело в том, чтобы уделить громадное внимание этому вопросу, всяческий хозяйственный почин поощрять,

тщательно изучать практический опыт, ознакомить с ним все государство.

Мелкий земледелец, дающий налог государству и вступающий в товарообмен с ним, с социалистической фабрикой,— это такая хозяйственная обстановка, которая безусловно требует от государства, и именно от его местных органов, всестороннего поощрения почина, инициативы. Обмен наблюдений и опыта местных учреждений позволит собрать материалы и в дальнейшем, может быть, дополнит этот общий и недостаточно определенный вопрос рядом примеров и детальных указаний.

4. Согласование хозяйственной работы разных ведомств внутри местных административных волостей, уездов, губерний.

Отсутствие на местах согласованной работы различных ведомств — одно из больших зол, препятствующих хозяйственному строительству. Надо обратить на этот вопрос громадное внимание. Задача экономсоветов устранять эту несогласованность, развивать самостоятельность местных учреждений. Практические примеры должны быть собираемы, чтобы лучшей постановкой дела добиться успеха, и примеры сделать образцом для всех. При крайней нужде в продовольствии, например, естественно и неизбежно было величайшее ограничение самостоятельности мест в употреблении собранного хлеба. С надлежащим контролем и в меру увеличения запасов хлеба надо увеличить эту самостоятельность. Этим можно и должно достигать уменьшения бюрократизма, сокращения перевозок, поощрения производства, улучшения положения крестьян и рабочих. Продовольствие — мелкая местная промышленность, топливо — крупная общегосударственная промышленность и т. д., все эти области связаны тесно, и «ведомственное» разделение их, необходимое для управления государством, приносит вред, если не вести постоянной работы согласования, устранения трений, волокиты, ведомственной узости, мазепщины. На местах, ближе к массам рабочих и крестьян, эти недостатки виднее, и места же должны выработать путем обмена опыта приемы успешной борьбы с этими недостатками.

В чем именно, как именно выразилась работа согласования деятельности местных совхозов, лескомов, уземотделов, совнархозов и т. д., — вот на какой вопрос точные, тщательные и подробные ответы безусловно необходимы.

Как наказаны работники, удовлетворявшие места в ущерб центру и вопреки приказу центра? Имена подвергавшихся взысканию?

Уменьшаются ли случаи таких нарушений? Повышена ли мера взысканий и как именно?

5. Улучшение положения рабочих и крестьян.

Все успехи хозяйственного строительства улучшают положение рабочих и крестьян. Но, во-первых, и здесь ведомственность и отсутствие согласования приносят много вреда, а во-вторых, необходимо выделить особо эти вопросы, чтобы внимательно следить за достигаемыми результатами в этой области: Что именно достигнуто? Как именно? Ответы на эти вопросы необходимы.

Усталость от результатов многолетней войны, сначала империалистической, а потом гражданской, так велика, что особые усилия для улучшения положения рабочих и крестьян безусловно необходимы. Далеко, далеко не все делается из того, что можно и должно делать даже при нашей скудости средств. Далеко не все ведомства и учреждения обращают на это все внимание. Поэтому собирать и изучать местный опыт в этом отношении — самая неотложная необходимость. Отчеты по этому вопросу должны быть самые точные, самые полные и аккуратные; тогда сразу будет видно, где или какие ведомства наиболее отстают. Тогда общими усилиями удастся быстрее добиться улучшения.

6. Расширение круга государственных работников по хозяйственному строительству.

В этом расширении мы особенно пуждаемся, и систематичности в усилиях достигнуть такого расширения мы наблюдаем совсем мало. При капитализме отдельные «хозяева» старались, таясь от других и ставя им подножку, добывать себе хороших приказчиков, управляющих, директоров; занимались этим десятилетия, и только немногие наилучшие поставленные «фирмы» достигали хороших результатов. Теперь «хозяином» является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично и *открыто* дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба. Сплошь и рядом еще мы видим наследие первого периода Советской власти, именно: периода ожесточеннейшей гражданской войны и бешеного саботажа, наследие, выражающееся в том, что коммунисты замыкаются в узкий круг правящих, боясь или не умея привлечь к делу беспартийных в достаточном числе.

За исправление этого недостатка надо взяться спешно и изо всех сил. Из массы рабочих, крестьян, интеллигентов выдвигается не мало способных и честных беспартийных людей, которых надо ставить на более крупные посты по хозяйственному строительству, сохраняя необходимый контроль и направление за коммунистами. А с другой стороны, нужен и контроль беспартийных за коммунистами; для этого группы испытанных по своей честности беспартийных рабочих и крестьян необходимо привлекать и в рабоче-крестьянскую инспекцию и, помимо всяких должностей, не формально привлекать к проверке и оценке работы.

Местные учреждения, особенно волости, уезды, районы, лучше всего знающие состав рабочей и крестьянской массы, должны давать в своих отчетах СТО *списки* беспартийных, доказавших свою честность на работе или просто выдвинувшихся на беспартконференциях или пользующихся беспорным уважением завода, села, волости и т. п., и затем указывать, к какой работе привлекаются в области хозяйственного строительства эти лица. Под «работой» надо иметь в виду и занятие должностей и *участие в контроле или проверке без всяких должностей*, и регулярные неформальные совещания и т. п.

Ответы на вопросы об этом — обязательны и регулярны. Без этого социалистическое государство не может правильно поставить дело вовлечения масс в хозяйственное строительство. Новые работники есть, честные и преданные. Их много среди беспартийных. Мы их не знаем. Только местные отчеты могут узнать их, испытать на более широкой, постепенно расширяемой работе, помогут устранить такое зло, как отрыв комячеек от массы, а это зло наблюдается во многих местностях.

7. Приемы и результаты борьбы с бюрократизмом и волокитой.

Вероятно, в первое время большинство ответов на этот вопрос будут очень просты; никаких приемов и никаких результатов. Решения VIII Всероссийского съезда Советов прочитаны и забыты.

Но если дела обстоят по этой части печально, то мы никак не будем подражать примеру тех, кто поддается отчаянию и машет рукой. Мы знаем, что бюрократизм и волокита больше всего связаны в России с уровнем культуры и с последствиями крайнего разорения и обнищания вследствие войны. Борьба с таким злом может быть успешной лишь при громадной настойчивости в течение долгого ряда лет. Поэтому не приходить в отчаяние, а начинать работу снова и снова,

возобновлять прерванное, испытывать разнообразные способы достижения цели.

Реорганизация рабоче-крестьянской инспекции, привлечение беспартийных как через эту инспекцию, так и помимо нее; судебные преследования, сокращение числа служащих и отбор их, проверка и согласование работы ведомств и т. д. и т. п. Все эти меры, все указанное в решении VIII съезда Советов, все отмеченные в печати меры и приемы должны быть систематически, неуклонно, повторно и многократно испытываемы, сравниваемы, изучаемы.

Губэкопомсоветы и всякие иные органы, объединяющие и направляющие работу хозяйственного строительства на местах, должны требовать исполнения предписываемых законом и указываемых практическим опытом мер. Местный опыт должен быть собираем. Ответ на названный вопрос, как бы ни трудно было первое время приучить к тому, чтобы давался точный, полный и своевременный ответ, должен быть доставляем в СТО. СТО этого добьется. И работа даст хорошие результаты несомненно, хотя бы не так быстро, как могут ожидать люди, сплошь и рядом превращающие «борьбу с бюрократизмом» во фразу (или в повторение белогвардейско-эс-эровской и меньшевистской, в том числе, «сплетни»), вместо настойчивого и упорного труда по применению конкретных мероприятий.

2-я группа вопросов.

8. Подъем сельского хозяйства: а) крестьянское хозяйство, б) совхозы, в) коммуны, г) артели, д) товарищества, е) другие виды общественного хозяйства.

Самые краткие итоги с цифрами отчетов, посланных по ведомству с указанием времени посылки каждого отчета.

Более подробные сведения — не в каждом отчете, а периодически через 4—6 месяцев и т. п., о важнейших сторонах местного хозяйства, об итогах обследований, о важнейших мерах с обязательной проверкой их результатов.

Не менее двух раз в год обязательны точные сведения о числе всех видов колхозов (коллективных хозяйств), с подразделением на поставленные заведомо хорошо, сполна и неудовлетворительно. Одно типичное хозяйство каждой из этих последних трех групп должно быть не менее двух раз в год описываемо подробно: с точным указанием всех данных об описываемом хозяйстве, его величины, места нахождения, итогов производства, помощи от него крестьянскому хозяйству и т. д.

9. Подъем промышленности: а) крупной находящейся в исключительном ведении центра; б) крупной, находящейся частично или всецело в ведении местных органов; в) мелкой, кустарной, домашней и т. п.

Ответы должны быть такого же рода, как по прежнему пункту. По категории А местные органы, близко, непосредственно наблюдающие жизнь и работу крупного общегосударственного заведения, его влияние на окружающее население, отношение к нему населения, должны обязательно сообщать в каждом отчете сведения об этих предприятиях, о том, чем ему помогают местные органы, каковы итоги этой помощи, какова помощь, оказываемая такими предприятиями местному населению, каковы наиболее важные нужды таких предприятий, недочеты в их постановке и т. д.

10. Топливо: а) дрова; б) уголь; в) нефть; г) сланец; д) торф и другие виды топлива (палое топливо и т. д.)

Так же, как по двум предыдущим вопросам: самые краткие итоги с цифрами отчетов, представленных по ведомству, с обязательным указанием времени представления этих отчетов.

Подробные сведения об особенно важном, о том, что выходит за рамки ведомства, о местном согласовании работы и т. п.

Особенно большое внимание должно быть обращено на экономию топлива. Какие меры принимаются? Каковы их результаты?

11. Продовольствие.

Общие итоги отчетов Компроду с соблюдением вышеуказанных условий.

Огородное хозяйство и пригородное (прифабричное, призаводское) земледелие. Его результаты.

Местный опыт относительно организации школьного и детского питания, столовых, общественного питания вообще и т. д.

Обязательны сводки данных в 2 цифры: число лиц, получавших продовольствие, и количество выданного продовольствия за каждые 2 месяца.

В каждом крупном потребляющем центре (большой город, средний город, военные учреждения особого поселка и т. п.) мы кормим много лишних людей, примазавшихся чиновников, притаившихся буржуев и спекулянтов и т. д. Надо систематически «ловить» таких «лишних» едоков, нарушающих основной закон: «не трудящийся

да не ест». Для этого в каждом подобном месте должен быть назначаем ответственный статистик, обязанный изучать данные переписи 28 августа 1920 г. и данные текущей статистики и каждые 2 месяца давать отчет о лишних едоках за своей подписью.

12. Строительная промышленность.

Ответы того же типа, как предыдущие. В этой области почин и самостоятельность мест особенно важны и должны иметь особенно широкое применение. Подробные сведения обязательны о важнейших мероприятиях в этой области и об их результатах.

13. Образцовые и безнадежные предприятия и заведения.

Обязательное описание каждого предприятия, учреждения, связанного с хозяйственным строительством и заслуживающего названия образцового или хотя бы выдающегося или успешно работающего (если нет ни одного образцового и ни одного выдающегося). Состав правления (имена) таких учреждений. Приемы его работы. Результаты. Отношение рабочих и населения.

То же относительно безнадежных и бесполезных предприятий.

Особо важен вопрос о закрытии предприятий, не обязательно необходимых (безнадежные такие, которые могли бы быть закрыты с передачей работы в меньшее число более крупных предприятий и т. п.). Статистический отчет таковых «лишних» заведений, число их, постепенность освобождения республики от них.

14. Улучшение в хозяйственной работе.

Особенно важное и показательное, осуществляемое отдельными изобретателями, исключительными работниками с приведением имен; опыты, которым местные органы придают значение и т. п.

15. Натурпремирование.

Это учреждение, принадлежащее к числу самых важных проблем в социалистическом строительстве. Привлечение к труду — важнейшая и труднейшая проблема социализма.

Обязателен систематический учет практического опыта, соби-
рани: и изучение его.

Отчеты обязательны каждые 2 месяца фактические: сколько выдано натурпремии? Каких продуктов? По какой отрасли работы? (отдельно лесные работы и все другие виды работ). Сравнение итогов работы, результатов ее, количество продуктов с данными о размерах выданного натурального премирования.

Случай превращения натурпремии в резерв заработной платы? Особо каждый случай отметить.

Выдача натурпремии особо успешным предприятиям и отдельным рабочим. Точное описание каждого случая.

Расчет — нет ли такого местного продукта, который мог бы быть получен (и для товарообмена с границей и для особо ценного употребления в России) путем увеличения натурпремирования в таком-то размере? Этот расчет очень важен, ибо при правильном и повсеместном его проведении мы найдем много ценных продуктов, которыми сумеем снабдить границу с выгодой, с барышем, даже при условии вывоза известного количества натурпремии из той же границы.

16. Профсоюзы, их участие в производстве.

Местные губпрофсоветы и уездные органы профсоюзов обязаны немедленно назначить докладчиков и их заместителей, которые и сами и при помощи местного статистика обязаны изготовить раз в два месяца доклад по этому вопросу.

По отношению к производпропаганде нужны точные данные о числе лекций, митингов, демонстраций с именами устроителей и т. п.

Но еще несравненно важнее, чем производпропаганда, данные о действительном участии фабкомов и профсоюзов вообще в производстве. Формы этого участия. Описание каждого типичного случая. Практические итоги. Сравнение заведений, где поставлено хорошо или сносно участие профсоюза в производстве, с заведениями, где таковое не поставлено.

Вопрос о трудовой дисциплине особо важен. Обязательны отчеты о количестве прогулов. Сравнение предприятий с низкой и высокой труддисциплиной.

Прием повышения труддисциплины.

Товарищеские дисциплинарные суды. Сколько и когда введены? Сколько дел в месяц разбирают? Итоги.

17. Хищения.

Наряду с учреждениями, выдающими распространенность этого зла и борющимися с ними, есть и такие, которые отвечают, что «во вве-

ренном ведомстве, учреждении или предприятии хищений нет», «все обстоит благополучно».

Обязательны точные отчеты каждые два месяца. Сколько учреждений, заведений и проч. представляют сведения? Сколько нет?

Краткая сводка этих сведений.

Меры борьбы с хищениями.

Привлекаются ли к ответственности управляющие? Правления? Фабкомы (за недостаточность борьбы с хищениями)?

Производятся ли обыски? Применяются ли иные меры контроля и какие?

Сказывается ли на уменьшении хищений новый закон о товарообмене и предоставлении рабочим для этой цели части их продукта? Точные данные об этом.

Местные, т.-е. находящиеся в данной местности, склады, как принадлежащие государству, так и принадлежащие органам местной власти. Краткие итоги отчетов о складах с указанием времени представления каждого отчета.

Сведения местных властей о складах общегосударственных.

Приемы их охраны. Хищения. Число служащих на складах и т. д.

18. Мешечничество.

Размер этого явления по местным данным. Состав мешечников (преобладающий): рабочие? крестьяне? желдорслужащие? Иные совслужащие и т. п.

Состояние желдор и водного транспорта.

Меры борьбы с мешечничеством и результаты этих мер.

Как поставлено дело учета мешечников и мешечничества?

19. Использование воинских частей для трудцелей.

Трудармии. Их состав, численность, их работа. Как поставлена отчетность? Отношение местного населения.

Другие формы использования воинских частей. То же Всевобуча для трудцелей.

Численность местных воинских частей. То же местных учреждений Всевобуча и проходящей через его учреждения молодежи.

Практические опыты использования молодежи во Всевобуче и красноармейцев для отдельных работ по контролю, по санитарии, по участию в помощи местному населению, по тем или иным хозяйственным операциям. Описание подробное каждого опыта

или, если их несколько, двух типичных опытов: наиболее удачного и наиболее неудачного.

Трудовинность и трудмобилизация.

Как составлены местные отделы НКТруда? Их работа.

Краткие сводки отчетов, посылаемых ими в НКТруда с обязательным указанием времени посылки каждого отчета.

Описание не менее как раз в четыре месяца, двух типичных случаев трудмобилизации, наиболее и наименее удачных.

Перечень применяемых трудовинностей. Итоговые данные о числе привлекаемых и об итогах работы.

В чем выражается участие местных учреждений центрального статистического управления в деле проведения трудовинностей и трудмобилизации?

3-я группа вопросов.

21. Областные и местные эконосоветы.

Когда и как составлялись эконосоветы в местной области, губернии, уезде, волости? Соотношение работы между ними и с селкомами и фабкомами.

Эконосоветы при районных советах больших городов. Их состав и работа, ее постановка, отношение к общегородскому совдепу.

Есть ли райкомы и райэконосоветы? Есть ли надобность в них? В выделении наиболее фабричных или промышленных поселений с их округами и т. п.?

22. Госплан (государственная общеплановая комиссия при СТО и ее соотношение с местными экономическими органами).

Есть ли областные органы Госплана или особоуполномоченные, или группа спецов в такой роли?

Установлено ли как-нибудь (и как именно) соотношение с Госпланом? Есть ли надобность в таком установлении?

23. Электрификация.

Есть ли в местной губернской и уездной библиотеке «План электрификации РСФСР», доклад VII съезду Советов? Сколько экземпляров? Если нет, значит местные делегаты VII съезда Советов—люди нечестные, подлежащие изгнанию из партии и удалению со всех

ответственных постов, либо бездельники, которые должны быть обучены тюремным заключением исполнению своего долга (на VII съезде Советов были розданы 1.500—2.000 экз. для местных библиотек.)

Какие меры приняты во исполнение постановления VII съезда Советов о широкой пропаганде плана электрификации? Сколько статей в местных газетах об этом? Сколько докладов? Число слушателей в них.

Мобилизованы ли для таких докладов и для преподавания все местные работники, облающие теоретическими или практическими знаниями об электричестве? Сколько таких работников? Как ведется их работа? Используются ли для лекций и занятий местные или ближайшие электрические станции? Число их.

В скольких учебных заведениях введено, согласно решению VII съезда Советов, преподавание плана электрификации?

Сделано ли что-либо практическое, и что именно, в деле осуществления этого плана или вне плана стоящих работ по электрификации?

Есть ли местные план и очередь работ по электрификации?

24. Товарообмен с границей.

На этот вопрос безусловно обязателен ответ всех пограничных местностей, но не только их. В уездах и губерниях, соседних с пограничными, есть возможности товарообмена и наблюдения над его постановкой. Затем возможно, как указано выше (§ 15, Натурпремирование), участие в заграничном товарообмене даже весьма отдаленных от границы местностей.

Состояние портов, охрана границ, размер и формы торговых сношений. Краткие итоги представленных об этом докладов НКВТ с указанием времени представления каждого доклада.

Проверка работы НКВТ местным ЭС. Их соображения о практической постановке и о результатах

25. Железнодорожный, водный, местный транспорт.

Краткие сводки представляемых по ведомству отчетов с указанием времени представления каждого отчета.

Оценка положения дел с местной точки зрения.

Недостатки транспорта. Меры к улучшению и результаты этих мер.

Состояние местного транспорта и меры к его улучшению.

26. Обслуживание экономической работы прессой.

Местные органы печати и «Экономич. Жизнь». Как поставлено освещение хозяйственной работы, участие беспартийных? Проверка и оценка опыта практики.

Распространение местных органов печати и «Экономич. Жизни». Сохранение в библиотеках и доступность их населению.

Издание брошюр и книг по хозяйственному строительству. Перечень вышедших изданий.

Потребность в заграничной литературе и ее удовлетворение. Получались ли издания «Винта» (Бюро Иностранной Науки и Техники) и оценка их, другие заграничные издания на русском и других языках?

4-я группа вопросов.

В эту группу должны войти вопросы по выбору и указанию самих местных учреждений и отдельных лиц, при чем вопросы могут быть и прямо и косвенно, и близко и отдаленно связанные с хозяйственным строительством.

К составлению отчетов должны быть обязательно привлекаемы местные работники центр. стат. управления. Им или прямо поручается составление отчетов или другим лицам, — дело местных экономсоветов, но участие губстатбюро и уездных статистиков обязательно. Каждый отчет или каждый ответ на вопрос, если эти ответы писаны разными лицами, должен быть подписан автором с указанием его должности, если он должностное лицо. За отчет отвечает и автор отчета, и весь состав местных экономистов, обязанностью которых является правильное, своевременное представление правдивых отчетов.

При недостатке местных сил должны быть организованы под ответственностью статистиков и особо назначенных товарищей (из Рабкрин и др. учреждений) курсы инструктирования по составлению отчетов с опубликованием ответственных за ведение курсов лиц и календарной программы их работы.

*Напечатано отдельной
брошюрой в мае 1921 г.*

Доклад о продналоге на Всероссийской конференции РКП (б).

(Заседание 26 мая 1921 г.)

Товарищи, вопрос о продналоге мне пришлось для партии обсуждать в брошюре, которая, я предполагаю, большинству присутствующих знакома. Для меня лично постановка этого вопроса на обсуждение партийной конференции была неожиданна в том смысле, что у меня материалов относительно необходимости такой постановки вопроса лично не было, но очень многие из товарищей, бывших на местах, в частности тов. Осинский, после своей поездки по ряду губерний, сообщили ЦК,—и это было поддержано еще несколькими товарищами,— что на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятной. А ввиду исключительной важности этой политики, дополнительное обсуждение на партийной конференции казалось настолько необходимым, что решено было собрать конференцию раньше времени. На мою долю выпадает дать введение по вопросу об общем значении этой политики, и я хотел бы ограничиться лишь небольшими дополнениями к тому, что мною сказано в брошюре. О том, как именно сейчас на местах ставится вопрос, какие недостатки, недочеты и неясности на местах больше всего чувствуются, я на этот счет непосредственно не осведомлен. Мне еще, вероятно, придется давать дополнительные объяснения, когда из вопросов, поставленных на конференции, или из дальнейших дебатов выяснится, в какую сторону должно быть устремлено сейчас внимание местных работников и партии.

Насколько я мог видеть, недоразумения и недостаточная ясность понимания политических задач в связи с продналогом и новой экономической политикой связаны, может быть, с преувеличениями той или другой стороны дела. Но такого рода преувеличения, пока мы практически дело не поставим, совершенно неизбежны, и едва ли возможно, прежде, чем мы проведем хотя бы одну продовольственную кампанию на новых началах, сколько-нибудь точно выработать действительные грани применения тех или иных особенностей этой политики. Я только в общих чертах остановлюсь на некоторых противоречиях, которые, как я мог судить по некоторым запискам, подававшимся на собрании, вызывали больше всего недоразумений. Толкуют нередко продналог и связанные с ним недоразумения в нашей политике в смысле коренного перелома в ней. Несудивительно, что такое толкование усиленно раздувается зарубежной белогвардейской, главным образом эс-эровской

и меньшевистской печатью. Но не знаю, в силу ли некоторого влияния аналогичных действий, 'сказывающегося и в территории РСФСР, или в силу обостренного недовольства, которое в известных кругах чувствовалось и, может быть, чувствуется еще и теперь вследствие чрезвычайного ухудшения продовольственного положения, — может быть, до известной степени этого рода недоумения распространялись и у нас и создавали в значительной степени неправильное представление о значении произведенной перемены и характере новой политики.

Естественное дело, что при условии громадного преобладания крестьянского населения нашей главной задачей — и политики вообще и политики экономической в частности — является установление определенных отношений между рабочим классом и крестьянством. В первый раз в новейшей истории мы имеем дело с таким общественным порядком, когда класс эксплуататорский удален, но когда мы имеем два различных класса — рабочий класс и крестьянство. При громадном преобладании крестьянства это преобладание не могло не отразиться на экономической политике и на всей политике вообще. Главным вопросом для нас остается — и в течение долгого ряда лет неминуемо останется — правильное установление отношений между этими двумя классами, правильное с точки зрения уничтожения классов. На формуле соглашения рабочего класса и крестьянства очень часто останавливаются и очень часто пускают ее в ход против нас враги Советской власти, потому что сама по себе эта формула совершенно неопределенна. Под соглашением между рабочим классом и крестьянством можно понимать что угодно. Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги Советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят. Каким образом в первый период нашей революции, то-есть, в тот, который теперь можно приблизительно считать осуществляющимся, осуществить это соглашение? Каким образом диктатура пролетариата при громадном преобладании крестьянского населения держалась и упрочилась? Главной причиной, главным двигателем и главным определителем нашего соглашения была гражданская война. Гражданская война, которая хотя началась сплошь и рядом при участии в союзе против нас и белогвардейцев, и эс-эров, и меньшевиков, всякий раз неизбежно приводила к тому, что все эс-эровские, учредилевские и меньшевистские элементы оказы-

вались, путем ли государственного переворота или без него, оттесненными на задний план, и во главе белогвардейщины выступали целиком элементы капиталистические и помещичьи. Это было и в правлении Колчака и Деникина, и во всех многочисленных более мелких проявлениях и нашествиях на нас. И это было главным фактором, который определял форму союза пролетариата с крестьянством. Это обстоятельство создавало для нас невероятные трудности вдвойне, но, с другой стороны, избавляло нас от трудных размышлений насчет того, каким образом формула союза между рабочим классом и крестьянством должна быть осуществлена, потому что эту формулу и условия предписывали военные обстоятельства с абсолютной категоричностью, ни малейшего выбора нам не оставляя.

Рабочий класс один только мог осуществлять диктатуру в той форме, которая требовалась войной и условиями этой гражданской войны. Участие в ней помещиков соединило рабочий класс и крестьян безусловно, безоговорочно и бесповоротно. В этом отношении никаких внутренних политических колебаний не было. При гигантских трудностях, стоящих перед нами, вследствие отрезанности от России главных ее хлебных районов, в силу того, что продовольственные затруднения были доведены до крайности, наша продовольственная политика без разверстки не осуществилась бы на практике. Эта разверстка означала не только отобрание излишков, которых едва ли могло хватить даже при правильном распределении. Я не могу здесь подробно останавливаться на том, какие неправильности влекла за собой разверстка. Во всяком случае свою задачу — сохранение промышленности, хотя бы при условиях наибольшей отрезанности от хлебных районов, — разверстка выполнила. И только в военной обстановке это могло быть сколько-нибудь удовлетворительно. Как только мы действительно прочно покончили с внешним врагом, — а это лишь к 1921 году оказалось фактом, — перед нами встала задача другая, — задача *экономического* союза между рабочим классом и крестьянством. Только к весне 1921 года мы вплотную поставили эту задачу, и это случилось тогда, когда неурожай 1920 года ухудшил положение крестьян до невероятности, когда мы в первый раз до известной степени пережили внутренние политические колебания, связанные не с внешним натиском врагов, а с отношением между рабочим классом и крестьянством. Если бы 1920 год дал нам очень хороший урожай, или по крайней мере только хороший, если бы мы из 420 милл. разверстки собрали 400 миллионов, мы могли бы нашу промышленную программу выполнить большей частью, тогда у нас был бы известный фонд для обмена городских промышленных продуктов на земледельческие. У нас полу-

чилось обратное. Получился еще более острый в некоторых местах, чем продовольственный кризис, кризис топливный, полная невозможность удовлетворить крестьянское хозяйство городскими продуктами. Получился невероятно острый кризис крестьянского хозяйства. Вот из каких обстоятельств вытекало то, что мы ни в коем случае при старой продовольственной политике оставаться не могли. Мы должны были поставить на очередь вопрос о том, какие нам нужны экономические основы союза между рабочим классом и крестьянством немедленно, как переход к дальнейшим мерам.

Переходная мера к дальнейшему сводится к тому, чтобы подготовить обмен продуктов промышленности на сельско-хозяйственные, чтобы получился такой порядок, при котором крестьянину не пришлось бы отдавать продуктов иначе, как в обмен на продукты городские и фабричные, при чем не должно было его подчинять всем формам, существовавшим при капиталистическом строе. Но в силу экономических условий нам не приходилось об этом и думать. Вот почему нами принята та переходная форма, о которой я говорил, а именно — в виде налога взять продукты без всякого эквивалента и получить дополнительные продукты в виде товарообмена; но для этого необходимо иметь соответствующий фонд, — наш же фонд чрезвычайно незначителен, и возможность пополнить его путем заграничного товарообмена является только в этом году вследствие ряда договоров с капиталистическими державами. Правда, они пока что лишь введение, предисловие, настоящего товарообмена не началось еще до сих пор. Саботаж и всяческие попытки срыва этих соглашений большинства или большей части капиталистических кругов продолжают беспрерывно, и самое характерное то, что русская пресса белогвардейская, в том числе эс-эровская и меньшевистская, едва ли на чем другом сосредоточивает свои силы энергичнее и упорнее, чем на этом соглашении. Совершенно ясно, что буржуазия лучше подготовлена к борьбе, что она более развита, чем пролетариат, и что ее классовое самосознание еще более обострилось всеми «неприятностями», которые ей пришлось пережить, и она проявляет чуткость гораздо более высокую, чем нормальная. Достаточно присмотреться к белогвардейской печати, чтобы увидеть, что она бьет именно в тот пункт, который является центром, узлом нашей политики.

Вся белогвардейская русская пресса ставит себе, после неудачи военного нашествия, которое провалилось явно, хотя борьба еще идет, — ставит себе неосуществимую цель: сорвать торговые соглашения. Та кампания, которая нынешней весной была предпринята в чрезвычайно усиленных размерах, при чем эс-эры и меньшевики заняли

первое место среди контр-революционных сил, эта борьба велась к определенной цели: к весне сорвать экономические соглашения между Россией и капиталистическим миром. И эта цель в значительной степени им удалась. Правда, мы основные договоры заключили, число этих договоров растет, и сопротивление, которое по этой части усилилось, мы преодолеваем, но оттяжка получилась очень опасная для нас, ибо без известной помощи из-за границы восстановление крупной промышленности и восстановление правильного товарообмена либо невозможно, либо означает такую оттяжку, которая чрезвычайно опасна. Вот условия, при которых приходится действовать, и вот условия, которые выдвинули вопросы о восстановлении торговли для крестьян на первое место. Я не буду касаться вопроса о концессиях, потому что этот вопрос более всего дебатировался на партийных собраниях и в последнее время не вызывает никаких недоумений. Попрежнему дело стоит так, что мы усердно предлагаем концессии, но ни одной сколько-нибудь серьезной концессии до сих пор иностранные капиталисты не получили, ни одного сколько-нибудь солидного концессионного договора мы до сих пор не заключили. Вся трудность состоит в том, чтобы найти практически проверенный способ привлечения западно-европейского капитала.

Теоретически для нас совершенно бесспорно, — и у всех, мне кажется, рассеялись на этот счет сомнения, — теоретически, говорю я, совершенно ясно, что нам выгодно откупиться от европейского капитала несколькими десятками или сотнями миллионов, которые мы могли бы ему предоставить для того, чтобы в кратчайший срок увеличить запасы оборудования, материалов, сырья, машин для восстановления нашей крупной промышленности.

Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской, а мы в России знаем это гораздо более конкретно, чем прежде, и, вместо неопределенной или отвлеченной формы восстановления крупной промышленности, мы теперь говорим об определенном, точно рассчитанном конкретном плане электрификации. Мы имеем совершенно точно рассчитанный план, рассчитанный при помощи работы лучших русских специалистов и ученых, дающий нам определенное представление о том, с какими ресурсами, принимая во внимание природные особенности России, мы эту базу крупной промышленности можем подвести под нашу

экономику, подвести должны и подведем. Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи. Это остается совершенно бесспорным, и если в последнее время в связи с предположением об этом говорили в отвлеченных выражениях, то теперь надо сказать конкретно, что надо восстановить прежде всего крупную промышленность. Мне лично доводилось от некоторых товарищей подобного рода заявления слышать и, конечно, отвечать на них только пожатием плеч. Допустить, чтобы когда-либо мы могли об этой основной цели забыть,— это, конечно, совершенно смешно и нелепо. Тут вопрос только о том, как могли родиться такие сомнения и недоумения у товарищей, как они могли подумать, что эта основная главная задача, без которой материальный производственный базис социализма невозможен, что эта задача у нас перешла на второй план. Эти товарищи просто неверно поняли соотношение между крестьянским государством и мелкой промышленностью. Наша основная задача — восстановление крупной промышленности. А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности. Мы в этом 1921 г. и в прошлом году переживали огромный перерыв в нашей работе по восстановлению крупной промышленности.

Осенью и зимой 1920 года некоторые из важных отраслей нашей крупной промышленности были пущены, но их пришлось прервать. Из-за чего? Почему? Было много фабрик, имеющих возможность снабжаться в достаточной мере рабочей силой, имеющих возможность снабжаться сырьем; почему же работа этих фабрик была прервана? Потому, что у нас не нашлось достаточного продовольственного и топливного фонда. Без того, чтобы иметь 400 миллионов пудов хлеба (я даю цифру приблизительную), как государственный запас, обеспеченный правильным распределением помесечно, без этого о каком бы то ни было правильном хозяйственном строительстве,— о восстановлении крупной промышленности трудно говорить,— без этого мы находимся в таком положении, когда на несколько месяцев уже начавшаяся работа по восстановлению крупной промышленности опять прервана. Громадное большинство предприятий из того незначительного числа, которые были пущены, теперь стоят. Без вполне обеспеченного и достаточно продовольственного фонда не может быть и речи, чтобы государство могло сосредоточить свое внимание, могло систематически поставить восстановление крупной промышленности, поставить так, чтобы хотя в скромных размерах, но это восстановление было непрерывно.

А в отношении топлива, до восстановления Донбасса, до тех пор, пока не будет регулярного получения нефти, у нас опять-таки остается лес, дровяное отопление и, значит, опять-таки — зависимость от того же мелкого хозяйства.

Вот почему получилась ошибка, заблуждение у товарищей, которые не поняли, почему главное внимание в настоящее время должно быть обращено на крестьянина. Некоторые рабочие говорят: крестьянам дают известную поблажку, а нам ничего не дают. Приходилось слышать такие речи, и надо сказать, что эти речи, я думаю, не слишком широко распространены, ибо нужно сказать, что такие речи опасны потому, что они вторят постановке вопроса эс-эрами; здесь явная политическая провокация и затем остатки цеховых не классовых, а профессионалистских предрассудков рабочих, когда рабочий класс смотрит на себя, как на одну часть из равноправного капиталистического общества, и не сознает того, что он продолжает стоять на той же капиталистической базе: крестьянину дали поблажку, его освободили от разверстки, свободную часть излишков предоставили ему для обмена. мы же, рабочие, стоим у станков и хотим иметь то же...

В основе такой точки зрения что стоит? Та же, в сущности, мелкобуржуазная идеология. Поскольку крестьяне входят, как составная часть капиталистического общества, рабочий класс остается также составной частью этого общества. Следовательно, если крестьянин торгует, то и нам надо торговать. И тут старые предрассудки, приковывающие рабочего к старому миру, оживают несомненно. Наиболее ярые защитники и даже единственные искренние защитники старого капиталистического мира — это эс-эры и меньшевики. В остальных лагерях из сотен, тысяч и даже сотен тысяч искренних защитников капиталистического мира вы не найдете. Но в среде так называемой чистой демократии, которую представляют собой эс-эры и меньшевики, там еще остались этикие редкостные экземпляры, искренно защищающие капитализм. И чем они упорнее отстаивают свою точку зрения, тем опаснее их влияние на рабочий класс. Они тем более опасны в тот момент, когда рабочему классу приходится переживать периоды перерыва производства. Главной материальной базой для развития классового пролетарского самосознания является крупная промышленность, когда рабочий видит работающие фабрики, когда он ежедневно ощущает ту силу, которая действительно сможет уничтожить классы.

Когда рабочие эту материальную производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает известными слоями рабочих, и в соединении с прямой провокацией нашей буржуазной демократии — эс-эров

и меньшевиков — это оказывает определенное действие. И тут является такая психология, когда и в рядах коммунистической партии находятся люди, которые рассуждают таким образом: крестьянам подачку дали, нужно на этой же почве такими же приемами дать и рабочим. Нам пришлось известную дань этому отдать. Конечно, декрет о премировании рабочих частью фабричных продуктов есть уступка тем настроениям, которые коренятся в прошлом, которые связаны с состоянием безверия и отчаяния. До той или иной небольшой грани эта уступка была необходима. Она сделана, но ни на секунду не надо забывать, что тут мы делали и делаем уступку, необходимую не с точки зрения какой-либо иной, кроме как с точки зрения экономической, с точки зрения интересов пролетариата. Основной и существеннейший интерес пролетариата — воссоздание крупной промышленности и прочной экономической базы в ней, тогда он свою диктатуру упрочит, тогда он свою диктатуру наверняка, вопреки всем политическим и военным трудностям, доведет до конца. Почему же мы должны были делать уступку, и почему крайне опасно, чтобы не стали ее рассматривать шире, чем нужно? Именно потому, что мы только временными условиями и затруднениями в продовольственном и топливном отношениях были вынуждены вступить на этот путь. Когда мы говорим: нужно отношение к крестьянству поставить не на почву разверстки, а на почву налога, — что же является главным экономическим определителем этой политики? То, что при разверстке крестьянские мелкие хозяйства не имеют правильной экономической базы и на многие годы осуждены оставаться мертвыми, мелкое хозяйство существовать и развиваться не может, ибо у мелкого хозяина пропадает интерес к упрочению и развитию своей деятельности и к увеличению количества продуктов, вследствие чего мы оказываемся без экономической базы. Другой базы у нас нет, другого источника у нас нет, а без сосредоточения в руках государства крупных запасов продовольствия ни о каком воссоздании крупной промышленности не может быть и речи. Поэтому в первую очередь мы эту политику, изменяющую наши продовольственные отношения, и проводим.

Мы проводим ее для того, чтобы наш фонд воссоздания крупной промышленности иметь для того, чтобы рабочий класс избавиться от всех перерывов, которые крупная промышленность — даже крупная промышленность нашего жалкого вида, если сравнивать ее с передовыми странами — не должна испытывать, для того, чтобы избавить пролетария от необходимости при изыскании средств прибегать к приемам не пролетарским, а спекулянтским, мелкобуржуазным, которые являются самой большой экономической опасностью для нас.

В силу печальных условий нашей действительности пролетарии вынуждены прибегать к способам заработка не пролетарским, не связанным с крупной промышленностью, а мелкобуржуазным, спекулятивным, и путем ли хищений, путем ли частного производства на общественной фабрике добывать продукты себе и эти продукты обменивать на земельные, — в этом наша главная экономическая опасность, главная опасность всего существования советского строя. А сейчас пролетариату осуществить свою диктатуру нужно так, чтобы он себя как класс чувствовал прочно, чтобы чувствовал почву под ногами. Но эта почва исчезает. Вместо работающей непрерывно крупной машиностроительной фабрики пролетарий видит другое и принужден выступить в сфере экономической, как спекулянт или мелкий производитель. Для того, чтобы от этого его избавить, мы в период переходного времени никаких жертв жалеть не должны. Для того, чтобы обеспечить непрерывное, хотя бы и медленное восстановление крупной промышленности, мы не должны отказываться идти ни на какие податки жадным до этих податков иностранным капиталистам, потому что сейчас, с точки зрения построения социализма, выгодно переплатить сотни миллионов иностранным капиталистам, но зато получить те машины и материалы для восстановления крупной промышленности, которые восстановят нам экономическую базу пролетариата, превратят его в прочный пролетариат, а не тот пролетариат, который остается спекулятивным. Меншевики и эсеры прокричали нам уши о том, что так как пролетариат деклассирован, то поэтому от задач пролетариата нужно отказаться. Они кричали это с 1917 года, и нужно удивляться, что они об этом до 1921 года не устали твердить. Но когда мы слышим эти нападки, мы не отвечаем, что никакой деклассированности нет, что нет никаких минусов, но мы говорим, что условия русской и международной действительности таковы, что даже тогда, когда пролетариату приходится переживать период деклассированности, переживать эти минусы, он, несмотря на эти минусы, свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может.

Отрицать, что условия деклассирования пролетариата есть минус, — смешно, нелепо и абсурдно. К 1921 году мы видели, что после окончания борьбы с внешними врагами самой главной опасностью, самым большим злом стало то, что мы непрерывную производственную работу в крупнейших предприятиях, которые остались у нас в небольшом числе, обеспечить не могли. Это основное. Без такой экономической базы, прочной политической власти у рабочего класса быть не может. Для того, чтобы обеспечить непрерывное восстановление крупной промышленности, надо продовольственное дело поставить

так, чтобы фонд, скажем, в 400 милл. пуд., был обеспечен и правильно распределен. Собрать его путем старой разверстки мы бы безусловно не могли. 1920 и 1921 годы показали это. Теперь мы видим, что посредством продовольственного налога эту задачу, которая представляет громадные трудности, все-таки выполнить можно. Старыми приемами мы этой задачи не выполним и должны подготовить новые приемы. Решить эту задачу посредством продовольственного налога и правильных отношений к крестьянину, как мелкому производителю, мы можем. Мы до сих пор не мало уделили внимания тому, чтобы это теоретически доказать.

Мне кажется, что, если судить по партийной печати, по разговорам на собраниях, теоретически вполне доказано, что эту задачу мы можем решить, сохраняя в руках пролетариата транспорт, крупные заводы, экономическую базу на ряду с политической властью. Мы должны дать крестьянству порядочный простор, как мелкому производителю. Без подъема крестьянского хозяйства мы разрешить продовольственное положение не сможем. Вот в каких рамках мы должны ставить вопрос о развитии мелкой промышленности с и на основе свободы торговли, свободы оборота. Эта свобода оборота есть средство, которое дает возможность создать между рабочим классом и крестьянством такие отношения, которые были бы экономически устойчивы. Данные о размерах сельско-хозяйственного производства мы имеем теперь все более и более точные. На съезде партии была роздана брошюра о хлебной продукции ¹¹²), она была тогда еще в корректурном оттиске распределена между членами съезда. С тех пор этот материал собирался и распространялся. Брошюра в окончательном виде хотя уже сдана в набор, но к конференции еще не готова, и я не могу ответить, успеют ли ее выпустить ко времени, когда конференция будет разъезжаться. Мы все меры примем к этому, но обещать, что ее удастся выпустить, нельзя.

Это небольшая частица работ, которые мы производили, чтобы как можно более точно определить состояние сельско-хозяйственного производства, ресурсы, которыми мы располагаем.

Все же можно сказать, что есть данные, которые сводятся к тому, что экономическую задачу мы вполне можем разрешить, особенно в этом году, когда виды на урожай не совсем плохи или не так плохи, как можно было ожидать весной, это обеспечивает нам возможность собрать сельско-хозяйственный фонд, чтобы посвятить себя целиком делу восстановления крупной промышленности, хотя медленному, не непрерывному.

Для того, чтобы задача сбора производственного фонда была решена, нужно найти форму отношений к мелкому владельцу, и здесь

иной формы, кроме продналога нет, иной формы никто не предложил, и ее нельзя себе представить. Но надо практически эту задачу решить, наладить правильность продовольственного налога, провести его не так как прежде, когда по 2—3 раза брали, оставляя крестьянина в условиях гораздо более худших, так что наиболее старательный крестьянин страдал более всего, и всякая возможность экономически устойчивых отношений терялась. Продналог, являясь той же мерой взыскания с каждого крестьянина, должен быть поставлен иначе. На основании данных, собранных и опубликованных ранее, можно сказать, что теперь в это дело продналог внесет самую крупную решающую перемену, но насколько удастся все совместить, это еще остается до известной степени вопросом, но что мы должны дать крестьянину немедленно улучшение его положения, — это несомненно.

Задача ставится перед местными работниками так: с одной стороны, полностью провести продовольственный налог и, с другой — в возможно кратчайший срок. Трудность увеличивается потому, что урожай предстоит необычайно ранний в этом году, и подготавливаясь с точки зрения обычных сроков, мы можем оказаться опоздавшими. Вот почему ранний созыв партийной конференции важен и своевременен. Надо с большей быстротой, чем прежде, работать по подготовке всего аппарата для взимания продовольственного налога. От быстрого взимания продовольственного налога зависит и обеспечение государства минимальным фондом в 240 милл. пуд., и обеспечение положения крестьянства. Всякая затяжка по взиманию налога — известное стеснение для крестьянина. Взимание налога добровольно не пройдет, без принуждения мы не обойдемся, взимание налога составит ряд стеснений для крестьянского хозяйства. Если эту операцию взимания налога мы протянем дольше, чем следует, крестьянин будет недоволен и будет говорить, что свободы распоряжения излишками он не получает. Чтобы свобода была на практике похожа на свободу, надо, чтобы взимание налога произошло быстро, чтобы взыскатель налога недолго стоял над крестьянином, а сделать это можно, сократив период от урожая до полного взыскания налога.

Это — одна задача, а другая — состоит в том, чтобы в максимальных пределах осуществить и свободу оборота для крестьянина, и поднятие мелкой промышленности, чтобы дать тому капитализму, который растет на почве мелкой собственности и мелкой торговли, некоторую свободу не бояться его, ибо он нам совершенно не страшен.

В силу общей экономической и политической конъюнктуры, которая теперь сложилась, когда пролетариат держит в руках все источники крупной промышленности, когда не может быть речи о какой-либо

денационализации, нам его бояться нечего. И когда мы страдаем больше всего от полнейшего недостатка продуктов, от нашего полнейшего обнищания, смешно бояться того, что капитализм, на основании мелкого промышленного земледелия, составит угрозу. Бояться этого — значит совершенно не учитывать соотношения сил нашей экономики, это значит совершенно не понимать того, что крестьянское хозяйство без известной свободы оборота и без связанных с этим капиталистических отношений не может быть устойчиво ни в какой мере.

Это, товарищи, вы должны твердо запомнить, и главная наша задача заключается в том, чтобы дать на местах всюду толчок, дать максимум инициативы и проявить максимум самостоятельности и максимум смелости.

Мы не имеем никакого, более или менее конкретно подготовленного, собранного с мест практического опыта в вопросе о том, как обстоит дело на местах в смысле товарообмена и товарооборота, как удалось восстановить и сколько-нибудь развить мелкую промышленность, которая в состоянии облегчить положение крестьян немедленно без больших работ, требуемых крупной промышленностью и состоящих в подвозе больших запасов продовольствия и топлива в промышленные центры. В этом отношении на местах делается недостаточно с общехозяйственной точки зрения. Мы не имеем этих данных с мест, мы не знаем, как обстоит дело по всей республике, мы не имеем примеров действительно правильной постановки работы. У меня остается такое впечатление и от съезда профсоюзов, и — ВСНХ.

Главным недостатком этого съезда опять-таки является то, что мы больше занимаемся такими худыми вещами, как тезисы, общие программы и рассуждения, а нет того, чтобы на съезде люди действительно поделились местным опытом, чтобы, уезжая на места, они могли бы сказать: вот из тысячи примеров один мы нашли хороший и будем ему подражать. А таких хороших примеров у нас не один на тысячу, а гораздо больше. Но такой порядок ведения работы мы видим меньше всего.

Я не хочу забегать вперед, но два слова мне хотелось бы все-таки сказать о коллективном обеспечении рабочих, т.-е. о переходе от карточек к такому порядку, когда известным количеством продовольствия обеспечивается известное предприятие, поскольку оно действительно работает, и пропорционально выработанному. Идея прекрасная, но у нас ее превратили в нечто полуфантастическое. А действительно подготовительной работы в этом направлении мы пока не имеем. У нас еще нет такого примера, что вот в таком-то уезде, на такой-то фабрике, хотя бы и с небольшим количеством рабочих, мы приме-

нили эту меру — и вот результат. Этого у нас нет. И в этом — наибольший недостаток всей нашей работы. Мы должны неустанно повторять, что вместо общих опросов, которые были уместны в 1918 году, т.-е. в давно прошедшее время, нам в 1921 году нужно заняться практической постановкой вопроса. Рассказывая на съездах в первую очередь о том, где мы имеем образцы хорошей постановки дела, а этих образцов у нас достаточно, мы делаем обязательным для остальных подтянуться по примеру того, что достигнуто практически лучше в немногих, редких, исключительных местах. Это по поводу работ профессионального съезда, но относится также ко всем работам производственным.

Для подготовки сбора продналога, товарообмена и т. д. в не-большом числе в некоторых местах сделано порядочно. Вот этого-то изучить мы не сумели, и сейчас большая задача подтянуть преобладающее число местностей под лучший образец, который имеется. На эту работу, на практическое изучение опыта, подтягивание отсталых и средних наших уездов, волостей, которые несомненно стоят на уровне совершенно неудовлетворительном, с ничтожным только числом высоко-удовлетворительных, — на эту работу мы должны перейти. Максимум внимания нужно на съездах перенести не на изучение общих тезисов и программ собраний, а на изучение практических опытов, примеров удовлетворительных и выше, чем удовлетворительных и на подтягивание к этим редким, но имеющимся на-лицо, отсталых и средних мест, которые преобладают.

Вот те замечания, которыми я должен ограничиться.

*«Бюллетень Всероссийской
конференции РКП (б)»
№ 1, 27 мая 1921 г.*

Заключительное слово.

(Заседание 27 мая 1921 г.)

Товарищи, мне кажется, что мы все же достигли, несмотря на высказанное многими товарищами с мест недовольство по поводу докладов и прений, одной цели: мы узнали, как обстоит на местах понимание новой политики и ее применение. Едва ли какую-либо другую цель мы могли ставить конференции, кроме обмена мнений, для того, чтобы с этой новой политикой хорошо освоиться, к правильному применению ее перейти единодушно. Этой цели мы достигли. Правда, были недоумения и даже шатание мысли, к сожалению, порой выходящее далеко за пределы только практических недоумений и гаданий

насчет того, что «всерьез» это или «не всерьез», надолго или не надолго. То, что говорил тов. Варейкис¹¹³), было в сущности не коммунистично и по содержанию мысли напоминало меньшевизм. Надо это сказать прямо. Каким образом он мог приставать с вопросом: «вы скажите, крестьянство — класс или не класс?». Конечно класс. Тогда, — говорит он, — ему нужны политические уступки, а если нет, тогда известные меры нужны в этом направлении, которые все же будут похожи на зубатовщину¹¹⁴).

Тут была сделана ссылка на Мартова¹¹⁵), что он утверждал это целиком, тов. же Варейкис говорит: «до известной степени», «в той или иной мере», «отчасти». Путаница получается самая невероятнейшая, самая чудовищная. Это та же самая путаница, какая была, когда нас упрекали в применении насилия. И приходится опять разъяснять, что, когда мы говорим о диктатуре, это означает применение насилия. Всякое государство есть применение насилия, но вся разница в том, применяется ли это насилие против эксплуатируемых или против эксплуататоров, применяется ли оно против класса трудящихся и эксплуатируемых. То же самое — это сравнение с зубатовщиной. В чем состояла суть зубатовщины? В том, что мелкими экономическими уступками угнетенным классам поддерживали класс угнетателей. Вот почему тогда ответом было следующее: экономическими уступками вы не заставите пролетариат, класс, боровшийся за освобождение всех угнетенных, отказаться от идеи завоевания политической власти и разрушения системы угнетения. Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эс-эров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата. Недавно тов. Бухарин в «Правде» привел цитату такого серьезного политического мыслителя, как Милюков (это не чета Чернову и Мартову), который рассуждает, что теперь в России на политической арене борьбы есть место только для социалистической партии. И поскольку эти «социалистические» партии, эс-эры и меньшевики, желают взять на себя труд борьбы с большевиками, постольку им — эс-эрам и меньшевикам — «честь и место». Это буквальное выражение Милюкова, показывающее, что он умнее Мартова и Чернова по одному тому, что он представитель крупной буржуазии (хотя бы лично он и не был так умен, как Чернов и Мартов). И Милюков прав. Он учитывает ступени политического развития

совершенно трезво и говорит, что для перехода назад к капитализму необходимая ступенька — эс-эровщина и меньшевизм. Буржуазии такая ступенька нужна, а кто этого не понимает, тот глупец.

Милюков, с точки зрения интересов буржуазии, совершенно и абсолютно прав. Если мы, как партия пролетариата, руководим крестьянством, то мы должны вести линию на укрепление крупной промышленности и поэтому должны идти на экономические уступки. Пролетариат руководил крестьянством и так руководил им, что во время гражданской войны крестьянство получило больше экономических выгод, чем тот же пролетариат. Если говорить на языке Мартова, то это выходит зубатовщина. Экономические уступки делались для крестьянства. Эти уступки были сделаны той части трудящихся, которая составляет большинство страны. Что, это неправильная политика? — Нет, это — единственно правильная политика! И как бы здесь ни говорили о мартовских словечках, что вы не обманете класс, я все же вас спрашиваю, — чем же мы обманываем? Мы говорим, что есть две дорожки, за Мартовым и Черновым, а через них — к Милюкову, или за коммунистами. Что же касается нас, то мы боремся за уничтожение капитализма и за установление коммунизма; путь наш очень тяжелый, и во время этого пути есть много усталых и неверящих. Крестьянство не верит. Но разве мы обманываем? Смешно говорить, что мы обманываем класс и что мы запутались в трех соснах и даже тут не в 3-х, а в 2-х соснах, потому что пролетариат и крестьянство только два класса. Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так загнать, как загнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать... От нас, от руководящей партии, зависит, сколько бедствий падет на пролетариат и сколько — на крестьянство. Чем руководиться в этом разделении — поровну, уравнительно? Но пускай об этом говорят Чернов и Мартов, а мы говорим, что нужно руководиться интересами пролетариата, т.-е. обеспечением от реставрации капитализма и обеспечением пути к коммунизму. Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось или, вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения путей к коммунизму. Это — правильная политика, и мы руководствуемся только одним классовым расчетом. Мы открыто, честно, без всякого обмана, крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере, и, конечно, сами будем судить — какая это мера и какие пределы. Самая уступка идет с точки зрения распре-

деления тяжести, которая в большей степени до сих пор падала на пролетариат, чем на крестьянство. За 3¹/₂ года диктатуры пролетариата больше бедствий взял на себя пролетариат, чем крестьянство. Это совершенно очевидная и бесспорная истина. Вот как стоит вопрос в отношении между пролетариатом и крестьянством, т.-е. или крестьянство должно идти с нами на соглашение, и мы делаем ему экономические уступки, или — борьба. Вот почему всякие другие доводы представляют из себя ужаснейшую путаницу. На деле всякий другой путь есть путь к Милюкову, к восстановлению помещиков и капиталистов, а мы говорим, что мы на всякие уступки пойдем в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и коммунизму.

Дальше, большие неправильности были по поводу замечания на речь тов. Свидерского ¹¹⁶). На него сейчас же обрушились все представители оппозиции в своего рода блестящих парламентских речах. Самым блестящим представителем «парламентской оппозиции» оказался тов. Ларин ³⁵). В советском строе есть неособенно много места для произнесения парламентских речей, но все-таки природа берет свое, и хотя у нас не существует парламентских учреждений, но парламентские нравы остались. Относительно тов. Свидерского говорили, что вот, мол, продинспекция, что он договорился даже и до продовольственной диктатуры. Может быть, тов. Свидерский по части слова и сказал лишнее. Но по сути дела он прав. Мы распределили роли докладчиков так, чтобы каждый, так сказать, на определенном инструменте играл. По части обмена делал доклад представитель Центросоюза тов. Хинчук ¹¹⁷) — кооператор. У нас заключен, как вам известно, договор Центросоюза с государством. Если не все товарищи читали этот договор, то они неделовым образом знакомились с материалом. У нас государство заключает договор с представителями от Центросоюза; представитель Наркомпрода заключает договор с представителем кооперации, и имеющиеся за границей кооператоры должны считаться с нашим договором. В договоре мы ставим дело так, чтобы все товары шли в кооперацию, чтобы кооператоры торговали для нас, для централизованного государства, для крупной фабрики, для пролетариата, но не для себя. Это очень большое и важное условие, потому что иначе нельзя. В Питере, в Москве голод, и в то же время тов. Брюханов ⁶⁹) показывает таблицы, по которым на местах, в сытых губерниях, скушали в два раза больше, чем им полагалось, а нам сюда дали в два раза меньше. Как по-вашему: нужна при таком положении продовольственная диктатура? По-моему — нужна, и нужна вдвое,

второе больше, потому что такой распушенности у нас сколько угодно. Надо знать, что без принуждения мы не обойдемся, и дело распределения в Центросоюзе должно проходить под нашим контролем.

Мы говорим Центросоюзу: вы хорошо торговали и мы вам даем прямо в виде определенного процента. Это внесено в договор, и мы безусловно всякой премиальной системой будем поощрять эту комиссионную торговлю выдавая премии за выгодную торговлю, но будем требовать, чтобы эта торговля шла в нашу пользу, в пользу государства, которое централизовало крупную промышленность, которым руководит пролетариат. Будет ли польза крупной промышленности?— И кому же она будет?

Как можете вы получить продовольственное обеспечение без налога? Ни в каком случае! Что больше может дать — налог или обмен, мы не знаем, но что достаточного фонда для обмена нет, — это — факт. Сейчас без аппарата принуждения вы не возьмете того, что нужно. Никогда! Это всякому очевидно. И в этой части, как представитель своей линии, Свидерский совершенно прав. Мы продинспекцию одобрили, и президиум ВЦИК будет нажимать больше на вас, ибо вы знаете, кого надо посадить — это ваше дело, но уже если вы посадили, то следите, чтобы он выполнял, что нужно. Сейчас без обеспечения государства, примерно, четырьмястами миллионами пудов хлеба ни о какой крупной промышленности и социалистическом строительстве нечего разговаривать. Кто этому не научился за эти три года, с тем нечего толковать. Но мы, несмотря на громадную массу ошибок, этот фонд все увеличивали, и хотя мы в 1920 г., увеличивая этот фонд, сделали громадную ошибку в распределении, все-таки был громадный прогресс. Мы должны подходить к делу трезво и сказать, что для сбора продналога нужен аппарат, быстро действующий, тут нечего разводить либеральные речи и кивать, что продинспекция — такая неприятная вещь.

А чтобы налог в переходное от капитализма к коммунизму время при большинстве крестьянского населения вам давали без принуждения, такого «коммунизма», насколько я знаю, еще не существует. Если хотите поддержания крупной промышленности — базы пролетарской диктатуры, — то вы должны хотеть, чтобы этот аппарат действовал. И тут, конечно, нужен централизм. Посмотрите на статистику. К сожалению, немногие из вас знают ее достаточно. Посмотрите, сколько вопреки предписаниям центра места взяли себе. А к нам, сюда, приходят товарищи из Москвы и Питера и представляют таблицы об отступлении от предписаний центра. Оказывается, напоминаний было три, выговоров — столько же, а что же дальше? Дальше — арест

смещение и т. д. Нарушений было много а смещений — мало. Вот что я хотел сказать в защиту этой линии.

Урожай в этом году, повидимому, во многих местах будет сносный, и раньше, чем мы ожидали. Так что надо подготовиться заранее, а сейчас положение такое, что надо быстро собрать основной фонд. Следовательно, относиться к этому делу так, как к нему относились здесь многие, совершенно неправильно.

Что касается тов. Ларина, то его талант принадлежит более к области парламентской оппозиции и к области журналистики, а не к области деловой работы. По части проектов он неутомим. Он здесь упоминал, что еще в январе 1920 года он выдвигал хороший проект. Но если собрать все проекты тов. Ларина и выбрать из них хорошие проекты, то, наверное, пришлось бы определять их в десятых долях промили.

10 мая к нам в политбюро ЦК он внес проект общего перехода на коллективное снабжение. Основной принцип заманчив, но когда это внесено? 10 мая 1921 г., когда продовольствия абсолютно нехватает таким центрам, как Москва и Петроград, когда эти значительные центры Российской республики обречены временно на полуголодное, четвертьголодное существования. Предлагать перестройку продовольственных учреждений в момент, когда люди выбиваются из сил, сидят у прямых проводов на Сибирь, на Кавказ, на Украину, следят за каждым маршрутом, чуть ли не за каждым вагоном, — смешно. Какой, к чорту, в такое время переход на общекolleктивное снабжение? Политбюро приняло такую резолюцию: «Проект Ларина и ВЦСПС (ВЦСПС, конечно, сейчас же подмахнул этот проект) отклонить, поручить автору проекта пересмотреть вопрос вторично, более обстоятельно с точки зрения возможности реального снабжения... Вот основа, которая была повторена (если вы читали в тезисах Чубаря¹¹⁸) и Гольцмана) на съезде профсоюзов, при чем Чубарь согласовал основные части своих тезисов с той осторожной политикой, которая дана ЦК партии. Гольцман и Ларин поступили по правилу, о котором мне Ларин, полусуто, когда кончилось заседание политбюро, на ухо сказал. (Я думаю, что я не совершу нескромности, передавая этот разговор.) Ларин, когда увидал, что эта резолюция принята, сказал мне: «Вы дали нам мизинец, мы возьмем всю руку». Тогда я подумал — хотя это я и раньше знал, — теперь мы будем знать, как надо торговаться с Лариным. Если он просит миллион, то давать ему надо полтинник. Здесь в прениях выяснилось, что когда Ларина спросили, где данные, он привел пример, который назвал «блестящим», касающийся постройки Кизляр-Старо-Теречной дороги. Хотя здесь уже доказали,

что в этом примере нет ничего нового, что такие опыты уже проделывались, но все же это прогресс, когда нам преподносят конкретный пример, результат опыта вместо общих рассуждений, вместо бесчисленных тезисов. Было бы несчастьем, если бы все стали читать и обсуждать эти тезисы, из которых девять десятых нельзя дочитать без чувства тяжести в голове.

Не тезисы нужны, а учет местного опыта. Давайте изучать этот опыт, а то что же — систему на системе строить и законопроекты о коллективном снабжении валать, когда минимума реального снабжения нет. Практическая работа есть на местах. Нам говорили: нечего упрекать места, что они не делятся местным опытом. Здесь был брошен упрек ЦК, что он не дает местного опыта. Да ведь у нас его нет, мы возмемся исключительно среди декретов. Большинство из нас погружено в эту неприятную работу, поэтому мы не можем видеть местный опыт. Его должны принести вы. Когда Ларин излагал блестящий пример Кизляр-Теречной дороги, это было правильно, ибо это был местный опыт. Но он и тут увлекся, его Чубарь и Осинский должны были поправлять. Это не единственный пример. Он говорил, что 28 фунтов получал рабочий по старой системе и 4 пуда — по новой. Я усомнился в данных и спрашиваю его, откуда это у вас? Он ответил, что это проверено рабоче-крестьянской инспекцией. Но мы знаем, что Ларин — не только парламентский человек, но и карикатуры умеет рисовать. Он сначала нарисовал карикатуру, уверяя, что хуже РКИ зверя нет, а теперь говорит, что 4 пуда вместо 28 фунт. — это проверено РКИ. Сначала при помощи подобных анекдотов он подрывает всякую веру в РКИ, а затем выдвигает удостоверение РКИ как единственное доказательство. И Чубарь и Осинский говорят, что в лесной промышленности эта система применялась не раз. Все дело в том, чтобы опыт одной местности мы сравнили с опытом другой. Лучшая часть указаний Ларина была та, где он говорил, как идут работы на постройке Кизляр-Теречной дороги. Не лучше ли было в Туле или Тамбове — вот что нужно узнать. Этого центр вам дать не может, ибо мы этого не знаем, а вы это привезите с мест, укажите нам эти данные, учите нас, и мы все будем учиться, подтягиваться по наилучшему образцу.

У нас на тысячу местных центров, в масштабе уездном или районном, таких опытов найдется 2 или 3, может быть, найдется и больше, но 2—3 наверное найдется. Их нужно хорошенько изучить, но деловым образом, произведя допрос с пристрастием, проверив цифры и не полагаясь на одни речи оппозиции. Ежели мы так поставим дело, центр сможет учиться.

Затем я считаю, что главное, что мы получили от дискуссии, это — ряд указаний на то, как начатый обмен был сделан, не хватало только точных данных. Товарищи из Донбасса посылали телеграмму, в которой говорили: мы выменяли 3.000 пуд. пшеницы. Это относилось к небольшому участку, но подробности неизвестны. Я думал, что товарищи выступят здесь и скажут: на какие эквиваленты, посредством какой организации: Компрод-ли, арендатора, концессионера или частного предпринимателя? Этого мы не знаем, а это гораздо важнее, чем наши декреты. Декреты можно прочесть, и для того, чтобы беседовать здесь о декретах, съезжаться не стоит, а для того, чтобы судить, как 3.000 пуд. пшеницы получили в Донбассе, и не лучше ли сделали это товарищи на Волыни или в Тамбове, для этого следует съезжаться. На местах сделано порядочно. Нужно, чтобы места сюда привозили результаты своего практического опыта: я сделал то-то, но мне мешало центральное учреждение, а я сделал так, что подчинил центральное учреждение. Насчет Тамбовской губ. здесь было совершенно глухо сказано товарищем, который впал в парламентскую речь и громил Компрод, что у них есть кооперативные главки и учреждения. Товарищи на это пошли. Там есть масса неблагоприятных условий, побочных, недосево, тяжелые условия вообще, там минус, на минусе и все-таки из его данных было видно, что обмен начался и кооперация пущена в ход. Упоминалась даже помада. Сколько вы помады взяли, при каких условиях она распределялась? Нужно и помаду пускать в оборот: в торговле приходится считаться с тем, что спрашивают. Спрашивают помаду, мы должны дать. Мы и на помаде, если будем как следует хозяйничать, можем установить крупную промышленность. Только надо высчитать, сколько нужно купить или достать этой помады для того, чтобы купить 1.000 п. хлеба. Я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму, тогда как помада не угрожает этим. Относительно Волыни говорили, что есть там такие места, где за 10 ф. соли дают пуд хлеба. Но как производилась эта торговля? Были ли у вас приказчики? Как вы торговали? Кто хранил товар? Кто вешал замки? Сколько раскрали? — Об этом ничего не было сказано. Но это для вас как раз и важно. Зато говорили, что поляки давали по пуду соли за пуд хлеба. Я и говорил, в беседе с товарищем, что если поляки за пуд хлеба дают пуд соли, а вам крестьяне отдают за 10 ф., то вы могли бы наторговать и для себя. Кто вам мешал? Сказали, что мешал центр. Позвольте не поверить, чтобы

центр помешал за пуд польской соли получить полтора пуда хлеба. Не может быть, чтобы мы были против этого; никогда я этому не поверю. Прежде, когда была армия, товарищи жаловались, что все делалось через военную власть, а теперь, когда армии нет, когда войны нет, то надо запрашивать центр; товарищ говорил, что теперь у них есть «южбум», и что они воюют против этого «южбума», а когда я спросил, в какое учреждение они подали жалобу против «южбума», он ответил, что не знает, а ведь это очень важно.

Назвать это учреждение, куда подавалась жалоба на «южбум», они не в состоянии. Что такое этот «южбум», я не знаю; это, наверно, учреждение, страдающее тем же бюрократическим извращением, как и все наши другие советские учреждения. Буржуазия до сих пор ведет борьбу против нас. Многих из них мы выслали за границу под покровительство Милюкова, но еще много тысяч существует тут, ведя против нас войну по всем правилам бюрократического искусства. А вы против этого, товарищи, как воюете? Вы думаете, что голыми руками можно взять этот «южбум» и т. д. Когда мы вели войну с Деникиным, мы не шли на него с голыми руками, а крепко вооружались и организовывали армии. А тут сидят превосходные канцелярские чиновники, которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасают культуру, подготавливая большевиков к падению, которые знают канцелярское дело в 100 раз лучше, чем мы. Ибо откуда же нам было знать это дело? С ними нужно воевать по всем правилам искусства и привлекать к ответственности тех партийных товарищей, которые ходят и жалуются или рассказывают анекдоты о том, что в таком-то учреждении сделана такая-то гадость, ходят по всей Москве и рассказывают анекдоты про бюрократические происшествия. А вы, товарищи, сознательные коммунисты, что вы сделали для борьбы с этим?— Я жаловался.—А до какого учреждения довели вы эту жалобу? Оказывается, что ни до какого, а, между тем, жалоба должна была быть направлена и в Совнарком, и в ВЦИК, т.-е. с использованием всех прав, предоставленных нашей конституцией. Это война и, конечно, связана подчас и с поражениями. Но где же это видано, чтобы даже самые победоносные войны обходились без поражений? Так и здесь возможны поражения, но борьбу вести нужно. Но у нас дело всерьез не берут. А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный 4 или 5 раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам-бюрократам и

потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту? Это шутка хлопотливая, конечно, скажет всякий... Пожалуй, такой-то обидится... Так рассуждают многие, а анекдот рассказать, на это есть сила. И в этих анекдотах, в конце концов, теряется грань между анекдотами и теми сплетнями, которые печатаются в зарубежных журналах меньшевиков и эс-эров. Меньшевики публикуют — «имеем собственных корреспондентов во всех советских учреждениях Москвы»... Сплошь и рядом все анекдоты, которые здесь рассказываются, особенно ходовые в речах парламентской оппозиции, они через несколько дней фигурируют в меньшевистских журналах. Но нужно же знать грань, нужно отличать серьезную борьбу от простого рассказываемого анекдота. Может быть, конечно, когда народ устал, что тот или иной талантливый оратор, рассказав анекдот, дает людям некоторый отдых. С этой точки зрения, я, по личному наблюдению, возражать не могу. Но нельзя этим удовлетворяться, нужно подытоживать опыт относительно того, как вы ловили и сколько вы провели судебных процессов, какой вы получили результат. Если мы так подойдем, то мы выдержим эту войну, хотя эта война куда труднее, чем война гражданская.

Я еще два слова хотел сказать относительно Николаевской губернии. Товарищ из Николаевской губернии дал здесь целый ряд ценнейших указаний. Но эти указания большей частью неразработанные. Он говорит: «Идет мануфактура и железо, но не идет помада»... А другие указывали, что не идет мануфактура. Товарищ напал на мешечников: будучи вынужден проводить свободу торговли, он хочет знать, — как нужно бороться с этим. По-старому бороться нельзя, а по-новому у нас проведена охрана транспорта, принят ряд новых декретов, но, конечно, быстро результатов получить нельзя. Но где по этому поводу ваш местный опыт? У нас есть теперь ряд декретов относительно охраны транспорта не от мешечников, а от «неправильного его использования». Созданы специальные комиссии, чрезвычайные тройки ВЧК и ТЧК, здесь и военное ведомство, НКПС. А у вас на местах какие органы действуют? Как они согласуются между собой? Что делается по поводу жалоб о том, что осилили мешечники? Как они действуют? Вот о чем надо разговаривать. А здесь приходят и жалуются: «Нас осилили мешечники. Мы декретные указания приняли. Может быть, они неправильны, надо их проверить, а как это сделать?». Мы публикуем декреты. Вы их знаете, вы приезжаете, чтобы обсудить их и их практическое применение. Вот в таком-то месте, такая-то транспортная тройка действовала так-то. Тут успешно, там неуспешно. Может

быть, это не такое блестящее будет выступление, как выступление относительно продовольственной диктатуры. Но без этого мы не сможем научиться, как делать меньше ошибок в нашей декретной работе, а это главное.

В заключение перейду к тем выводам, которые, мне кажется, очень правильно намечены тов. Осинским, и которые дают общий итог нашей деятельности. Осинский дал три вывода. Первый вывод— «всерьез и надолго». Я думаю, что он совершенно прав. «Всерьез и надолго» — это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько, ибо, в силу сплетнического обычая, распространяются слухи, что идет политика в кавычках, т.-е. политиканство, что все делается на сегодня. Это неверно. Мы учитываем классовое соотношение и смотрим на то, как должен действовать пролетариат, чтобы вести крестьянство, вопреки всему, в направлении коммунизма. Конечно, приходится отступать, но надо самым серьезным образом, с точки зрения классовых сил, относиться к этому. Усматривать в этом хитрость,—значит, подражать обывателям, мелкой буржуазии, которая живет живучим образом не только за пределами коммунистической партии.

Мы должны выдвигать беспартийных предприимчивых работников. Надо еще и еще раз твердить, что все-таки характер собраний, съездов, конференций и совещаний в коммунистической партии и в Советской России не может быть тем, какой он был в старое время и каким он останется еще у нас, когда обмениваются речами в духе парламентской оппозиции и потом напишут резолюцию. Резолюций у нас накопилось столько, что их никто не только не прочтет, но и не соберет. Мы должны заниматься делом, а не резолюциями. В буржуазном строе делом занимались хозяева, а не государственные органы, а у нас хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика. Можно, конечно, в 999-й раз обругать меньшевиков, и это сделать надо, но все-таки это уже повторение, которым многие из нас занимаются уже 30 лет. И большинству это наскучило.

Вот вопрос о том, как менять в социалистическом государстве мануфактуру, помаду и проч. на хлеб, как сделать, чтобы на счет польской соли лишний пудик муки получить, это во сто раз интереснее. Хотя это не обычно, но надо на партийных собраниях заниматься вопросом об этой предприимчивости. Весь капиталистический мир голоден до чрезвычайности. Что касается соли, помады и др. маленьких опытов,—они ими очень богаты, и если мы будем правильно

применять лозунг местного оборота и инициативы, мы выиграем себе лишние пудики хлеба.

Тов. Гусев ¹¹⁹⁾ дал мне проект положения о коммунистическом производственном кооперативе. Сущность проекта изложена в пятом пункте, где члены кооператива просят обеспечить им «здоровый гигиенический паек». «Здоровый гигиенический паек» — к этому ведет вся наша продовольственная политика. Нужно собрать 240 милл. пуд. хлеба налогом и 150 милл. товарообменом, т.-е. всего 400 милл. пуд., так, чтобы крестьянство чувствовало экономическую устойчивость этой системы сбора.

Разверстки нельзя было продолжать. Эту политику надо было переменить. В этом отношении мы стоим сейчас, может быть, на самом трудном месте нашего строительства. Если сравнить всю работу коммунистической партии с 4-летним курсом высших наук, то наше положение можно определить так, — мы держим переходный экзамен с 3-го на 4-й курс; еще не выдержали его, но по всем признакам выдержим. Если считать по курсам, то первый курс был с 70-х годов прошлого столетия до 1903 г., первоначальный вступительный период от народолюбия, социал-демократии и II Интернационала к большевизму. Это — первый курс.

Второй курс с 1903 года по 1917 год, тут серьезная подготовка к революции и первый опыт революции 1905 г. Третий курс — 1917 по 1921 г., тут 4 года, которые по своему содержанию больше, чем первые 40 лет. Это было испытание весьма деловое, когда пролетариат стал у власти, но это еще не было решительное испытание. Если в нашей песне поют, что «это есть наш последний и решительный бой» то я должен сказать, что, к сожалению это не есть последний, а один из близких к последнему и решительному бою, если уже быть совершенно точным. А теперь мы держим переходный экзамен с 3-го на 4-й курс; а затем нам надо хорошо пройти весь 4-й курс: тогда мы будем, действительно, непобедимы. Мы можем выдержать победу на хозяйственном фронте. Если мы в отношении к крестьянству одержим победу и «здоровый гигиенический паек» соберем в этом году, это будет переходный экзамен с 3-го на 4-й курс. После этого, все то строительство, которое намечается, будет более серьезное.

Вот как стоит задача перед нами. Вот почему я позволю себе, заканчивая, высказать еще и еще раз пожелание, чтобы мы, вопреки трудностям, несмотря на все старые традиции, не разрешающие на съездах, конференциях и хороших парламентских собраниях заниматься местными вопросами мелкой экономики, все же сказали себе: как коммунисты, мы должны будем этим заниматься, мы должны

заниматься учетом практического опыта в хозяйственной работе на низу, где декреты применяются, где их проверяют, где нужно их ошибки исправлять, где нужно начать дело таким образом, чтобы здесь на собрании его подытожить. Тогда наше строительство движется вперед настоящим и прочным образом.

*«Бюллетень Всероссийской
конференции РКП (б.)»
№ 2, 28 мая 1921 г.*

Речь к закрытию конференции.

Товарищи, я думаю, что мне можно ограничиться самым коротким словом. Мы, как вы знаете, экстренно собрали настоящую конференцию, поставив себе главной целью добиться полной ясности между центром и местами, между партийными и всеми советскими работниками насчет экономической политики. Я думаю, что эту задачу конференция безусловно решила. Здесь не раз отмечали товарищи, что тов. Осинский выразил совершенно правильно настроение очень многих и даже, вероятно, большинства партийных работников на местах, когда он сказал, что надо устранить все сомнения, что политика, намеченная X партийным съездом и в дальнейшем подкрепленная декретами и постановлениями, безусловно принимается партией, как политика, подлежащая проведению всерьез и надолго. Это и выразила конференция со всей настойчивостью и дополнила целым рядом пунктов. После того, как товарищи разъедутся на места, не останется ни тени возможности неправильного истолкования. Конечно, когда мы намечаем политику, долженствующую существовать долгий ряд лет, мы ни на минуту не забываем, что международная революция, темп и условия ее развития могут изменить все. В настоящее время международное положение таково, что какое-то временное, неустойчивое, но все-таки равновесие установилось; равновесие такого типа, что империалистические державы при всей своей ненависти и желании броситься на Советскую Россию, от этой мысли отказались, потому что разложение капиталистического мира идет прогрессивно вперед, единение уменьшается и уменьшается, а напор сил со стороны угнетенных колониальных народов, насчитывающих свыше миллиарда населения, с каждым годом, с каждым месяцем, даже недель, становится сильнее. Но гадать на этот счет мы не можем. Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого

исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На этом поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу,— и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным,— быстрым нельзя,— но неуклонным повышением и движением вперед. И мне кажется, что в результате работ нашей конференции мы этой цели безусловно и, во всяком случае, достигли.

*«Правда» № 119,
2 июня 1921 г.*

Об экономических органах на местах.

(Речь на заседании ВЦИК VIII созыва 30 мая 1921 г.)

Товарищи, мне остается добавить очень темного к тому, что сказал тов. Осинский, так как первоначальный проект наказа, который у вас имеется, и основная мысль этого законопроекта уже изложены. Именно потому, что в этом вопросе имеются детали, от установления которых зависит в сущности вся суть дела, решено было не ограничиваться рассмотрением его в СТО и Совнарком, а внести этот вопрос на партийную конференцию, где в принципе наказ был одобрен, и в высший законодательный орган — на сессию ВЦИК. Надо, чтобы местные работники внимательно проверили способы выполнения этого закона, и, может быть, в начале потребуется установление целого ряда дополнительных правил.

Надо, чтобы ни в каком случае эта мера не могла превратиться еще в один из источников усиления бюрократизма. Это, пожалуй, не совсем исключено, если бы мы стали получать чрезмерное количество отчетов, или если бы их способ составления не дал гарантий для возможности проверки. Здесь, товарищи, надо обдумать способы составления отчетов, и, может быть, вы найдете целесообразным выбор специальной комиссии, которая, руководствуясь теми замечаниями, которые будут сделаны здесь, и теми инструкциями и директивами, которые вы дадите, подвергнет вопрос окончательному обсуждению. До сих пор имеется порядочный материал по этому вопросу. Естественно, что если представлять отчеты, то не только экономические органы, но и наркоматы, должны это делать, т.-е. и те наркоматы, которые, не будучи экономическими, тем не менее связаны тесно

с экономической работой. Одна из главных целей печатания отчетов это — сделать их доступными беспартийной массе и населению вообще. Мы не можем этого достигнуть путем массового производства, массового печатания этих отчетов, а только путем сосредоточения в библиотеках. А раз так, то нужно установить такой способ работы, чтобы краткая суть отчетов, суть того, что интересует более всего население, была обязательно печатаема. Технические возможности для этого имеются. Перед тем, как выступить, я навел справку у представителя Главбума. Он представил точный отчет относительно 339 уездных пунктов, показывающий, что в каждом из уездных пунктов типографские возможности имеются, а также есть и количество бумаги для того, чтобы печатать самый краткий отчет. Он при этом рассчитывал таким образом, что наименьший из уездных центров печатает один печатный лист, само собой разумеется, раз в месяц. Раз в месяц — это непомерно часто. Установите ли вы раз в 2 месяца или в 4, или, может-быть, более продолжительный срок — это будет сделано, очевидно, на основании указаний с мест. Число экземпляров он предполагает тысячу, и, таким образом, рассчитывает, что потребное количество бумаги имеется сейчас налицо. Тысячу экземпляров — это обеспечило бы возможность представления этих отчетов не меньше, чем в каждую уездную библиотеку, и, следовательно, возможность ознакомления с этими отчетами всех интересующихся ими и, в частности, беспартийной массы. Конечно, дело придется поставить вначале в виде опыта; ручаться, что оно удастся сразу и не будет никаких недостатков, конечно, нельзя.

В заключение своего небольшого добавления я хочу подчеркнуть одно. Одна из самых важных задач теперь это — широкое привлечение к работе беспартийных и достижение того, чтобы действительно кроме членов партии и, во всяком случае, кроме представителей своего ведомства заинтересована была в работе и привлечена к ней возможно более широкая масса беспартийных. Нам казалось, что сделать это иначе, как путем публикации отчетов, по крайней мере более существенной части их, нельзя. Есть учреждения, которые дают чрезвычайно полные отчеты. Все, что мы знали до сих пор по этому вопросу, доказывает, что есть прекрасно поставленные местные учреждения. Во всяком случае, работа на местах даст постоянно много материала для достаточно бодрого настроения. Чего действительно не хватает у нас, это умения использовать лучшие образцы широко, — их немного у нас, — чтобы сделать их примерами, обязательными для всех. В наших органах печати этого выдвигания действительно образцовых с практическим опытом учреждений на местах нет. Это печатание отчетов,

превращение их в доступные для широких масс населения и сосредоточение их в каждой даже уездной библиотеке должно послужить на пользу при правильном собирании беспартийных конференций, для того, чтобы втянуть более широкие массы в работу хозяйственного строительства. Резолюций об этом принималось немало. Кое-где и кое-что сделано. В общероссийском же масштабе, несомненно, делается далеко недостаточно. Между тем, мы таким образом подтянем учреждения и сделаем то, что каждый сколько-нибудь ответственный работник по строительству на местах будет иметь возможность точно и определенно за своей подписью свой опыт довести до сведения центра и выставить его, как образец. Этого, пожалуй, больше всего сейчас недостает нам.

Что касается того, каким образом мы поставим дальше сводку и изучение этих отчетов, использование их на конференциях, съездах и учреждениях — это будет зависеть от дальнейших показаний опыта. Сейчас самое важное, на основании имеющегося налицо у местных работников опыта, утвердить этот декрет и дать в виде опыта возможность испытать его так, чтобы к предстоящему всероссийскому съезду (приблизительно в декабре текущего года) мы обязательно имели бы некоторые результаты, которые показали бы, как следует эту меру на основании опыта развешать, совершенствовать, изменять и дополнять.

*«Стенографический отчет
сессии ВЦИК VIII созыва».
Госиздат. 1921 г.*

Речь на Всероссийском продовольственном совещании.

(Заседание 20 июня 1921 г.)

Товарищи, прежде всего позвольте приветствовать ваше совещание и от имени Совнаркома и от имени Центрального Комитета РКП.

Нам всем, конечно, понятно, почему такое особое внимание должно быть уделено вашему совещанию не только продовольственными работниками, но и всеми советскими и партийными, и всей партией, и всеми вообще, кто сколько-нибудь сознательно относится к судьбам Советской республики и к стоящим перед нею задачам. Ваше совещание собирается в момент совершенно исключительной важности, и в этом отношении никоим образом к обычным текущим продовольственным совещаниям, которые вы не раз имели и не раз еще иметь будете, приравнено быть не может.

Совершенно исключительная важность теперешнего вашего совещания объясняется двумя обстоятельствами. Прежде всего это то непредвиденное обстоятельство, которого мы опасались и которое вот уже второй год опять подвергает страну чрезвычайно опасным бедствиям: вступили ли мы в целую полосу засушливых лет, как это нам второй год предсказывают, этого мы еще не знаем, но что второй год мы опять-таки в значительных районах будем переживать сильнейший неурожай и хлебов и трав, это уже выяснилось и рисует нам картину громадной опасности. Не буду сейчас останавливаться на том, как велик тот район, который, по имеющимся сводкам относительно урожая хлебов и трав, охвачен теперь неурожаем. Во всяком случае, этот район значителен. Во всяком случае, мы имеем перед собой уже картину того, что громадный недочет получится в целом ряде губерний от продовольственного налога, что в целом ряде губерний, кроме того, население попадет в положение безвыходное, неслыханно тяжелое, и продовольственным работникам придется, вместо того, чтобы взять с этих губерний известное количество излишков для содержания армии, рабочего класса и промышленности, — придется помогать этим губерниям, помогать голодающим. Задачи, которые таким образом падают на продовольственных работников, сверх всех наших расчетов увеличивают тяжесть той работы, которая на вас лежит. Это первое обстоятельство.

Второе обстоятельство, которое не представляет из себя явления настолько неожиданного, это — переходный, переломный момент во всей продовольственной политике. Мы теперь в первый раз вступаем в продовольственную кампанию, в первый раз собираемся, чтобы подытожить опыт местных работников по продовольственной работе и готовиться к выполнению лежащих на продовольственных работниках задач в условиях, когда продовольственная политика радикально изменилась, когда Советская власть должна была изменить не только продовольственную политику, но во многих отношениях самые основы своей экономической политики, когда необыкновенно тяжелое положение крестьянства в прошлом году и затем выяснившаяся невозможность быстрого восстановления крупной промышленности заставили нас перенести всю государственную работу на иные рельсы.

Учесть необходимость, считаться с тяжелым положением страны, с невозможностью быстро восстановить крупную промышленность, значит приготовиться к тому, что мелкое крестьянское хозяйство во что бы то ни стало, какой угодно ценой, поднять из положения критического в положение сносное, поднять для этого мелкую про-

мышленность, местную промышленность, пойти в этом отношении на такие меры, которые, укрепляя сейчас же мелкое хозяйство, дадут ему возможность мелкой торговли и тем самым расширят область применения капитала, а тем самым ставят всю Советскую власть и самые ее основы и всю ее экономическую политику на иные рельсы.

Вы прекрасно знаете, каких трудов в течение трех лет стоило нам всем и вам в первую голову упрочить сколько-нибудь продовольственный аппарат для того, чтобы наладить его для выполнения хотя бы минимальных задач, хотя бы самых необходимых. И поэтому нечего говорить вам, непосредственно и близко наблюдавшим и переживавшим самим это, что представляет собою быстро перестроить и по-новому наладить всю работу, что значит организовать в обстановке, которая еще подлежит испытанию, и в то же время решить задачу получения большего количества продовольственных продуктов. Вы знаете все сами. Из года в год, несмотря на страшные, неслыханные, иногда печеловеческие трудности гражданской войны, из года в год продовольственная политика давала результаты для всех наглядные и очевидные, улучшавшиеся и повышавшиеся гораздо быстрее, чем можно было это доказать на практических итогах какой-нибудь другой области советской работы. Но вы, конечно, также знаете, что, хотя мы со 110 милл. в первый год подняли, благодаря напряжению и усилению продовольственных работников, заготовки до 280 милл. и выше, — вы все прекрасно знаете, что этого недостаточно.

Теперь мы в первый раз вступаем в большую продовольственную кампанию при условии, что белогвардейских войск и неприятельских полчищ на территории РСФСР нет. Но и это приходится сопровождать некоторыми оговорками: за исключением начинающейся интервенции японцев в Дальне-Восточной республике, т.-е. опять-таки, в первый же год, когда мы можем сказать, что в общем и целом с гражданской войной мы покончили, — тут сейчас же становится всем ясно, что мы окружены международной буржуазией, которая получила весьма внушительный урок от Красной армии, но которая вовсе не прекратила своих попыток возобновить нашествие, в прямой или прикрытой, в систематичной или урывочной форме, при первом же удобном случае. Так что и на этот счет полного обеспечения у нас никоим образом нет. Но, кроме того, вы знаете, что самый переход от войны к хозяйству, тот переход, о котором мы так долго говорили, которому мы посвятили несколько партийных конференций и съездов, этот переход сам по себе просто, как переход, создал новые громадные трудности, потому что при разрушенном аппарате, при расстроенном транспорте самый переход от старой большой армии, стоявшей на

границе в боевом порядке, к армии мирного времени создал громадные трудности, с которыми мы, повидимому, в главной части справились, и все же всякий, знающий дело, не усомнится в том, что немалое количество трудностей еще осталось.

Вот почему я и говорю, что значение настоящего продовольственного совещания совершенно исключительное, что оно должно решить вопросы не только специально продовольственные, что ваше внимание, ваши усилия требуются теперь для республики не только как продовольственных работников, как людей, взявших на себя от Советской власти громадной важности задачу по снабжению продовольствием населения, — этого мало. От вас, как партийных работников, требуется напряжение сил для того, чтобы решить целый ряд заданий, намеченных только в виде директив, решений, вынесенных высшими органами Советской власти и партийной организацией. А вы сами знаете, как далеко от общего решения, от общих директив до практического претворения в нечто реальное, что это означает громадные тяжести, которые должны взять на себя работники, чтобы успешнее выполнить эти принципиальные указания, выполнить так чтобы они не оставались только на бумаге написанными, что, к сожалению, не так уж редко в Советской России встречается.

Я бы хотел напомнить решение последней партийной конференции работавшей специально по вопросу о новой экономической политике. Партийная конференция была собрана экстренно для того, чтобы всем товарищам внушить полную уверенность в том, что эта политика, как говорили на конференции, решена всерьез и надолго, что никаких колебаний на этот счет впредь не будет. А колебаний было не мало, неуверенности было не мало. И вот партийная конференция, как высший орган, руководящий правительственной партией, руководящая власть рабочего класса, подчеркивает, какое значение имеет собрание крупного продовольственного фонда в 400 миллионов пудов. Она подчеркивает, что все значение продовольственной политики, переход к допущению в значительных размерах свободной торговли, сводится для нас к тому, чтобы создать большой продовольственный фонд, крупные государственные запасы. Без этого ни восстановления крупной промышленности, ни восстановления денежного обращения не может быть, а всякий специалист понимает, что без восстановления крупной промышленности, единственной реальной основы, о социалистическом строительстве не может быть и речи.

Страна неслыханно разорена. И прежде, до войны империалистской, она была более отсталой, после войны она была разорена

больше, чем другие, и еще три года несла неслыханные тяжести войны с буржуазией и помещиками. Побежденные страны, с которыми может быть сравнена Россия, как Сербия и Австрия, где промышленность разорена не меньше, а иногда и больше, чем в России, — эти страны находятся в положении совершенно отчаянном, совершенно безвыходном. Рассчитывая на помощь буржуазии, потому что они не поднимали против нее войны, они придавлены двояко — голодом, разорением, обнищанием, как мы, и сознанием того, что их положение беспомощно, что они ставили ставку на буржуазию и гибнут, не имея шансов на поддержку. Мы же, при всех неслыханных трудностях, видим и ясно сознаем, и рабочие, и крестьянские массы ясно видят, что, несмотря на неслыханные трудности, новые силы являются. Каждая трудность выдвигала новые силы, порождала новые источники энергии, указывала новые пути. Работа этих сил доказывала нам, что как ни дьявольски медленно, но мы идем вперед, что как иногда ни невероятно мучительно дается преодоление трудностей, мы их преодолеваем. Растет сознание, что строятся хозяйственные отношения на совершенно иных основах, что трудящийся класс, как ни велики его страдания, решает все вопросы без помощи капиталистов шаг за шагом, день за днем идет против них и отвоевывает одну позицию за другой.

Вот, товарищи, что, казалось бы мне, представляет сущность, смысл, итог решений партийной конференции. И я этим особенно хотел бы подчеркнуть, до какой степени сейчас данное совещание есть не только совещание специалистов, но партийных и советских деятелей, которым на практике приходится новые формы экономической политики, фундамент всего советского здания строить в условиях чрезвычайно трудных.

Строить приходится двояко: посредством налога, во-первых, и товарообмена, во-вторых. Налог определен был, в предположении среднего урожая, в 240 миллионов пудов, — сумма, которая недостаточна даже для скудного прокормления необходимой армии и совершенно необходимых промышленных предприятий, сумма, которую не только при грозящем нам неурожае, но и вообще собрать полностью, в 100 проц., представляет из себя задачу громадной трудности.

Я не имею под рукою точных данных, как изменился по районам за три года нашего продовольственного опыта процент выполнения наших планов и наших заданий в области продовольственной работы. Но что аппарат, созданный совместными усилиями, был лучше, чем в целом ряде других наших наркоматов, что здесь мы имеем постоян-

ное повышение работоспособности, — это всем известно. И я считаю неопровержимым, что в этом году, когда этой работе уделено большое внимание, мы процент выполнения тех заданий, которые на нас республика возлагает, поднимем. Если не 100, то почти 100 проц. мы выполнить должны, и мы можем это выполнить, даже при тех трудностях, которые поставил перед нами грозящий неурожай. Может быть, не миллионов пудов, но, может быть, недобор будет исчисляться десятками миллионов пудов, но, может быть, недобор уравнивается тем приростом продналога, который обещают дать местности, где урожай прошел особенно хорошо.

Товарищи, урожай с состоянием продовольственного аппарата не считается и не доставил нам удовольствия быть особенно хорошим там, где особенно хорош продовольственный аппарат. Если посмотреть на карту с видами на урожай, то окажется, что те местности РСФСР и других соседних и братских республик, где урожай обещает быть особенно хорошим или выше среднего, что как раз там продовольственный аппарат никоим образом не выше среднего, а даже ниже. Задачу переброски сил продовольственного аппарата придется поставить особенно энергично, а для этой переброски мы мало знаем людей, которые достаточно подготовлены, достаточно опытные и которые сели бы на новое место и, приспособившись сразу, быстро двинули бы работу. Это дело, которое требует все нового и нового внимания.

Что самое важное и что партийная конференция выдвинула на первый план и что решено последним партийным съездом, это — задача товарообмена. Самое большое внимание у всех, кто стоит в центре советской и общепартийной работы в Москве, самое большое внимание, самую большую заботу вызывает этот вопрос. Насколько нам удалось к этому подготовиться, что тут практически сделано, что из этих планов осуществилось, — это вопрос, который вам первым придется решить уже на основании действительного знакомства с делом. Здесь обмен вашего практического опыта, подведение ему итога имеет особенно важное, особенно существенное значение.

Дело новое, оно требует еще большей переброски сил. Оно требует не того, что требовалось раньше от продовольственного аппарата: более или менее однообразной, возможно правильно работающей машины, имеющей задачей собрать определенное количество продовольствия, и все. Нет, здесь надо учесть различие местностей, различие требований на товар, различие эквивалента. Нужно приспособиться не к тому, что Советская власть требует, и что советский аппарат может выполнить. Нет, вы должны приспособиться к хозяй-

ственным условиям жизни мелких земледельцев, вы должны учесть, в чем у них нужда и в чем их потребности удовлетворены. Вы боролись с мешечничеством, с торговлей, обходящей распоряжения государства. Вы должны против нее вести борьбу и сейчас. Но, чтобы осуществить товарообмен и не быть побитыми вольным рынком, — не быть побитыми этой свободной торговлей, мы должны ее хорошо знать, состязаться с ней и побивать ее же собственным козырем, ее же собственным орудием, — для этого надо знать его.

Нам нужны не старые бюрократические средства, а нужен учет торговых условий, нам нужно точное их знание, умение быстро всякие изменения учитывать. Для этого нам нужна быстрая переброска и средств продовольствия, и предметов обмена на громадном пространстве РСФСР. Трудности перед нами очень велики. Но это — основа всей новой экономической политики на то время, пока мы не восстановим крупной промышленности полностью, а это время может исчисляться не меньше, как десятком лет, и мы на это время должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином, пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности.

Надо считаться с мелким хозяином, который излишки свои продает, надо считаться и с тем, что городское население, рабочие должны улучшить свое положение. Без этого мы в нашей дальнейшей строительной работе, которая упрочит переход к социализму настолько, что нельзя будет повернуть назад, — успеха не достигнем. Вот почему задача товарообмена сейчас есть самый важный вопрос всей нашей экономической политики. Над этим нам придется поработать, и как продовольственникам, и как экономическим работникам, и как сотрудникам кооперации. Вот чего от вас ждет Советская власть, вот чего ждет от вас партия и вся республика, потому что от вашего отношения к этой работе, от вашего успеха зависит самая главная ставка всей Советской республики, всего социалистического строительства в настоящее время.

Товарищи, я должен, в заключение, отметить, что на вашей конференции лежит одна специальная задача: учесть вопрос, поставленный в мае перед политбюро ЦК партии и решенный после обсуждения в ЦК на Всероссийском съезде профсоюзов. Это — вопрос о том, чтобы с надлежащей осторожностью и постепенностью, но все же пе-

медленно стать на путь испытания коллективного снабжения. В нашем распределении продовольствия оказались недостатки, и дальше так оставаться не может. То распределение продовольствия, которое мы основывали на началах уравнилельных, создавало уравнилельность, иногда вредную для того, чтобы повысить производство. Нужно, чтобы республика на собранные его хлебные излишки содержала лишь то, что необходимо для производства. Всех предприятий нашей промышленности мы содержать не можем, но нам это и не нужно: это значило бы хозяйничать расточительно. Восстановить крупную промышленность целиком мы не можем; значит надо из нее выделить то, что лучше оборудовано, что обещает большую производительность, и только это надо содержать.

Продовольственники не могут ограничиться тем, чтобы думать, что столько-то миллионов пудов мы получим, по таким-то нормам хотя бы по тем же карточкам, распределим их, и баста; дальше дело не мое. На очереди объединение деятельности всех экономических наркоматов. Не только то, что касается непосредственно продовольственников, но вся сумма хозяйственной деятельности — вот что должно интересовать всякого сознательного продовольственника. Требования к нему повышаются.

Быть только продовольственником нельзя. Надо быть экономистом, оценивающим каждый соответствующий шаг работы в связи с работой всех экономических наркоматов и всех результатов этой работы.

Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства. Необходимо давать государственное содержание продовольствием только тем служащим, которые действительно нужны в условиях наибольшей производительности труда, и если распределять продовольственные продукты, как орудие политики, то в сторону уменьшения числа тех, которые не безусловно нужны, и поощрения тех, кто действительно нужен. Если распределение является орудием политики, восстанавливающей нашу промышленность, то необходимо содержать те промышленные предприятия, которые сейчас действительно нужны, и безусловно не содержать те предприятия, которые нам сейчас не нужны, чтобы этим получить экономию топлива, экономию продовольственных продуктов. Мы в этом отношении хозяйничали в течение целого ряда лет с громадными недостатками. Теперь надо их исправить.

Вы видите, что чем больше вникаешь в дело, тем шире и шире развивается сеть задач, которые ставятся перед вашим продовольственным совещанием. Надеюсь, однако, что никто из вас не почувствует себя запуганным от сознания сложности этих задач, что, напротив, те необычайные задачи, которые стоят перед вами, как перед советскими работниками и перед партийными работниками, пробудят в вас новую энергию, чтобы эти задачи решить. Опыт прошлой работы в других наркоматах может наглядно показать, что имеется необходимость непрямого комбинирования работы советской и работы партийной. Целый ряд очередных боевых заданий продовольственниками мог быть выполнен в условиях необычайно трудных лишь благодаря тому, что приходилось действовать путем далеко не всегда общеупотребительным, путем экстренных мероприятий, путем приложения методов ударности и боевого порядка, необычайной деятельности и советских учреждений и партийных органов. Повторяю, именно фундаментальная основа нашей экономической политики и составляет главное задание вашего продовольственного совещания. На это должно быть обращено все ваше внимание.

В заключение позвольте выразить уверенность, что путем объединения сил в том направлении, по которому мы идем, вам удастся укрепить основы успешной экономической политики, которая создаст союз рабочего класса и крестьянства, двух основных классов, на которых покоится Советская власть, тот хозяйственный союз, который один будет в состоянии обеспечить нам успех всего нашего социалистического строительства.

*«Правда» № 133 и 134,
22 и 23 июня 1921 г.*

III КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

22 июня—12 июля 1922 г.

Итальянский вопрос.

(Заседание 28 июня 1921 г.)

Товарищи, я хотел бы ответить в особенности тов. Лаццари ¹²⁶⁾. Он сказал: «Приводите конкретные факты — не слова». Великолепно. Что же, если мы проследим развитие реформистско-оппортунистской тенденции в Италии, это будут слова или факты? В ваших речах и во всей вашей политике вами упускается из виду многозначительное для социалистического движения в Италии обстоятельство, что не только эта тенденция, но и оппортунистско-реформистская группа существует уже в течение долгого времени. Мне еще хорошо памятно то время, когда Бернштейн ¹²¹⁾ начал свою оппортунистическую пропаганду, закончившуюся социал-патриотизмом, изменой и банкротством II Интернационала. Еще с тех пор Турати ¹²²⁾ известен нам не только по имени, но и по пропаганде в итальянской партии, итальянском рабочем движении, дезорганизатором которого он был в течение 20 лет, истекших с того времени. Недостаток времени лишает меня возможности основательно изучить материалы, касающиеся итальянской партии, но одним из наиболее важных документов я считаю помещенный в одной из буржуазных итальянских газет — не помню уже, в «Стампа» ¹²³⁾ или в «Корриере делла Сера» ¹²⁴⁾ — отчет о конференции Турати и его друзей в Реджио-Эмилии. Я сравнил его с тем, что было опубликовано в «Аванти» ¹²⁵⁾. Не является ли это достаточным доказательством? После второго конгресса Коммунистического Интернационала мы в споре с Серрати ¹²⁶⁾ и его друзьями открыто и точно сказали им, какова, по нашему убеждению, ситуация. Мы заявили им, что итальянская партия не может сделаться коммунистической до тех пор, пока она еще терпит в своих рядах людей подобных Турати.

Что же это — политические факты или опять же одни слова? А когда мы после II конгресса Коммунистического Интернационала открыто заявили итальянскому пролетариату: не вступайте в объединение с реформистами, с Турати, и когда Серрати начал печатать

в итальянской прессе ряд статей против Коммунистического Интернационала и созвал особое совещание реформистов, — разве это слова? Это было больше, чем расколом, это было уже созданием новой партии. Надо было быть слепым, чтобы не видеть этого. Документ этот имеет решающее значение для решения этого вопроса. Все, принимавшие участие в конференции в Реджио-Эмилии, должны быть исключены из партии: они меньшевики, не русские, но итальянские меньшевики. Лаццари сказал: «Мы знаем психологию русского народа». Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе, но это не важно. «Итальянские социалисты хорошо понимают дух итальянского народа», — сказал Лаццари. Возможно, не спорю. Но итальянский меньшевизм, если считаться с конкретными данными и их упорным нежеланием его искоренить, им не знаком. Мы вынуждены сказать: необходимо — хотя это и печально — подтвердить резолюцию нашего Исполкома.

В состав Коммунистического Интернационала не может входить партия, терпящая в своих рядах оппортунистов и реформистов, вроде Турати.

«Зачем изменять название партии?» — спрашивает тов. Лаццари, — «оно достаточно хорошо». Мы, однако, не можем разделять подобного взгляда. Нам известна история II Интернационала, его падения и банкротства. Разве нам неизвестна история немецкой партии? И разве мы не знаем, что величайшее несчастье рабочего движения в Германии в том, что между рабочим движением и партией не был произведен разрыв еще до войны? Это стоило ему жизни 20.000 рабочих, выданных шейдемаповцами и центристами немецкому правительству путем полемики и жалоб на немецких коммунистов.

И разве теперь не ту же самую картину мы видим перед собою в Италии? Итальянская партия никогда не была истинно-революционной партией. Величайшее несчастье ее в том, что она не порвала с меньшевиками и реформистами еще до войны, а продолжала оставаться в партии. Тов. Лаццари говорит: «Мы вполне признаем необходимость разрыва с реформистами; единственное расхождение заключалось только в том, что мы не считали нужным совершить его на Ливорнском конгрессе». Но факты говорят другое. Мы не в первый раз обсуждаем вопрос об итальянском реформизме. В прошлом году, споря об этом с Серрати, мы спросили его: «Извините, но почему раскол в итальянской партии не может быть произведен сейчас же, почему он должен быть отложен?». Что же Серрати ответил нам на это? Ничего. И, цитируя статью Фроссара, в которой говорится о том, что «необходимо быть ловким и умным», тов. Лаццари, очевидно,

видит здесь аргумент в пользу себя и против нас. Я думаю, что он ошибается. Наоборот, это превосходный довод в нашу пользу и против тов. Лаццари. Когда он вынужден будет объяснить итальянским рабочим свое поведение и свой уход, что скажут последние? Если они признают нашу тактику умной и ловкой по сравнению с зигзагами мнимой коммунистической левой, — той левой, которая не всегда является даже просто коммунистической, напоминая гораздо чаще анархизм, — что же вы ответите им?

Что значат все рассказы Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали? Мы требуем как раз противоположного. Недостаточно знать наизусть коммунистические резолюции и при всяком случае употреблять революционные обороты. Этого мало, и мы заранее против коммунистов, знающих наизусть ту или иную резолюцию. Первым условием истинного коммунизма является разрыв с оппортунизмом. С теми коммунистами, которые подписываются под этим, мы будем говорить вполне свободно и открыто, и с полным правом и мужеством мы скажем им: «Не делайте никаких глупостей, будьте умны и искусны». Но так мы будем говорить только с теми коммунистами, которые порвали с оппортунистами, чего о вас еще нельзя сказать. И поэтому повторяю: я надеюсь, что конгресс утвердит резолюцию Исполнительного Комитета. Тов. Лаццари сказал: «Мы находимся в подготовительном периоде». Это сущая правда. Вы находитесь в подготовительном периоде. Первым этапом этого периода является разрыв с меньшевиками, подобный тому, какой мы совершили в 1903 году с нашими меньшевиками. И от того факта, что немецкая партия не порвала с меньшевиками, страдает весь немецкий рабочий класс в течение долгого и утомительного послевоенного периода в истории германской революции.

Тов. Лаццари говорит, что итальянская партия переживает подготовительный период. Я вполне признаю это. И первым этапом является серьезный, окончательный, недвусмысленный и решительный разрыв с реформизмом. И тогда масса станет всецело за коммунизм. Второй этап отнюдь не будет заключаться в повторении революционных лозунгов. Он будет заключаться в принятии наших умных и искусных решений, которые всегда будут таковыми, и которые всегда будут повторять: «Основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран».

Революция в Италии будет протекать иначе, чем в России. Она начнется иным образом. Каким именно? Ни вы, ни мы не знаем этого. Итальянские коммунисты не всегда являются в достаточной мере коммунистами. Во время занятия фабрик в Италии, проявил ли себя

хоть один коммунист? Нет, коммунизма не существовало еще тогда в Италии; можно говорить об известном анархизме, но никак не о марксистском коммунизме. Последний только должен быть создан, привит рабочим массам путем опыта революционной борьбы. И первым шагом на этом пути является окончательный разрыв с меньшевиками, в течение более 20 лет зрелыми и теперь вполне созревшими для сотрудничества с буржуазным правительством. Очень может быть, что Модильяни¹²⁷⁾, которого я имел случай наблюдать немного на циммервальдской и кинтальской конференциях, достаточно ловкий политик, чтобы не вступать в буржуазное правительство, а оставаться в центре социалистической партии, где он может приносить буржуазии гораздо больше пользы. Но уже вся теоретическая позиция, вся пропаганда, вся агитация группы Турати и его друзей являются сотрудничеством буржуазии. Не доказано ли это многочисленными цитатами, приведенными в речи Джешнари¹²⁸⁾? Да, это тот единый фронт, который подготовил уже Турати.

Поэтому я должен сказать тов. Лаццари: речами, подобными вашей и той, которую держал здесь тов. Серрати, революция не подготавливается, а дезорганизуется.

В Ливорно у вас было значительное большинство. У вас было 98.000 голосов против 14.000 реформистских и 58.000 коммунистических голосов. Для начала чисто-коммунистического движения в стране, подобной Италии с ее известными традициями, без достаточной подготовки раскола, указанное число означает для коммунистов большой успех.

Это большая победа, ошутительное доказательство, иллюстрирующее тот факт, что рабочее движение в Италии будет развиваться быстрее, чем наше движение в России, потому что, если вы знаете цифры, относящиеся к нашему движению, то вы знаете, что в январе 1917 года, после падения царизма, и во время буржуазной республики мы составляли еще меньшинство по отношению к меньшевикам. Так было после 15 лет ожесточенной борьбы и расколов. У нас не вышло правого крыла, и это не было так просто, как вы думаете, говоря о России в пренебрежительном тоне. Безусловно, в Италии развитие пойдет совершенно иначе.

После 15 лет борьбы с меньшевиками и после падения царизма мы начинали работать с гораздо меньшим числом сторонников. У вас 58 тысяч коммунистически настроенных рабочих против 98 тысяч объединенных центристов, занимающих неопределенную позицию. Это доказательство, факт, который безусловно должен убедить всех тех, кто не хочет закрывать глаза на массовое движение итальянских

рабочих. Все не приходит зараз. Но это уже является доказательством, что рабочие массы, не старые вожди, не бюрократы, не профессора, не журналисты, но действительно эксплуатируемый класс, авангард эксплуатируемых стоит за нас. И это показатель той крупной ошибки, которую вы совершили в Ливорно. Это факт. Вы располагали 98 тыс. голосов, но вы предпочли пойти с 14 тысячами реформистов против 58 тысяч коммунистов. Даже если бы эти коммунисты не были бы действительными коммунистами, если бы они были только сторонниками Бордиги ¹²⁹⁾ — что неправда, так как Бордига после II конгресса совершенно лояльно заявил, что он отказывается от всякого анархизма и антипарламентаризма, — вы должны были пойти с ними. Что вы сделали? Вы предпочли объединение с 14 тыс. реформистов и разрыв с 58 тыс. коммунистов, но это самое лучшее доказательство, что политика Серрати была несчастьем для Италии. Мы никогда не хотели, чтобы Серрати в Италии подражал русской революции. Это было бы глупо. У нас достаточно ума и гибкости, чтобы избегнуть этой глупости. Но Серрати доказал, что он был неправ в своей политике в Италии. Может быть, он должен был лавировать. Это то выражение, которое он здесь год тому назад чаще всего повторял. Он говорил: «Мы умеем лавировать, мы не хотим рабского подражания. Это было бы идиотизмом. Мы должны будем лавировать, чтобы вызвать отделение от оппортунизма. Вы, русские, вы не можете этого делать. Мы, итальянцы, способнее в этом отношении. Мы еще посмотрим». И что же мы увидели? Серрати великолепно лавировал. Он порвал с 58 тысячами коммунистов. А теперь товарищи приезжают сюда и говорят: «Если вы нас оттолкнете, массы запутаются». Нет, товарищи, вы ошибаетесь. Рабочие массы в Италии запутались сейчас, и им пойдет на пользу, если мы им скажем: выбирайте, товарищи, выбирайте, итальянские рабочие, между Коммунистическим Интернационалом, который никогда не потребует, чтобы вы рабски подражали русским, и между меньшевиками, которых мы знаем в течение 20 лет, и которых мы никогда не потерпим в качестве соседей в подлинном революционном Коммунистическом Интернационале. Вот что мы скажем итальянским рабочим. Результат не подлежит сомнению. Рабочие массы пойдут за нами.

*«III Всемирный конгресс
Коммунистического Интернационала.
Стенографический отчет».
Госиздат, 1922 г.*

Защита тактики Коммунистического Интернационала.

(Заседание 1 июля 1921 г.)

Товарищи, к моему большому сожалению, я должен ограничиться самообороной. Я говорю: к большому сожалению, потому что после ознакомления с речью тов. Террачини¹³⁰) и с поправками, внесенными тремя делегациями, мне очень хотелось перейти в наступление. Ибо против таких взглядов, которые защищал Террачини и эти три делегации, собственно, непременно нужно вести наступательные действия. Если конгресс не будет вести решительного наступления против таких ошибок, против таких «левых» глупостей, то все движение осуждено на гибель. Таково мое глубокое убеждение. Но мы — организованные и дисциплинированные марксисты. Мы не можем удовлетвориться речами против отдельных товарищей. Нам, русским левым, эти фразы уже до тошноты надоели. Мы — люди организации. При выработке наших планов, мы должны идти организованным путем и пытаться найти верную линию. Конечно, ни для кого не секрет, что наши тезисы являются компромиссом. А почему бы и не так? Среди коммунистов, созывающих уже III конгресс, выработавших определенные основоположения, при известных условиях компромиссы необходимы. Наши тезисы, предложенные русской делегацией, были изучены и подготовлены самым тщательным образом и явились результатом долгих размышлений и совещаний с различными делегациями, имея своей целью установление основной линии Коммунистического Интернационала, и необходимы особенно теперь, после того, как мы не только формально осудили настоящих центристов, но и исключили их из партии. Таковы факты. Я должен эти тезисы взять под свою защиту. И когда теперь приходит Террачини и говорит: мы должны продолжать борьбу против центристов, и рассказывает, как эту борьбу собираются вести, то я говорю, что если эти поправки должны означать известное направление, то *необходима беспощадная борьба против этого направления*, потому что в противном случае нет коммунизма и нет Коммунистического Интернационала. Меня удивляет, что КРПГ не подписалась под этими поправками. Потому что, послушайте, что защищает Террачини, и что говорят эти поправки.

Поправки начинаются таким образом:

1 стр., 1-й столбец, 19 строчку следует зачеркнуть.

«Большинство»... Большинство! Это будет уже совсем опасно! Затем дальше: «вместо слов «основные положения» следует поста-

вить «цели». Основные положения и цели — две разные вещи: в целях с нами будут согласны и анархисты, потому что и они стоят за уничтожение эксплуатации и различия классов.

Я в своей жизни встречался и разговаривал с немногими анархистами, все же их было достаточно. Мне подчас удавалось столкнуться с ними о целях, но никогда о принципах. Принципы — это не цель, и не программа, и не тактика, и не теория. Тактика и теория — это не принципы. Что отличает нас от анархистов в отношении принципов? Принципы коммунизма заключаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но его целью это отнюдь не является. И товарищи, внесшие такое предложение, совершили ошибку.

Во-вторых, там сказано: «Следует зачеркнуть слово «большинство». Прочтите все: «III конгресс Коммунистического Интернационала приступает к пересмотру вопросов тактики в условиях, когда в целом ряде стран объективное положение обострилось в революционном смысле и когда организовался целый ряд коммунистических массовых партий, нигде, впрочем, не взявших в свои руки фактического руководства большинством рабочего класса в их действительной революционной борьбе». И вот, хотят слово «большинство» зачеркнуть. Если мы не можем договориться о таких простых вещах, то я не понимаю, как мы можем работать вместе и вести пролетариат к победе. Тогда нечего удивляться, что мы не можем прийти к соглашению по вопросу о принципах. Укажите мне такую партию, которая бы уже овладела массой рабочего класса. Террачини и не подумал о том, чтобы привести какой-нибудь пример. Да такого примера и не существует.

Итак, вместо «принципов» поставить слово «цели», слово «большинство» вычеркнуть. Благодарю покорно! Мы на это не пойдем. Даже немецкая партия — одна из лучших — не имеет за собою большинства рабочего класса. Это — факт. Мы, стоящие перед самой тяжелой борьбой, не боимся сказать этой правды, здесь же имеются делегации, которые хотят начинать с неправды, потому что если конгресс зачеркнет слово «большинство», то этим он покажет, что он хочет неправды. Это совершенно ясно.

Затем идет поправка следующая: стр. 4-я, столб. 1-й. строка: «Слова «Открытое письмо» и т. д. следует вычеркнуть». Я сегодня уже слышал одну речь в которой я нашел ту же мысль. Там это было вполне естественно. То была речь тов. Эмпеля¹³¹⁾ члена КРПГ. Он сказал: «Открытое письмо было актом оппортунизма». К моему

величайшему сожалению и глубокому стыду, я слышал уже подобные взгляды частным образом. Но когда на конгрессе после столь длинных дискуссий «Открытое письмо» объявляется оппортунистическим, — это стыд и позор! И вот является тов. Террачини от имени трех делегаций и хочет вычеркнуть слово «Открытое письмо». К чему тогда борьба против КРПГ? «Открытое письмо» является образцовым политическим шагом. Так сказано в наших тезисах. И мы должны это безусловно отстаивать. Оно является образцовым, как первый акт практического метода привлечения большинства рабочего класса. Кто в Европе, — где почти все пролетарии сорганизованы — не понимает, что мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения, тот никогда ничему не научится, если он в течение трех лет великой революции еще не научился этому.

Террачини говорит, что в России мы победили, хотя партия была так мала. Он недоволен, что по отношению к Чехо-Словакии сказано то, что говорится в тезисах. Здесь 27 поправок и если бы я их вздумал критиковать, то я должен был бы уподобиться ораторам, которые говорят в продолжение трех часов... Здесь говорят, что в Чехо-Словакии коммунистическая партия насчитывает от 300 до 400 тысяч членов. Необходимо привлечь большинство из собранных сил, создать непобедимую силу и продолжать привлечение новых рабочих масс. Террачини уже готов к нападению. Он говорит: если в партии уже имеется 400 тыс. рабочих, то зачем нам еще? Вычеркнуть! Он боится слова «массы» и хочет его вычеркнуть. Тов. Террачини немного понял в русской революции.

Мы были в России маленькой партией, но с нами было помимо того и большинство Советов рабочих и крестьянских депутатов во всей стране. Где это у вас? С нами была почти что половина армии, в которой тогда числилось, по меньшей мере, 10 миллионов человек. Разве за вами большинство армии? Укажите мне такую страну! Если эти взгляды тов. Террачини разделяются еще тремя делегациями, тогда в Интернационале не все в порядке! Тогда мы должны сказать: Стой! Решительная борьба! Иначе Коммунистический Интернационал погиб.

На основании имеющегося у меня опыта я должен сказать, — хотя и занимаю оборонительную позицию, — что целью моей речи и принципом моей речи является защита резолюции и тезисов, предложенных нашей делегацией. Конечно, было бы педантичным сказать, что нельзя изменить ни одной иоты. Мне приходилось читать немало резолюций и мне хорошо известно, что, быть может, в каждую строку,

можно было бы внести прекрасные поправки. Но это было бы педантично. Если же я теперь все-таки заявляю, что в политическом смысле не может быть изменено ни иоты, то происходит это потому, что я вижу, что поправки носят совершенно определенный политический характер, потому что они вступают на путь, вредный и опасный для Коммунистического Интернационала. Поэтому я должен, и должны мы, вся русская делегация, настаивать на том, чтобы ни одна иота не была изменена в тезисах. Мы не только осудили наши правые элементы, мы их изгнали. Но если из борьбы против правых устраивают спорт, как Террачини, то мы должны сказать: Довольно! Иначе опасность слишком велика.

Террачини защищал теорию наступательной борьбы. Пресловутые поправки предлагают по этому поводу формулировки длиною в 2—3 страницы. Нам нет нужды их читать. Мы знаем, что там написано. Террачини сказал совершенно ясно, о чем идет речь. Он защищал теорию наступления, указывая на «динамические тенденции» и на «переход от пассивности к активности». Мы в России имеем уже достаточный политический опыт борьбы против центристов. Уже 15 лет тому назад мы вели борьбу против наших оппортунистов и центристов, а также против меньшевиков, и мы одержали победу, — не только над меньшевиками, но и над полуанархистами.

Если бы мы этого не сделали, то мы были бы не в состоянии удержать власть в своих руках не только в течение 3½ лет, но и 3½ недель, и не могли бы устраивать здесь коммунистического конгресса. «Динамические тенденции», «переход от пассивности к активности», — все это фразы, которые пускали в ход против нас левые эс-эры. Теперь они сидят в тюрьмах и там защищают «цели коммунизма» и думают о «переходе от пассивности к активности». Так аргументировать, как это делается в предложенных поправках, — невозможно, потому что в них нет ни марксизма, ни политического опыта, ни аргументации. Разве мы в наших тезисах развивали общую теорию революционного наступления? Разве Радер¹³²⁾ или кто-нибудь другой из нас совершил подобную глупость? Мы говорили о теории наступления по отношению к вполне определенной стране и к вполне определенному периоду.

Мы можем из нашей борьбы против меньшевиков привести случаи, показывающие, что еще перед первой революцией встречались лица, сомневавшиеся в том, что революционная партия должна вести наступление. Если у какого-либо социал-демократа, — тогда мы все так назывались, — появлялись такие сомнения, мы вступали с ним в борьбу и говорили, что он оппортунист, что он ничего не понимает

в марксизме и в диалектике революционной партии. Разве партия может спорить о том, допустимо ли вообще революционное наступление? У нас для того, чтобы найти такие примеры, придется вернуться лет на пятнадцать назад. Разве есть такие явные или скрытые центристы, которые принципиально оспаривали бы теорию наступления? Этот вопрос не может возбуждать споров. Но тот факт, что мы еще теперь, после трехлетнего существования Коммунистического Интернационала, спорим о «динамических тенденциях», о «переходе от пассивности к активности», это постыдно.

У нас не возникает об этом спора с тов. Радском, выработавшим совместно с нами эти тезисы. Может быть, не совсем правильным было начинать в Германии разговоры о *теории* революционного наступления после того, как действительное наступление не было подготовлено. Все же мартовское выступление ¹³³⁾ является большим шагом вперед, несмотря на ошибочное руководство этим движением. Но это ничего не значит. Сотни тысяч рабочих героически боролись. Как бы мужественно КРПГ не боролась с буржуазией, мы должны сказать то же, что сказал тов. Радск в одной русской статье относительно Гельца ¹³⁴⁾. Если кто-нибудь, хотя бы анархист, героически борется с буржуазией, то это, конечно, большое дело, но если сотни тысяч борются с гнусной провокацией социал-предателей и буржуазией, то это настоящий шаг вперед.

Очень важно относиться критически к своим ошибкам. Мы с этого начали. Если кто-либо после борьбы, в которой участвовали сотни тысяч, выступает против этой борьбы и поступает так, как Леви ¹³⁵⁾, то его нужно исключить. Это и было сделано. Но мы должны отсюда вынести урок: разве мы подготовили наступление? Да, о наступлении речь была только в газетных статьях. *Эта теория в применении к мартовскому выступлению в Германии в 1921 году была неверна, мы должны в этом сознаться, но, вообще-то, теория революционного наступления отнюдь не ложна.*

Мы победили в России и победили с такою легкостью, потому что мы подготовили нашу революцию во время империалистической войны. Это — первое условие. 10 миллионов рабочих были у нас вооружены и нашим лозунгом был: немедленный мир, во что бы то ни стало. Мы победили потому, что широчайшие крестьянские массы были настроены революционно против крупных помещиков. Социалисты-революционеры, принадлежащие к толку II и II^{1/2} Интернационалов были в ноябре 1917 г. большой крестьянской партией. Они требовали революционных средств, но, как настоящие герои II и II^{1/2} Интернационалов, они не имели достаточно мужества дей-

ствовать революционно. В августе и сентябре 1917 г. мы говорили: теоретически мы боремся с эс-эрами, как и прежде, но практически мы готовы принять их теорию, потому что только мы можем осуществить эту программу. Так мы сказали, так мы и сделали. Крестьянство, настроенное против нас в ноябре 1917 года, после нашей победы, и пославшее большинство социалистов-революционеров в учредительное собрание, было нами завоевано, если не в течение нескольких дней, как я ошибочно — предполагал и предсказывал, — то во всяком случае в течение нескольких недель. Разница была невелика. Укажите мне в Западной Европе страну, где бы вы могли захватить в свои руки большинство крестьянства в течение нескольких недель? Если говорят, что мы победили в России, несмотря на то, что у нас была небольшая партия, то этим только доказывают, что русскую революцию не поняли, и совершенно не понимают, как нужно готовить революцию.

Первым шагом нашей работы было создание настоящей коммунистической партии для того, чтобы мы знали, с кем мы разговариваем и к кому мы можем иметь полное доверие. Лозунгом I и II конгрессов было: Долой центристов! Если мы не разделаемся с центристами и полуцентристами, которых мы в России называем меньшевиками, и по всей линии и во всем мире, тогда нам недоступна даже азбука коммунизма. Нашей первой задачей является создание истинно-революционной партии и разрыв с меньшевиками. Но это только подготовительная школа. Мы имеем уже III конгресс, а тов. Террачини твердит по-прежнему, что задача подготовительной школы заключается в том, чтобы гнать, преследовать и разоблачать центристов и полуцентристов. Благодарю покорно! Мы этим уже достаточно занимались. Мы сказали уже на II конгрессе, что центристы являются нашими врагами. Но ведь нужно же идти вперед. Вторая ступень будет заключаться в том, чтобы, организовавшись в партию, мы научились готовить революцию. Во многих странах мы не научились даже тому, как овладевать руководством. Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса (во время выборов в 1917 году с нами было подавляющее большинство рабочих против меньшевиков), но и половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и $\frac{9}{10}$ крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону, потому что мы приняли аграрную программу не нашу, а эс-эровскую, и осуществили ее на практике. Наша победа и заключалась в том, что мы осуществили эс-эровскую программу, потому-то эта победа была так легка. Разве у вас, на Западе, могут быть подобные иллюзии? Смешно!

Сравните же конкретные экономические условия тов. Террачини и все, подписавшие это предложение.

Все же, несмотря на то, что большинство так быстро очутилось на нашей стороне, трудности, вставшие перед нами после победы, были очень велики. Мы все же пробылись, потому что мы не только не забывали наших целей, но и наших принципов, и не терпели в нашей партии лиц, молчавших о принципах и говоривших о целях, динамических тенденциях и переходах от пассивности к активности. Быть может, нас обвинят в том, что мы таких господ предпочитаем держать в тюрьме. Но иначе невозможна диктатура. Мы должны подготовить диктатуру, а это состоит в борьбе против подобных фраз и подобных поправок. Повсюду в наших тезисах говорится о массе. Но, товарищи, нужно ведь понимать, что такое масса. КРПГ, товарищи слева слишком злоупотребляют этим словом. Но и тов. Террачини и все те, кто подписались под этими поправками тоже не знают, что нужно понимать под словом «масса».

Я уж и так говорю слишком долго; теперь мне хотелось бы лишь сказать несколько слов о понятии «массы». Понятие «массы» — изменчиво — соответственно изменению характера борьбы. В начале войны достаточно было нескольких тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе. Если партии удастся вовлечь в борьбу не только своих членов, если ей удастся встряхнуть и беспартийных, то это уже является началом завоевания массы. Во время наших революций бывали случаи, когда несколько тысяч рабочих представляли собой массу. В истории нашего движения, в истории нашей борьбы против меньшевиков вы найдете много таких примеров, когда в одном городе было достаточно нескольких тысяч рабочих, чтобы сделать явным массовый характер. Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обывательской жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слыхавших о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса. Если движение распространяется и усиливается, оно постепенно переходит в настоящую революцию. Мы это видели в 1905 — 1917 гг., во время трех революций, и вам также еще придется убедиться в этом. Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «масса» становится другим: несколько тысяч рабочих более не составляют массы. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют большинство, и притом не просто лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным.

Возможно, чтобы и маленькая партия, например, английская или американская, хорошо изучивши ход политического развития и ознакомившись с жизнью и привычками беспартийных масс, вызовет в благоприятный момент революционное движение (товарищ Радек в качестве хорошего примера указал на забастовку горных рабочих). Если она в такой момент выступит со своими лозунгами и достигнет того, что за ней последует миллион рабочих, то перед вами массовое движение. Я не отвергаю безусловно того, что революция может быть начата и весьма малой партией и доведена до победного конца, но надо знать какими методами привлекать на свою сторону массы. Для этого необходима основательная подготовка революции. Но вот, товарищи выступают с заявлением: немедленно отказаться от требования «больших» масс. Необходимо объявить борьбу таким товарищам. Без основательной подготовки вы ни в одной стране не добьетесь победы. Достаточно совсем маленькой партии, чтобы повести за собой массы. В известные моменты нет необходимости в больших организациях.

Но для победы нужно сочувствие масс. Не всегда необходимо абсолютное большинство; однако для победы, для удержания власти необходимо не только большинство рабочего класса, — я употребляю здесь термин «рабочий класс» в западно-европейском смысле, т. е. в смысле промышленного пролетариата, — но и большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения. Подумали ли вы об этом? Находим ли мы в речи Террачини хотя бы намек на подобную мысль? В ней говорится лишь о динамической тенденции, переходе от пассивности к активности. Касается ли он, хотя бы одним словом, продовольственного вопроса? Рабочие требуют пропитания, хотя они и могут многое переносить и голодать, как мы это видели до известной степени в России. Мы должны поэтому привлечь на свою сторону не только большинство рабочего класса, но и большинство трудящегося и эксплуатируемого сельского населения. Подготовили ли вы это? Почти нигде.

Итак, я повторяю: я должен безусловно защищать наши тезисы, и эту защиту я считаю для себя обязательной. Мы не только осудили центристов, но и изгнали их из партии. Теперь мы должны обратиться против другой стороны, которую тоже считаем опасной. Мы должны сказать товарищам правду в самой вежливой форме (и в наших тезисах это сказано в любезной и вежливой форме), так что никто не может почувствовать себя оскорбленным, мы должны им сказать: перед вами стоят сейчас иные задачи помимо травли центристов. Довольно этого вопроса. Он уже слегка надоел. Вместо этого товарищи должны были бы научиться вести настоящую революционную борьбу. Герман-

ские товарищи уже приступили к этому. Сотни тысяч пролетариев героически сражались. Всякого, выступающего против этой борьбы, необходимо немедленно исключить. Но после этого не следует заниматься пустым разглагольствованием, а необходимо немедленно же начать учиться, учиться на совершенных ошибках тому, как лучше организовать борьбу. Мы не должны бояться скрывать наши ошибки перед врагом. Кто этого боится, тот не революционер. Наоборот, если мы открыто заявим рабочим: «Да, мы совершили ошибки», то это значит, что впредь они не будут повторяться, и что мы лучше сумеем выбрать момент. Если же во время самой борьбы на нашей стороне окажется масса, — не только большинство рабочих, но большинство всех эксплуатируемых и притесненных мы тогда действительно победим.

*«III Всемирный конгресс
Коммунистического Интернационала»
Стенографический отчет».
Госиздат 1921 г.*

Тезисы о тактике РКП.

(Приняты III конгрессом Коминтерна 12 июля 1921 г.)

I. Международное положение РСФСР

Международное положение РСФСР характеризуется в настоящее время некоторым равновесием, которое, будучи чрезвычайно неустойчивым, создало все же своеобразную конъюнктуру всемирной политики.

Это своеобразие состоит в следующем: с одной стороны, международная буржуазия полна бешеной ненависти и вражды к Советской России и готова в каждую минуту броситься, чтобы задушить ее. С другой стороны, все попытки военного вмешательства, стоившие этой буржуазии сотни миллионов франков, кончились полной неудачей, несмотря на то, что Советская власть была тогда слабее, чем теперь, а русские помещики и капиталисты имели целые армии на территории РСФСР. Оппозиция против войны с Советской Россией во всех капиталистических странах чрезвычайно усилилась, питая революционное движение пролетариата и захватывая очень широкие массы мелко-буржуазной демократии. Рознь интересов между различными империалистическими странами обострилась и обостряется с каждым днем все глубже. Революционное движение среди сотен миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой. В результате всех этих условий международный империализм оказался

не в состоянии задушить Советскую Россию, несмотря на то, что он гораздо сильнее ее, и вынужден был на время признать или полупризнать ее, вступая в торговые договоры с ней.

Получилось, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать, конечно, недолгое время, — в капиталистическом окружении.

2. Соотношение классовых сил в международном масштабе.

На основе такого положения вещей соотношение классовых сил в международном масштабе сложилось следующим образом:

Международная буржуазия, лишенная возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливая момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну.

Пролетариат передовых капиталистических стран везде уже выдвинул свой авангард, коммунистические партии, которые растут, идя неуклонно к завоеванию большинства пролетариата в каждой стране, разрушая влияние старых трэд-юнионистских бюрократов и развращенной империалистскими привилегиями верхушки рабочего класса Америки и Европы.

Мелко-буржуазная демократия капиталистических стран, представленная в передовой ее части II Интернационалом и Интернационалом II^{1/2}, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся, в случае революции, потерять свое сравнительно мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма. Но растущий экономический кризис везде ухудшает положение широких масс, и это обстоятельство, наряду с все более очевидной неизбежностью новых империалистических войн при сохранении капитализма, делает все более шаткою указанную опору.

Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX в., особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае ¹³⁶). Империалистическая война 1914 — 1918 г.г. и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди II и II^{1/2} Интернационалов. Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней,

с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще к массовым убийствам (Амрицар), к публичным поркам и т. д.

3. Соотношение классовых сил в России.

Внутреннее политическое положение Советской России определяется тем, что здесь мы видим в первый раз во всемирной истории существование, в течение целого ряда лет, только двух классов: пролетариата, который воспитан десятилетиями очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью, и мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство населения.

Крупные земельные собственники и капиталисты в России не исчезли, но они подверглись полной экспроприации, разбиты совершенно политически, как класс, остатки коего попрятались среди государственных служащих Советской власти. Классовую организацию они сохранили за границей, как эмиграция, насчитывающая, вероятно, от 1¹/₂ до 2 х миллионов человек, имеющая свыше полусотни ежедневных газет всех буржуазных и «социалистических» (т.-е. мелко-буржуазных) партий, остатки армии и многочисленные связи с международной буржуазией. Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России.

4. Пролетариат и крестьянство в России.

При таком внутреннем положении России для ее пролетариата, как господствующего класса, главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию. Эта задача в России особенно трудна, как в силу отсталости нашей страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистической и гражданской семилетней войной. Но и помимо такой особенности, эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами, — может быть, за исключением одной только Англии. Однако и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по мелко-буржуазному среди рабочих и служащих,

вследствие фактического рабства сотен миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии.

Поэтому, с точки зрения всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелко-буржуазной массе.

5. Военный союз пролетариата и крестьянства РСФСР.

Основа для правильного взаимоотношения пролетариата и крестьянства в Советской России создана эпохой 1917—1921 годов, когда нашествие капиталистов и помещиков, поддержанных и всей мировой буржуазией и всеми партиями мелко-буржуазной демократии (эс-эрами и меньшевиками) создало, закрепило и оформило военный союз пролетариата и крестьянства за Советскую власть. Гражданская война есть самая острая форма классовой борьбы, а чем острее эта борьба, тем скорее, тем очевиднее показывает сама практика даже наиболее отсталым слоям крестьянства, что спасти его может только диктатура пролетариата, что эс-эры и меньшевики фактически являются лишь прислужниками помещиков и капиталистов.

Но если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился — и не мог не явиться — первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных классов. Крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика-кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие и ссуду до восстановления крупной промышленности.

6. Переход к правильным хозяйственным взаимоотношениям пролетариата и крестьянства.

Вполне правильным и устойчивым, с социалистической точки зрения, союз мелких крестьян и пролетариата может стать лишь тогда, когда вполне восстановленные транспорт и крупная промышленность позволят пролетариату давать крестьянам в обмен на продовольствие все необходимые для них и для улучшения их хозяйства продукты. При громадном разорении страны этого никак нельзя было достигнуть сразу. Разверстка была наиболее доступной для недостаточно организованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков. Неурожай и бескормица 1920 года особенно обострили и без того тяжелую нужду крестьян,

сделав безусловно необходимым немедленный переход к продовольственному налогу.

Умеренный продналог сразу даст большое улучшение в положении крестьянства, заинтересовывая его вместе с тем в расширении посевов и улучшении земледелия.

Продналог является переходом от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильному социалистическому продукто-обмену между промышленностью и земледелием.

7. Значение и условия допустимости капитализма и концессий Советской властью.

Продналог, естественно, означает свободу крестьянина распоряжаться излишками, остающимися после уплаты налога. Поскольку государство не сможет предоставлять крестьянину продуктов социалистической фабрики в обмен на все эти излишки, постольку свобода торговли излишками неминуемо означает свободу развития капитализма.

В указанных пределах, однако, это несколько не страшно для социализма, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата. Напротив, развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т.е. в этом смысле слова «государственного» капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелко-крестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить немедленный подъем крестьянского земледелия. Еще более относится это к концессиям: не производя никакой денационализации, рабочее государство отдаст в аренду определенные рудники, лесные участки, нефтяные промыслы и пр. иностранным капиталистам, чтобы получить от них добавочное оборудование и машины, позволяющие нам ускорить восстановление советской крупной промышленности.

Плата концессионерам в виде доли высокоценных продуктов является несомненно данью рабочего государства мировой буржуазии; несколько не затушевывая этого, мы должны ясно понять, что нам выгодно внести эту дань, лишь бы ускорить восстановление нашей крупной промышленности и серьезное улучшение положения рабочих и крестьян.

8. Успехи нашей продовольственной политики.

Продовольственная политика Советской России в 1917—1921 гг. несомненно, была очень груба, несовершенна. порождала много злоупо-

треблений. Был ряд ошибок при ее осуществлении. Но она была единственно возможной при тех условиях, в общем и целом. И она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране. Бесспорный факт, что она постепенно совершенствовалась. В первый год нашей полной власти (I.VIII—1918—I.VIII—1919) государство собрало 110 милл. пудов хлеба; во второй — 220; в третий — более 285.

Теперь, имея уже практический опыт, мы ставим себе задачу зобратъ и рассчитываем собрать 400 милл. пудов (размер продналога—240 милл. пудов). Лишь будучи фактически владельцем достаточного продовольственного фонда, рабочее государство в состоянии прочно стоять в эконоическом отношении на собственных ногах, обеспечить хотя бы медленное, но неуклонное восстановление крупной промышленности, создать правильную финансовую систему.

9. Материальная основа социализма и план электрификации России.

Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны. Научную работу выработки плана такой электрификации РСФСР мы должны были выполнить, и мы ее выполнили. При участии свыше 200 лучших научных, инженерных и агрономических сил России эта работа закончена, напечатана в виде объемистого тома и утверждена, в общем, VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. Теперь уже организован созыв Всероссийского съезда электротехников, который соберется в августе 1921 г., подробно рассмотрит эту работу, и она получит тогда окончательное государственное утверждение. Работы по электрификации первой очереди рассчитаны на 10 лет; они требуют около 370 миллионов рабочих дней.

Если в 1918 году у нас было вновь построенных электрических станций 8 (с 4.757 кв. килоуатт), то в 1919 году эта цифра поднялась до 36 станций, а в 1920 году — до 100 (с 8.699 кв. килоуатт).

Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено, работа пошла и идет все лучше и лучше. Русский крестьянин после империалистической войны, после знакомства миллиона пленных в Германии с современной передовой техникой, после тяжелого, но закаляющего опыта трехлетней гражданской войны —

уже не тот, каким он был в старину. С каждым месяцем он видит все яснее и все нагляднее, что руководство пролетариата одно только в состоянии вывести массу мелких земледельцев из рабства капиталу и привести к социализму.

10. Роль «чистой демократии» и II и II½ Интернационалов, эс-эров и меньшевиков, как союзников капитала.

Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и новыми орудиями. Пока остаются классы, пока свергнутая в одной стране буржуазия удесятерит свои атаки на социализм в международном масштабе, до тех пор эта диктатура необходима. Класс мелких землевладельцев не может не переживать в переходную эпоху ряда колебаний. Трудности переходного положения, влияние буржуазии неизбежно вызывают от времени до времени колебания в настроении этой массы. На пролетариат, ослабленный и до известной степени деклассированный разрушением его жизненной основы, крупной индустрии, ложится очень трудная и самая великая историческая задача устоять, вопреки этим колебаниям, и довести до конца свое дело освобождения труда от ига капитала.

Политическим выражением колебаний мелкой буржуазии является политика мелко-буржуазных демократических партий, т.-е. партий II и II½ Интернационалов, каковыми в России состоят партии эс-эров («социалистов-революционеров») и меньшевиков. Имея теперь свои главные штабы и газеты за границей, эти партии фактически идут в блоке со всей буржуазной контр-революцией и служат ей верную службу.

Умные вожди русской крупной буржуазии, и во главе их Милюков — вождь партии «кадетов» («конституционных демократов»), — вполне ясно, точно и прямо оценили эту роль мелко-буржуазной демократии, т.-е. эс-эров и меньшевиков. По поводу Кронштадтского восстания ¹⁵⁴⁾, в котором оказались соединившими свои силы меньшевики, эс-эры и белогвардейцы, Милюков высказался за лозунг «Советы без большевиков». Развивая эту мысль, он писал: «честь и место» эс-эрам и меньшевикам («Правда» № 64, 1921 г., цитата из парижских «Последних Новостей»), ибо на них ложится задача первой передвижки власти от большевиков. Милюков, вождь крупной буржуазии, правильно учитывает уроки всех революций, показавших, что мелко-буржуазная демократия неспособна удержать власти,

служа всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькою к всевластию буржуазии.

Пролетарская революция в России еще и еще раз подтверждает этот опыт 1789—1794 и 1848—1849 годов ¹³⁷⁾, подтверждает слова Фр. Энгельса, который в письме к Бебелю ¹³⁸⁾ от 11/XII—1884 г. писал: ...«Чистая демократия... в момент революции приобретает на короткий срок временное значение... в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства... Точно так же в 1848 году вся феодально-бюрократическая масса с марта по сентябрь поддерживала либералов для того, чтобы удержать в повиновении революционные массы... Во всяком случае, во время кризиса и на другой день после него нашим единственным противником явится вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии, и этого, как я полагаю, ни в коем случае из виду упускать нельзя» (опубликовано по-русски в газете «Коммунистический Труд» ¹³⁹⁾, 1921 г., № 360 от 9/VI, в статье тов. Адоратского ¹⁴⁰⁾: «Маркс и Энгельс о демократии». По-немецки в книге: Фридрих Энгельс: «Политическое завещание», Берлин 1920 г., № 12 «Международной Библиотеки Юношества», стр. 18—19).

*«Тезисы и резолюции III конгресса
Коммунистического Интернационала».
М. 1921 г.*

Тактика Российской Коммунистической Партии.

(Речь на заседании 5 июля 1921 г.)

Товарищи, я, собственно говоря, не имел возможности подготовиться, как следует, к настоящему докладу. Перевод моей брошюры о продналоге *) и тезисы о тактике Российской Партии **) — вот все, что я систематически мог подготовить, к этому материалу я хочу лишь присоединить несколько пояснений и замечаний.

Для обоснования тактики нашей партии, надо, мне кажется, начать с освещения *международного положения*. Мы уже подробно обсудили экономическое положение капитализма в международном масштабе, и конгресс уже принял по этому поводу определенные резолюции ¹⁴¹⁾. Я очень кратко касаюсь этого вопроса в моих тезисах, исключительно с политической точки зрения. Я не затрагиваю экономической основы, но я думаю, что в международном положении на-

*) См. 185 стр. настоящ. тома.

**) См. 288 стр. настоящ. тома.

шей республики политически приходится считаться с тем фактом, что бесспорно теперь наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между членами буржуазного общества, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет лишь об *относительном равновесии*, о весьма неустойчивом равновесии. В капиталистических странах накопилось много горючего материала, точно так же, как и в тех странах, которые до сих пор рассматривались лишь, как объекты, а не субъекты истории, — т.-е. колониальных и полуколониальных; вполне возможно поэтому, что в этих странах рано или поздно, совершенно неожиданно, вспыхнут революционные восстания, великие бои и революции. За последние годы мы видели прямую борьбу международной буржуазии против первой пролетарской республики. Эта борьба была в центре всего мирового политического положения, и именно в этом мировом политическом положении теперь наступило изменение. Поскольку попытка международной буржуазии удупить нашу республику не удалась, постольку наступило равновесие, разумеется, весьма неустойчивое.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что международная буржуазия сейчас гораздо сильнее нашей республики и что только своеобразное сочетание условий пренятствует этой международной буржуазии продолжать войну против нас. Уже в течение последних недель, последних дней мы могли снова наблюдать на Дальнем Востоке попытку возобновить нашествие, и не подлежит никакому сомнению, что подобные попытки будут продолжаться и далее. На этот счет в нашей партии не существует никаких сомнений. Для нас важно открыто установить, что существует неустойчивое равновесие, и что мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения, применяя нашу тактику к особенностям этого положения и не забывая ни на одну минуту, что внезапно снова может возникнуть *необходимость вооруженной борьбы*. Организация Красной армии, ее усиление по-прежнему остаются нашей задачей. И в отношении продовольственного вопроса мы по-прежнему в первую очередь должны думать о нашей Красной армии. В данном международном положении, теперь, когда мы все еще должны ждать новых нападений, новых попыток нашествия международной буржуазии, мы в этом отношении не можем вступить на дру-

гой путь. В отношении же нашей практической политики тот факт, что в международном положении наступило некоторое равновесие, имеет известное значение, но только в том смысле, что мы должны признать, что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали.

Когда мы начинали в свое время международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали, либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали: сейчас же, или по крайней мере очень быстро, наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, *так как знали, что мы работаем не только для себя, но и для международной революции.* Мы это знали, мы неоднократно выражали это убеждение до Октябрьской революции, точно так же, как и непосредственно после нее, и во время заключения брест-литовского мира. И это было, говоря вообще, правильно.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не наступила. Правда, революция развивается — мы с удовлетворением можем это установить — во всем мире, и только благодаря этому обстоятельству международная буржуазия хотя она в экономическом и военном отношениях в сто раз сильнее нас, не в состоянии задушить нас.

Я рассматриваю в § 2 тезисов, каким образом создалось такое положение и какие выводы мы должны из этого сделать. Я еще прибавлю, что окончательный вывод, который я делаю из этого, следующий: *развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед.* Но это наступательное движение не такое прямолинейное, как мы того ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось, хотя революционные симптомы,

как мы знаем, были очень значительны и многочисленны — даже гораздо значительнее и многочисленнее, чем мы думали. Сейчас начинают появляться брошюры, которые нам рассказывают, что за последние годы и месяцы эти революционные симптомы были в Европе гораздо значительнее, чем мы подозревали. Что же мы должны теперь делать? Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах. Это *первый урок*, который мы должны вывести из международного положения. Для нашей *Российской республики* мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы *приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории*. Политически это равновесие очень важно, потому, что мы ясно видим, что именно во многих Западно-европейских странах, где широкие массы рабочего класса, а весьма вероятно и громадное большинство населения, организованы, главную опору буржуазии составляют как раз враждебные организации рабочего класса, примыкающие ко II и II^{1/2} Интернационалам. Я говорю об этом в § 2 тезисов и думаю, что здесь должен коснуться только двух пунктов, которые были уже освещены в наших прениях по вопросу о тактике. Во-первых: *завоевание большинства пролетариата*. Чем организованнее пролетариат в развитой капиталистической стране, тем больше основательности требует от нас история в деле подготовки революции и с тем большей основательностью мы должны завоевывать большинство рабочего класса. Во-вторых: главной опорой капитализма в промышленно-развитых капиталистических странах является как раз часть рабочего класса, организованная во II и II^{1/2} Интернационалах. Если бы она не опиралась на эту часть рабочих, на эти контр-революционные элементы внутри рабочего класса, международная буржуазия была бы совершенно не в состоянии удержаться.

Я хотел бы подчеркнуть еще здесь значение *движения в колониях*. В отношении этого вопроса мы видим во всех старых партиях, во всех буржуазных и мелко-буржуазных рабочих партиях II и II^{1/2} Интернационалов остатки старых сантиментальных воззрений: глубокое сочувствие к угнетенным колониальным и полуколониальным народам. Движение в колониальных странах все еще рассматривается, как незначительное национальное и совершенно мирное движение. Но это не так. С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: *миллионы и сотни миллионов, — фактически громадное большинство населения земного шара, — сейчас выступают, как самостоятельные активные революционные факторы*. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции дви-

жение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую, революционную роль, чем мы все ожидаем. Важно подчеркнуть, что мы в первый раз в нашем Интернационале подошли к подготовке этой борьбы. Конечно, в этой громадной области затруднений гораздо больше, но во всяком случае движение идет вперед, и массы трудящихся, крестьяне колониальных стран, несмотря на то, что они сейчас еще отстали, сыграют *очень большую революционную роль* в последующих фазах мировой революции.

Что касается внутреннего политического положения нашей республики, то я должен начать с точного рассмотрения классовых отношений. За последние месяцы тут произошло изменение, поскольку мы наблюдаем образование *новых, направленных против нас, организаций эксплуатирующего класса*. Задача социализма состоит в том, чтобы уничтожить классы. В первых рядах класса эксплуататоров стоят крупные землевладельцы и капиталисты-промышленники. Здесь работа разрушения довольно легка, может быть доведена до конца в несколько месяцев, а иногда даже в несколько недель или дней. Мы в России экспроприровали наших эксплуататоров, крупных землевладельцев, точно так же, как и капиталистов. Во время войны у них не было своей собственной организации, и они действовали лишь, как прихвостни военных сил международной буржуазии. Теперь, после того, как мы отразили наступление международной контр-революции, образовалась *заграничная организация русской буржуазии и всех русских контр-революционных партий*. Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона. Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты, и все партии, помещичьи и мелко-буржуазные, не исключая и социалистов-революционеров и меньшевиков, имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными элементами, т.-е. они получают достаточно денег, чтобы иметь свою печать; мы можем наблюдать за границей совместную работу всех оттенков без исключения всех наших прежних политических партий и мы видим, как «свободная» русская печать за границей, начиная с социалистов-революционеров и меньшевиков и кончая реакционнейшими монархистами, защищает крупное землевладение. Это до известной степени облегчает нашу задачу, потому что мы легче можем обозреть силы врага, его организованность, политические течения в его лагере. С другой стороны, это, конечно, затрудняет нашу работу, потому что эти русские контр-революционные эмигранты пользуются всеми средствами

для подготовки борьбы против нас. Эта борьба снова доказывает, что в общем и целом классовый инстинкт и классовое сознание господствующих классов стоят все еще выше самосознания угнетенных классов, несмотря на то, что русская революция в этом отношении сделала больше, чем все прежние революции. В России нет ни одной деревни, где бы народ, где бы угнетенные не подвергались встряске. Несмотря на это, если мы хладнокровно оценим организованность и политическую ясность взглядов живущей за границей русской контр-революционной эмиграции, мы убедимся, что *классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных*. Эти люди делают всевозможные попытки, они очень ловко используют каждый случай, чтобы в той или иной форме напасть на Советскую Россию и раздробить ее. Было бы весьма поучительно, — и я думаю, что иностранные товарищи это сделают, — систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контр-революции. Она работает главным образом за границей и иностранным товарищам не особенно трудно будет проследить за этим движением. В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага. Эти контр-революционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать громадное пропагандистское воздействие на рабочий класс. Это не общая теория, это практическая политика, и здесь видно, чему враг научился. Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует старое крылатое слово о том, что разбитая армия многому научается. Разбитая реакционная армия многому научилась, прекрасно научилась. Она учится с величайшею жадностью, и она действительно добилась больших успехов. В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте современного западно-европейского развития. Мы должны считаться с этим, мы должны улучшать наши собственные организации и методы и будем добиваться этого всеми силами. Нам было сравнительно легко и, я думаю, что и для других революций будет сравнительно легко справиться с этими двумя эксплуататорскими классами.

Но, кроме этого класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах, может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев.

Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух классов. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов. Эти оба класса мы могли просто экспроприировать и прогнать — так мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями, с мелкими буржуа, которые имеются во всех странах, мы не можем поступить подобным образом. В большинстве капиталистических стран, эти классы представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45% населения. Если мы присоединим к ним мелко-буржуазный элемент рабочего класса, то выйдет даже больше 50%. Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе. Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — если рассматривать международную революцию, как единый процесс, по существу состоит в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношении пролетариата к последнему капиталистическому классу в России. Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос, но теория и практика две вещи разные и разрешать этот вопрос практически или теоретически это не одно и то же. Мы определенно знаем, что мы делали большие ошибки. С международной точки зрения представляет громадный прогресс, что мы стремимся определить отношение держащего государственную власть в своих руках пролетариата к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма, к мелкой собственности, к мелкому производителю. Этот вопрос сейчас практически встал перед нами. Я думаю, что мы сможем разрешить эту задачу. Во всяком случае, опыт, который мы проделываем, будет полезен для грядущих пролетарских революций, и они сумеют технически лучше подготовиться к разрешению этого вопроса.

Я пытался проанализировать в моих тезисах *вопрос об отношении пролетариата к крестьянству*. Впервые в истории существует государство, где имеются только эти два класса, *только пролетариат и крестьянство*. Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству? Первая форма — *союз, тесный союз*. Это очень трудная задача, но во всяком случае экономически и политически возможная.

Как мы практически подошли к этому вопросу? *Мы заключили союз с крестьянством*. Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации со стороны буржуазии, осво-

бождает его от руководства и влияния буржуазии. Он привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров.

Меньшевики говорят так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как *восстановление капитализма*. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, то мы понимаем под этим *усиление и укрепление пролетариата*. Мы пытались осуществить этот союз между пролетариатом и крестьянством, при чем первым этапом был *военный союз*. Трехлетняя гражданская война создала огромные затруднения, но она в известном отношении облегчила нашу задачу. Это, может быть, звучат странно, но это так. Война не явилась чем-то новым для крестьян; война против эксплуататоров, против крупных землевладельцев была им вполне понятна. Огромные массы крестьян были за нас. Несмотря на огромные расстояния, несмотря на то, что большинство наших крестьян не умеет ни читать, ни писать, наша пропаганда воспринималась очень легко. Это является доказательством того, что широкие массы, — как и в наиболее передовых странах — гораздо легче учатся на своем собственном практическом опыте, чем из книг. У нас же практический опыт для крестьянства был облегчен еще тем, что Россия так исключительно велика и что различные части ее могли в одно и то же время переживать различные стадии развития. В Сибири и на Украине контр-революция могла временно побеждать, потому что буржуазия имела там за собой крестьянство, потому что крестьяне были против нас, против большевиков. Крестьяне нередко заявляли: мы *большевики, но не коммунисты*. Мы большевики, потому что они прогнали помещиков, но мы не коммунисты, потому что коммунисты против индивидуального хозяйства. И некоторое время контр-революция могла побеждать в Сибири и на Украине, потому что буржуазия имела успех в борьбе за влияние среди крестьян, но достаточно было очень непродолжительного периода, чтобы открыть крестьянам глаза. В короткое время они накопили практический опыт, и вскоре сказали: «да, большевики довольно неприятные люди. Мы их не любим, *но все же они лучше, чем белогвардейцы и учредительное собрание*». Учредилка у них ругательное слово, не только у развитых коммунистов, но и у крестьян. Они знают из практической жизни, что учредительное собрание и белая гвардия означают одно и то же, что вслед за учредительным собранием неминуемо приходит белая гвардия. Меньшевики также используют военный союз с крестьянством, но не думают о том, что одного этого союза недостаточно. *Военный союз не может существовать без эконо-*

мического. Мы живем, ведь, не одним воздухом, наш союз с крестьянами никоим образом не мог бы продержаться продолжительное время без экономического фундамента, явившегося основой нашей победы в войне против нашей буржуазии. Ведь, наша буржуазия объединялась со всей международной буржуазией.

Основа этого экономического союза между нами и крестьянством была, конечно, очень простой, даже грубой. Крестьянин получил от нас всю землю и поддержку против крупного земледелия. Мы должны за это получить продовольствие. Этот союз был чем-то совершенно новым и не покоился на обычных взаимоотношениях между товаропроизводителями и потребителями. Наши крестьяне понимали это гораздо лучше, чем герои II и II^{1/2} Интернационалов. Они говорили себе: эти большевики суровые вожди, но все же это наши люди. Мы во всяком случае создали таким образом основы нового экономического союза. Крестьяне давали Красной армии свои продукты и получали от нее поддержку при защите своих владений. Это всегда забывают герои II Интернационала, которые, подобно Отто Бауэру¹⁴²), совершенно не понимают настоящей обстановки. Мы сознаемся, что первоначальная форма союза была очень примитивна и что мы допустили очень много ошибок. Но мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии. Во время гражданской войны мы были отрезаны от всех хлебных местностей России. Наше положение было ужасно, и только чудом могли русский народ и рабочий класс перенести столько страданий, пужды и лишений, не имея ничего, кроме неустанного стремления к победе.

По окончании гражданской войны наша задача была во всяком случае иная. Если бы страна не была до такой степени разорена, как это имело место после 7 лет непрерывной войны, то был бы, пожалуй, возможен более легкий переход к новой форме союза между пролетариатом и крестьянством. Но и без того уже тяжелые условия в стране осложнялись еще неурожаем, недостатком фуража и т. д. Лишения крестьян стали вследствие этого невыносимы. Мы должны были немедленно показать широким массам крестьянства, что мы готовы изменить революционным путем нашу политику в том смысле, что крестьяне смогут сказать себе: «большевики—хотят немедленно во что бы то ни стало улучшить наше невыносимое положение».

Изменение экономической политики.

Таким образом пришло изменение нашей экономической политики: на место реквизиции явился натуральный налог. Это было придумано

не сразу. В большевистской печати вы можете в течение ряда месяцев найти ряд предложений, но проект, действительно обещающий успех, не был придуман. Однако это не важно. Важен факт, что это изменение нашей экономической политики мы провели, повинувшись исключительно практическим обстоятельствам и вытекавшей из положения необходимости. Неурожай, недостаток фуража, нехватка топлива, — все это имеет, разумеется, решающее влияние на хозяйство в целом, в том числе и на крестьянское. Если крестьянство забастует, то мы не получим и дров. А если мы не получим дров, то фабрики вынуждены будут стать. Экономический кризис, вследствие огромного неурожая и недостатка фуража, весной 1921 года принял таким образом гигантские размеры. Все это было последствием трехлетней гражданской войны. Надлежало теперь показать крестьянству, что мы можем и хотим быстро изменить нашу политику, чтобы немедленно облегчить нужду крестьянства. Мы постоянно говорим, — на втором конгрессе об этом то же говорилось, — что революция требует жертв. Есть товарищи, которые в своей пропаганде аргументируют следующим образом: мы готовы произвести революцию, но она не должна быть слишком тяжелой. Если не ошибаюсь, это положение было высказано тов. Шмералем ¹⁴³⁾ в его речи на чехо-словацком партийном съезде. Я прочел об этом в отчете, помещенном в рейхенбергском «Форвертсе» ¹⁴⁴⁾. Там имеется, повидимому, слегка левое крыло. Этот источник, стало быть, не может считаться совершенно беспристрастным. Во всяком случае я должен заявить, что если Шмераль это сказал, то он неправ. Некоторые ораторы, выступившие на упомянутом съезде после Шмералья, сказали: да, мы пойдем со Шмералем, так как мы избавимся этим от гражданской войны. Если все это правда, то я должен заявить, что такая агитация не коммунистична, не революционна. Естественно, каждая революция влечет за собою огромные жертвы для класса, который революцию производит. Революция отличается от обыкновенной борьбы тем, что в движении принимают участие в десять, в сто раз больше людей, и в этом отношении *каждая революция обозначает жертвы не только для личности, не только для целого класса*. Диктатура пролетариата в России принесла такие жертвы, такую нужду и лишения для господствующего класса, для пролетариата, каких никогда не знала история и весьма вероятно, что и во всякой иной стране дело пойдет точно так же.

Распределение лишений.

Возникает вопрос, *как мы распределим эти лишения?* Мы являемся государственной властью. Мы до известной степени в состоянии распре-

делить лишения, возложить их на несколько классов и таким образом относительно облегчить положение отдельных слоев населения. По какому принципу должны мы действовать? По принципу справедливости или большинства? Нет. Мы должны действовать практично. Мы должны произвести распределение таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата. Это является нашим единственным принципом. В начале революции рабочий класс вынужден был терпеть невероятные лишения. Я констатирую теперь, что наша продовольственная политика из года в год достигает все больших успехов. И в общем положение, несомненно, улучшилось. Но крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения это, разумеется, показывает, что наша революция в известной степени была революцией буржуазной. Когда Каутский выдвигал против нас этот аргумент, мы смеялись. Естественно, что без экспроприации крупного землевладения, без изгнания крупных землевладельцев и без раздела земли бывает только буржуазная, а не социальная революция. *Однако мы были единственной партией, которая смогла довести буржуазную революцию до конца и облегчить борьбу за социальную революцию. Советская власть и советская система являются институтами нашего государства. Мы уже осуществили эти институты, однако проблема экономического взаимоотношения между крестьянством и пролетариатом еще не разрешена. Многие еще не сделано, многое уже проведено, и результат этой борьбы будет зависеть от того, сможем ли мы разрешить эту задачу или нет. Итак, практичное распределение лишений является одной из крупнейших задач. В общем, произошло улучшение в положении крестьянства, а на долю рабочего класса выпали тяжелые страдания и именно потому, что он осуществляет свою диктатуру.*

Я уже говорил о том, что недостаток фуража и неурожай породили весной 1921 г. страшнейшую нужду в крестьянстве, которое является у нас большинством. Без хороших отношений с крестьянскими массами мы не можем существовать. Поэтому нашей задачей была немедленная помощь крестьянству. Положение рабочего класса чрезвычайно тяжелое. Он страдает ужасно. Однако наиболее развитые политические элементы — и даже среди них лишь самые лучшие — понимают, что мы должны в интересах диктатуры рабочего класса сделать величайшее усилие, чтобы помочь крестьянству какой-угодно ценой. Авангард рабочего класса понял это, но есть еще в нем, в этом авангарде люди, которые слишком утомлены, чтобы понять это. Они увидели в этом ошибку, стали употреблять слово оппортунизм. Говорили,

ито большевики-де помогают крестьянам. Крестьянин, который эксплуатирует нас, получает, мол, все, что ему угодно, а рабочий голодает.

Разве это оппортунизм? Мы помогаем крестьянам по той причине, что без союза с крестьянством невозможно политическая власть пролетариата, невозможно удержание ее. Именно этот мотив целесообразности был для нас решающим, а не мотив справедливого распределения. Мы помогаем крестьянам, так как это безусловно необходимо для удержания нами политической власти. Высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удерживать руководящую роль и государственную власть.

Натуральный налог.

Единственное средство, которое мы для этого нашли, был переход к натуральному налогу, явившийся неизбежным следствием борьбы. В ближайший год мы впервые применим натуральный налог. Практически этот принцип еще не испробован. От военного союза мы должны перейти к экономическому, и теоретически единственной основой этого экономического союза может явиться введение натурального налога. В этом заключается единственная теоретическая возможность прийти к действительно солидному экономическому базису социалистического общества. Социализованная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб. Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или, по крайней мере, очень значительное меньшинство. Одну часть крестьянин даст в виде налога, а другую часть — в обмен на продукты социалистической фабрики или через товарообмен.

И здесь мы подходим к самому трудному пункту. Натуральный налог обозначает, само собою разумеется, свободу торговли. Крестьянин в праве свободно выменивать остаток своего хлеба после выполнения натурального налога. Эта свобода обмена обозначает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого отнюдь не скрываем. Дело обстоит бы с нами очень печально, если бы мы вздумали скрывать это. Свобода торговли обозначает свободу капитализма, но это обозначает новую его форму; это значит, что мы до известной степени заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это есть государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит

капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве— это два различных понятия. В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм признается государством и контролируется государством на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще слишком сильной буржуазии и бороться против нее. Итак, мы должны предоставить чужеземной буржуазии, иностранному капиталу, концессии. Без малейшей денационализации мы передаем рудники, леса, нефтяные источники иностранным капиталистам, чтобы получить от них продукты промышленности, машины и т. д. и таким образом восстановить нашу промышленность.

В вопросе о *государственном капитализме* мы, разумеется, не все сразу были согласны. Но по этому поводу мы с большой радостью могли констатировать, что наше крестьянство развивается, что оно вполне поняло историческое значение борьбы, которую мы в настоящее время ведем. Совсем простые крестьяне из отдаленнейших мест приходили к нам и говорили: «Как? Наши капиталистов, которые говорят по-русски, прогнали, а теперь придут к нам иностранные капиталисты!». Разве это не указывает на развитие наших крестьян? Экономически образованному рабочему не нужно объяснять, почему это необходимо. Семилетней войной мы так разорены, что восстановление нашей промышленности требует многих лет. Мы должны заплатить за нашу отсталость, за нашу слабость, за то, чему мы сейчас учимся и чему мы должны учиться. *Кто хочет учиться, тот должен платить за учение.* Мы должны всем и каждому практически уяснить это, и если мы практически докажем это, то огромные массы крестьян и рабочих будут с нами согласны, так как этим немедленно будет улучшено их положение, так как это обеспечит возможность восстановления нашей промышленности. Что вынуждает нас к этому? Мы не одни на свете. Мы существуем в цепи капиталистических государств, как звено мирового хозяйства. На одной стороне — колониальные страны, они не могут еще помочь нам, на другой — капиталистические страны, они наши враги. Получается известное равновесие. Правда, очень плохое равновесие. Но мы все же должны с этим фактом считаться. Мы не должны закрывать глаза на этот факт, если мы хотим существовать. Либо немедленная победа над всей буржуазией, либо выплата дани. Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем этого, *концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму.* Но мы выигрываем время, а выиграть время, это значит выиграть все, особенно в эпоху равновесия, когда наши иностранные

товарищи основательно готовят революцию. Чем основательнее мы ее подготовим, тем вернее будет победа. До тех пор мы вынуждены будем платить дань.

Несколько слов о нашей *продовольственной политике*. Наша продовольственная политика, несомненно, была очень примитивна и плоха. Но мы можем указать и на успехи. В связи с этим я еще раз должен подчеркнуть, что нельзя забывать, что единственной возможной экономической основой является *крупная машинная индустрия*. Тот, кто забывает это, тот не коммунист. Мы должны конкретно разработать этот вопрос. Мы не можем ставить вопросы так, как это делают теоретики старого социализма. Мы должны ставить их практически. Что значит современная крупная промышленность? Это значит — *электрификация всей России*. Швеция, Германия и Америка уже близки к ее осуществлению, хотя это еще страны буржуазные. Один товарищ из Швеции рассказывает мне, что значительная часть промышленности там электрифицирована, а также 30% сельского хозяйства. В Германии и в Америке, как в еще более развитых капиталистически, мы встречаемся с этим в еще большем масштабе. Крупная машинная индустрия обозначает не что иное, как электрификацию всей страны. Мы уже назначили специальную комиссию, в составе лучших экономистов и технических сил. Почти все они, правда, настроены против Советской власти. Все эти специалисты придут к коммунизму, но не так, как мы, через двадцатилетнюю подпольную работу, во время которой мы непрерывно изучали, повторяли и пережевывали азбуку коммунизма.

Почти все органы Советской власти были за то, чтобы мы *пошли к специалистам*. Специалисты инженеры придут к нам, когда мы им практически докажем, что таким путем повышаются производительные силы страны. Недостаточно доказывать им это теоретически. Мы должны им это доказать практически. И мы привлечем этих людей на нашу сторону, если мы поставим вопрос иначе, не на почву теоретической пропаганды коммунизма. Мы говорим: *крупная промышленность — единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода*. С этим все согласны. Но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе требует слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, именно перейдя к электрификации. Она требует значительно меньшего времени. Планы электрификации нами уже выработаны. Более 200 специалистов — почти все без исключения противники Советской власти — с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты. Но с точки зрения технической науки они должны были признать, что это единственно правильный путь. Конечно, от плана до его осу-

ществления путь еще очень длинен. Осторожные специалисты говорят, что первый ряд работ требует не менее 10 лет. Для Германии профессор Баллод ⁶⁴⁾ высчитал, что для электрификации Германии достаточно трех — четырех лет. *Для нас десяти лет слишком мало.* В моих тезисах я привожу фактические цифровые данные, чтобы вы видели, как мало мы до сих пор могли сделать в этой области. Приводимые мною цифры до такой степени скромны, что сразу уясняется их более пропагандистское, чем научное значение. Однако мы должны начать с пропаганды. Русский крестьянин, принимавший участие в мировой войне и проживший несколько лет в Германии, видел там, как нужно вести хозяйство по-современному, чтобы победить голод. Мы должны вести обширную пропаганду в этом направлении. Эти планы до сих пор сами по себе имеют небольшое практическое значение, но зато их агитационное значение очень велико.

Крестьянин видит, что должно быть создано нечто новое. Крестьянин понимает, что над этим должен работать не каждый сам за себя, но все государство в целом. В германском плену крестьянин увидел и узнал, в чем реальная основа жизни, культурной жизни. 12 тыс. килоуатт — это очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Да, пусть это скромное начало. Но массы крестьянства начинают понимать, что надлежит произвести и в огромном масштабе новые работы, и что они уже начинаются. Предстоит преодолеть громадные трудности. Мы попытаемся войти в сношения с капиталистическими странами. Не следует жалеть о том, что мы предоставим капиталистам несколько сот миллионов килограммов нефти, под условием, чтобы они помогли нам электрифицировать нашу страну.

А теперь, под конец, несколько слов о *«чистой демократии»*. Я цитирую то, что Энгельс писал 2 декабря 1884 года в письме к Бебелю: «Чистая демократия приобретает значение в момент революции в качестве последней буржуазной партии, каковой она являлась уже во Франкфурте, став якорем спасения всего буржуазного, даже феодального хозяйства... Так, вся бюрократическая масса в 1848 году от марта до сентября, поддерживала либералов с целью подавления революционных масс. Во всяком случае, в день кризиса и на завтра, нашим единственным противником будет *группирующаяся вокруг чистой демократии реакция*, и это обстоятельство, думается мне, не следует упускать из виду».

Мы не можем ставить наши вопросы так, как это делают теоретики. Вся реакция целиком, не только буржуазная, но также феодальная,

группируется вокруг «чистой демократии». Германские товарищи знают, лучше всех других, что обозначает «чистая демократия», так как Каутский и проч. вожди второго и двухсполовинного Интернационалов защищают эту «чистую демократию» против злых большевиков. Если мы будем судить о русских социалистах-революционерах и меньшевиках не на основании их слов, а на основании их дел, то они окажутся не чем иным, как представителями мелко-буржуазной «чистой демократии». В нашей революции и во время последнего кризиса, и в дни *Кронштадтского восстания* они показали с классической чистотой, что означает чистая демократия. Брожение в крестьянстве было огромно, среди рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы человеческих сил. Три года они голодали, нельзя голодать в течение четырех или пяти лет. Голод, естественно, оказывает огромное влияние на политическую активность. Как поступили социалисты-революционеры и меньшевики? Все время они колебались и своим колебанием усиливали буржуазию. Организация всех русских партий за границей показала, как обстоит сейчас дело. Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: мы не можем победить в России немедленно. Поэтому нашим лозунгом должно стать: *советы без большевиков*. Лидер кадетов Милюков защищал советскую власть против социалистов-революционеров. Это звучит очень странно. Но такова практическая диалектика, которую мы в нашей революции изучаем своеобразным путем на практике нашей борьбы и борьбы наших противников. Кадеты защищают советы без большевиков, так как они хорошо понимают положение, и так как они надеются поймать на эту удочку часть населения. Так говорят умные кадеты. Не все кадеты умны, но часть их умна и почерпнула некоторый опыт из французской революции. Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эс-эры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции. Нынешней весной мы имели случай ознакомиться с плодами этого контр-революционного содружества.

Поэтому мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов. Диктатура есть состояние обостренной войны. Мы находимся именно в таком состоянии. Военного нашествия в настоящий момент нет. Однако, мы изолированы. Но, с другой стороны, мы и не вполне изолированы, поскольку вся международная буржуазия мира не в состоянии тотчас же открыто вести войну против нас, ибо рабочий класс — хотя большинство его еще не коммуни-

стично — все же настолько сознателен, что не допускает интервенции. Буржуазии приходится уже считаться с этим настроением масс, хотя они еще и не развились до полного коммунизма. Поэтому буржуазия не может тотчас же перейти в наступление против нас, хотя это и не исключено. Пока нет общего окончательного результата, будет продолжаться состояние ужасной войны. И мы говорим: *«На войне мы поступаем по-военному, мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии»*. Мы объявляем крестьянам совершенно открыто, что они должны выбирать: либо власть большевиков, — мы сделаем им все возможные уступки до тех пределов, при которых возможно удержание власти, а затем поведем их к социализму, — или же буржуазную власть. Все остальное обман, чистейшая демагогия. Самая ожесточенная борьба должна быть объявлена этому обману, этой демагогии. Наша точка зрения такова: пока — большие уступки, величайшая осторожность, и именно потому, что на-лицо некоторое равновесие, именно потому, что мы слабее наших объединенных противников, потому что наша экономическая база слишком слаба, и мы нуждаемся в более сильной хозяйственной основе.

*«III Всемирный конгресс
Коммунистического Интернационала».
Стенографический отчет.
Госиздат, 1921 г.*

Приветствие Международному конгрессу профессиональных союзов.

Очень прошу вас передать делегатам международного конгресса профсоюзов следующее ¹⁴⁵⁾:

«Я от всей души благодарю их за переданное мне через вас предложение прибыть на съезд. Глубоко сожалею, что не могу по болезни исполнить этого, так как должен был по предписанию врача уехать из Москвы на месячный отпуск.

Прошу вас передать делегатам мое приветствие и горячее пожелание успехов съезду. Трудно найти слова, чтобы выразить всю важность Международного съезда профсоюзов. Завоевания членов профсоюзов идеями коммунизма идет всюду неудержимо вперед, во всех странах, во всем мире. Идет неправильно, нерегулярно, неравномерно, преодолевая тысячи препятствий, но неудержимо идет вперед. Международный съезд профсоюзов ускорит это движение. Коммунизм победит среди профсоюзов. Никакие силы в мире не удержат краха капитализма и победы рабочего класса над буржуазией.

С горячим приветом и уверенностью в неизбежной победе коммунизма».

*«Бюллетень Международного
конгресса профессиональных
союзов» № 15, 21 июля 1921 г.*

Письмо тов. Мясникову.

Тов. Мясников! Прочитал только сегодня обе ваши статьи. Каковы были ваши выступления в Пермской (кажись, в Пермской) организации и в чем конфликт с ней, я не знаю. Об этом не могу говорить: это дело разберет Оргбюро, которое, как я слышал, выбрало специальную комиссию.

Моя задача иная: оценить ваши письма, как литературные и политические документы.

Интересные документы.

Статья «Больные вопросы» особенно наглядно показывает, по моему, вашу основную ошибку. И я считаю долгом все сделать, чтобы постараться вас убедить.

В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданский мир, тот смешон, если не хуже. Да, и в этом вы правы.

Но именно потому, что вы в этом правы, меня удивляет, как вы забыли вами самим правильно примененную диалектику при своих выводах.

...«Свободу печати от монархистов до анархистов включительно»... Очень хорошо. Но извините, — все марксисты и все думавшие над четырехлетним опытом нашей революции рабочие скажут: разберемся в том, какую свободу печати. Для чего? Для какого класса?

Мы в абсолюты не верим. Мы над чистой демократией смеемся.

Лозунг свободы печати стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому, что он выражал прогрессивную буржуазию, т.-е. ее борьбу против попов и королей-феодалов помещиков.

Нет ни одной страны в мире, которая бы так много делала и делает для освобождения масс от влияния попов и помещиков, как РСФСР. Эту задачу свободы печати мы выполняли и выполнили лучше всех в мире.

Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода покупать газеты, покупать писателей, подкупать, покупать и фабриковать общественное мнение в пользу буржуазии.

Это факт.

Никто никогда не сможет этого опровергнуть.

А у нас, может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, но не уничтожена. Что она притаилась. Нельзя этого отрицать.

Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг — меньшевиков и эс-эров. Это факт неопровержимый. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политических организаций (свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит, облегчать дело врагу, помогать классовому врагу.

Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем.

Мы ясно видим факт: «свобода печати» означает на деле неминуемую покупку буржуазией сотни и тысячи кадетских, эс-эровских, меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас.

Это факт. Они богаче нас и купят силу вдесятеро большую против нашей наличной силы. Нет, мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем.

Как вы могли с общеклассовой оценки, т.-е. точки зрения оценки отношений между всеми классами, скатиться до оценки сентиментально обывательской? Это для меня загадка.

В вопросе: гражданский мир или гражданская война, в вопросе о том, как мы завоевали и продолжим завоевания крестьянства (на сторону пролетариата), в этих двух важнейших, коренных мировых (касающихся сути мировой политики), вопросах, коим посвящены обе ваши статьи, вы сумели стать на точку зрения не мещанскую, не сентиментальную, а на марксистскую. Вы сумели там по-деловому трезво учесть взаимоотношения всех классов.

А тут вдруг скатились в пропасть сентиментализма!

«У нас куча безобразий и злоупотреблений: свобода печати их разоблачит».

Вот на чем, насколько я могу судить по двум статьям, вы сбились. Вы дали себя подавить известному числу печальных и горьких фактов и потеряли способность трезво учесть силы.

Свобода печати поможет силе мировой буржуазии... Это факт. Не очистке коммунистической партии в России от ряда ее слабостей, ошибок, бед, болезней (куча болезней есть, это бесспорно) послужит свобода печати. Ибо этого не хочет мировая буржуазия, — а свобода печати станет оружием в руках этой мировой буржуазии. Она не умерла, она жива. Она стоит рядом и караулит. Она уже наняла

Милюкова, коему Чернов и Мартов (частью по глупости, частью по фракционной злобе на нас, а главным образом, по объективной логике их мелко-буржуазной демократической позиции) служат верой и правдой. Вы шли в комнату, попали в другую.

Вы хотели лечить коммунистическую партию и стали хвататься за лекарства, несущие верную смерть, — не от вас, конечно, а от мировой буржуазии (Милюков+Мартов+Чернов).

Вы забыли мелочь, совсем малюсенькую мелочь, именно: мировую буржуазию и ее свободу покупать себе газеты, покупать себе центры политической организации

Нет, по этой дороге мы не пойдем. Из тысячи сознательных рабочих девятьсот по этой дороге не пойдет.

Бедствий у нас много. Такие ошибки (наши общие ошибки, все ошиблись: и СТО, ВСНХ, и ЦК), как с распределением топлива и продовольствия осенью и зимой 1920 г. (громадные ошибки), еще во много раз обострили болезни нашего положения.

Нужда и болезни велики. Голод 1921 г. их усилил дьявольски.

Вылазим с трудом чертовским, но вылазим и начали вылезать.

Вылазим, ибо политика у нас в основе правильная, учитывающая все классовые силы в международном масштабе. Вылазим, ибо не прикрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим все болезни, лечим их систематически, упорно, не впадая в панику.

Вы позволили и себя увлечь панике и по этой наклонной плоскости докатились до того, что выходит похожее нечто на основание вами новой партии или на ваше самоубийство.

Нельзя впадать в панику. Оторванность ком'ячеек от партии есть зло, болезнь, бедствие, есть тяжелая болезнь, — мы ее видим. Лечить ее надо не свободой для буржуазии, а мерами пролетарскими и партийными.

А что вы говорите о поднятии хозяйства, об автоплуге, о борьбе за влияние на крестьянство и т. д., — содержит в себе много верного, много полезного.

Отчего бы вам не выделить этого? Мы сойдемся, будем работать дружно в одной партии. Польза будет громадная, но не сразу, а очень медленно.

Оживлять советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных, вот абсолютно верно. Вот где работы тьма, непочатый угол работы.

Почему бы вам этого не развить деловым образом в брошюре для съезда? Почему бы за это не взяться?

Почему бы испугаться черной работы (злоупотребления травить через ЦКК, через партпрессу, через «Правду»). От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут легкого выхода: свободы печати (для буржуазии).

Почему вам настаивать на своей ошибке, на непартийном анти-пролетарском лозунге свободы печати? Почему вам не взяться за менее «блестящую» (буржуазным блеском блестящую) работу, черную, деловой чистки злоупотреблений, деловой борьбы с ними, деловой помощи беспартийным.

Где вы указали ЦКК какое-то злоупотребление и какое-то средство его исправить, искоренить?

Ни разу. Ни единого раза.

Вы увидели кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии (свобода печати для буржуазии). А мой совет: в отчаяние и панику не впадать.

У нас и у сочувствующих нам, у рабочих и крестьян, сил еще бездна. Здоровья еще много.

Мы плохо лечим болезни.

Мы плохо проводим лозунг. Выдвигайте беспартийных, проверяйте беспартийными работу партийных.

Но мы можем сделать и сделаем в этой области во сто раз больше теперешнего.

Я надеюсь, что, подумав трезво, вы не станете из ложного самолюбия настаивать на явной политической ошибке (свобода печати), а выправив нервы, поборов в себе панику, вы возьметесь за деловую работу: помочь связи с беспартийными, помочь проверке беспартийными работы партийных.

На этой работе дела тьма. И на этой работе болезнь можно (и должно) лечить, медленно, но действительно лечить, а не туманить себе голову «свободой печати», этим блестящим болотным огоньком.

Написано в первых числах августа 1921 года.

Напечатано в брошюре «Дискуссионный материал».

Москва 1921 г.

Письмо к немецким коммунистам ¹⁴⁷).

Уважаемые товарищи!

Я намеревался в обстоятельной статье изложить свой взгляд на уроки III конгресса Коммунистического Интернационала. К сожалению, мне не удалось по болезни взяться за эту работу до сих пор. Назначение съезда вашей партии, Объединенной Коммунистической

Партии Германии» (VKPD), на 23 августа заставляет меня поспешить с этим письмом, которое я должен закончить в несколько часов, чтобы не опоздать отправить его в Германию.

Насколько я могу судить, положение коммунистической партии в Германии особенно тяжело. Это понятно.

Во-первых, и главным образом, международное положение Германии чрезвычайно быстро и резко обострило, начиная с конца 1918 г., ее внутренний революционный кризис, толкая авангард пролетариата на немедленное завоевание власти. В то же время и немецкая и вся международная буржуазия, великолепно вооруженные и организованные, обученные «русским опытом», обрушились на революционный пролетариат Германии с бешеной ненавистью. Десятки тысяч лучших людей Германии, ее революционных рабочих, перебиты и замучены буржуазией, ее героями — Носке¹⁴⁸) и К-о., ее прямыми слугами — Шейдеманами¹⁴⁹) и т. д., ее косвенными и «тонкими» (и по тому особенно для нее ценными) пособниками — рыцарями «II¹/₂ Интернационала», с их подлой бесхарактерностью, колебаниями, педантизмом, мещанством. Вооруженная буржуазия ставила ловушки безоружным рабочим, убивала их массами, убивала их вождей, систематически подкарауливая одного за другим, великолепно используя при этом контр-революционный вой из среды социал-демократов обоих оттенков и шейдемановского и каутскианского. А действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеман, Легины¹⁵⁰), Давиды¹⁵¹) и К-о.) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги¹⁵²) и К-о.) бандой лакеев капитала. В каждом честном, сознательном рабочем, который принимал Базельский манифест¹⁵³) 1912 года за чистую монету, а не за «отписку» пегодаев «II» и «II¹/₂» разряда, с невероятной остротой просыпалась ненависть к оппортунизму старой германской социал-демократии, и эта ненависть — самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетенной и эксплуатируемой массы — ослепляла людей, не позволяла им рассуждать хладнокровно, вырабатывать свою правильную стратегию в ответ на превосходную стратегию вооруженных, организованных, обученных «русским опытом», поддержанных Францией, Англией, Америкой капиталистов Антанты; эта ненависть толкала на преждевременные восстания.

Вот почему развитие революционного рабочего движения в Германии шло, начиная с конца 1918 года, особенно тяжелым и мучительным путем. Но оно шло и неуклонно идет вперед. Постепенная передвижка налево рабочей массы, настоящего большинства трудящихся и эксплоа-

тируемых в Германии, как организованных в старые, меньшевистские (т.-е. служащие буржуазии) профсоюзы, так и неорганизованных совсем или почти совсем, — это факт неоспоримый. Не терять хладнокровия и выдержки; систематически исправлять ошибки прошлого; неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; вырабатывать в себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии, — вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу.

С другой стороны, в данную минуту тяжелое положение коммунистической партии Германии еще более затруднено отколом плохеньких коммунистов слева («Коммунистическая Рабочая Партия Германии», KAPD) и справа (Пауль Леви со своим журнальчиком: «Наш Путь» или «Совет»).

«Левые», или «ка-а-писты»¹⁵⁴), получили от нас достаточно предупреждений на международной арене, начиная с II конгресса Коминтерна. Пока еще не выработались, по крайней мере в главнейших странах, достаточно крепкие, опытные, коммунистические партии, участие полуанархистских элементов на наших международных съездах приходится терпеть, и оно даже до известной степени полезно. Полезно постольку, поскольку эти элементы служат наглядным, «устрашающим примером» для неопытных коммунистов, а также постольку, поскольку сами они еще способны учиться. Во всем мире анархизм распадается — и не со вчерашнего дня, а с начала империалистской войны 1914—1918 гг. — на два течения: за советское и противосоветское, за диктатуру пролетариата и против нее. Надо дать этому процессу распада анархизма назреть и дозреть. В Западной Европе почти нет людей, переживших сколько-нибудь крупные революции; опыт великих революций там почти совершенно забыт; а переход от желания быть революционным и от разговоров (и резолюций) о революции к действительной революционной работе есть очень трудный, медленный, мучительный переход.

Разумеется, однако, что лишь в меру можно и должно терпеть полуанархистские элементы. В Германии мы их терпели очень долго. III конгресс Коммунистического Интернационала поставил им ультиматум с точным сроком. Если они теперь сами ушли из Коммунистического Интернационала, тем лучше. Во-первых, они избавили нас от труда исключать их. Во-вторых, перед всеми колеблющимися рабо-

чими, перед всеми, кто имел тяготение к анархизму из ненависти к оппортунизму старой социал-демократии, теперь продемонстрировано с особой обстоятельностью и особой наглядностью, доказано точными фактами, что Коммунистический Интернационал был терпелив, что он вовсе не изгонял анархистов немедленно и безусловно, что он внимательно их выслушивал и помогал им учиться.

Теперь надо поменьше обращать внимания на ка-а-пистов. Мы делаем только им рекламу своей полемикой с ними. Они слишком неумны; брать их всерьез неправильно; сердиться на них не стоит. Влияния в массах они не имеют и не получают, если мы сами не будем делать ошибок. Предоставим этому течению вымереть естественной смертью; рабочие сами разберутся в его несостоятельности. Будем пообстоятельнее пропагандировать и применять на деле организационные и тактические решения III конгресса Коминтерна и поменьше делать рекламу ка-а-пистам полемикой с ними. Детская болезнь левизны проходит и пройдет с ростом движения.

Точно так же и Паулю Леви мы напрасно помогаем теперь, напрасно делаем ему рекламу полемикой с ним. Ему только того и хочется, чтобы мы с ним спорили. Надо забыть о нем после решения III конгресса Коминтерна и все внимание, все силы направить на мирную (без склоки, без полемики, без вспоминания вчерашних драк), деловую, положительную работу в духе решений нашего III конгресса. Против этого общего и единогласного решения III конгресса немало грешит, по моему убеждению, статья тов. К. Радека: «III Всемирный конгресс о мартовском выступлении и дальнейшая тактика» (в центральном органе объединенной коммунистической партии «Красное Знамя», №№ от 14 и 15 июля 1921 г.). Статья эта, присланная мне одним товарищем из кругов польских коммунистов, без всякой надобности — и с прямым вредом для дела — заострена не только против Пауля Леви (это было бы совсем еще неважно), но и против Клары Цеткин¹⁵⁵). А Клара Цеткин сама заключила в Москве, во время III конгресса «мирный договор» с ЦК («Централе») Объединенной Коммунистической Партии Германии о дружной, нефракционной работе. И этот договор был одобрен всеми нами. Тов. К. Радек в своем неуместном полемическом усердии договорился до такой неправды, что приписал Цеткин мысль, будто она «откладывает» (*verlegt*) «всякое выступление партии» (*jede allgemeine Aktion der Partei*) «до того дня, когда поднимутся великие массы» (*auf den Tag, wo die grossen Massen aufstehen werden*). Разумеется, что такими приемами тов. К. Радек оказывает такую услугу Паулю Леви, лучше которой ему нельзя бы и желать. Паулю Леви только того и хочется, чтобы споры бесконечно затя-

гивались, чтобы в споры втягивалось побольше народу, чтобы Цеткин старались оттолкнуть от партии полемическими нарушениями того «мирного договора», который она же заключила и который всем Коммунистическим Интернационалом был одобрен. Тов. К. Радек дал своей статьей прекрасный образчик того, как «слева» помогают Паулю Леви.

Здесь я должен объяснить немецким товарищам, почему я так долго защищал Пауля Леви на III конгрессе. Во-первых, потому, что я познакомился с Леви через Радека в Швейцарии в 1915 или 1916 году. Леви уже тогда был большевиком. А я не могу не питать известного недоверия к тем, кто пришел к большевизму *лишь после* его победы в России и ряда побед на международной арене. Но, разумеется, эта причина сравнительно неважная, ибо я все же знаю Пауля Леви лично весьма мало. Несравненно важнее была вторая причина, именно та, что Леви *прав по существу* во многом в своей критике мартовского выступления 1921 года в Германии (конечно, не в том, будто это выступление было «путчем»: это утверждение Пауля Леви есть вздор).

Правда, Леви сделал все возможное и много невозможного для того, чтобы ослабить и испортить свою критику, чтобы затруднить себе и другим понимание *существа* дела массой мелочей, в которых он явно неправ. Леви облек свою критику в недопустимую и вредную форму. Леви, проповедующий другим осторожную и обдуманную стратегию, сам наглупил хуже всякого мальчишки, пустившись в бой так преждевременно, так неподготовленно, так нелепо, так дико, что он наверняка проигрывал «бой» (и на долгие годы портил или затруднял себе работу), хотя этот «бой» можно и должно было выиграть. Леви поступил, как «интеллигентский анархист» (если я не ошибаюсь, это называется по-немецки Edelanarchist), вместо того, чтобы поступить как организованный член пролетарского Коммунистического Интернационала. Леви нарушил дисциплину.

Этим рядом невероятно глупых ошибок Леви затруднил сосредоточение внимания на существе дела. А существо дела, т.-е. оценка и *исправление* многочисленных ошибок, допущенных Объединенной Коммунистической Партией Германии при мартовском выступлении 1921 года, имело и имеет громадную важность. Для разъяснения и исправления этих ошибок (которые кое-кем возводились в перл марксистской тактики) *надо было* стоять на *правом* крыле во время III конгресса Коминтерна. Иначе *линия* Коминтерна была бы *неверна*.

Я защищал и должен был защищать Леви, поскольку я видел перед собой таких противников его, которые по-просту кричали о «меньшевизме» и «центризме», не желая видеть ошибок мартовского выступления и необходимости их разъяснить и исправить. Такие

люди превращали революционный марксизм в карикатуру, борьбу с «центризмом» — в смешной спорт. Такие люди грозили принести величайший вред всему делу, ибо «никто в мире не в состоянии скомпрометировать революционных марксистов, если они сами себя не скомпрометируют».

Я говорил таким людям: допустим, что Леви стал меньшевиком. Мало зная его лично, я не стану упираться, если мне докажут это. Но пока это еще не доказано. Пока доказано только то, что он *потерял голову*. За это одно объявлять человека меньшевиком есть ребяческая глупость. Выработка опытных и влиятельнейших вождей партии — долгое, трудное дело. А без этого диктатура пролетариата, «единство воли» его останутся фразой. У нас, в России, выработка группы руководителей шла 15 лет (1903—1917), 15 лет борьбы с меньшевизмом, 15 лет преследований царизма, 15 лет, среди коих были годы первой революции (1905), великой и могучей революции. И все же у нас бывали печальные случаи «потери головы» даже превосходнейшими товарищами. Если западно-европейские товарищи воображают, что они застрахованы от подобных «печальных случаев», то это такое ребячество, с которым нельзя не бороться.

Леви должен был быть исключен за нарушение дисциплины. Тактика должна была быть определена на основе подробнейшего разъяснения и исправления ошибок мартовского выступления 1921 г. Если после этого Леви захочет вести себя по-старому, тогда он подтвердит правильность его исключения, тогда тем с большей убедительностью для колеблющихся или неуверенных рабочих будет доказана полнейшая правильность решений III конгресса о Пауле Леви.

И чем осторожнее подходил я на конгрессе к оценке ошибок Леви, тем с большей уверенностью могу я сказать теперь, что Леви поторопился подтвердить худшие предположения. Передо мной лежит № 6 его журнальчика «Наш Путь» (от 15. VII. 1921). Из редакционного заявления, которое напечатано во главе журнала, видно, что решения III конгресса Паулю Леви известны. Его ответ на них? Меньшевистские словечки о «великом отлучении» (Grosser Bann), о «церковном праве» (Kanonisches Recht), о том, что он будет «обсуждать» эти решения «с полной свободой» (in vollständiger Freiheit). Какая же тут свобода может быть полнее, если человек освобожден от звания члена партии и члена Коминтерна. А писать у него, Леви, будут, видите ли, члены партии анонимно!

Сначала — подвох против партии, драка из-за угла, порча работы партии.

Потом — обсуждение решений конгресса по существу.

Это великолепно.

Но этим Леви и убивает себя окончательно.

Паулю Леви хочется продлить драку.

Величайшей стратегической ошибкой будет удовлетворение этого желания. Я бы посоветовал немецким товарищам: запретить полемику с Леви и с его журнальчиком на страницах ежедневной прессы партии. Не надо делать ему рекламы. Не надо позволять ему отвлекать внимание борющейся партии от важного на неважное. В случаях крайней необходимости полемизировать в еженедельных, ежемесячных журналах или брошюрах и, по возможности, не доставлять ка-а-пистам и Паулю Леви удовольствия, которое они испытывают, когда называют их по имени, а говорить просто о «некоторых не очень умных критиках, желающих непременно считать себя за коммунистов».

Мне сообщают, что на последнем заседании расширенного Центрального Комитета (Ausschuss) даже левый Фрисланд¹⁵⁶ вынужден был резко выступить против играющего в левизну и желающего упражняться в спорте «травли центристов» Маслова. Неразумность (говоря мягко) поведения этого Маслова сказалась и здесь, в Москве. Право, следовало бы немецкой партии откомандировать годика на два в Советскую Россию этого Маслова и 2—3 его единомышленников и соратников, явно не желающих соблюдать «мирного договора» и усердствующих не по разуму. Мы бы им нашли полезное дело. Мы бы их переварили. А польза для международного и для немецкого движения была бы явная.

Во что бы то ни стало немецкие коммунисты должны кончить внутреннюю драку, отсечь драчливые элементы с обеих сторон, забыть о Пауле Леви и о ка-а-пистах, заняться настоящим делом.

Дела много.

Тактическая и организационная резолюции III конгресса Коммунистического Интернационала знаменуют, по-моему, большой шаг движения вперед. Все силы надо напрячь, чтобы на деле провести обе эти резолюции в жизнь. Это трудно, но это можно и должно сделать.

Сначала коммунисты должны были на весь мир провозгласить свои принципы. Это сделано на I конгрессе. Это первый шаг.

Вторым шагом было организационное оформление Коммунистического Интернационала и выработка условий приема в него, — условий отделения на деле от центристов, от прямых и косвенных агентов буржуазии внутри рабочего движения. Это сделано на II конгрессе.

На III конгрессе надо было начать деловую, положительную работу, определить конкретно, учитывая практический опыт начатой уже коммунистической борьбы, определить, *как именно* работать

далее в отношении тактическом и в отношении организационном. Этот третий шаг мы и сделали. Мы имеем армию коммунистов во всем мире. Она еще плохо обучена, плохо организована. Величайшим вредом для дела было бы забвение этой истины или боязнь признать ее. Эту армию надо деловым образом, с величайшей осторожностью и строгостью проверяя себя, изучая опыт своего собственного движения, как следует обучать, как следует организовать, испытать на всяческих маневрах, на разнообразных сражениях, на операциях наступления и отступления. Без этой долгой и тяжелой школы победить нельзя.

«Гвоздем» положения в международном коммунистическом движении летом 1921 года было то, что некоторые из лучших и влиятельнейших частей Коминтерна не совсем правильно поняли эту задачу, *чуть-чуть преувеличили* «борьбу с центризмом», *чуть-чуть перешли* ту грань, за которой эта борьба превращается в спорт, за которой начинается компрометация революционного марксизма.

В этом был «гвоздь» III конгресса.

Преувеличение было небольшое. Но опасность его была громадная. Бороться с ним было трудно, ибо преувеличение совершали действительно лучшие, преданнейшие элементы, без которых, пожалуй, и вовсе не было бы Коминтерна. В тактических поправках, напечатанных в газете «Москва» ¹⁵⁷⁾ на немецком, французском и английском языках за подписью делегаций немецкой, венгерской и итальянской, это преувеличение сказалось вполне определенно, — тем более определенно, что поправки внесены были к законченному уже (после долгой и всесторонней подготовительной работы) проекту резолюции. Отклонение этих поправок было *выпрямлением* линии Коминтерна, было победой над опасностью преувеличения.

А преувеличение, если бы его не исправить, погубило бы Коминтерн наверняка. Ибо «никто в мире не сможет скомпрометировать революционных марксистов, если они сами себя не скомпрометируют». Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов над II и II^{1/2} Интернационалами (а это значит, в условиях Западной Европы и Америки 20-го века, после первой империалистской войны, — победе над буржуазией), *если* сами коммунисты не помешают ей.

А преувеличить, хотя бы чуть-чуть, это и значит помешать победе.

Преувеличить борьбу с центризмом значит *спасти* центризм, *укрепить* его положение, его влияние на рабочих.

Вести победоносную борьбу с центризмом мы, в интернациональном масштабе, научились за период со II до III конгресса. Это доказано делом. Эту борьбу мы продолжим (исключенные Леви и партии Сerratи) до конца.

Но вести борьбу против неправильных преувеличений в борьбе с центризмом мы *еще не* научились в интернациональном масштабе. Но мы этот свой недостаток поняли, как доказали ход и исход III конгресса. И именно потому, что мы свой недостаток сознали, мы от него *избавимся*.

А тогда мы будем непобедимы, ибо без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов II и II^{1/2} Интернационалов) буржуазия в Западной Европе и Америке удержать власть *не в состоянии*.

Более тщательная, более солидная подготовка к новым, все более решающим битвам, как оборонительным, так и наступательным, — вот в чем основное и главное в решениях III конгресса.

«Коммунизм станет в Италии массовой силой, если коммунистическая партия Италии, борясь непрерывно, непреклонно против оппортунистической политики сerratтанства, в то же время окажется в состоянии связаться с массами пролетариата в профсоюзах, в стачках, в сражениях против контр-революционных организаций фашистов¹⁵⁸), слить вместе движения всех организаций рабочего класса, превратить его самопроизвольные выступления в тщательно подготовленные сражения»...

...«Объединенная коммунистическая партия Германии тем успешнее будет в состоянии проводить массовые выступления, чем лучше в будущем станет она приспособлять свои боевые лозунги к действительной ситуации, тщательнейшим образом изучать эту ситуацию, осуществлять выступления наиболее объединенно, дисциплинированно»... Таковы существеннейшие места тактической резолюции III конгресса.

Завоевание на нашу сторону большинства пролетариата — вот «главнейшая задача» (заглавие § 3 в тактической резолюции).

Это завоевание большинства мы, конечно, не понимаем формально, как понимают рыцари мещанской «демократии» из II^{1/2} Интернационала. Когда в Риме в июле 1921 года весь пролетариат пошел за коммунистами против фашистов, и реформистский пролетариат из профсоюзов, и центристский из партии Серрати, это было *завоевание большинства* рабочего класса на нашу сторону.

Это было еще далеко, далеко не решающее, только частичное, только мимолетное, только локальное завоевание. Но это было завоевание большинства. Такое завоевание возможно даже тогда, когда большинство пролетариата формально идет за вождями из буржуазии или за вождями, проводящими буржуазную политику (каковы все вожди II и II^{1/2} Интернационалов), или когда большинство проле-

тариата колеблется. Такое завоевание неуклонно во всем мире подвигается всюду и всячески вперед. Будем солиднее и тщательнее готовить его, не упустим ни одного серьезного случая, когда буржуазия заставляет пролетариат подниматься на борьбу, научимся правильно определять моменты, когда *массы* пролетариата *не могут* не подняться вместе с нами.

Тогда победа обеспечена, как бы ни были еще тяжелы отдельные поражения и отдельные переходы в нашем великом походе.

Наши тактические и стратегические приемы отстали еще (если судить в интернациональном масштабе) от превосходной стратегии буржуазии, которая научилась на примере России, и не даст себя «взять врасплох». Но сил больше, неизмеримо больше за нами, тактике в стратегии мы учимся, мы подвинули вперед эту «науку» на опыте ошибок мартовского выступления 1921 года. Мы одолеем эту «науку» целиком.

Наши партии еще в громадном большинстве стран далеко, далеко не таковы, каковыми должны быть настоящие коммунистические партии, настоящие авангарды действительно революционного и единственно революционного класса, с поголовным участием всех членов партии в борьбе, в движении, в повседневной жизни масс. Но мы знаем этот наш недостаток, мы его вскрыли с наибольшей наглядностью в резолюции III конгресса о работе партии. И мы этот недостаток преодолеем.

Товарищи, немецкие коммунисты! Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы ваш партийный съезд 22 августа покончил твердой рукой и навсегда с мелкой борьбой с отколовшимися влево и вправо. Довольно внутрипартийной борьбы! Долой всякого, кто пожелает еще прямо или косвенно затягивать ее! Мы знаем теперь свои задачи много яснее, конкретнее, нагляднее, чем вчера; мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы исправлять их. Мы отдадим теперь все силы партии на ее лучшую организацию, на повышение качества и содержания ее работы, на создание более тесной связи с массами, на выработку все более и более правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса.

Написано 14 августа 1921 г.

Напечатано в «Коммунистическом

Интернационале» № 19,

17 декабря 1921 г

Новые времена, старые ошибки в новом виде.

Каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелко-буржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата.

Мелко-буржуазный реформизм, т.-е. прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелко-буржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма. Форма их видоизменяется теперь в связи с известным поворотом экономической политики Советской власти.

Основной мотив у меньшевистствующих: «Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной и Октябрьская в том числе! Да здравствует демократия! Да здравствует реформизм!». Говорится ли это чисто по-меньшевистски или по-эс-эровски, в духе II или II¹/₂ Интернационалов, суть одна и та же.

Основной мотив у полуанархистов, вроде немецкой «ком. раб. партии», или той части нашей бывшей рабочей оппозиции, которая ушла из партии или отходит от нас: «Не верят теперь большевики в рабочий класс!». Лозунги отсюда выводятся более или менее похожие на кронштадтские весны 1921 года.

Как можно трезвее и точнее противопоставить учет фактических классовых сил и бесспорные факты пытью и панике филистеров от реформизма и филистеров от революционаризма — такова задача марксистов.

Припомните главные этапы нашей революции. Этап 1-й, чисто политический, так сказать, от 25 октября до 5 января, до разгона учредилки. За какие-нибудь 10 недель мы сделали во 100 раз больше для действительного и полного уничтожения остатков феодализма в России, чем меньшевики и эс-эры за восемь месяцев (февраль — октябрь 1917 г.) их власти. Большевики и эс-эры, а за границей все герои II¹/₂ Интернационала, были в то время жалкими пособниками реакции. Анархисты либо растерянно стояли в сторонке, либо помогали нам. Была ли тогда революция буржуазной? Конечно, да, — постольку, поскольку законченным делом нашим было довершение буржуазно-демократической революции, поскольку еще не было клас-

совой борьбы внутри «крестьянства». Но в то же время мы сделали гигантски многое *сверх* буржуазной революции, для социалистической, пролетарской революции: 1) Мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию им государственной власти. 2) Мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых. 3) Мы создали советский тип государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов.

2-й этап. Брестский мир. Разгул революционной грозы против мира, — полупатриотической фразы у эс-эров и меньшевиков, у «левой» части большевиков. «Если помирились с империализмом, погибли» — твердил в панике или с злорадством мещанин. Но эс-эры и меньшевики мирились с империализмом, как участники буржуазного грабежа против рабочих. Мы «мирились», отдавая грабителю часть имущества для спасения власти рабочих, для нанесения еще более сильных ударов грабителю. Фраз, будто бы мы «не верим в силы рабочего класса», послушались мы тогда вдоволь, но не дали себя обмануть фразой.

3-й этап. Гражданская война от чехо-словаков и «учредилковцев» до Врангеля 1918—1920 гг. Наша Красная армия не существовала в начале войны. Эта армия и теперь ничтожна против любой армии стран Антанты, если сравнить материальные силы. И, тем не менее, мы победили в борьбе с всемирно-могущественной Антантой. Союз крестьян и рабочих, под руководством пролетарской государственной власти, поднят, — как завоевание всемирной истории, — на невиданную высоту. Меньшевики и эс-эры играли роль пособников монархии, как прямых (министры, организаторы, проповедники), так и прикрытых (наиболее «тонкая» и наиболее подлая позиция Черновых и Мартовых, которые якобы умывали руки, а на деле работали пером против нас). Анархисты также беспомощно метались: часть помогала нам, часть портила работу криками против военной дисциплины или скептицизмом.

4-й этап. Антанта вынуждена прекратить (надобно ли?) интервенцию и блокаду. Неслышанно разоренная страна едва-едва начинает оправляться, только теперь видит всю глубину разорения, испытывая мучительнейшие бедствия, остановку промышленности, иеурожан, голод, эпидемии.

Мы поднялись до самой высокой и вместе с тем до самой трудной ступени в нашей всемирно-исторической борьбе. Враг в данную минуту и на данный период времени не тот, что вчера. Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми

меньшевиками и эс-эрами, всей международной буржуазией. Враг — обыващина экономики в мелко-крестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг — мелко-буржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата. А пролетариат деклассирован, т.-е. выбит из своей классовой колени. Стоят фабрики и заводы, ослаблен, распылен, обессилен пролетариат. А мелко-буржуазную стихию внутри государства поддерживает вся международная буржуазия, все еще всемирно-могущественная.

Ну, как же тут не струсить? Особенно таким героям, как меньшевики и эс-эры, как рыцари II^{1/2} Интернационала, как беспомощные анархисты, как любители «левой фразы». «Большевики поворачивают к капитализму, конец большевикам, революция и у них тоже не вышла за рамки буржуазной революции». Этих воплей слышим мы довольно.

Но мы уже к ним привыкли

Опасности мы не преуменьшаем. Мы глядим ей прямо в лицо. Мы говорим рабочим и крестьянам: опасность велика — больше сплоченности, выдержки, хладнокровия, выкидывайте с презрением вон меньшевистствующих, эс-эровствующих, паникеров и крикунов.

Опасность велика. Враг гораздо сильнее нас экономически, как вчера он был гораздо сильнее нас в военном отношении. Мы это знаем, и в знании наша сила. Мы сделали уже так гигантски много и для очистки России от феодализма, и для развития всех сил рабочих и крестьян, и для всемирной борьбы против империализма, и для международного пролетарского движения, освобожденного от пошлостей и низостей II и II^{1/2} Интернационалов, что панические крики на нас не действуют. Свою революционную деятельность мы «оправдали» уже полностью и с излишком, доказав делами всему миру, на что способна пролетарская революционность в отличие от меньшевистско-эс-эровской «демократии» и трусливого реформизма, прикрытого нарядными фразами.

Кто боится поражения перед началом великой борьбы, тот может называть себя социалистом лишь для издевательства над рабочими.

Именно потому, что мы не боимся смотреть в лицо опасности, мы лучше используем свои силы для борьбы, мы трезвее, осторожнее, расчетливее взвешиваем шансы, мы делаем все уступки, усиливающие нас и раздробляющие силы врага (как увидел теперь даже последний дурак, что «брестский мир» был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма).

Меньшевики кричат, что продналог, свобода торговли, разрешение концессий и государственного капитализма означают крах коммунизма. К этим меньшевикам прибавился за границей бывший коммунист Леви; этого Леви надо было защищать, пока наделанные им ошибки можно было пытаться объяснить реакцией на ряд ошибок, допущенных «левыми» коммунистами, особенно в марте 1921 года в Германии; этого Леви нельзя защищать, когда он, вместо признания своей неправоты, докатывается до меньшевизма по всей линии.

Кричащим меньшевикам мы укажем просто хотя бы на то, что еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелко-буржуазной стихии. Три года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда. И с тех пор никто не мог опровергнуть правильности нашего трезвого учета сил, имеющихся в наличности.

Докатившийся до меньшевизма Леви советует большевикам (победу капитализма над коими он «предсказывает» так же, как все мещане, демократы, социал-демократы и пр. предсказывали нашу гибель в случае разгона нами учредилки!) обратиться за помощью ко *всему* рабочему классу! Ибо, извольте видеть, до сих пор помогала им лишь часть его!

Здесь Леви совпадает замечательным образом с теми полуанархистами и крикунами, отчасти с некоторыми из бывшей «рабочей оппозиции», которые любят говорить громкие фразы на тему о том, что большевики теперь «не верят в силы рабочего класса». И меньшевики, и анархистствующие превращают это понятие «силы рабочего класса» в фетиш, не умея подумать об его фактическом, конкретном содержании. На место изучения и анализа этого содержания ставится декламация.

Господа из ИК¹/₂ Интернационалы, желая называться революционными, на деле оказываются при всяком серьезном положении контр-революционными, ибо они боятся насильственного разрушения старого государственного аппарата, они не верят в силы рабочего класса. Когда мы это говорили про эс-эров и К-о, у нас это не было фразой. Всякий знает, что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый класс, что лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. Если в этом управлении есть бюрократические извращения, то мы этого зла не скрываем, а разоблачаем его, боремся с ним. Кто из-за борьбы с извращением нового строя забывает его содержание, забывает, что рабочий класс

создал и ведет государство советского типа, тот просто не умест думать и бросает слова на ветер.

Но «силы рабочего класса» не безграничны. Если теперь слаб, иногда очень слаб приток свежих сил из рабочего класса, если вопреки всем декретам, призывам, агитации, вопреки всем приказам о «выдвигании беспартийных» приток сил все же слаб, то тут уже отделяться декламацией о «неверии в силы рабочего класса» значит опускаться до пустого фразерства.

Без известной «передышки» этих новых сил нет; иначе как медленно они не нарастут; иначе как на базе восстановленной крупной индустрии (т.-е., говоря точнее и конкретнее, на базе электрификации) им взяться *исоткуда*.

После величайших, невиданных в мире напряжений рабочему классу в мелко-крестьянской разоренной стране, рабочему классу, пострадавшему в больших размерах от деклассирования, необходим промежуток времени, чтобы новые силы могли подрасти, подтянуться, чтобы старые и изношенные могли «отремонтироваться». Создание военного и государственного аппарата, который способен был победоносно выдержать испытания 1917—1921 годов, — дело великое, занявшее, захватившее, исчерпавшее реальные (не в декламации крикунов существующие) «силы рабочего класса». Надо понять это и считаться с необходимостью, вернее, с неизбежностью *замедленного* прироста *новых* сил рабочего класса.

Когда меньшевики кричат о «бонапартизме» большевиков (на войско-де и на аппарат опираются против воли «демократии»), то этим прекрасно выражается тактика буржуазии и Милюков правильно поддерживает ее, поддерживает «кронштадтские» (весны 1921 г.) лозунги. Буржуазия правильно учитывает, что *действительные* «силы рабочего класса» состоят сейчас из могучего авангарда этого класса (Росс. ком. партии, которая не сразу, а в течение 25 лет завоевала себе делами роль, звание, силу «авангарда» единственно революционного класса) плюс элементы, наиболее ослабленные деклассированием, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям.

Под лозунгом «побольше доверия к силе рабочего класса» проводится сейчас *на деле* усиление меньшевистских и анархистских влияний: Кронштадт весной 1921 года ¹⁵⁹⁾ со всей наглядностью доказал и показал это. Всякий сознательный рабочий должен разоблачать и гнать прочь кричащих о нашем «неверии в силы рабочего класса», ибо эти крикуны — на деле пособники буржуазии и помещиков, проводящие выгодное им ослабление пролетариата путем расширения влияния меньшевиков и анархистов.

Вот где «зарыта собака», если вникнуть трезво в действительное содержание понятия «силы рабочего класса».

Где ваша работа, любезные, где ваши дела по реальному выдвиганию беспартийных на главнейший современный «фронт», на фронт экономический, на дело хозяйственного строительства? Вот какой вопрос должны сознательные рабочие ставить крикунам. Вот как всегда можно и должно разоблачить крикунов, доказать, что на деле они не помогают, а мешают строительству хозяйства, не помогают, а мешают пролетарской революции, проводят не пролетарские, а мелко-буржуазные стремления, служат службу чуждому классу.

Наш лозунг: долдой крикунов! Долдой бессознательных пособников белотвардейщины, повторяющих ошибки несчастных крошадтцев весны 1921 г. К деловой практической работе, умеющей понять своеобразие текущего момента и его задачи! Не фразы, а дело нам нужно.

Трезвый учет этого своеобразия и действительных, не сфантазированных классовых сил говорит нам:

— После периода невиданных еще миром достижений в области пролетарского творчества военного, административного, общеполитического наступил не случайно, а неизбежно, не по вине лиц или партий, а в силу объективных причин, период гораздо более медленного нарастания новых сил. В хозяйственной работе неизбежно строительство более трудное, более медленное, более постепенное; это вытекает из существа этой работы по сравнению с военной, административной, общеполитической. Это вытекает из ее особой трудности и более глубокой, если можно так выразиться, почвенности.

Поэтому с величайшей, тройной осторожностью постараемся определить свои задачи на этом новом, высшем этапе борьбы. Поскромнее определим эти задачи; побольше сделаем уступок, конечно, в пределах того, что *может* уступить пролетариат, оставаясь господствующим классом; возможно быстрый сбор умеренного продналога и возможно больше свободы развитию, укреплению, восстановлению крестьянского хозяйства; отдадим не абсолютно необходимые нам предприятия арендаторам, в том числе и частным капиталистам и заграничным концессионерам. Нам необходим блок или союз пролетарского государства с государственным капитализмом против мелко-буржуазной стихии. Осуществить этот союз надо умело, по правилу «семь раз примерь, один — отрежь». Оставим непосредственно себе поменьше область работы, лишь то, что абсолютно необходимо. Сосредоточим на *меньшем* ослабленные силы рабочего класса, но зато укрепимся потверже, проверим себя не раз и не два, а много раз практическим опытом. Шаг за шагом, вершок за вершком — иначе двигаться вперед по такой

трудной дороге, в такой тяжелой обстановке, при таких опасностях, такое «войско», как наше, сейчас *не может*. Кому «скучна», «неинтересна», «непонятна» эта работа, кто морщит нос или впадает в панику, или опьяняет себя декламацией об отсутствии «прежнего подъема», «прежнего энтузиазма» и т. п., — того лучше «освободить от работы» и сдать в архив, чтобы он не мог принести вреда, ибо он не желает или не умеет подумать над своеобразием данной ступени, данного этапа борьбы.

При условиях громадного разорения страны и истощения сил пролетариата рядом усилий, почти сверхчеловеческих, мы боремся за самое трудное, за фундамент действительно социалистической экономики, за правильный товарообмен (вернее, продуктообмен) промышленности с земледелием. Враг еще гораздо сильнее нас; анархический, мешечнический, индивидуальный товарообмен срывает нашу работу на каждом шагу. Мы ясно видим трудности и систематически, упорно будем преодолевать их. Больше почина и самостоятельности местам, больше сил труда, больше внимания к их практическому опыту. Рабочий класс может залечить свои раны, восстановить свою пролетарскую «классовую силу», крестьянство может укрепиться в своем доверии к пролетарскому руководству *не иначе*, как в меру фактического успеха восстановления промышленности и создания правильного государственного продуктообмена, выгодного и крестьянину и рабочему. В меру этих успехов мы получим и приток новых сил, может быть, не так скоро, как каждому из нас хотелось бы, но мы его получим.

За работу, более медленную и осторожную, более выдержанную и настойчивую.

Написано 20 августа 1921 г.

Напечатано в «Правде» № 190,

28 августа 1921 г.

О чистке партии.

Чистка партий развилась, видимо, в работу серьезную и гигантски важную.

Есть места, где чистят партию, опираясь, главным образом на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это — самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось *таким образом* очистить партию сверху донизу, «не взирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное.

Ибо завоевания революции теперь не могут быть такими же, как прежде. Они неизбежно меняют свой характер в зависимости от перехода с военного фронта на хозяйственный, от перехода к новой экономической политике, от условий, требующих в первую голову повышения производительности труда, повышения трудовой дисциплины. В такое время главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее, не яркое, не бросающееся в глаза, не видное сразу, улучшение труда, его постановки, его результатов; улучшение в смысле борьбы против разлагающих и пролетариат и партию влияний мелко-буржуазной и мелко-буржуазно-анархической стихии. Чтобы осуществить такое улучшение, надо чистить партию от элементов, отрывающихся от массы (не говоря уже, разумеется, об элементах, позорящих партию в глазах массы). Конечно, не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддается иногда — особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями — настроениям несколько не передовым. Но в оценке людей, в отрицательном отношении к «примазавшимся», к «закомиссарившимся», к «обюрократившимся» указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны. Трудящаяся масса с величайшей чуткостью улавливает различие между честными и преданными коммунистами и такими, которые впускают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб, человеку, не имеющему никаких привилегий, никаких «путей к начальству».

Чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся. — дело великое. Оно даст нам серьезные результаты. Оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей.

Как частную задачу чистки партии, я бы указал еще на чистку ее от бывших меньшевиков. По-моему, из меньшевиков, вступивших в партию позже начала 1918 года, надо бы оставить в партии, примерно, не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырежды. Почему? Потому что меньшевики, как течение, доказали за период 1918—1921 гг. два своих свойства: первое — неумело приспособляться, «примазываться» к господствующему среди рабочих течению; второе — еще искуснее служить верой и правдой белогвардейщине, служить ей на деле, отрекаясь от нее на словах. Оба эти свойства вытекают из всей истории меньшевизма: стоит припомнить аксельродовский «рабочий съезд»¹⁶⁰), отношение меньшевиков к кадетам (и к монархии) на словах и на деле и т. д., и т. п. Меньше-

вики «примазываются» к РКП не только и даже не столько из макиавелизма ¹⁶¹⁾ (хотя по части приемов буржуазной дипломатии меньшевики еще с 1903 года доказали, что они первоклассные мастера в этой области), сколько из-за их «приспособляемости». Всякий оппортунист отличается приспособляемостью (но не всякая приспособляемость есть оппортунизм), и меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, «из принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимой. Эту особенность меньшевиков надо знать и надо ее учесть. А учесть ее, это значит очистить партию, примерно, до девяноста девяти сотых всего числа меньшевиков, примкнувших к РКП после 1918 года, т. е. тогда, когда победа большевиков стала становиться сначала вероятной, потом несомненной.

Очистить партию надо от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками.

*«Правда» № 210,
21 сентября 1921 г.*

Письмо VIII Всероссийскому съезду электротехников.

О значении книги «План электрификации», еще более о самой электрификации мне доводилось высказываться не раз. Крупная машинная промышленность и перенесение ее в земледелие есть единственная экономическая база, база социализма, единственная база для успешной борьбы за избавление человечества от ига капитала, от избиения и калечения десятков миллионов людей для решения вопроса, будет ли иметь перевес в разделе земли хищник английский или немецкий, японский или американский и т. д. Рабоче-крестьянская Советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты 4-летней империалистической и 3-летней гражданской войной, для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить ее, превратить в свою колонию, как ни мучительно медленно идет вперед электрификация у нас, — а все же она идет вперед. При помощи вашего съезда, при помощи всех электротехников России и ряда лучших передовых ученых сил всего мира, при героическом усилии авангарда рабочих и трудящихся крестьян, мы эту задачу осилим, мы электрификацию

страны создадим. Приветствую VIII Всероссийский съезд электротехников и желаю ему всяческого успеха в его работе.»

«Правда» № 229,
12 октября 1921 г.

К четырехлетней годовщине Октябрьской революции.

Наступает четырехлетняя годовщина 25 октября (7-е ноября).

Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом.

В самых кратких — и, конечно, далеко неполных и неточных — абрисах это значение и этот опыт можно бы изложить следующим образом.

Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы в праве гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толпу его, чем Великая французская революция свыше 125 лет тому назад.

И анархисты, и мелко-буржуазные демократы (т.-е. меньшевики и эсеры, как русские представители этого международного социального типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (т.-е. пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за 4 года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть неизбежно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим. Но и сейчас уже мы видим, что сделано гигантски много — для разоренной, измученной, отсталой страны — в деле социалистического преобразования общества.

Кончим, однако, о буржуазно-демократическом содержании нашей революции. Марксистам должно быть понятно, что это значит. Для пояснения возьмем наглядные примеры.

Буржуазно-демократическое содержание революции, это значит очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма

Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Возьмите любую из этих «авгиевых конюшен», оставленных, к слову сказать, в изрядной мере всеми передовыми государствами в недочищенном виде при совершении ими их буржуазно-демократических революций 125, 250 и больше (1649 г. в Англии) лет тому назад, — возьмите любую из этих авгиевых конюшен: вы увидите, что мы их вычистили начисто. За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918 г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за *восемь месяцев* своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелко-буржуазные демократы (меньшевики и эсеры).

Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетники махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили. Мы выкинули воп всю монархическую нечисть, как пиявку, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности (самые передовые страны, вроде Англии, Франции, Германии, до сих пор не отделались от следов сословности). Наиболее глубокие корни сословности, именно: остатки феодализма и крепостничества в землевладении, вырвали нами до конца. «Можно спорить» (достаточно за границей литераторов, кадетов, меньшевиков и эс-эров, чтобы заниматься этими спорами) о том, что выйдет, «в конце концов», из земельных преобразований великой Октябрьской революции. Мы не охотники сейчас терять время на эти споры, ибо мы борьбой решаем этот спор и всю массу зависящих от него споров. Но нельзя спорить против факта, что мелко-буржуазные демократы *восемь месяцев* «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков, и все их традиции смели с лица земли русской до конца.

Возьмите религию или бесправие женщины, или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелко-буржуазной демократии *восемь месяцев* об этом болтали; нет *ни одной* из самых передовых стран мира, где бы эти вопросы были решены в *буржуазно-демократическом* направлении *до конца*. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись

и боремся по-настоящему. Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех, без единого изъятия, странах земного шара.

Это все — содержание буржуазно-демократической революции. Полтора-два и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам передовые вожди этой революции (этих революций, если говорить о каждом национальном виде одного общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или «идеи религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали — и не выполнили. Не могли выполнить, ибо мешало «уважение» к «священной частной собственности». В нашей пролетарской революции этого проклятого «уважения» к этому трижды проклятому средневековью и к этой «священной частной собственности» не было.

Но чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной*, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказали делом мы, есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической революции. Кстати сказать, все Каутские, Гельфердинги, Мартовы, Черновы, Хилквиты, Лонге, Макдональды, Турати и прочие герои «II½» марксизма не сумели понять *такого* соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями.

Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического *типа* демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелко-буржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за псудачи и ошибки в постройке нами *нашего* советского строя. Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства. Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма далекого от совершенства, применения к жизни советских принципов. Но мы в праве гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн.

Вопрос об империалистских войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая *неизбежно* порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национального гнета, грабежа, разбоя, угнетения слабых, отсталых, мелких народностей кучкой «передовых» держав, — этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма, империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов, убитых в войне 1914—1918 годов, с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и посейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов). Из этого вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эс-эров и меньшевиков, в лице всей мелко-буржуазной, якобы «социалистической», демократии всего мира издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». А этот лозунг оказался единственной *правдой* — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но *правдой* среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы. Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает

перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада иначе, как *большевистской борьбой и большевистской революцией.*

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари II и II^{1/2} Интернационалов: Никакими криками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действительную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа — *еще не окончательная победа*, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны. Еще бы без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистские войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара. Мы не боимся признать свои ошибки, и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетариат какой нации это дело доведут до конца, — вопрос не существенный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, «защищайте отечество» японское от американского, американское от японского, французское от английского и т. д.! Продолжайте «отписываться» от вопросов о средствах борьбы против империалистических

войн новыми «базельскими манифестами» (по образцу базельского манифеста 1912 г.), господа-рыцари II и II^{1/2} Интернационалов, со всеми пацифистскими мешанами и филистерами всего мира! Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле *первая большевистская революция*. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество.

Последнее, — и самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело: хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического. В этом самом важном и самом трудном деле у нас было всего больше неудач, всего больше ошибок. Еще бы без неудач и без ошибок начать такое всемирно-новое дело! Но мы его начали. Мы его ведем. Мы исправляем как раз теперь нашей «новой экономической политикой» целый ряд наших ошибок, мы учимся, как строить дальше социалистическое здание в мелко-крестьянской стране без этих ошибок.

Трудности необъятны. Мы привыкли бороться с необъятными трудностями. За что-нибудь прозвали нас враги наши «твердокаменными» и представителями «костоломной политики». Но мы научились также — по крайней мере, до известной степени научились — другому, необходимому в революции искусству гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывать изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался за данный период времени нецелесообразным, невозможным.

Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране через государственный капи-

тализм к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции.

И мы, научившиеся немного за три-четыре года резким поворотам (когда требуется резкий поворот), стали усердно, внимательно, усидчиво (хотя все еще недостаточно усердно, недостаточно внимательно, недостаточно усидчиво) учиться новому повороту, «новой экономической политике». Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым «хозяином», исправным *оптовым купцом*, иначе оно мелко-крестьянскую страну не может экономически поставить на ноги, иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) Западом нет. Оптовый купец, это как будто бы экономический тип, как небо от земли, далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму: личная заинтересованность поднимает производство. Нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало. Оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени: к разным формам связи и объединения в самом производстве. Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в этой области некоторые, правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем в этой области новой «науки» приготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс», хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось. Во что бы то ни стало, как бы тяжелы ни были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца.

Написано 14 октября 1921 г.

Напечатано в «Правде» № 234.

18 октября 1921 г.

Речь на II Всероссийском съезде политпросветов.

(Заседание 17 октября 1921 г.)

Товарищи, я намерен посвятить настоящий доклад новой экономической политике и задачам политпросветов, как я их понимаю, в связи с этой политикой. Мне кажется, что до последней степени неправильно ограничивать доклады только информацией о том, что вообще делается в партии или в Советской республике. Отнюдь не отрицая пользы такой информации и не отрицая пользы совещаний по всяким вопросам и по многому прочему, я все же нахожу, что главным недостатком в работе большинства наших съездов является отсутствие прямой, непосредственной связи с теми практическими задачами, которые перед съездом стоят. Об этих недостатках мне хотелось бы поговорить в связи с новой экономической политикой и по поводу новой экономической политики.

О новой экономической политике я буду говорить в кратких чертах. Громадное большинство из вас, товарищи, — коммунисты и несмотря на большую молодость некоторых из вас, коммунисты, проделавшие большую работу в нашей общей политике в первые годы нашей революции. Как проделавшие эту работу, вы не можете не видеть, какой резкий поворот сделала наша Советская власть и наша коммунистическая партия, перейдя к той экономической политике, которую зовут новой, новой по отношению к предыдущей нашей экономической политике, а по сути дела в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике. Почему это так? Потому, что наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах. Если припомнить нашу предыдущую экономическую литературу, если вспомнить, что писали коммунисты перед взятием власти в свои руки в России или в скором времени после взятия власти, например, в начале 1918 г., когда первый политический натиск на старую Россию закончился громадным успехом, когда Советская республика была создана, когда из империалистической войны, хотя и в изуродованном виде, но все-таки Россия вышла и вышла с меньшими уродствами, чем если бы она продолжала, по совету империалистов и меньшевиков с эс-эрами, защищать отечество, то мы увидим, что в первый период, когда мы только что кончили первое дело по строительству Советской власти и только что вышли из империали-

стической войны, мы о наших задачах экономического строительства говорили гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем во вторую половину 1918 года и в течение всего 1919 и всего 1920 годов. Если не все из вас были в это время активными работниками партии и Советской власти, то они, во всяком случае, могли бы познакомиться и, конечно, познакомились с такими решениями, как решение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в конце апреля 1918 г., решение Центрального Комитета 29 апреля 1918 г., которые указывали на необходимость считаться с крестьянской экономикой, учитывали роль государственного капитализма в строительстве социализма и подчеркивали значение индивидуальной, единоличной ответственности в деле управления страной, в отличие от политических задач строительства власти и военных задач. В начале 1918 г. мы рассчитывали на известный период, когда мирное строительство будет возможно. По заключении брестского мира опасность, казалось, отодвинулась, и можно было приступить к мирному строительству. Но мы обманулись. В 1918 г. на нас надвинулась настоящая военная опасность и надвинулась вместе с чехо-словацким восстанием и началом гражданской войны, которая затянулась до 1920 г. Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика, под влиянием этих обстоятельств и некоторых, может быть, других обстоятельств, о которых сейчас не время говорить, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение. Не могу сказать, что так определенно и наглядно мы такой план себе нарисовали, но приблизительно мы в этом духе действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому, что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму, к убеждению, что, не пройдя через период социалистического учета и контроля, подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя. В теоретической литературе, начиная с 1918 г., когда задача принятия власти стала и была большевиками перед всем народом раскрыта, в нашей литературе подчеркивалось определенно, что необходим длинный и сложный переход от капиталистического общества через социалистический учет и контроль хотя бы к одному подступу к коммунистическому обществу. Это было нами вроде того что забыто, когда пришлось в горячке гражданской войны

делать необходимые шаги по строительству. Наша новая экономическая политика по сути ее в том и состоит, что мы в этом приеме потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим все заново, по прочее. Никакого сомненья в том, что мы понесли экономическое поражение на экономическом фронте, и поражение весьма тяжелое, у коммунистов быть не может, и мы ставим совершенно сознательно вопрос о новой экономической политике. Конечно, неизбежно, что часть товарищей впадет в состояние весьма кислое, почти паническое; по случаю отступления эти люди начнут предаваться паническому настроению. Это вещь неизбежная. Ведь, когда Красная армия отступала, она начинала победу свою с того, что бежала перед неприятелем, и каждый раз на каждом фронте мы этот панический период у некоторых людей наблюдали. Но каждый раз, и на фронте колчаковском, и на фронте деникинском, и на фронте юденинском, и на врангелевском, и на польском фронте каждый раз оказывалось, что после того, как нас разочек, а иногда и больше, хорошенечко били, мы оправдывали пословицу, что «за одного битого двух небитых дают». Бывши один раз битыми, мы начинали наступать медленно, систематически и осторожно. Конечно, задачи на экономическом фронте во много раз труднее, чем задачи на фронте военном, но общее сходство этих элементарных абрисов стратегии имеется. На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение раньше, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, выразившееся тем, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан, как основная и неотложная задача. Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе — эта политика мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года. Вот почему случилось то, что с точки зрения нашей общей политики нельзя назвать не чем иным, как сильным поражением и отступлением, при чем, как и наши отступления Красной армии, нельзя сказать, чтобы это было отступление в полном порядке на заранее приготовленные позиции. Правда, позиции были приготовлены заранее. Это можно проверить, сопоставив решения нашей партии весной 1921 года с упомянутым мной апрельским решением 1918 года. Позиции были приготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло, а во многих ме-

стах в провинции происходит и сейчас, в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке.

Задача политпросветов бороться с этим выдвигается на первый план. Основной вопрос, с точки зрения новой экономической политики, состоит в том, кто скорее сумеет здесь воспользоваться

Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. В какой мере — этого мы не знаем. Концессии с иностранными капиталистами, правда, пока очень немного их заключено, в особенности по сравнению с предложениями, которые мы сделали, аренда частных капиталистов — это и есть прямое восстановление капитализма и это связано с корнями новой экономической политики. Ибо уничтожение разверстки означает для крестьян свободную торговлю сельско-хоз. излишками, не взятыми налогом, а палог берет лишь небольшую долю продуктов. Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти.

Это самая основная экономическая азбука, преподаваемая в начатках экономической науки, а у нас, кроме того, преподаваемая каждым мешечником, существом, весьма хорошо знакомящим нас с экономикой, независимо от экономической и политической науки. И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением? Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: «Повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали».

Вот к чему сводится вся теперешняя война: кто победит, кто скорее воспользуется — капиталист, которого мы же пускаем в дверь или даже в несколько дверей и во много таких дверей, которых мы сами не знаем и которые открываются помимо нас и против нас, или пролетарская государственная власть. На что она может экономически опереться? С одной стороны, на улучшение положения населения. В этом отношении надо вспомнить о крестьянах. Совершенно бесспорно, и всем очевидно, что, несмотря на такое громадное бедствие, как голод, улучшение положения населения, за вычетом этого бедствия наступило именно в связи с изменением нашей экономической политики.

С другой стороны, если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Капиталисты будут выигрывать от нашей политики и будут

создавать промышленный пролетариат, который у нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т.-е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями

Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией, не выделыванием зажигалок на продажу и прочей «работой», не очень-то полезной, но весьма неизбежной в обстановке разрухи нашей промышленности.

Весь вопрос — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему? Нужно ставить этот вопрос трезво. Всякая тут идеология, всякие рассуждения о политических свободах есть рассуждения, которых очень много можно найти, особенно, если посмотрим на заграничную Россию, Россию № второй, где имеются десятки ежедневных газет всех политических партий, где все эти свободы воспеваются на все лады и всеми музыкальными нотами, существующими в природе. Все это — болтовня, фразы. От этих фраз нужно уметь отвлечься

Мы за 4 года перенесли много серьезных битв и научились, что одно дело — серьезная битва и другое дело — болтовня, которая идет по случаю серьезной битвы, идет особенно от людей, в сторонке сидящих. Нужно от всей этой идеологии, от этой болтовни уметь отвлечься и посмотреть на суть дела. А суть дела та, что борьба есть и будет еще более отчаянная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным. Это потому, что та борьба военная, — это есть дело привычное. Сотни и тысячи лет, всегда воевали. По части искусства избивать людей на войне сделаны громадные успехи.

Правда, в штабах почти всякого помещика были эс-эры и меньшевики, которые кричали о народоправстве, об учредилке и о том, что большевики нарушили все свободы.

Решить военную задачу все-таки легче, чем ту, которая стоит сейчас перед нами, решить военную задачу можно натиском, налетом, энтузиазмом, прямо-таки физической силой того большого числа рабочих и крестьян, которые видели, что на них идет помещик. Теперь открытых помещиков нет. Врангели, Колчаки, Деникины частью отправились к Николаю Романову, частью укрылись в безопасных заграничных местах. Этого ясного врага, — как раньше помещика и капиталиста, — народ не видит. Что враг уже среди нас, и что этот враг — вот же самый, что революция стоит перед какой-то пропастью, на которую все прежние революции натыкались и пятились назад, — этого понимания у народа быть не может, потому что он страдает большой темнотой и безграмотностью. И сколько времени всякие чрезвычайные комиссии будут ликвидировать чрезвычайным образом эту безграмотность — сказать трудно.

Откуда народ может сознать, что вместо Колчака, Врангеля, Деникина тут же, среди нас находится враг, погубивший все прежние революции? Ведь если капиталисты берут верх над нами, то это означает возврат к старому, что и подтверждено опытом всех прежних революций. Задача нашей партии развить сознание, что враг среди нас есть анархический капитализм и анархический товарообмен. Надо ясно понимать эту сущность борьбы, и добиваться, чтобы самые широкие массы рабочих и крестьян эту сущность борьбы ясно понимали — «кто кого? чья возьмет?». Диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая бешеная борьба, в которой пролетариату приходится бороться со всем миром, ибо весь мир шел против нас, поддерживая Колчака и Деникина.

Теперь буржуазия всего мира поддерживает буржуазию России, оставаясь во много раз более сильной, чем мы. Из-за этого мы несколько не впадаем в панику, потому что военных сил у них тоже было больше, однако этого нехватило, чтобы на войне нас раздавить, хотя на войне, имея неизмеримо больше сил в артиллерии или авиации, было гораздо легче нас раздавить. Может быть, для этого достаточно было бы мобилизовать во-время несколько корпусов той или другой капиталистической державы, которые против нас шли, и не пожалеть нескольких миллионов золота в долг для Колчака.

Однако это не помогло, потому что сознание их неправоты и правоты нашей проникло и в массы английских солдат, которые пришли в Архангельск, и в массы матросов, которые заставили английский флот уйти из Одессы. Теперь против нас выступили силы, по-прежнему более могущественные, чем мы. И чтобы тут победить — нужно опереться на последний источник сил. Последний источник

сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность.

Либо пролетарская организованная власть — и передовые рабочие и небольшая часть передовых крестьян эту задачу поймут и сумеют организовать народное движение вокруг себя, — и тогда мы выйдем победителями.

Либо мы не сумеем это сделать, и тогда неприятель, имеющий больше сил в смысле техники, неминуемо нас побьет.

Диктатура пролетариата есть ожесточенная война. Пролетариат победил в одной стране, но остается более слабым в международном масштабе. Он должен всех рабочих и крестьян объединить вокруг себя в том сознании, что война не кончена. Если мы в песне поем, что «это есть наш последний и решительный бой», то, к сожалению, это есть маленькая неправда, — к сожалению, это не есть наш последний и решительный бой. Или вы рабочих и крестьян сумеете слить в этой борьбе, или не получите успеха.

Такой борьбы, которую мы видим сейчас, еще никогда не было в истории, но войны крестьян с помещиками были в истории не раз, начиная с первых времен рабовладения. Такие войны бывали не раз, но войны государственной власти против буржуазии своей страны и против соединенной буржуазии всех стран — такой войны не бывало никогда.

Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы. В десятках революций было то же самое, но такой войны не видал еще мир. Опыта у народа в таких войнах быть не могло. Мы должны создавать сами и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чем девиз и величайшая трудность этой задачи.

Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина. Нам говорят: «Личная заинтересованность крестьянина, — это значит восстановление частной собственности». Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия, — она нами не уничтожалась по отношению к крестьянам никогда. Мы уничтожили частную собственность на землю, крестьянин вел хозяйство без частной собственности на землю, например, на земле арендованной. Эта система существовала в очень многих странах. Тут экономически невозможного ничего нет. Трудность в том, чтобы лично заинтересо-

вать. Нужно заинтересовать также каждого специалиста тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства.

Умели ли мы это делать? Нет, не умели! Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение в стране с деклассированным пролетариатом. Мы должны будем это изменить потому, что иначе мы не можем познакомить пролетариат с этим переходом. Таких задач в истории еще никогда не ставилось. Если мы эту задачу пробовали решить напрямик, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне и их не считают ошибками. Но удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и силой.

И мы говорим, что надо построить всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности. Обсуждение — сообща, а ответственность — единолична. От неумения осуществить это начало мы страдаем на каждом шагу. Вся новая экономическая политика требует, чтобы это деление было проведено с абсолютной резкостью, с безусловной четкостью. Когда народ перешел к новым экономическим условиям, он бросился обсуждать, что из этого выйдет и как это надо по-новому построить. Но пройдя через общие обсуждения, пельзя было ничего начинать, потому что народ держали десятки и сотни лет под запретом что-нибудь обсуждать, а революция не могла развиваться иначе, как через период всеобщего универсального митингования по всем вопросам...

Это создавало во многом путаницу. Это было так, это неизбежно, но нужно сказать, что это и не опасно. Если во-время научиться отделять от митингования то, что нужно для митингования и что нужно для управления, то тогда мы только сможем добиться высоты положения Советской республики. Но мы, к сожалению, этого еще не научились делать, и большинство съездов идет далеко не деловым образом.

Обилием наших съездов мы превосходим все государства мира. Ни одна из демократических республик не имеет столько съездов, сколько имеем мы, да они и не могут допустить этого.

Мы должны помнить, что страна наша есть страна, много потравившая и обнищавшая, и нужно научить ее митинговать так, чтобы не смешивать, как я сказал, то, что нужно для митингования, с тем, что нужно для управления. Митингуй, но управляй без малейшего колебания, управляй тверже, чем управлял до тебя капиталист. Иначе ты его не победишь. Ты должен помнить, что управление должно быть еще более строгое, еще более твердое, чем прежде.

В Красной армии после долгомесячного митингования дисциплина была такова, что не уступала дисциплине прежней армии;

В ней применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, меры, которых не видало даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели, и ввели вполне сознательно».

Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас, и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, и тогда останется жить наша Советская республика,—либо наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика. В стране, которая обнищала, либо погибнут те, которые не могут подтянуться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет и быть не может, так же, как не должно быть и никакой сентиментальности. Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество. Тот, кто отступает теперь от порядка дисциплины, тот впускает врагов в свою среду.

Вот почему я говорю, что новая экономическая политика имеет значение еще и со стороны учения. Вы здесь говорите о том, как надо учить. Вы должны прийти к тому, чтобы сказать, что недоучившимся у нас нет места. Тогда, когда будет коммунизм, тогда учение будет мягче. Теперь же я говорю, что учение не может не быть суровым — под страхом гибели.

У нас было дезертирство из армии, тоже и на трудовом фронте: ты работал на капиталиста, работал на эксплуататора, и, понятно, что работал плохо, но теперь ты работаешь на себя, на рабоче-крестьянскую власть. Помни, что должен решиться вопрос, сумеем ли мы работать для себя, так как иначе, — повторяю, — наша республика погибнет. И мы говорим, как говорили в армии: либо погибнуть всем, кто хотел погубить нас, и тут мы будем применять самые суровые меры дисциплины, либо мы спасем страну и будет жить наша республика.

Вот какова должна быть наша линия, вот почему (между прочим) нам нужна новая экономическая политика.

Хозяйничайте все. Капиталисты будут рядом с вами, рядом с вами будут и иностранные капиталисты, концессионеры и арендаторы, они будут вышибать у вас сотни процентов прибыли, они будут наживаться около нас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать, и тогда только вы сумеете построить коммунистическую республику. С точки зрения необходимости быстро научиться — всякое послабление есть величайшее преступление. И в эту науку, науку тяжелую, суровую, иногда даже жестокую, нужно пойти, так как иначе другого выхода нет.

Вы должны помнить, что наша Советская страна, обнищавшая после долголетних испытаний, окружена не социалистической Фран-

цией и не социалистической Англией, которые помогли бы нам своей высокой техникой, своей высокой промышленностью. Нет! Мы должны помнить, что теперь вся их высокая техника, вся их высокая промышленность принадлежит капиталистам, которые действуют против нас.

Мы должны помнить, что у нас должно быть либо величайшее напряжение сил в ежедневном труде, либо нас ждет неминуемая гибель.

Весь мир в силу данного положения вещей развивается скорее нашего. Капиталистический мир, развиваясь, направляет все силы против нас. Вот как стоит вопрос! Вот почему на эту борьбу нужно обратить особенное внимание.

При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу проще, и, может быть, другие страны так ее и решат, когда придет время стросния их коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос.

Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды. Надо поставить дело так, чтобы каждый трудящийся прилагал свои силы к укреплению рабоче-крестьянского государства. Только тогда может быть создана крупная промышленность.

Нужно, чтобы сознание это проникло в массы, и чтобы оно не только проникло в массы, но и закрепилось в них практически. Вот откуда,—говорю я,—вытекают задачи Главполитпросвета. После всякого глубокого политического переворота народу нужно много времени для того, чтобы этот переворот себе усвоить. И вот тут стоит вопрос, сознал ли народ те уроки, которые были ему даны. К глубокому сожалению, на этот вопрос можно ответить, что нет. Если бы это было так, то тогда мы пришли бы гораздо скорее, гораздо короче к созданию крупной промышленности.

После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные, которые можно назвать «маленькими делами». Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией.

В свое время были нужны эти декларации, заявления, манифесты, декреты. Этого у нас достаточно. В свое время эти вещи были необходимы, чтобы народу показать, как и что мы хотим строить, какие новые и невиданные вещи. Но можно ли народу продолжать показывать, что мы хотим строить? Нельзя! Самый простой рабочий

в таком случае станет издеваться над нами. Он скажет: «Что ты все показываешь, как ты хочешь строить, ты покажи на деле, как ты умеешь строить. Если не умеешь, то нам не по дороге, проваливай к чорту!». И он будет прав.

Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи, прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически. Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может претвориться в жизнь. Либо гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономического фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться.

Задача подъема культуры — одна из самых очередных. И это задача политпросвета, если он сумеет служить «политическому просвещению», каковое название он себе выбрал. Название присвоить не трудно, но вот, как обстоит дело с выполнением? Будем надеяться, что после этого съезда мы получим точные данные об этом. У нас комиссия по ликвидации безграмотности создана 19 июля 1920 года. И парочно, перед тем, как приехать на съезд, прочел соответственный декрет. Всероссийская комиссия по ликвидации безграмотности... Мало того — чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Будем надеяться, что после этого съезда мы получим данные, в скольких губерниях и что именно в этой области проделано, и получим точный отчет. Но уже то обстоятельство, что пришлось создать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает, что мы люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, — там в школах ликвидируют безграмотность. Там есть школы сносные, — и в них учат. Чему? Учат грамотности, первым делом. Но если эта элементарная задача не решена, то говорить о новой экономической политике смешно.

Какая тут новая политика? Дай бог как-нибудь держаться со старой, если мы должны чрезвычайными мерами ликвидировать безграмотность. Это — очевидно. Но еще более очевидно, — мы наделали чудес и в военной области и в других. Среди этих чудес самое большое чудо, я думаю, было бы то, чтобы ликвидировать до конца самую комиссию по ликвидации безграмотности. И чтобы не возникало таких проектов, как я здесь слышал, об отделении от Наркомпроса. Если это так, если вы в это вникнете, то согласитесь, что нужно бы создать чрезвычайную комиссию по ликвидации некоторых дурных проектов.

Мало того: недостаточно безграмотность ликвидировать, но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался умением читать и писать, чтобы он имел, что читать, чтобы он имел газеты и пропагандистские брошюры, чтобы они правильно распределялись и доходили до народа, чтобы они не пропадали в пути, так что их читают не больше половины и употребляют на что-то в канцеляриях, а до народа, возможно, и одна четверть не доходит. Нужно научиться пользоваться тем скудным, что у нас есть.

Вот почему в связи с новой экономической политикой надо не устанно выдвигать мысль, что политическое просвещение требует во что бы то ни стало повышения культуры. Надо добиться, чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это умение читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства.

Советские законы очень хороши, потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину. А что — пользуются этой возможностью? Почти никто! И не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно-русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Ниша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только, если сама народная масса помогает. У нас коммунисты, не меньше половины, не умеют бороться, не говоря уже о таких, которые мешают бороться. Правда, из вас 99% — коммунисты, и вы знаете, что с коммунистами мы производим теперь операции, которыми занята комиссия по очистке партии, и есть надежда, что тысяч 100 из нашей партии мы удалим. Некоторые говорят, что тысяч 200,— и эти последние мне больше нравятся.

Я очень надеюсь, что мы выгоним из нашей партии от 100 до 200 тысяч коммунистов, которые примазались к партии и которые не только не умеют бороться с волокитой и взяткой, но мешают с ними бороться.

То, что мы на сотню-другую тысяч нашу партию очистим, это будет полезно, но это — ничтожная доля того, что нам надо сделать. Надо, чтобы политпросветы всю свою работу применили к этой цели. С безграмотностью бороться должно, но одна грамотность также недо-

статочна, а нужна та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками. Это — такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить. По сути дела эту болячку нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним подъемом культуры. И эта задача ложится на политпросветы.

Нужно, чтобы политпросветчики понимали свои задачи не чиновничьи, что также весьма часто наблюдается, когда говорится о том, нельзя ли представителя губполитпросвета ввести в губэконо. Извините меня, никуда не надо вас вводить, а надо, чтобы вы свои задачи разрешали, как простые граждане. Когда вы входите в учреждение, вы бюрократизируетесь, а если вы будете иметь дело с народом и политически его просвещать, опыт вам скажет, что у политически просвещенного народа взяток не будет, а у вас они на каждом шагу. Вас спросят: как сделать, чтобы не было взяток, чтобы в исполкоме какой-то взятки не брал, научите, как этого добиться? И если политпросветчики скажут: «Это не по нашему ведомству», «у вас изданы по этому делу брошюры и прокламации», народ нам скажет: «Плохие вы члены партии: это, правда, не по вашему ведомству, для этого есть рабкрин, но ведь вы являетесь и членами партии». Вы взяли на себя название политического просвещения. Когда вы такое название брали, вас предупреждали: не замахивайтесь очень в названии, а берите названия попроще. Но вы хотели взять название политического просвещения, а в этом названии многое заключается. Ведь вы не называли себя людьми, которые учат народ азбуке, но вы взяли название политического просвещения. Вам могут сказать: «Очень хорошо, что вы учите народ читать, писать, проводить экономическую кампанию, это все очень хорошо, но это не политическое просвещение, потому что политическое просвещение означает подведение итогов всему».

Пропаганду против варварства и таких болячек, как взятки, мы ведем, и надеемся, вы ведете, но политическое просвещение не исчерпывается этой пропагандой, оно значит — научить народ, как этого достигать, и показывать другим такие примеры не в качестве членов исполкома, а в качестве рядовых граждан, которые, будучи политически просвещеннее, чем другие, умеют не только ругать за всякую волокиту, — это у нас широко распространяется, — но показать, как на деле это зло побеждается. Это — очень трудное искусство, которого без общего подъема культуры, без того, чтобы сделать рабоче-крестьянскую массу более культурной, чем наша теперешняя, —

не решить! И на эту задачу Главполитпросвета мне и хотелось бы обратить больше всего внимания.

Все, что я сказал, я хочу резюмировать и подвести практические итоги всем задачам, стоящим перед губполитпросветами.

На мой взгляд, есть три главных врага, которые стоят сейчас перед человеком, независимо от его ведомственной роли, задачи, которые стоят перед политпросветчиком, если этот человек коммунист, а таких большинство. Три главных врага, которые стоят перед ним, следующие: первый враг — коммунистическое чванство, второй — безграмотность, и третий — взятка.

Коммунистическое чванство — значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием. Пока он состоит членом правящей партии и таких-то государственных учреждений, на этом основании он воображает, что это даст возможность ему говорить об итогах политического просвещения. Ничего подобного! Это только коммунистическое чванство. Научаться политически просвещать — вот в чем дело, а мы этому не научились, и у нас к этому правильного подхода еще нет.

Относительно второго врага — безграмотности — я могу сказать, что пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика.

Наконец, если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике, тут нельзя делать политики, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам. Хуже будет от закона, если практически он будет применяться в условиях допустимости и распространенности взятки. При таких условиях нельзя делать никакой политики, здесь нет основного условия, чтобы можно было заняться политикой. Чтобы можно было набросать перед народом политические наши задачи, чтобы можно было показать народным массам: «вот к каким задачам мы должны стремиться» (а это мы должны были бы сделать!), надо понять, что здесь требуется повысить культурный уровень масс. И нужно добиться этого известного уровня культуры. Без этого осуществить на деле наши задачи нельзя.

Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные. Нужно понять, что условия движения

вперед теперь не те. Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность. Без этих качеств даже и приступать к политическому просвещению нельзя. А результаты политического просвещения можно измерить только улучшением хозяйства. Не только нужно, чтобы мы уничтожили безграмотность, чтобы мы уничтожили взятку, которая держится на почве безграмотности, но надо, чтобы наша пропаганда, наши руководства, наши брошюры были восприняты народом на деле, и чтобы результатом этого явилось улучшение народного хозяйства.

Вот каковы задачи политпросвета в связи с нашей новой экономической политикой, и мне хотелось бы надеяться, что, благодаря нашему съезду, мы здесь добьемся большого успеха.

*«Правда» №№ 235, 237 и 238,
19. 21, 22 октября 1921 г.*

Речь на московской губернской партийной конференции.

(Заседание 29 октября 1921 г.)

Товарищи, приступая к докладу о новой экономической политике, я прежде всего должен оговориться, что понимаю эту тему не так, как, может быть, ожидают многие из присутствующих, или, вернее, я могу взять себе лишь одну небольшую часть этой темы. Естественное, что по этому вопросу главный интерес может быть направлен на ознакомление и оценку последних законов и постановлений Советской власти, касающихся новой экономической политики. Интерес к такой теме был бы тем более законным, чем больше число этих постановлений и чем настоятельнее надобность в их оформлении, упорядочении и подытоживании, а эта надобность, насколько я могу судить по наблюдениям в Совнаркоме, сейчас уже очень и очень чувствуется. Точно так же не менее законно было бы желание ознакомиться с фактами и цифрами, которые уже имеются по вопросу о результатах новой экономической политики. Конечно, число таких фактов, подтвержденных и проверенных, еще очень невелико, но все же они имеются. И, несомненно, для ознакомления с новой экономической политикой следить за этими фактами и пытаться подытожить их,— абсолютно необходимо. Но ни той, ни другой темы я не могу взять

на себя, и если у вас проявится интерес к ним, я уверен, вы найдете для этих тем докладчиков. Меня же интересует другая тема, именно — вопрос о тактике, или, если можно так выразиться, о революционной стратегии, примененной нами в связи с поворотом нашей политики, и об оценке условий того, насколько эта политика соответствует общему пониманию нами наших задач, с одной стороны, и с другой — насколько теперешнее партийное знание и партийное сознание припоровились к необходимости этой новой экономической политики. Вот этому специальному вопросу я бы и хотел исключительно посвятить свою беседу.

Прежде всего меня интересует вопрос о том, в каком смысле при оценке нашей новой экономической политики можно говорить об ошибочности предыдущей экономической политики, верно ли будет характеризовать ее, как ошибку, и, наконец, если это верно, то в каком смысле может быть признана полезной и необходимой такая оценка?

Этот вопрос, мне кажется, имеет значение для оценки того, насколько мы сейчас в партии согласны между собой по самым коренным вопросам теперешней нашей экономической политики.

Должно ли внимание партии сейчас быть направлено исключительно на конкретные отдельные вопросы этой экономической политики, или это внимание должно быть останавливаемо, по крайней мере время от времени, на оценке общих условий этой политики и на соответствии партийного сознания, партийного интереса и партийного внимания к этим общим условиям? Я думаю, что в настоящее время положение именно таково, что наша новая экономическая политика не является еще достаточно определившейся для широких кругов партии и что без ясного представления об ошибочности предыдущей экономической политики мы не могли бы успешно выполнить свою работу по созданию основ и по окончательному определению направления нашей новой экономической политики.

Чтобы пояснить свою мысль и ответить на вопрос, в каком смысле можно и должно, на мой взгляд, говорить об ошибочности нашей предыдущей экономической политики, я позволю себе взять для сравнения один из эпизодов русско-японской войны, который, мне кажется, поможет нам представить себе точное соотношение разных систем и приемов политики в революции такого рода, как революция, происходящая у нас. Пример, о котором я говорю, это — взятие Порт-Артура японским генералом Ноги ¹⁶²⁾. Основное, что интересует меня в этом примере, состоит в том, что взятие Порт-Артура прошло две совершенно различных стадии. Первая состояла в ожесточенных штурмах,

которые все окончились неудачей и стоили знаменитому японскому полководцу необычайного количества жертв. Вторая стадия,—это когда пришлось перейти к чрезвычайно тяжелой, чрезвычайно трудной и медленной осаде крепости по всем правилам искусства, при чем по истечении некоторого времени именно таким путем задача взятия крепости была решена. Если мы посмотрим на эти факты, то, естественно, станет вопрос: в каком смысле можно оценить как ошибку первый способ действия японского генерала против крепости Порт-Артура? Ошибочны ли были штурмовые атаки на крепость? И если они были ошибкой, то при каких условиях японской армии нужно было для правильного выполнения своей задачи об этой ошибочности говорить и в какой мере нужно было эту ошибочность осознать?

Конечно, на первый взгляд ответ на этот вопрос представляется самым простым. Если целый ряд штурмовых атак на Порт-Артур оказался безрезультатным — а это факт,—если жертвы, которые при этом нападающие понесли, были невероятно велики — а это опять-таки бесспорный факт,—то отсюда уже очевидно, что ошибочность тактики непосредственного и прямого штурма на крепость Порт-Артур не требует никаких доказательств. Но, с другой стороны, не трудно видеть, что при решении такой задачи, в которой было очень много неизвестных,—трудно без соответствующего практического опыта определить с абсолютной или хотя бы даже с достаточно большой степенью приближенности и точности, какой прием может быть употреблен против враждебной крепости. Определить это было невозможно без того, чтобы не испытать на практике, какую силу представляет из себя крепость — какова мощность ее укреплений, каково состояние ее гарнизона и т. п. Без этого решить вопрос о применении правильного приема взятия крепости не было возможным даже для одного из лучших полководцев, к числу которых, несомненно, принадлежал генерал Ноги. С другой стороны, цель и условия успешного окончания всей войны требовали самых быстрых из возможных решений этой задачи; в то же время громадная вероятность была за то, что даже очень большие жертвы, если бы они оказались необходимыми для взятия крепости штурмом, все же окупились бы с лихвой. Они освободили бы японскую армию для операций на других театрах войны, завершили бы одну из самых существенных задач до того момента, как неприятель, т.-е. русская армия, успел бы перекинуть на далекий театр войны большие силы, лучше их подготовить и, может быть, притти к положению, когда она оказалась бы во много раз сильнее японской армии.

Если посмотреть на развитие военной операции в целом и на те условия, в которых действовала японская армия, то мы должны будем

притти к выводу, что эти штурмы на Порт-Артур означали не только величайшее геройство армии, оказавшейся способной пойти на громадные жертвы, но и означали также то единственно возможное в тогдашних условиях, т.-е. в начале операций, что являлось необходимым и полезным, потому что без проверки сил на практической задаче взятия крепости штурмом, без испытания силы сопротивления не было оснований предпринять борьбу, более длительную и более тяжелую борьбу, которая в силу уже своей длительности таила в себе целый ряд другого рода опасностей. С точки зрения операции в целом мы не можем не рассматривать и первую часть ее, состоящую в штурмах и атаках, как часть необходимую, как часть полезную, потому что, повторяю, без такого опыта у японской армии не могло быть достаточного знания конкретных условий борьбы. Каково было положение этой армии, когда она заканчивала период борьбы против враждебной крепости путем штурмов? Вот уложили тысячи и тысячи и уложим еще тысячи, а крепости таким путем не взять, — таково было положение, когда часть или большинство стало приходить к выводу, что надо отказаться от штурма и перейти к осаде. Если оказалась ошибка в тактике, то надо с этой ошибкой покончить, и все то, что с ней связано, надо признать помехой деятельности, которая требует изменения: надо окончить штурм и перейти к осаде, к иному размещению войск, к перераспределению материальных частей, не говоря уже об отдельных приемах и действиях. То, что было раньше, надо решительно, точно и ясно признать ошибкой, чтобы не получить помехи в развитии новой стратегии и тактики, в развитии операций, которые должны были пойти теперь совершенно по-иному и которые, как мы знаем, кончились полным успехом, хотя и в период несравненно более долгий, чем предполагалось.

Я думаю, что этот пример годится для пояснения того, в каком положении оказалась наша революция при решении своих социалистических задач в области хозяйственного строительства. Два периода в этом отношении выделяются совершенно явственно. С одной стороны, период приблизительно с начала 1918 г. до весны 1921 г. и с другой — тот период, в котором мы находимся с весны 1921 г.

Если вы припомните те заявления, официальные и неофициальные, которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных

ных, но всегда молчаливо подразумеваемых,— из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было.

Это был как раз тот период, когда уже была решена такая существенная, и в политическом отношении по необходимости являющаяся предварительной, задача, как задача взятия власти, создания советской системы государства на место прежней буржуазно-парламентарной, и затем задача выхода из империалистической войны, при чем этот выход, как известно, был сопряжен с особо тяжелыми жертвами, с заключением невероятно унижительного, ставившего почти невозможные условия, брестского мира. После заключения этого мира период с марта по лето 1918 г. был периодом, когда военные задачи казались решенными. Впоследствии события показали, что это было не так, что в марте 1918 г., после решения задачи империалистической войны, мы только подходили к началу гражданской войны, которая с лета 1918 г. в связи с чехо-словацким восстанием стала надвигаться все больше и больше. Тогда, в марте или апреле 1918 г., говоря о наших задачах, мы уже противопоставляли методам постепенного перехода такие приемы действия, как способ борьбы, преимущественно направленный на экспроприацию экспроприаторов, на то, что характеризовало собою главным образом первые месяцы революции, т.-е. конец 1917 и начало 1918 г. И тогда уже приходилось говорить, что наша работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов. Это значило, что мы наэкспроприировали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д., и, таким образом, ставилась передвигка от задачи экспроприации, разрушения власти эксплуататоров и экспроприаторов, к задаче организации учета и контроля, к прозаическим, так сказать, хозяйственным задачам непосредственного строительства. И тогда уже по целому ряду пунктов нам нужно было идти назад. Напр., в марте и апреле 1918 г. стал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т.-е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в соотношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества. Подобного рода исключительно высокое, по буржуазному высокое, вознаграждение специалистов не входило первоначально в план Советской власти и не соответствовало даже

целому ряду декретов конца 1917 г. Но в начале 1918 г. были прямые указания нашей партии на то, что в этом отношении мы должны сделать шаг назад и признать известный «компромисс» (я употребляю то слово, которое тогда употреблялось). Решением ВЦИК от 29 апреля 1918 г.¹⁶³) было признано необходимым эту перемену в общей системе оплаты произвести.

Свою строительную хозяйственную работу, которую мы тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую по сравнению с предыдущей экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы — система государственного производства и распределения и система частно-торгового производства и распределения — вступят между собою в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоёвывая его у враждебной системы. Мы говорим, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины. Это мы говорили в марте и апреле 1918 г., но мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле. Когда в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость брестского мира¹⁶⁴), мы поставили, напр., весной 1918 г. вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдём назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы. На это обстоятельство я хотел бы в особенности обратить ваше внимание потому, что это мне кажется необходимым для понимания того, в чем состояла перемена нашей экономической политики и как эту перемену надо оценить.

Я приведу пример, который конкретнее, нагляднее мог бы показать условия, в которых разворачивалась наша борьба. Недавно мне в Москве пришлось видеть частный «Листок Объявлений»¹⁶⁵). После трех лет предыдущей нашей экономической политики этот «Листок Объявлений» произвел впечатление чего-то совершенно необычного, совершенно нового, странного. Но с точки зрения общих приемов

нашей экономической политики тут ничего странного нет. Нужно припомнить, если взять этот маленький, но довольно характерный пример, как шло развитие борьбы, каковы были ее задачи и приемы в нашей революции вообще. Одним из первых декретов в конце 1917 г. был декрет о государственной монополии на объявления. Что означал этот декрет? Он означал, что завоевавший государственную власть пролетариат предполагает переход к новым общественно-экономическим отношениям, возможно более постепенный — не уничтожение частной печати, а подчинение ее известному государственному руководству, введение ее в русло государственного капитализма. Декрет, который устанавливал государственную монополию на объявления, тем самым предполагал, что остаются частно-предпринимательские газеты, как общее явление, что остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности — остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах, в объявлениях. Таков был и только таким мог мыслиться декрет о монополизации частных объявлений ¹⁶⁶). Сходство с этим имеется и в декретах, касающихся банковского дела, но, чтобы не осложнить примера, я об этом говорить не буду.

Какова же была судьба декрета о монополизации частных объявлений, изданного в первые недели существования Советской власти? Судьба его была такова, что он скоро был сметен совершенно. Припоминая теперь развитие борьбы и условия, в которых она шла с тех пор, смешно по нынешним временам вспомнить о том, насколько мы были наивны, что могли говорить в конце 1917 г. о введении государственной монополии на частные объявления. Какие частные объявления могли быть в период отчаянной борьбы! Неприятель, т.е. капиталистический мир, на этот декрет Советской власти ответил продолжением борьбы и доведением ее до высочайшего напряжения, до конца. Декрет предполагал, что Советская власть, пролетарская диктатура так упрочена, что никакой другой экономики быть не может, что необходимость подчиниться ей настолько очевидна для всей массы частных предпринимателей и отдельных хозяев, что борьба ими будет принята на той почве, на которую мы, как государственная власть, эту борьбу ставили. За вами, — говорили мы, — остаются частные издания, остается частная предприимчивость, остается необходимая для обслуживания этих предприятий свобода объявлений, устанавливается лишь государственный налог на них, устанавливается лишь концентрация их в руках государства, а сама по себе система частных объявлений не только не разрушается, а, наоборот, вам дается некоторая выгода, всегда связанная с правильной концентрацией дела

осведомления. Но на деле получилось то, что борьбу мы должны были развернуть совсем не на этом поприще. Неприятель, т.-е. класс капиталистов, ответил на этот декрет государственной власти отрицанием всей этой государственной власти полностью. Ни о каких объявлениях не могла идти речь, потому что все, что осталось буржуазно-капиталистического в нашем строе, направляло уже тогда все свои силы на борьбу за самые основы власти. Нам, которые предложили капиталистам: «Подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти, и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение всего этого путем государственного регулирования», — нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали.

Из декрета о монополизации частных объявлений не получилось ничего, — он остался пустой бумажкой, а жизнь, то-есть сопротивление класса капиталистов, заставила нашу государственную власть всю борьбу перенести в совершенно другую плоскость, не на такие пустяковые, до смешного мелкие вопросы, которыми мы в конце 1917 года имели наивность заниматься, а на вопрос: быть или не быть — сломить саботаж всего служащего класса, отбить армию белогвардейцев, получившую поддержку буржуазии всего мира.

Этот частный эпизод с декретом об объявлениях дает, мне кажется, полезные указания в основном вопросе об ошибочности или не ошибочности старой тактики. Конечно, оценивая сейчас события в перспективе последующего исторического развития, мы не можем не находить этот наш декрет наивным и в известном смысле ошибочным, но в то же время в нем было правильным и то, что государственная власть — пролетариат — сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности, постепенно и без особой ломки. Неприятель же, т.-е. класс буржуазии, пустил в ход все приемы, чтобы толкнуть нас на самое крайнее проявление отчаянной борьбы. Стратегически, с точки зрения неприятеля, было ли это правильно? Конечно, было правильно, потому что, не испытавши в этой области своих сил путем непосредственной схватки, каким образом буржуазия вдруг подчинилась бы совершенно новой, еще никогда не бывалой пролетарской власти? «Извините, господа почтенные, — отвечала нам буржуазия, — мы с вами поговорим вовсе не об объявле-

ниях, а о том, не найдется ли у нас еще Врангеля, Колчака, Деникина и не будет ли им оказана помощь международной буржуазией для решения вопроса вовсе не насчет того, будет ли у нас государственный банк или нет». На этот счет, о Госбанке, у нас в конце 1917 года было написано, как и насчет объявлений, весьма достаточно вещей, оказавшихся в достаточной степени только исписанной бумагой.

Буржуазия отвечала нам тогда правильной, с точки зрения ее интересов, стратегией: «Сначала мы поборемся из-за коренного вопроса, есть ли вы вообще государственная власть или вам это только кажется, а этот вопрос решится, конечно, уже не декретами, а войной, насилием, и это, вероятно, будет война не только капиталистов, изгнанных из России, а всех тех, которые в капиталистическом строе заинтересованы. И если окажется, что остальной мир заинтересован достаточно, то нас русских капиталистов, поддержит международная буржуазия». Поступая так, буржуазия, с точки зрения отстаивания своих интересов, поступала правильно. Она не могла, имея хоть каплю надежды на решение коренного вопроса самыми сильнейшими средствами — войной, — она и не могла, да и не должна была согласиться на те частичные уступки, которые ей давала Советская власть в интересах более постепенного перехода к новому порядку. «Никакого перехода, и ни к какому новому!» — вот как отвечала буржуазия.

Вот почему получилось то развитие событий, которое мы теперь видим. С одной стороны, победа пролетарского государства с необычным величием борьбы, которое характеризовало весь период 1917 и 1918 г.г., в условиях необычайного народного воодушевления; с другой — попытка экономической политики Советской власти, рассчитанная первоначально на ряд постепенных изменений, на более осторожный переход к новому порядку, что выразилось, между прочим, и в указанном мною маленьком примере. Вместо этого она получила, как ответ, из неприятельского лагеря решимость на беспощадную борьбу для определения того, может ли она, Советская власть, как государство, в системе экономических международных отношений удержаться. Этот вопрос мог быть решен только войной, которая в свою очередь была чрезвычайно ожесточенной, как гражданская война. Чем труднее становилась борьба, тем меньше оставалось места для осторожного перехода. В этой логике борьбы буржуазия, сказал я, поступала со своей точки зрения правильно. А что могли сказать мы? «Вы, господа-капиталисты, нас не испугаете. Мы и в этой области вас побьем, дополнительно, после того, как вы оказались побиты на подприще политическом вместе с вашей учредилкой». Иначе мы

поступить не могли. Всякий иной прием действий означал бы с нашей стороны полную сдачу позиций.

Припомните условия развития нашей борьбы, и вы поймете, в чем состояла эта, кажущаяся неправильной и случайной, смена, почему, опираясь на всеобщий энтузиазм и на обеспеченное политическое господство, мы могли легко совершить разгон учредилки, и почему в то же время мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям, почему, наконец, логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы, которая разоряла Россию три года.

К весне 1921 г. выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 г. показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде».

Если такой переход вызывает кое у кого жалобы, плач, уныние, негодование, то надо сказать: не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы. Борьба военная гораздо проще, чем борьба социализма с капитализмом, и мы побеждали Колчаков и К-о потому, что не боялись признавать своих поражений, не боялись учиться из их уроков, переделывать по много раз недоделанное или сделанное плохо.

Так же надо поступать в области гораздо более сложной и трудной борьбы социалистической экономики против капиталистической. Не бояться признать поражение. Учиться на опыте поражения. Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят.

А я надеюсь, что про большевиков, закаленных 3-летним опытом гражданской войны, этого сказать никому не удастся, за исключением единичных случаев. Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности. И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаз на неправильность старых приемов.

Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства в условиях, неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы,— перед нами весной 1921 года стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма.

Я не могу сегодня касаться цифр или итогов, или фактов, которые показали бы, что нам дала эта политика возврата к государственному капитализму. Я приведу только один небольшой пример. Вы знаете, что одним из главных центров нашей экономики является Донецкий бассейн. Вы знаете, что мы имеем там крупнейшие бывшие капиталистические предприятия, стоящие на уровне капиталистических предприятий Западной Европы. Вы знаете также, что наша задача там была — сначала восстановить крупные промышленные предприятия: с небольшим числом рабочих нам легче приступить к восстановлению донецкой промышленности. Но что же мы видим там теперь, после весеннего поворота в политике? Мы наблюдаем там обратное — особенно успешное развитие производства в мелких крестьянских шахтах, которые стали сдаваться в аренду. Мы видим развитие отношений государственного капитализма. Крестьянские шахты хорошо работают, доставляя государству, в виде аренды, около 30 проц. добываемого на них угля. Развитие производства в Донбассе показывает общее значительно улучшение по сравнению с катастрофическим положением лета текущего года, и в этом улучшении немалую роль играет улучшение производства в мелких шахтах, эксплуатация их на началах государственного капитализма. Я не могу здесь заняться разбором всех соответствующих данных, но вы все же можете наглядно видеть на этом примере известные практические результаты перемены политики. Оживление экономической жизни,— а это нам нужно во что бы то ни стало,— повышение производительности, что нам также нужно во что бы то ни стало,— все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе государственного капитализма. От нашего искусства, от того, насколько правильно мы применим эту политику дальше, будет зависеть и то, насколько удачны будут дальнейшие результаты.

Теперь я возвращаюсь к развитию своей основной мысли. Этот весенний переход к новой экономической политике, это наше отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма — оказалось ли оно достаточным, чтобы мы, приостановив отступление, стали уже готовиться к наступлению? Нет, оно оказалось еще недостаточным. И вот почему. Если вернуться к сравнению, о котором я говорил вначале (о штурме и осаде на войне), то мы еще не закончили нового перемещения войск, перераспределения материальных частей и т. д., — словом, не закончили подготовки новых операций, которые теперь, сообразно новой стратегии и тактике, должны пойти по-иному. Если мы сейчас переживаем переход к государственному капитализму, то спрашивается, надо ли добиваться того, чтобы приемы деятельности, соответствовавшие предыдущей экономической политике, нам теперь не мешали? Само собой разумеется, — и наш опыт нам это показал, — нам этого надо добиться. Весной мы говорили, что мы не будем бояться возвращения к государственному капитализму и говорили о наших задачах именно, как об оформлении товарообмена. Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 года было приспособлено к поднятию товарообмена. Что заключалось в этом понятии? Каков, если можно так выразиться, предполагаемый этим понятием план строительства? Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось, — сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы, — что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купля-продажи денежного обращения захлестнет вас!

Вот почему мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, чтобы в дальнейшем перейти, наконец, в наступление. Вот почему в данный момент сознание того, что прежние приемы экономической политики ошибочны, должно быть среди нас общепризнанным. Мы должны это знать, чтобы ясно дать себе отчет, в чем сейчас гвоздь положения, в чем своеобразие того перехода, перед которым мы стоим. Задачи внешние ее стоят перед нами сию минуту, как неотложные. Не стоят, как неотложные, и военные задачи. Перед нами сейчас, главным образом, экономические задачи, и мы должны помнить, что ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству.

С нашим делом (экономическим) мы не могли еще сладить в течение трех лет. При той степени разорения, нищеты и культурной отсталости, какие у нас были, решить эту задачу в такой краткий срок оказалось невозможным. Но штурм в общем не прошел бесследно и бесполезно.

Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь. Восстановление правильной системы экономических отношений, восстановление мелкого крестьянского хозяйства, восстановление и поднятие на своих плечах крупной промышленности. Без этого мы из кризиса не выберемся. Другого выхода нет; а, между тем, сознание необходимости этой экономической политики в нашей среде еще недостаточно отчетливо. Когда, например, говоришь: перед нами задача, чтобы государство стало оптовым торговцем или научилось вести оптовую торговлю, задача коммерческая, торговая, — это кажется необычайно странным, а некоторым и необычайно страшным. «Если, дескать, коммунисты договорились до того, что сейчас выдвигаются на очередь задачи торговые, обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что же может тут остаться от коммунизма? Не следует ли по сему случаю окончательно притти в уныние и сказать: ну, все потеряно!» Такого рода настроения, я думаю, если поглядеть кругом себя, можно подметить, а они чрезвычайно опасны, потому что эти настроения, получи они широкое распространение, служили бы лишь к засорению глаз для многих, к затруднению трезвого понимания наших непосредственных задач. Скрывать от себя, от рабочего класса, от массы то, что в экономической области и весной 1921 г., и теперь осенью—зимой 1921—1922 года мы еще продолжаем отступление,—

это значило бы осуждать себя на полную бессознательность, это значило бы не иметь мужества прямо смотреть на создавшееся положение. При таких условиях работа и борьба были бы невозможны.

Если бы армия, убедившись, что она неспособна взять крепость штурмом, сказала бы, что она не согласна сняться со старых позиций, не займет новых, не перейдет к новым приемам решения задачи,— про такую армию сказали бы: тот, кто научился наступать и не научился при известных тяжелых условиях, применяясь к ним, отступать, тот войны не окончит победоносно. Таких войн, которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключения. И это — если говорить об обыкновенных войнах. А при такой войне, когда решается судьба целого класса, решается вопрос: социализм или капитализм,—есть ли разумные основания предполагать, что народ, в первый раз решающий эту задачу, может найти сразу единственный правильный, безошибочный прием? Какие основания предполагать это? Никаких! Опыт говорит обратное. Не было ни одной задачи из тех, какие мы решали, которая не потребовала бы от нас повторного решения взяться за нее опять. Потерпевши поражение, взяться второй раз, все переделать, убедиться, каким образом можно подойти к решению задачи, не то, чтобы к окончательно правильному решению, но к решению, по крайней мере, удовлетворительному,— так мы работали, так надо работать и дальше. Если бы при той перспективе, которая открывается перед нами, в наших рядах не оказалось бы единодушия, это было бы самым печальным признаком того, что чрезвычайно опасный дух уныния поселился в партии. И наоборот, если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности.

Нам нужно встать на почву наличных капиталистических отношений. Испугаемся ли мы этой задачи? Или скажем, что это задача не коммунистическая? Это значило бы не понимать революционной борьбы, не понимать характера этой борьбы, самой напряженной и связанной с самыми крутыми переменами, от которых мы отмахнуться ни в каком случае не можем.

Я подведу теперь некоторые итоги.

Я коснусь вопроса, который занимает многих. Если мы теперь, осенью и зимой 1921 года, совершаем еще одно отступление, то когда же эти отступления кончатся? Такой вопрос прямо или не совсем прямо нам приходится слышать нередко. Но этот вопрос напоминает мне подобного же рода вопрос в эпоху брестского мира. Когда мы заклю-

чили брестский мир, нас спрашивали: «Если вы уступили германскому империализму то-то и то-то, то когда же будет уступкам конец и где гарантия, что эти уступки кончатся? И, делая их, не увеличиваете ли вы опасности положения?». Конечно, мы увеличиваем опасность своего положения, но не надо забывать основных законов всякой войны. Стихия войны есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностями. А что такое диктатура пролетариата? Это есть война, и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда бы то ни было войн. Здесь опасность грозит каждому нашему шагу.

То положение, которое создала наша новая экономическая политика — развитие мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий и пр., все это есть развитие капиталистических отношений, и не видеть этого — значило бы совершенно потерять голову. Само собою разумеется, что усиление капиталистических отношений уже само по себе есть усиление опасности. А можете ли вы мне указать хоть какой-нибудь путь в революции, какие-нибудь ее этапы и приемы, где бы не было опасности? Исчезновение опасности означало бы конец войны и прекращение диктатуры пролетариата, но об этом, конечно, никто из нас сию минуту не мечтает. Всякий шаг в этой новой экономической политике означает целый ряд опасностей. Когда мы весной говорили, что мы заменяем разверстку продналогом, что мы декретируем свободу торговли излишками, остающимися от продналога, мы тем самым давали свободу развития капитализма. Не зная этого значило бы совершенно потерять понимание основных экономических отношений и лишиться себя возможности осмотреться и правильно действовать. Конечно, изменились приемы борьбы, — изменились и условия опасности. Когда решался вопрос о власти Советов, о разгоне учредилки, опасность грозила со стороны политики. Эта опасность оказалась ничтожной. А когда наступила эпоха гражданской войны, поддержанной капиталистами всего мира, явилась опасность военная, — она была уже более грозной. Когда же мы изменили свою экономическую политику, опасность стала еще большей, потому что, состоя из громадного количества хозяйственных, обыденных мелочей, к которым обыкновенно привыкают и которых не замечают, экономика требует от нас особого внимания и напряжения и с особой определенностью выдвигает необходимость научиться правильным приемам преодоления ее. Восстановление капитализма, развитие буржуазии, развитие буржуазных отношений из области торговли и т. д., — это и есть та опасность, которая свойственна теперешнему нашему экономическому строи-

тельству, теперешнему нашему постепенному подходу к решению задачи гораздо более трудной, чем предыдущие. Ни малейшего заблуждения здесь быть не должно.

Мы должны понять, что теперешние конкретные условия требуют государственного регулирования торговли и денежного обращения и что именно в этой области мы должны проявить себя. Противоречий в нашей экономической действительности больше, чем их было до новой экономической политики: частичные небольшие улучшения экономического положения у одних слоев населения, у немногих, полное несоответствие между экономическими ресурсами и необходимыми потребностями у других, у большинства. Противоречий стало больше. И понятно, что пока мы переживаем круглую ломку, из этих противоречий выскочить сразу нельзя.

Мне хотелось бы в заключение подчеркнуть три главных темы моего доклада. Первая — общий вопрос: в каком смысле мы должны признать ошибочность экономической политики нашей партии в период, предшествовавший новой экономической политике? Я постарался на примере из одной войны пояснить необходимость перехода от штурма к осаде, неизбежность штурма сначала и необходимость сознать значение новых приемов борьбы после неудачи штурма.

Дальше. Первый урок и первый этап, определившийся к весне 1921 г., — развитие государственного капитализма на новом пути. В этом отношении имеются некоторые успехи, но есть и небывалые противоречия. Мы еще не овладели этой областью.

И третье — после того отступления, которые мы должны были произвести весной 1921 г. от социалистического строительства к государственному капитализму, мы видим, что стало на очередь регулирование торговли и денежного обращения; как ни кажется нам далекой от коммунизма область торговли, а именно в этой области перед нами стоит своеобразная задача. Только решив эту задачу, мы сможем подойти к решению экономических потребностей, абсолютно неотложных, и только так мы можем обеспечить возможность восстановления крупной промышленности путем более долгим, но более прочным, а теперь и единственно для нас возможным.

Вот главное, что мы должны по вопросу о новой экономической политике иметь перед глазами. Мы должны при решении вопросов этой политики ясно видеть основные линии развития для того, чтобы разобраться в том кажущемся хаосе, который мы сейчас в экономических отношениях наблюдаем, когда рядом с ломкой старого мы видим слабые еще ростки нового, видим нередко и приемы нашей деятельности, не отвечающие новым условиям. Мы должны, поставив себе

задачу повышения производительных сил и восстановления крупной промышленности, как единственной базы социалистического общества, действовать так, чтобы правильно подойти к этой задаче и ее во что бы то ни стало решить.

«Правда», № 248,

2 ноября 1921 г.

Заключительная речь на московской губпартконференции.

Товарищи, прежде чем отвечать на замечания, которые сделаны в записках, я хотел бы сказать несколько слов в ответ товарищам, которые здесь высказывались. В речи тов. Ларина, мне кажется, необходимо отметить одно недоразумение. Либо я не точно выразился, либо он меня неверно понял, когда связал вопрос регулирования, о котором я говорил, с вопросом регулирования промышленности. Это явно неверно. Я говорил о регулировании торговли и денежного обращения, сопоставляя его с товарообменом. И вот что еще надо сказать: если мы к своей политике, к своим постановлениям, к своей пропаганде и агитации хотим относиться так, чтобы добиться улучшения этой пропаганды, агитации и наших декретов, то отмахиваться от результатов ближайшего опыта не следует. Верно ли, что мы весной 1921 г. говорили о товарообмене? Конечно, верно, вы все это знаете. Верно ли, что товарообмен, как система, оказался несоответствующим действительности, которая преподнесла нам вместо товарообмена денежное обращение, куплю-продажу за деньги? Это тоже несомненно, это показывают факты. Тут ответ и тов. Стукову¹⁶⁷⁾ и Сорину¹⁶⁸⁾, говорившим о выдумывании ошибок. Вот вам наглядный факт не выдуманной, а несомненной ошибки.

Опыт нашей экономической политики последнего периода, начавшегося с весны, показал, что весной 1921 года о новой экономической политике никто не спорил, и вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла ее совершенно единогласно. Старые споры ни капельки не отразились на этом новом единогласном решении. Это решение строилось на том, что посредством товарообмена мы в состоянии осуществить более непосредственный переход к социалистическому строительству. Теперь мы ясно видим, что тут нужен еще обходный путь — через торговлю.

Тт. Стуков и Сорин очень плакались по поводу того, что дескать, вот говорят об ошибках, а нельзя ли ошибок не выдумывать? Конечно, если выдумывать ошибки, то это будет вещь уже совсем плохая. Но

если от практических вопросов отделяться так, как тов. Гоникман¹⁶⁹), то это будет совершенно неправильно. Он сказал почти целую речь на тему о том, что «историческое явление не могло сложиться иначе, чем оно сложилось». Это вещь совершенно бесспорная и, конечно, нам из азбуки коммунизма, из азбуки исторического материализма и из азбуки марксизма всем знакомая. Вот суждение по этому способу. Речь тов. Симкова¹⁷⁰) — есть ли это историческое явление или нет? Я утверждаю, что это тоже есть историческое явление. Как раз то обстоятельство, что это историческое явление не могло сложиться иначе, чем оно сложилось, и доказывает, что тут нет ни выдумывания ошибок, ни неправильного желания или неправильного попу- щения тому, чтобы члены партии впали в уныние, в смущение и в подавленное настроение. Тт. Стуков и Сорин очень опасались, что это признание ошибки так или иначе, целиком или наполовину, прямо или косвенно все же было вредным, потому что распространяло уны- ние и возбуждало подавленное настроение. Своими примерами я именно и хотел показать, что суть дела вот в чем: имеет ли сейчас практиче- ское значение признание ошибки, нужно ли сейчас что-нибудь изме- нять после того, что случилось и случилось неизбежно? Вначале был штурм, и лишь после него мы перешли к осаде, это все знают, и сейчас осуществлению нашей экономической политики мешает ошибочное применение приемов, которые в других условиях были бы, может быть, великолепны, а теперь вредны. Эту тему почти все гово- рившие товарища совершенно обошли, а в этом, и только в этом вся суть. Самым лучшим союзником мне явился здесь именно тов. Симков, потому что он эту ошибку наглядно преподнес. Если бы тов. Симкова не было, или если бы он сегодня не говорил, то, действительно, могло бы получиться впечатление: не выдумал ли этот Ленин ошибки? А тов. Симков очень ясно сказал: «Что вы говорите о государственной торговле! В тюрьмах нас торговать не учили». Тов. Симков, это пра- вильно, что нас в тюрьмах торговать не учили! А воевать нас в тюрь- мах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность — такой, весьма неприятной, штуке учили нас когда-нибудь и где-нибудь? Нигде нас этому не учили. В лучшем случае в тюрьмах не нас учили, а мы учились марксизму, истории революционного движения и пр. С этой точки зрения очень многие просидели в тюрьмах не даром. Когда нам говорят: «Нас в тюрьмах торговать не учили», то в этих словах видно именно ошибочное понимание практических задач сегодняшней нашей борьбы и деятельности партии. И это как раз такая ошибка, которая состоит в перенесении приемов, подходящих

к «штурму», на период «осады». Тов. Симков обнаружил ошибку, которая есть в рядах партии. Эту ошибку надо сознать и исправить.

Если бы мы оказались в силах опереться на военный и политический энтузиазм, который был бесспорной и гигантской исторической силой и великую роль сыграл, который на долгие годы отзовется и в международном рабочем движении, — если бы этот энтузиазм, при известной степени культуры и при известной неразрушенности наших фабрик, помог нам перейти к непосредственному социалистическому строительству, то такой неприятной штукой, как коммерческий расчет и искусство торговать, мы бы не занимались. Тогда этого было бы не нужно. А сейчас нам нужно этим заниматься. Почему? Потому, что мы руководим и должны руководить экономическим строительством. Экономическое строительство привело нас к такому положению, что нужно прибегать не только к таким неприятным вещам, как аренда, но и к такой неприятной штуке, как торговля. Можно было ожидать, что такое неприятное положение породит и уныние и упадок духа. Но кто же здесь виноват? Не виноват ли тот, у кого наблюдается этот упадок духа, это уныние? Если экономическая действительность, в которую мы попали благодаря всей сумме условий экономики и политики, международной и русской; если она такова, что стало фактом денежное обращение, а не товарообмен; если нужно направить свою задачу на то, чтобы урегулировать теперешнюю торговлю, теперешнее плохое денежное обращение, — то что же мы, коммунисты, скажем, что нам нет до этого дела? Вот это было бы вреднейшим унынием, совершенно отчаянным настроением и сделало бы невозможной всякую работу. Обстановка, в которой мы ведем свою работу, создается не только нами: она зависит и от экономической борьбы и от взаимоотношений с другими странами. Эти итоги сложились так, что мы весной текущего года поставили вопрос об аренде, а вот сейчас мы должны поставить вопрос и о торговле и о денежном обращении. Отмахиваться от этого тем, что «нас в тюрьмах торговле не учили», значит, поддаться унынию недопустимому, значит, своей экономической задачи не выполнять. Было бы гораздо приятнее, если бы можно было взять капиталистическую торговлю штурмом, и при известных условиях (неразрушенность фабрик, высокая экономика и культура) в попытке «штурма», т.-е. непосредственного установления товарообмена, никакой ошибки нет. А сейчас ошибкой является именно то, что мы не хотим понять необходимости и неизбежности другого подхода. Это не есть выдуманная ошибка, это не есть ошибка из области истории, — это есть урок для правильного понимания того, что можно и что нужно делать сейчас. Может ли партия успешно разрешить

свою задачу, если она будет подходить к ней с рассуждением: «Нас в тюрьмах торговать не учили», не нужен нам коммерческий расчет? Многому, чему нас не учили в тюрьмах, мы оказались принуждены учиться после революции, и мы учились и учились очень успешно.

Я думаю, что научиться понимать коммерческие отношения и торговлю, — это наша обязанность, и мы начнем успешно учиться и научимся, когда станем говорить об этой задаче без обиняков. Нам пришлось отступить настолько, что вопрос о торговле стал практическим вопросом партии, вопросом экономического строительства. Чем диктуется переход на коммерческие начала? Окружающей обстановкой, настоящими условиями. Он необходим для того, чтобы крупная промышленность быстро восстановилась и быстро связалась с земледелием, чтобы получился правильный продуктообмен. В стране с более развитой промышленностью все это произойдет гораздо быстрее, у нас же это идет путем окружным и длительным, но, в конце концов, то, к чему мы стремимся, будет достигнуто. И сейчас нам надо руководиться теми задачами, которые сегодняшний день и завтрашний день ставит нам, нашей партии, которая должна руководить всем государственным хозяйством. Сейчас уже нельзя говорить о товарообмене, потому что он, как поприще борьбы, выбит у нас из рук. Это факт несомненный, как бы он ни был нам неприятен. Что же, мы должны сказать, что нам больше уже нечего делать? Нисколько. Мы должны учиться. Надо учиться государственному регулированию коммерческих отношений, — задача трудная, но невозможного в ней ничего нет. И мы эту задачу решим, потому что мы решали задачи, не менее для нас новые, чуждые и трудные. Кооперативная торговля — задача трудная, но в ней нет ничего невозможного, надо только ее отчетливо осознать и серьезно поработать. К этому наша новая политика и сводится. В настоящее время небольшое число предприятий уже переведено на коммерческий расчет, оплата рабочего труда производится в них по ценам вольного рынка, в расчетах перешли на золото. Но число таких хозяйственных единиц ничтожно, в большинстве же господствует хаос, полное несоответствие между заработком и условиями существования; часть предприятий снята с государственного снабжения, часть осталась на неполном снабжении. Где искать выход? Только в том, что мы научимся, приспособимся, сумеем разрешать эти задачи так, как их необходимо разрешить, т.е. соответственно данным условиям.

Вот мой ответ товарищам, которые высказывались по поводу сегодняшней беседы, а теперь перейду к ответу вкратце на некоторые из предложенных записок.

Одна из них говорит: «Вы ссылаетесь на Порт-Артур, но не представляете ли себе, что Порт-Артуром можем быть мы, окруженные международной буржуазией?».

Да, товарищи, я уже указывал на то, что стихия войны — опасность, что нельзя начинать войны, не считаясь с тем, что можно потерпеть поражение. Если мы потерпим поражение, то, конечно, окажемся в печальном положении Порт-Артура. Во всей своей речи я имел в виду Порт-Артур международного капитализма, который осажден и осажден не только нашей армией. Внутри каждой капиталистической страны все больше и больше растет армия, которая этот Порт-Артур международного капитализма осаждает.

Одна записка спрашивает: «А какова будет наша тактика на другой день после социальной революции, если она вспыхнет через год или через два?». Если бы можно было отвечать на такие вопросы, то очень легко было бы делать революции, и мы вслodu кучу их наделали бы. На такие вопросы ответить нельзя, потому что мы не можем сказать, что будет не только через год или через два, но даже через полгода. Задавать такие вопросы так же бесполезно, как пытаться решить вопрос, кто из борющихся сторон окажется в печальном положении крепости Порт-Артура. Мы знаем только одно, что, в конце концов, крепость международного Порт-Артура неминуемо будет взята, потому что во всех странах растут силы, которые его сразят. У нас же основной вопрос заключается в том, как сделать, чтобы при труднейших условиях, в которых мы сейчас находимся, сохранить возможность восстановления крупной промышленности. Мы не должны чуждаться коммерческого расчета, а должны понять, что только на этой почве можно создать сносные условия, удовлетворяющие рабочих и в смысле заработной платы, и в смысле количества работы и т. д. Только на этой почве коммерческого расчета можно строить хозяйство. Мешают этому предрассудки и воспоминания того, что было вчера. Если мы этого не учтем, то мы новую экономическую политику провести должным образом не сможем.

Задаются и такие вопросы: «Где границы отступления?» Несколько записок задают вопрос в том же направлении: до каких пор мы можем отступать? Я предвидел этот вопрос и несколько слов по поводу него сказал в своей первой речи. Этот вопрос есть выражение известного настроения уныния и упадка и совершенно ни на чем не основан. Это такой же вопрос, какой мы слышали во время заключения брестского мира. Этот вопрос неправильно поставлен, потому что только дальнейшее проведение в жизнь нашего поворота может дать материал для ответа на него. Отступать будем до тех пор, пока

не научимся, не подготовимся перейти в прочное наступление. Ничего больше на это ответить нельзя. Отступать весьма неприятно, но когда бьют, тогда не спрашивают о приятности или неприятности, и войска отступают, и никто этому не удивляется. Из разговоров о том, до какого же времени мы будем все отступать, ничего путного не может выйти. Зачем мы будем заранее выдумывать для себя такие положения, из которых нельзя выйти? Вместо этого надо браться за конкретную работу. Надо внимательно рассмотреть конкретные условия, положение, надо определить, за что можно уцепиться, — за речку, за гору, за болото, за ту или иную станцию, потому что только когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению. И не надо предаваться унынию, не надо отделяться от вопроса агитационными восклицаниями, которые очень ценны в своем месте, но в данном вопросе ничего, кроме вреда, принести не могут.

«Правда», № 249.

4 ноября 1921 г.

О значении золота теперь и после полной победы социализма.

Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции, — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее. Особенно уместно и необходимо подобное отпразднование революции в тех случаях, когда есть коренные задачи, еще не решенные революцией, когда требуется усвоить нечто новое (с точки зрения проделанного революцией до сих пор), для решения этих задач.

Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепеновскому, осторожно обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства. Эта «новизна» вызывает ряд вопросов, недоумений, сомнений и теоретических и практических.

Теоретический вопрос: как объяснить переход после ряда самых революционных действий с чрезвычайно «реформистским» действием на том же поприще, при условии общего победоносного хода всей революции в целом? Нет ли тут «сдачи позиций», «признаний краха» или чего-либо подобного? Враги, конечно, говорят, что есть, начиная от реакционеров полуфеодалного типа и кончая меньшевиками или другими рыцарями II¹/₂ Интернационала. Но то они и враги, чтобы выкрикивать заявления подобного рода по всем поводам и без всяких поводов. Трогательное единство в этом вопросе всех партий — от феодалов до меньшевиков — только лишний раз доказывает,

что против пролетарской революции являются действительно «одной реакционной массой» все эти партии (как предвидел, в скобках сказать, Энгельс в своих письмах к Бебелю 1875 и 1884 годов).

Но некоторое... «недоумение» есть и среди друзей.

Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны 1921 года. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом.

С весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского: не *ломать* старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а *оживлять* торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию *лишь в меру* их оживления.

Совершенно иной подход к задаче.

По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше).

Спрашивается: если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию объявляете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?

Такой вывод делают меньшевики и им подобные. Но этот вывод есть либо софизм и простое мошенничество со стороны тех, кто прошел в политике «огонь, воду и медные трубы», либо ребячество со стороны тех, кто «не прошел» настоящего искуса. Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с боль-

шой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному.

Кто «вздумает» такую вещь, тот погиб, ибо он выдумал глупость в коренном вопросе, а во время ожесточенной войны (революция есть самая ожесточенная война) карой за глупость бывает поражение.

Откуда следует, что «великая, победоносная, мировая» революция может и должна применять только революционные приемы? Никоткуда этого не следует. И это прямо и безусловно неверно. Неверность этого ясна сама собой на основании чисто теоретических положений, если не сходить с почвы марксизма. Неверность этого подтверждается и опытом нашей революции. Теоретически: во время революции делаются глупости, как и во всякое другое время, — говорил Энгельс, — и говорил правду. Надо стараться меньше их делать и поскорее исправлять сделанные, учитывая, как можно трезвее, какие задачи и когда можно и какие нельзя решать приемами революционными. Наш собственный опыт: брестский мир был образцом действия совсем не революционного, а реформистского или даже хуже, чем реформистского, ибо это было действие попятное, а реформистские действия, по общему правилу, идут вперед медленно, осторожно, постепенно, а не пятятся назад. Правильность нашей тактики во время заключения брестского мира настолько теперь доказана, всем ясна и общепризнана, что не стоит больше терять слов на эту тему.

Вполне доделанной является только буржуазно-демократическая работа нашей революции. И мы имеем законнейшее право этим гордиться. Пролетарская или социалистическая ее работа сводится к трем главным видам: 1) революционный выход из империалистической всемирной войны; разоблачение и *срыв* бойни двух всемирных групп капиталистических хищников; это доделано с нашей стороны вполне, со всех сторон могла бы доделать это лишь революция в ряде передовых стран; 2) создание советского строя, формы осуществления диктатуры пролетариата. Мировой перелом совершился. Эпоха бур-

жуазно-демократического парламентаризма кончена. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры. Только ряд стран отделает и доделает советский строй и всяческие формы пролетарской диктатуры. У нас недоделанного в этой области еще очень и очень много. Непростительно было бы не видеть этого. Доделывать, переделывать, начинать с начала нам придется еще не раз. Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости). 3) Экономическое строительство основ социалистического уклада. В этой области не доделано еще самое главное, самое коренное. А это самое верное наше дело, самое верное и с принципиальной точки зрения, и с практической, и с точки зрения РСФСР теперь, и с точки зрения международной.

Раз самое главное не доделано в основе своей, надо все внимание обратить на это. И трудность тут в форме перехода.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще, — писал я в апреле 1918 г. в «Очередных задачах Советской власти». — Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержатъ всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнечом сделанной, цепи».

В данный момент в той области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать.

Это кажется странным. Коммунизм и торговля!? Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить *экономически*, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого, крестьянского, патриархального земледелия.

Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 годов, в войне для решения великого вопроса о том, какой мир хуже, брестский или версальский; и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек и сделать калеками шестьдесят миллионов человек в войне не то около 1925, не то около 1928 года, не то между Японией и Америкой, не то между Англией и Америкой, или как-нибудь в этом же роде.

Но как ни «справедливо», как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением и с таким же успехом, как мы работали в 1917—1921 годах, только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого доработаться. Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле. С волками жить — по-волчьи выть, а насчет того, чтобы всех волков истребить, как полагается в разумном человеческом обществе, то будем придерживаться мудрой русской пословицы: «не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...».

Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью если... если нет рядом с этими земледельцами велико-лепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это «если» уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных «осадных» действий.

Овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может. Маленький, совсем маленький пример: в Донбассе началось небольшое, очень еще небольшое, но несомненное экономическое оживление, отчасти благодаря повышению производительности труда на крупных государственных

шахтах, отчасти же благодаря сдаче в аренду мелких крестьянских шахт. Пролетарская государственная власть получает таким образом небольшое (с точки зрения передовых стран мизерно-маленькое, а при нашей нищете все же заметное) количество добавочного угля по себестоимости, скажем, в 100 процентов, а продает его отдельным государственным учреждениям по 120 проц., отдельным частным лицам по 140 проц. (Замечу в скобках, что цифры эти я беру совершенно произвольные, во-первых, потому, что я не знаю точных цифр, а, во-вторых, потому, что если бы я их знал, я бы их сейчас не опубликовал.) Это похоже на то, что хотя бы в самых скромных размерах мы начинаем овладевать оборотом между промышленностью и земледелием, овладевать оптовой торговлей, овладевать задачей: уцепиться за наличную, мелкую, отсталую промышленность или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему, рядовому крестьянину (а это — массовик, представитель массы, носитель стихии) экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности.

Не дадим себя во власть «социализму чувства» или старорусскому, полубарскому, полумужицкому патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и *надо* уметь пользоваться, раз является в том надобность для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших более широких и глубоких мер, как-то: электрификации.

Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, при чем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата. Для всего капиталистического мира это отношение является фундаментом революционной тактики пролетариата — азбуккой, которую извращают и затемняют продажные вожди II Интернационала и полупедантские, полужеманничающие рыцари III¹/₂ Интернационала. После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение

которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма. Почему мы смогли применить правильно брестское отступление? Потому, что мы так далеко зашли вперед, что нам было где отступать. Мы с такой головокружительной быстротой, в *несколько недель*, с 25 октября 1917 г. до брестского мира, построили Советское государство, вышли революционным путем из империалистической войны, доделали буржуазно-демократическую революцию, что *даже* громадное попятное движение (брестский мир) оставило все же за нами вполне достаточно позиций, чтобы воспользоваться «передышкой» и двинуться победоносно вперед против Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского, Врангеля.

До победы пролетариата, реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они (будучи в международном масштабе тем же самым «побочным продуктом») являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа дает такой «запас сил», что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном, и в моральном смысле. Продержаться в материальном смысле, — это значит сохранить достаточный перевес сил, чтобы неприятель не мог разбить нас до конца. Продержаться в моральном смысле, — это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы во-время приостановить отступление и перейти опять в наступление.

Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется копец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление. Чем сознательнее, чем дружнее, чем с меньшими предрассудками произведем мы это необходимое отступление, тем скорее можно будет его приостановить, тем прочнее, быстрее и шире будет затем наше победоносное движение вперед.

Написано 5 ноября 1921 г.

Напечатано в «Правде» № 251

5 ноября 1921 г.

Талантливая книжка.

Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца Аркадия Аверченко ¹⁷¹⁾: «Дюжина ножей в спину революции». Париж 1921. Интересно наблюдать, как до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки. Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно. Например, рассказ, изображающий Ленина и Троцкого в домашней жизни. Злобы много, но только непохоже, любезный гражданин Аверченко! Уверю вас, что недостатков у Ленина и Троцкого много во всякой, в том числе, значит, и в домашней жизни. Только, чтобы о них талантливо написать, надо их знать. А вы их не знаете.

Зато большая часть книжки посвящена темам, которые Аркадий Аверченко великолепно знает, пережил, передумал, перечувствовал. И с поразительным талантом изображены впечатления и настроения представителя старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объедавшейся и объедавшей России. Так, именно так должна казаться революция представителям командующих классов. Огнем пылающая ненависть делает рассказы Аверченко иногда — и большей частью — яркими до поразительности. Есть прямо-таки превосходные вещишки, напр., «Трава, примятая сапогами», о психологии детей, переживших и переживающих гражданскую войну.

До настоящего пафоса, однако, автор поднимается лишь тогда, когда говорит о еде. Как ели богатые люди в старой России, как закусывали в Петрограде — нет, не в Петрограде, а в Петербурге — за 14 с полтипой и за 50 р. и т. д. Автор описывает это прямо со сладострастием: вот это он знает, вот это он пережил и перечувствовал, вот тут уже он ошибки не допустит. Знание дела и искренность — из ряда вон выходящие.

В последнем рассказе: «Осколки разбитого вдребезги» изображены в Крыму, в Севастополе, бывший сенатор — «был богат, щедр, со связями»... «теперь на артиллерийском складе поденно разгружает и сортирует снаряды», и бывший директор «огромного металлургического завода, считавшегося первым на Выборгской стороне. Теперь он — приказчик комиссионного магазина, и в последнее время приобрел даже некоторую опытность в оценке поношенных дамских капотов и плюшевых детских медведей, приносимых на комиссию».

Оба старичка вспоминают старое, петербургские закаты, улицы, театры, конечно, еду в «Медведе», в «Вене» и в «Малом Ярославце» ¹⁷²⁾

и т. д. И воспоминания прерываются восклицаниями: «Что мы им сделали? Кому мы мешали?»... «Чем им мешало все это?»... «За что они Россию так?»...

Аркадию Аверченко не понять, за что. Рабочие и крестьяне понимают, видимо, без труда и не нуждаются в пояснениях.

Некоторые рассказы, по-поему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять.

*«Правда», № 263,
22 ноября 1921 г.*

IX ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

23 декабря 1921 г.

Доклад на IX Всероссийском Съезде Советов.

(Заседание 23 декабря 1921 г.)

Товарищи! Мне предстоит сделать отчет о внешнем и внутреннем положении республики. Первый раз мне приходится давать такой отчет при условии, что перед нами целый год, когда ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было. Первый год, как мы воспользовались, хотя и в самой неполной мере, но все же относительным отдыхом от нашествий и могли хоть сколько-нибудь приложить свои силы к тому, что является главной основной нашей задачей, — к восстановлению хозяйства, разоренному войнами, к излечению тех ран, которые были нанесены России командующими эксплуататорскими классами, и к тому, чтобы снова заложить фундамент социалистических порядков.

Прежде всего, касаясь вопроса о международном положении нашей республики, я должен высказать то, что мне уже приходилось высказывать, а именно: что известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все же равновесие в международных отношениях создано. И мы его теперь наблюдаем. В высокой степени странно для тех из нас, кто пережил революцию с самого начала, кто знал и непосредственно наблюдал неслыханные трудности прорыва нами империалистических фронтов, видеть теперь, как сложились дела. Никто, наверное, не ожидал и не мог ожидать, что положение сложится так, как оно сложилось.

Мы представляли себе (и это, пожалуй, не лишнее теперь напомнить, потому что это пригодится для нас и для наших практических выводов по главным хозяйственным вопросам) грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось. Мы говорили себе, говорили рабочему классу, говорили всем трудящимся, как России, так и других стран: нет другого выхода из проклятой и преступной империалистической бойни, как выход революционный,

и, разрывая эту империалистическую войну революцией, мы открываем единственно возможный выход для всех народов из этой преступнейшей бойни. И нам казалось тогда, и не могло казаться иначе, что эта прямая дорога является ясной, прямой и наиболее легкой. Оказалось, что на эту прямую дорогу, которая действительно вывела нас из империалистических связей, из империалистических преступлений и из империалистической войны, которая продолжает угрожать всему остальному миру, оказалось, что по крайней мере так быстро, как мы рассчитывали, на эту дорогу другим народам вступить не удалось. И если, тем не менее, мы видим теперь то, что получилось, видим единственную социалистическую Советскую республику, существующую в окружении целого ряда бешено-враждебных ей империалистических держав, то мы задаем себе вопрос: как могло это получиться.

Можно без всякого преувеличения ответить: это получилось потому, что в основном наше понимание событий было верно, что в основном наша оценка империалистической бойни и запутанности, создавшейся между империалистическими державами, была верна. Только поэтому получилось такое странное положение, такое неустойчивое, непонятное и все же, до известной степени, несомненное равновесие, которое мы видим теперь и которое состоит в том, что, будучи окружены со всех сторон державами, неизмеримо более могущественными в экономическом и в военном отношении, чем мы, сплошь и рядом открыто враждебных к нам до бешенства, тем не менее, мы видим, что им не удалось осуществить дело, на которое они три года затрачивали столько средств и сил, — дело непосредственного и немедленного удушения Советской России. Когда мы задаем себе вопрос, как могло это получиться, как могла произойти такая вещь, что одно из безусловно наиболее отсталых и самое слабое государство, к которому открыто враждебны самые могущественные державы мира, устояло против направленного на нее натиска; когда мы разбираемся в этом вопросе, мы ясно видим, в чем было дело: мы оказались правы в самом основном. Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах. Оказалось, что, хотя мы не получили той быстрой, прямой, непосредственной поддержки от трудящихся масс всего мира, на которую мы рассчитывали, которую мы клали в основу всей нашей политики, но поддержку иного рода, поддержку не прямую, поддержку не быструю, мы получили настолько, чтобы именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся и рабочих, и крестьянских, и земледельческих масс во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно она была последним самым

решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплен, а в пределах нашей республики осуществлен, и что он оказал действие на все страны. Как ни шатка эта опора, пока существует капитализм в других странах (это мы, конечно, должны ясно видеть и прямоком должны признать), как ни шатка вся эта опора, нужно сказать, что на нее опереться уже сейчас можно. Сочувствие к нам и прямой, решительный протест не только рабочих, враждебных взглядам большевиков, но и крестьянских масс, еще более нам враждебных в Западной Европе, это сочувствие и поддержка оказались в том отношении, что нашествие, которое в течение трех лет мы испытывали, которое причиняло нам неслыханные разорения и мучения, что это нашествие, я не скажу, невозможно, — на этот счет надо быть очень осторожным и осмотрительным, — но оно все-таки затруднено для наших врагов в громадной степени. И этим в последнем счете объясняется то странное, непонятное положение, которое мы видим теперь.

Если мы совершенно хладнокровно взвесим сочувствие большевизму и социалистической революции, если мы рассмотрим международное положение просто с точки зрения подсчета сил, независимо от того, за правое или не за правое дело стоят эти силы, за эксплуататорский класс или за трудящиеся массы, — мы на это смотреть не будем, а попытаемся взвесить, как эти силы в международном масштабе сгруппированы, — то мы увидим, что силы эти сгруппированы так, что в основном подтвердились наши предвидения, наши расчеты, что капитализм разлагается и после войны, которую завершил сначала мир брест-литовский, а потом мир версальский, — уже не знаю, который хуже, — что после этой войны, чем дальше, тем больше ненависти и отвращения к ней растет в тех странах, которые вышли победительницами. И чем дальше мы от войны отходим, тем яснее становится не только для трудящихся, но в очень и очень больших размерах и для буржуазии стран-победительниц, что капитализм разлагается, что экономический кризис во всем мире создал положение невыносимое, что выхода нет, несмотря на все одержанные победы. Вот почему мы, будучи неизмеримо слабее всех остальных держав и в экономическом, и в хозяйственном, и в военном отношениях, в то же время сильнее их тем, что мы знаем и правильно оцениваем все, что выходит и что должно выйти из этой империалистической путаницы, из этого кровавого клубка и тех противоречий — возьмите хотя бы противоречие бюджетное, — в которых они запутывались и запутываются все глубже, не видя выхода.

Когда мы наблюдаем, что меняется голос представителей самой умеренной буржуазии, решительно и безусловно далекой от всякой мысли о социализме вообще, — я уже не говорю «об этом страшном большевизме», — когда даже такие люди, как знаменитый писатель Кейнс¹⁷³), меняют свой голос, Кейнс, книжка которого переведена на все языки, который сам участвовал в версальских переговорах, который всю душу вкладывал в то, чтобы помочь своим правительствам, даже он впоследствии должен был бросить этот путь, уйти от него, продолжая проклинать социализм. Повторяю, он не говорит и не хочет даже подумать о большевизме. Он говорит капиталистическому миру: «То, что вы делаете, приводит вас к положению безвыходному», и даже предлагает им нечто вроде того, чтобы аннулировать все долги.

Очень хорошо, господа! Давно бы вам пора последовать нашему примеру.

Только на-днях мы читали в газетах краткое сообщение о том, что один из опытных чрезвычайно искусных и умелых вождей капиталистического правительства, Ллойд-Джордж¹⁷⁴), как будто начинает предлагать такую же меру, и как ему на это Америка как будто желает ответить: извините, а мы свое хотим получить полностью. Тогда мы говорим себе: пеказисты дела тех передовых, могущественнейших сильных держав, которые столько лет после войны обсуждают такую простую меру. Это нам всего легче было сделать. Если в таком вопросе мы видим все растущую путаницу, мы говорим, нисколько не забывая окружающей нас опасности, как мы ни слабы в отношении экономическом и военном по сравнению с любым из тех государств, которые все вместе выражают сплошь и рядом открытым образом ненависть к нам, что этой пропаганды они не боятся. Когда мы выражаем несколько иные взгляды относительно справедливости существования помещиков и капиталистов, тогда это им не нравится, и эти взгляды объявляются преступной пропагандой. Этого я никак не могу понять, ибо эта пропаганда ведется легально во всех неразделяющих наши экономические взгляды и воззрения государствах. Но пропаганда, что большевизм есть чудовищная, преступная, узурпаторская вещь — нет слова такого, чтобы выразить все это чудовище, — эта пропаганда ведется открыто во всех этих странах. Недавно мне пришлось видеть Христензена¹⁷⁵), который выступил кандидатом на пост президента Соединенных Штатов от имени тамошней рабоче-крестьянской партии. Но, товарищи, не заблуждайтесь относительно этого названия. Оно совсем не похоже на то, что у нас в России называется рабоче-крестьянской партией. Там это чистейшая буржуазная партия, открыто и решительно враждебная всякому социализму, признанная совершенно

приличной всеми буржуазными партиями. И этот, родом датчанин, а теперь американец, получающий до миллиона долларов (это—все-таки кое-что в Соединенных Штатах), рассказывал мне, как он попросил в Дании среди публики, «одетой, как я», — так сказал он, а он был хорошо одет, по-буржуазному одет, — сказать, что большевики не преступники, так «меня чуть не убили», — сказал он. Они сказали, что большевики это чудовища, это узурпаторы. Как может притти в голову мысль говорить в приличном обществе об этих людях. Вот какова атмосфера пропаганды, которая нас окружает.

И тем не менее, мы видим, что известное равновесие создалось. Это — объективное, независящее от наших побед политическое воззрение, которое показывает, что мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистической войной, и мерим правильное, чем когда бы то ни было, другие державы, у которых при всех своих победах, всей силе, выхода у них до сих пор не нашлось и не находится. Вот та сущность международного положения, которая объясняет то, что мы наблюдаем сейчас. Мы имеем перед собою в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое, известное равновесие. Надолго ли это — не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, певым уроком — уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, урок, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть на-чеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали тяжесть империалистической войны, как едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ, мы испытали после этого тяжесть гражданской войны, которую нам навязали представители господствующих классов, защищавших эмигрантскую Россию — Россию помещиков, Россию капиталистов, мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осмотрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, идем лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой, мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные; пусть те немногие, к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии которые с этим играют, пусть они это себе хорошенечко заметят.

Не было народного правительства в России, и кто сколько-нибудь разумно и расчетливо рассуждает, как политик, учитывая правильно или неправильно, тот это признает, — что не было и не может быть правительства, которое пошло бы на такие уступки и такие жертвы по отношению к национальностям, существовавшим внутри нашего государства. Нет и не может быть другого правительства, которое бы так ясно сознавало, так отчетливо перед всеми говорило и заявляло, что отношение старой России, России царистской, России военных партий, что их отношение к народностям, населяющим Россию, было преступным, что эти отношения недопустимы, что они вызывали законнейший протест негодования, возмущение угнетенных национальностей; нет и не может быть другого правительства, которое бы так открыто признавало это положение, которое вело бы эту пропаганду, пропаганду антишовинизма, пропаганду признания преступности старой России, России царизма и России Керенского, правительства, которое вело бы пропаганду против насильственного присоединения к России других национальностей. Это не слова — это простой политический факт, который всякому ясен, который совершенно бесспорен. Пока нет со стороны любой национальности против нас интриг, связывающих эти национальности, империалистически их поработщающих, пока они не делают мостика, чтобы нас удушить, мы перед формальностями останавливаться не будем. Мы не забудем, что мы революционеры. Но есть факты, которые неопровержимо, бесспорно доказывают, что самая маленькая, ничем не вооруженная национальность, как бы слаба она ни была, в России, победившей меньшевиков и эс-эров, она абсолютно может быть и должна быть спокойна за то, что ничего, кроме мирных намерений у нас по отношению к ней нет, что наша пропаганда преступности старой политики, старых правительств не ослабевает и что наше желание во что бы то ни стало, ценой громадных жертв и уступок, поддержать мир со всеми бывшими в Российской империи и не пожелавшими остаться с нами национальностями остается твердым. Это мы доказали. И как бы ни были сильны проклятия, которые сыплются на нас со всех сторон, мы это докажем. Нам представляется, что в этом отношении мы прекрасно это доказали перед лицом собрания представителей рабочих и крестьян всей России. Перед лицом всей рабочей и крестьянской многомиллионной российской массы мы скажем, что мы всеми силами будем охранять дальнейший мир, мы не остановимся перед большими уступками и жертвами для того, чтобы этот мир отстоять.

Но есть предел, дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток

нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование. Товарищи, то, что я сейчас сказал, для вас совершенно понятно и ясно, и вы не могли ожидать иного от всякого, отчитывающегося перед вами в нашей политике. Вы знали, что наша политика такова и только такова. Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый — капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим. Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть. Когда представитель этого в отношении экономическом и военном всемогущего старого мира, когда он нам — это было уже давно — прислал одного из представителей американского правительства Буллита с предложением, чтобы мы заключили мир с Колчаком и Деникиным, мир для нас самый невыгодный, и когда мы сказали, что мы настолько ценим кровь рабочих и крестьян, которая давно уже лилась в России, и хотя мир для нас крайне невыгоден, но мы на него готовы, ибо уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне; когда мы сказали это прямо, сказали с малым употреблением изысканного дипломатического тона, — то тут они решили, что мы непременно должны быть обманщиками. И как только беседовавший с нами доброжелательно за общим столом Буллит приехал на родину, его встретили с заушением, заставили выйти в отставку, — и я удивляюсь, как его еще не стащили на каторгу по принятому империалистическому обычаю за тайное сочувствие большевикам. А вышло то, что мы, предлагавшие тогда мир, худший для нас, получили мир на условиях для нас лучших. Это маленький урок. Я знаю, нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделывать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нам и были восприняты другими державами, они все же совсем бесследно пройти не могли, все же они в памяти кое-кого наверное остались. И поэтому наше прямое заявление, что рабочие и крестьяне России больше всего ценят блага мира, но что они лишь до известного предела потерпят в этом отношении отступление, — было принято так, что они ни на секунду, ни на минуту не забыли того, какие тяжести в империалистическую и гражданскую войну они вынесли. Это наше напоминание, которое, я уверен, мы всем съездом, всей массой рабочих и крестьян, всей Россией подтвердим и выразим, я уверен, — это напоминание, как бы мы к нему ни отнеслись, какую бы тут дипломатическую хитрость, по старой дипломатической при-

вычке, ни заподозрили, — безусловно не пройдет бесследно и хоть некоторую роль все-таки сыграет. Вот, товарищи, то, что я считаю необходимым сказать по вопросу о нашем международном положении. Достигнуто до известной степени неустойчивое равновесие. Материально в отношении экономическом и военном, мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая это, как соотношение реальных сил всех классов, во всех государствах, — мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте на-чеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока, и помните, что осложнения в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний мы не в праве допускать ни на секунду.

Товарищи, от этого краткого изложения того, что является самым существенным в нашем международном положении, я перейду к тому, как пачинают складываться экономические отношения у нас и в Западной Европе, в капиталистических государствах. Величайшая трудность тут состояла в том, что без известных взаимоотношений между нами и капиталистическими государствами прочные экономические отношения невозможны для нас. События очень наглядно показывают, что они невозможны также и для них. Но мы сейчас не так альтруистически настроены и больше думаем о том, как бы нам при враждебном отношении к нам других держав продолжать существовать.

Да мыслима ли, однако, такая вещь вообще, чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немыслимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт. А в торговом отношении? А в отношении экономического оборота? Ну, а связь, помощь, обмен услуг отсталой разоренной земледельческой России с передовой промышленно богатой группой капиталистических держав, а это возможно? Разве нам не грозили тем, что нас окружают колючей проволокой и что поэтому никаких экономических отношений не будет существовать? «Войны они не испугались, так мы их возьмем блокадой».

Товарищи, много мы за эти 4 года видели угроз и таких страшных угроз что ни одной из них мы бояться не можем. Насчет блокады

опыт показал, что неизвестно для кого она тяжелее: для тех, кого блокируют, или для тех, кто блокирует.

Не знаю, роздан ли вам сегодня или будет роздан отчет НКВД IX съезду Советов. На мой взгляд этот отчет страдает тем недостатком, что он слишком толст и что его трудно дочитать до конца. Но, может быть, это моя личная слабость, и я не сомневаюсь, что хотя не немедленно, но все же громадное большинство из вас, а также всякий, кто интересуется политикой, этот отчет прочтет. И даже если его не прочесть в целом, а только чуточку на него взглянуть и перелистать, то видно, что Россия обросла, если можно так выразиться, целым рядом довольно правильных, постоянных торговых сношений, представительств, договоров и т. д. Правда, мы не имеем юридического признания. Это сохраняет свое значение, ибо опасность нарушения неустойчивого равновесия, опасность новых попыток нашествия усилилась, о чем я говорил раньше, но факт все-таки остается фактом. В 1921 году — за один только год — в деле торгового оборота с заграницей мы чрезвычайно шагнули вперед. Это связано с вопросом отчасти транспорта — нашей главной, пожалуй, или одной из главнейших баз всей нашей экономики. Это связано с привозом и вывозом за границу. Позвольте привести об этом самые краткие цифры. Все наши затруднения, самые неимоверные, вся тяжесть, гвозди наших трудностей в топливе и продовольствии, вся тяжесть в крестьянском хозяйстве, в обрушившемся на нас голоде и бедствиях. Мы знаем хорошо, что все это связано с вопросом о транспорте; об этом надо говорить и надо, чтобы все товарищи с мест знали и всем товарищам на местах еще и еще рассказывали, что нам нужно напрячь всю нашу энергию, чтобы продовольственный и топливный кризис побороть. От этих причин продолжает страдать наш транспорт, — материальное орудие связей с заграницей. Организационные улучшения за этот год в деле нашего транспорта несомненны. За 1921 год мы по речным судам перевезли гораздо больше, чем за 1920. Средний пробег в 1921 г. выразился в 1000 пудов-верст, а в 1920 г. — в 800 пудов-верст. Организационный прогресс, несомненно, есть. Надо сказать, что мы впервые начинаем получать помощь из-за границы: заказаны тысячи паровозов, и мы уже получили первые 13 шведских и 37 немецких. Это самое маленькое начало, но все же начало. У нас все-таки сотни цистерн заказано, и до 50-ти из них в 1921 г. уже пришло. Мы оплачиваем его чрезвычайно дорого, непомерно дорого, но все же это значит, что крупная промышленность передовых стран оказывает нам помощь, это значит то, что крупная промышленность капиталистических стран оказывает нам помощь в деле восстановления нашего хозяйства, несмотря на то, что все

они руководятся капиталистами, от всей души ненавидящими нас. Все они объединены правительствами, которые продолжают печатать в своей прессе непрерывно о том, как обстоит дело с признанием Советской России де-юре, и является ли большевистское правительство законным или незаконным. И после долгих изысканий оно оказывается законным, но признанным быть не может. Эту грустную правду, что нас еще не признают, я не в праве скрыть, но должен вам сказать, вам, что торговые отношения все же у нас развиваются. Все эти капиталистические страны попали в такое положение, что они с нас дерут, что мы им переплачиваем, но все же они помогают нашему хозяйству. Как же это так случилось? Почему же они действуют против своей воли, против того, что непрерывно твердит пресса, — а ведь эта пресса не чета нашей по количеству экземпляров и по силе и ненависти, с которой они выступают против нас. Они объявляют нас преступникам, но все же нам помогают. И выходит так, что они экономически связаны с нами. Выходит так, как я говорил уже вам, что наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать; наоборот, у них их больше, чем у нас, а потому что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели. Вот почему я хотел в дополнение сообщить вам несколько цифр, показывающих развитие нашей заграничной торговли. Возьму только самые краткие цифры, которые можно будет запомнить. Если проследить все три года—1918, 1919 и 1920—наш привоз из-за границы окажется в 17 с небольшим миллионов пуд., а в 1921 году—50 миллионов пудов, т.-е. в три раза больше, чем за все три предыдущие года вместе взятые. Наш вывоз за первые три года вместе был два с половиной миллиона пудов, за один 1921 г.—11½ милл. пуд. Эта цифра ничтожная, мизерная, до смешного малая, эта цифра всякому знающему человеку говорит сразу — нищета. Вот что свидетельствуют эти цифры. Но все-таки это начало. И мы, слышавшие годами угрозы, что сношения с нами, пока мы остаемся тем, что есть, всеми мерами не будут допущены, все-таки видим, что кое-кто оказался сильнее, чем эти угрозы. Мы все-таки видим, что экономическое развитие учтено ими неправильно, а нами правильно. Начало положено. Все внимание, все усилия, все заботы мы должны теперь приложить к тому, чтобы это развитие не останавливалось, чтобы оно шло вперед.

Я приведу еще одну небольшую картинку, чтобы показать, как в течение 1921 года мы шли вперед. В первую четверть 1921 г. привоз был около 3 милл. пуд., во вторую четверть — 8 милл. пуд., в третью — 24 милл. пуд. Мы все-таки шагаем. Цифры эти ничтожно малы, но все

же они постепенно увеличиваются. И вы видим, как они увеличиваются в 1921 г., в который нам приходится отчитываться, который был годом неслыханной тяжести. Вы знаете, чего стоило такое бедствие, как голод, какие неслыханные мучения он продолжает причинять всему сельскому хозяйству, промышленности и всей нашей жизни. Все-таки, несмотря на то, что мы были страной, так сильно разоренной войной, страной, несшей такие колоссальные бедствия и в результате всех войн и в результате хозяйничанья царей и капиталистов, мы все-таки теперь стоим на пути, который открывает нам возможность улучшения нашего положения, вопреки непрекращающейся вражде к нам. Вот что является основным фактором. Вот почему, когда мы читали недавно о вашингтонской конференции, когда мы слышали известие о том, что враждебные нам державы летом принуждены будут созвать вторую конференцию с приглашением и Германии, и России, с обсуждением условий подлинного мира, мы говорим: наши условия ясны и отчетливы, мы их изложили, они опубликованы. Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, это сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами. Чем дальше они будут вступать на этот путь, тем шире, быстрее будет обрисовываться то, что я сегодня в отчете за 1921 год могу показать вам лишь в таких мизерных цифрах. Я должен перейти теперь к нашему внутреннему экономическому положению. И здесь главный вопрос, на котором придется остановиться прежде всего, — это вопрос о нашей экономической политике. В том, чтобы к этой новой экономической политике перейти, в том, чтобы сделать первые шаги на этом пути, научиться их делать, приспособить к этому наше законодательство, нашу администрацию, — в этом состояла главная наша работа за отчетный 1921 год. Вы знаете из печати массу фактов, сообщений, которые показывают, как работа в этом отношении развивалась. Вы, конечно, не станете требовать от меня, чтобы я приводил здесь дополнительные факты или перечисляя те или иные цифры. Необходимо лишь установить то основное, что нас всех больше всего объединяло, что является наиболее существенным с точки зрения самого существенного и самого коренного вопроса всей нашей революции и всех будущих социалистических революций (если взять их в мировом масштабе вообще). Самый коренной, самый существенный вопрос, это — отношение рабочего класса к крестьянству, это — союз рабочего класса с крестьянством, это —

умение передовых рабочих, прошедших долгую, тяжелую, но благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытать, — а трудностей много, и закрывать глаза мы на них не можем, — только в этом союзе лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов. Только в упрочении союза рабочих и крестьян лежит общее избавление человечества от таких вещей, как недавняя империалистическая бойня, от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас, где небольшое число, ничтожнейшая горсточка богатейших держав задыхается в своем богатстве, а гигантское население земного шара бедствует, не имея возможности воспользоваться той культурой и теми богатыми ресурсами, которые имеются на-лицо, которым нет выхода из-за недостатка оборота.

Безработица является главнейшим бедствием передовых стран. Нет иного выхода из этого положения, как прочный союз крестьянства и рабочего класса, прошедшего тяжелую, но единственно солидную и серьезную школу, как фабрика, фабричная эксплуатация, фабричное объединение. Этот союз, политический и военный, мы испытывали в самые тяжелые годы нашей республики. Первый раз в 1921 году переживаем мы этот союз, как экономический. Мы еще очень и очень плохо в этом отношении поставили дело. Надо это открыто сказать. Надо видеть этот недостаток, а не прикрашивать его, надо все силы направить для его исправления, поняв, что тут изложена основа нашей экономической политики. Для этого, чтобы поставить отношения между рабочим классом и крестьянством правильно, можно себе представить только два пути: если крупная промышленность находится в цветущем состоянии, если она может сразу снабдить крестьян достаточным количеством продуктов или большим количеством продуктов, чем прежде, и установить таким образом правильные отношения между поступающими от крестьян запасами сельскохозяйственных продуктов и промышленными изделиями, — тогда крестьянство будет вполне удовлетворено, тогда крестьянство в своей массе, беспартийное крестьянство, признает, силой вещей, что этот новый порядок лучше порядка капиталистического. Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие на-лицо, если взять вопрос в мировом масштабе; такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми

продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 г.г. Тогда промышленность работала на войну и снабдила она человечество своими продуктами так полно, что у нас оказалось не меньше 10 милл. человек убитыми и не меньше 20 милл. искалеченными. Из среды людей, наиболее враждебных и чуждых всякому социализму, беспощадно враждебных малейшей социалистической идее, после этой войны даже в тех странах, которые выпли из нее победительницами, раздалось наибольшее количество голосов, которые определенно говорят, что даже если бы не было на свете дурных большевиков, то едва ли еще одну такую войну можно было бы допустить. Это говорят представители наиболее богатых стран. Вот на что работала эта богатая передовая крупная промышленность. Вот почему она служила для дела фабрикации искалеченных людей, и у нее не осталось времени для снабжения крестьян своими продуктами. Все же мы в праве сказать, что в мировом масштабе такая промышленность есть. На земле есть страны с такой передовой крупной промышленностью, которая может сразу снабдить сотни миллионов отсталого крестьянства. Мы кладем это в основу своих расчетов. Вы лучше, чем кто-либо другой, знаете, наблюдая это в повседневной жизни, что у нас осталось от нашей крупной промышленности, которая и без того была слабой. Например, в Донбассе, этой главной и основной базе крупной промышленности, было столько разрушений в гражданской войне, и прошло столько империалистических правительств, сколько их видела Украина. Это не могло отразиться иначе, как тем, что от нашей крупной промышленности остались ничтожные остатки. Если прибавить к этому такое бедствие, как неурожай 1921 г., то станет понятно, что попытка снабдить крестьянство продуктами перешедшей в руки государства крупной промышленности нам не удалась. Раз эта попытка не удалась, то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т.-е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть. Замена разверстки продналогом, — вот в чем суть нашей экономической политики, это суть самая простая. Если нет цветущей крупной промышленности, способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием под руководством и контролем рабочего государства, — никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому пути привела.

И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики.

В эпоху, когда главное внимание и главные силы были отвлечены на задачи политические и военные, мы не могли действовать иначе, как с величайшей простотой, устремляясь вперед с авангардом, зная, что авангард этот поддержит. В области великих преобразований в политике, в области того величайшего дела, которое мы сделали в течение 3-х лет, поставив себя в войну против командующих держав мира, нам был обеспечен союз крестьян и рабочих простым порывом политическим и военным, потому что каждый крестьянин знал, чувствовал и осязал, что против него стоит вековой враг — помещик, которому так или иначе помогают представители других партий. И потому этот союз был так прочен и непобедим. В области экономической союз должен быть построен на других началах. Тут перемена сущности и формы союза. Если хоть кто-нибудь из коммунистической партии, из профсоюза или просто из людей, сочувствующих Советской власти, просмотрел эту необходимую перемену сущности союза и формы его, тем хуже для него. Такие просмотры в революции недопустимы. Необходимость изменения формы союза вызвана тем, что союз политический и союз военный не мог быть продолжаем так же просто и в области экономической, когда у нас крупной промышленности еще нет, когда она разорена войной, неслыханной ни в одном государстве. А ведь промышленность до сих пор не поднялась еще даже в государствах бесконечно более богатых, чем наше, и от войны выигравших, а не потерявших. Перемена формы и сущности союза рабочих и крестьян оказалась необходимой. Мы зашли в эпоху политическую и военную гораздо дальше вперед, чем нам позволял непосредственно экономический союз рабочих и крестьян. Мы должны были это сделать, чтобы победить врага, и мы имели право это сделать. Сделали мы это с успехом потому, что мы врагов наших победили на том поприще, которое было тогда, — на поприще политическом и военном, но на поприще экономическом мы потерпели целый ряд поражений. И тут нечего бояться это признать, а наоборот: только тогда мы научимся побеждать, когда мы не будем бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо. Нашими заслугами в первой области, в области политической и военной, мы имеем право гордиться. Они вошли в историю, как мировое завоевание, которое еще покажет себя во всех областях. Но в области экономической за тот год, за который мне приходится отдавать вам отчет, мы только стали на путь новой экономической политики. В этом отношении мы начинаем едва-едва только

учиться, и тут делаем несравненно больше ошибок, смотря назад, увлекаясь прошлым опытом, который был великолепен, высок, величественен, который имел всемирное значение, но который не мог решить той задачи экономического характера, которая нам навязана сейчас, в условиях страны, разоренной в области крупной промышленности, в условиях, которые требуют от нас научиться прежде всего той экономической связи, которая сейчас неизбежна и необходима. Эта связь есть торговля. Это для коммунистов весьма неприятное открытие. Очень может быть, что это открытие чрезвычайно неприятно, даже несомненно, что оно неприятно, но если мы будем руководиться соображениями приятности или неприятности, то мы упадем до уровня тех «почти что» социалистов, которых мы с вами достаточно видели в эпоху временного правительства Керенского. Едва ли «социалисты» этого рода пользуются еще каким-либо авторитетом в нашей республике. А нашей силой была всегда способность учитывать действительные соотношения и не бояться их, как бы ни были они нам неприятны. Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму, и никто не опровергнет этого факта, как не опровергнет того, что эта крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу в самых цветущих и богатых странах-победительницах, либо только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей. А если у нас при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сейчас нужного нам промышленного развития нет, то что же мы — откажемся, упадем духом? Нет. Мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим. Несомненно, путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплуататора. И для того, чтобы осуществить это в нашей обстановке, необходима та экономическая связь, которая является единственно возможной — связь через хозяйство. Вот причина нашего отступления, вот почему мы должны были притти к государственному капитализму, к концессиям, к торговле. Без этого на почве того разорения, в котором мы оказались, надлежащей связи с крестьянством нам не восстановить. Без этого нам грозит опасность, что передовой отряд революции забежит так далеко вперед, что от массы крестьянской оторвется. Смычки между ним и крестьянской массой не будет, а это было бы гибелью революции. На это мы должны смотреть особенно трезво, ибо отсюда вытекает в первую голову и больше всего то, что называется у нас нашей новой экономической политикой. Вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно,

как правильно уже замечено, не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности. Я позволю себе привести теперь самые небольшие цифры, чтобы показать, что, как ни трудно нам это было, как ни много мы делали ошибок (мы делали их чрезвычайно много), все же дело идет вперед.

Товарищи, общих данных о развитии внутренней торговли у меня нет, и я думаю привести данные оборота только Центросоюза, данные за три месяца. И вот, за сентябрь оборот Центросоюза выражается в 1 милл. руб. золотом, за октябрь — 3 милл., за ноябрь — 6 милл. Цифры опять-таки, если взять их как абсолютные цифры, мизерны, малы; это надо признавать прямо, потому что вреднее будет делать себе на этот счет иллюзии. Это — цифры нищенские, но в тех условиях разорения, в которых мы оказались, эти цифры говорят с несомненностью о том, что движение вперед есть, что зацепиться за их экономическую основу мы можем. Как ни многочисленны ошибки, которые мы делаем, — и профсоюзы, и коммунистическая партия, и управляющий аппарат, — мы все же убеждаемся в том, что мы можем избавиться от этих ошибок и постепенно избавляемся, что мы идем тем путем, который восстановит отношение между земледелием и промышленностью во что бы то ни стало. Мы должны и можем добиться подъема производительных сил хотя бы на ступени крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной. Мы должны добиться успехов и мы начинаем их добиваться, но надо помнить, что здесь другой темп и другая обстановка работы, здесь труднее добиться победы. Здесь мы не можем так быстро достигнуть наших целей, как нам удавалось это в области политической войны. Тут мы не можем идти порывами и прыжками, и сроки здесь другие: они исчисляются десятками лет. Вот в какие сроки нам придется добиваться успехов в экономической войне и в обстановке не помощи, а вражды от наших соседей.

А дорога наша — верная, ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны. По этой верной дороге мы начали идти. Надо только детально взвешивать каждый малейший шаг, учитывать все свои ошибки, и тогда мы своего добьемся на этом пути.

Я должен был бы теперь, товарищи, несколько поговорить о главном нашем промысле — о сельском хозяйстве, но думаю, что по этому вопросу вы заслушаете доклад, гораздо более обстоятельный и полный, чем мог бы сделать я, так же, как и относительно голода, который осветит вам тов. Калинин. Прекрасно вам известно, товарищи, какой

неслыханной тяжестью обрушился на нас голод в 1921 году. Эти бедствия старой России неизбежно должны были перенестись и на нас, потому что единственный выход из этого может быть только в восстановлении производительных сил, но не на старой, нищенской, мелкой основе, а на основе новой, на основе крупной промышленности и электрификации. Только в этом состоит избавление от нашего нищенства, от беспрерывных голодовок, а для этой работы, как сразу видно, сроки, которыми мы измеряли наши политические и военные победы, не подходят. Мы все же, будучи окружены враждебными государствами, эту блокаду пробили; как ни скудна была помощь, мы все-таки кое-что получали. Вся она в итоге выражается в 2½ милл. пуд. Это все, что мы получили из-за границы, что заграничные государства милостиво могли дать голодной России. Мы могли собрать путем пожертвований около 600 тыс. золотых рублей. Это слишком ничтожная цифра, но из этой цифры мы видим, как корыстно отнеслась к нашему голоду европейская буржуазия. Вы все, вероятно, читали, как вначале при известиях о голоде пышно и торжественно заявляли влиятельные государственные люди, что пользоваться голодом, чтобы поднимать вопрос о старых долгах, было бы вещью дьявольской. Я не знаю, страшнее ли дьявол, чем современный империализм. Знаю, что на самом деле вышло именно так, что с нас, несмотря на голод, старые долги взыскать на особенно тяжелых условиях попробовали. Мы не отказываемся платить и заявляем торжественно, что готовы об этом говорить деловым образом. Но чтобы дать себя закабалить по этому поводу без всякого учета, без всякого расчета взаимных претензий, без всякого делового обсуждения, — вы все понимаете, — и на этот счет сомнений быть не может, — этого мы никогда ни в каком случае не допустим.

Я должен сообщить вам, что последние дни принесли нам все-таки очень порядочный успех в деле борьбы с голодом. Вы читали, наверное, в газетах, что в Америке ассигновано 20 милл. долларов на помощь голодающим в России, вероятно, на тех условиях, на каких помогает АРА, — американская организация помощи голодающим¹⁷⁶). На-днях получена от Красина телеграмма, что американское правительство предлагает формально гарантировать в течение трех месяцев получение нами продовольствия и семян на эти 20 милл. долларов, если мы от себя могли бы согласиться израсходовать 10 милл. долларов (20 милл. золотых руб.) на ту же цель. Мы немедленно такое согласие дали, и это передано по телеграфу. И, повидимому, можно сказать, что в течение первых трех месяцев мы на сумму 30 милл. долларов, т.-е. 60 милл. золотых руб., продовольствие и

семена для голодающих обеспечим. Этого, конечно, мало, это ни в коем случае не покроет того ужасного бедствия, которое обрушилось на нас. Это вы все прекрасно понимаете. Но, во всяком случае, это все-таки есть помощь, которая, несомненно, свое дело в облегчении отчаянной нужды и отчаянного голода сделает. И если нам уже удалось известного успеха добиться осенью в деле снабжения семенами голодающих местностей и расширения посевов вообще, то мы имеем надежду весной добиться еще большего успеха. Осенью приблизительно засеяно у нас было в голодающих губерниях 75% озимого клина, в губерниях, частично пострадавших от неурожая. — 102%, в губерниях производящих — 123%, в губерниях потребляющих — 126%. Это, во всяком случае, показывает, что как ни дьявольски тяжелы были наши условия, а помощь крестьянству в деле расширения посевов и борьбы с голодом мы все-таки кое-какую оказали. При тех условиях, которые сложились, мы имеем право ожидать теперь без всякого преувеличения и не боясь впасть в ошибку, что мы при обсеменении ярового клина существенную помощь крестьянству окажем. Эта помощь ни в коем случае, повторяю, не будет полной. У нас ни в коем случае нехватит того, чтобы покрыть всю нужду. Это надо сказать ясно. И тем более надо напрягать силы, чтобы эту помощь расширить. Я по этому поводу должен сообщить итоговые цифры, касающиеся нашей продовольственной работы. Продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе, беря все крестьянство, облегчение. Это не требует доказательства. Дело не только в том, какое количество хлеба было взято с крестьянина, а в том, что крестьянин почувствовал себя обеспеченнее при продналоге, и у него поднялась заинтересованность в хозяйстве. Старательному крестьянину при повышении производительных сил продналог открывал более широкую дорогу. Итог сбора продналога за отчетный год в общем таков, что мы должны сказать: надо изо всех сил напрячь наши усилия, чтобы не сорваться. Вот те общие, самые краткие итоги, которые я вам сообщу по последним данным, доставленным из Наркомпрода. Нам необходимо не меньше, чем 230 миллионов пуд. Из них 12 милл. пуд. голодающим, 37 милл. на семена и 15 милл. резервного фонда, а мы можем получить 103 милл. продналогом, 15 милл. помольным сбором, 12½ милл. от возврата семенной ссуды, 13½ милл. от товарообмена, 27 милл. с Украины и 38 милл. пуд. из-за границы (38 милл., если считать, что мы 30 милл. получим, учитывая ту операцию, о которой я вам только что говорил, и, кроме того, 8 милл. пуд. купим). Итог 215 милл. пуд. Все же, таким образом, дефицит ни одного пуда в резерве. А сможем ли мы купить еще за границей, это — неизвестно. Наш продовольственный

план рассчитан теперь в обрез, для того, чтобы наименьшую тяжесть возложить на крестьянство, пострадавшее от голода. Если мы считали в 1920 году на содержании государства 38 милл. человек, то теперь мы эту цифру сократили до 8 миллионов. Но отсюда вывод только один: продовольственный налог должен быть собран в размере 100%, т.-е. полностью, во что бы то ни стало. Мы нисколько не забываем, что это составляет для крестьянства, пострадавшего так много, огромную тяжесть. Я превосходно знаю, что товарищам на местах, которые всю продовольственную работу испытали на себе, лучше, чем мне, известно, что означает такая задача — собрать 100% продовольственного налога непременно теперь. Но я должен от имени правительства, как итог отчета наших работ за 1921 г., сказать вам: а эту задачу, товарищи, выполнить надо, на эту трудность пойти надо, эту тяжесть побороть необходимо. Иначе не обеспечено самое основное, самое элементарное в деле нашего транспорта и нашей промышленности: не обеспечен самый минимальный, абсолютно необходимый бюджет, без которого нельзя существовать в той обстановке, в которой находимся мы, окруженные врагами, и при неустойчивом международном равновесии. Без громадных усилий из этого положения, в котором очутились мы, которых мучили войной империалистической и войной гражданской, которых травили правящие классы всех стран, выхода нет и быть не может, и поэтому надо совершенно отчетливо, не боясь горькой правды, сказать и от имени съезда подтвердить на местах всем работникам: «Товарищи, все существование Советской республики, весь наш самый скромный план восстановления транспорта и промышленности рассчитан на то, что мы общую продовольственную программу выполним. Поэтому продналог, собранный в 100%, является безусловной необходимостью».

Говоря о плане, я перейду к тому, какое практическое положение получилось у нас с государственным планом. Я начну с топлива, которое является основой всей нашей промышленной работы. Вы уже, вероятно, получили сегодня или получите на днях материалы по работе нашего Госплана — государственной плановой комиссии. Вы получите отчет о съезде электротехников, который дал серьезнейший и богатейший материал, проверенный лучшими техническими и научными силами России, и вместе с тем план, который является единственно научно проверенным, кратчайшим и ближайшим планом для восстановления нашей крупной промышленности, требующим для выполнения не менее 10—15 лет. Я уже говорил и не устану повторять, что сроки, с которыми мы должны считаться в нашей практической работе, теперь не те, какие мы видели в области работы политической

и военной. Очень многие из руководящих работников коммунистической партии и профсоюзов это усвоили, а надо, чтобы это усвоили все. Между прочим, в той брошюре тов. Кржижановского ¹⁷⁷⁾, которая завтра вам будет роздана — «Отчет о деятельности Госплана», — вы увидите, как с точки зрения коллективной мысли инженеров и агрономов ставится вопрос о нашем государственном плане вообще. Вы увидите, как подходят к делу с точки зрения коллективного опыта инженеры и агрономы, рассчитывая, между прочим, до каких пределов мы можем отступать. Вы найдете в этой брошюре ответ на этот вопрос с точки зрения инженеров и агрономов, и тем более ценно то, что вы найдете в ней, как результат работы за отчетный год нашего общепланового государственного учреждения, расчет того, как им ставится вопрос транспорта и промышленности. Понятное дело, что я не могу излагать вам здесь содержания этой работы. Мне хотелось бы только совсем коротко остановиться на вопросе о том, как обстоит дело с планом топливным, ибо в этой области в начале отчетного 1921 года мы понесли самое жестокое крушение. Именно тут, опираясь на улучшение дела в конце 1920 г., мы допустили величайший просчет и привели транспорт к колоссальному кризису весной 1921 года, кризису, который был вызван уже не только недостатком материальных средств, но и тем, что мы неверно рассчитали темп быстроты развития. Уже тогда сказалась ошибка, что опыт, нами усвоенный из периода политического и военного, мы перенесли на задачи хозяйственные, важнейшая ошибка, коренная ошибка, которую мы до сих пор повторяем, товарищи, на каждом шагу. Сейчас у нас много ошибок, и нужно сказать, что если мы этих ошибок не осознаем и если мы во что бы то ни стало не добьемся того, чтобы эти ошибки исправить, у нас прочного хозяйственного улучшения быть не может. После испытанного нами урока мы топливный план на 2-ю половину 1921 г. ставим уже с большой осторожностью, считая малейшее преувеличение здесь недопустимым и всемерно с ним борясь. Цифры к концу декабря, хотя еще неполные, которые мне были сообщены тов. Смильгой ¹⁷⁸⁾, руководящим всеми нашими учреждениями по сбору топлива, показывают, что мы имеем тут дефицит, но уже дефицит незначительный, при чем дефицит, показывающий улучшение внутреннего строения нашего топливного бюджета — именно то, что техники называют его минерализацией, т.-е. большой успех в снабжении России минеральным топливом, а только на минеральном топливе может быть прочная постройка крупной промышленности, способной служить базой для социалистического общества. Вот как был рассчитан в начале второго полугодия 1921 года наш топливный план. Если перевести дрова,

2.700 пудов саженой, на условные 7.000 калорийного топлива, как всегда мы это переводим и как это сделано на стр. 40-й брошюры Кржижановского, которая будет вам роздана, то мы рассчитываем получить 273 миллиона пудов. Теперь цифры показывают, что мы получили около 234 миллионов пудов. Здесь громадная нехватка, на которую я должен обратить ваше внимание. К дровяной работе наших топливных учреждений мы за отчетный год относились очень внимательно. Но именно эта работа больше всего связана с состоянием крестьянского хозяйства. Именно здесь на крестьянина и его лошадь ложится вся тяжесть. Здесь нехватка топлива, бескормица и т. д. очень отражаются на работе. Вот почему получается нехватка. Вот почему теперь, когда мы стоим в начале зимней топливной кампании, мне опять-таки приходится сказать: товарищи, привезите на места лозунг величайшего напряжения сил в этой области. В области нашего топливного бюджета мы рассчитали в минимальных размерах лишь то, что абсолютно необходимо для поднятия промышленности, но в этих минимальных размерах это нужно во что бы то ни стало выполнить, как бы тяжелы ни были условия.

Дальше. Угля мы рассчитывали получить 143 миллиона пудов, теперь мы получили 184 миллиона пудов, тут успех, прогресс минерализации нашего топлива, тут прогресс Донбасса и др. учреждений, где целый ряд товарищей работали очень самоотверженно и достигли практических результатов в улучшении крупной промышленности. Я пару цифр относительно Донбасса вам приведу, потому что это основа, крупный центр всей нашей промышленности. Нефти мы рассчитывали получить 80 миллионов, что дает в переводе на условное топливо 120 миллионов. С торфом рассчитывали на 4 миллиона (12 миллионов условного топлива) и получили 5. Тут недостаток есть. Правда, этот недостаток не так велик, может быть, 3—4%, но, во всяком случае, это недостаток. Во всяком случае, надо будет признать, что все это для крупной промышленности является прямой угрозой, что кое-что не выполнено будет из того минимума, который был назначен. Я этим примером, думаю, показал вам, во-первых, что наши плановые учреждения работали не даром и что приближение момента исполнения наших планов началось, а вместе с тем этот пример показал, что мы едва-едва начинаем подниматься, что в этом отношении тяжесть, трудность нашего хозяйственного положения еще в высочайшей степени велика и что поэтому основным лозунгом, основным боевым кличем, основным призывом, с которым должен вести и закончить свою работу наш съезд, с которым он должен разъехаться на места, является: нужно еще напряжение сил, как оно ни тяжело, и в области

работы промышленной, и в области работы хозяйственной. Иного спасения для республики, для удержания, сохранения, упрочения власти рабочих и крестьян нет, как напряжение труда в этом отношении. Что мы достигли немалых успехов, это в особенности показал, например, Донбасс, где работали с чрезвычайной преданностью и с чрезвычайным успехом такие товарищи, как тов. Пятаков — в области крупной промышленности, как тов. Рухимович, — в области мелкой промышленности, которому в первый раз удалось поставить мелкую промышленность так, что она кое-что дала. В крупной промышленности выработка забойщика достигла довоенной нормы, чего раньше у нас не было. Вся производительность Донбасса, если мы возьмем 1920 год, исчислялась в 272 миллиона пудов. Она исчислялась в 272 милл., а в 1921 году исчисляется в 350 милл. Эта цифра очень и очень мала по сравнению с той, которая была максимальной в довоенное время — 1 миллиард 700 тыс. Но это все же кое-что. Это все же показывает, что серьезный шаг вперед делается. Это все же шаг вперед в деле восстановления крупной промышленности, а жалеть жертв, чтобы восстановить крупную промышленность, мы не можем.

Еще два слова о металлургии. В этом отношении наше положение особенно тяжело. Мы производим каких-нибудь, может быть, 6% того, что производили в довоенное время. Вот на какое разорение, на какую нищету империалистическая война и гражданская война опустили Россию! Но мы, конечно, поднимаемся. У нас создаются такие центры, как Югосталь, где работает тоже наиболее преданным образом тов. Леви. Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный. Мы в первой половине 1921 г. выплавляли 70 тыс. пуд. чугуна, в октябре — 130 тыс., в ноябре — 270 тыс., т.-е. почти вчетверо. Мы видим, что у нас нет оснований предаваться панике; мы несколько не скрываем от себя, что цифры, которые я приводил, показывают уровень мизерный, нищенский, но мы все же можем доказать этими цифрами, что как ни был тяжел 1921 год, какие исключительные тяжести ни обрушивались на рабочий и крестьянский класс, все же мы поднимаемся, мы стоим на верном пути и, напрягая все силы, мы можем надеяться, что подъем станет еще выше.

Я бы хотел сообщить еще некоторые данные об успехе электрификации. К сожалению, крупного успеха мы пока не имеем. Я рассчитывал, что смогу поздравить IX съезд с открытием второго крупного электрического центра, построенного Советской властью, первый — Шатурка, а второй — новый центр — Каширская станция, которую мы как раз рассчитывали открыть в декабре. Она дала бы — и может дать — 6.000 киловатт в первую очередь, что при тех 18 тысячах

килоуатт, которые мы имеем в Москве, было бы помощью существенной. Но тут целый ряд препятствий привел к тому, что в декабре 1921 года мы этой станции открыть не можем, но она откроется в самый короткий срок, не больше, чем через несколько недель. Вообще, вы, вероятно, обратили внимание на отчет, который на днях был помещен в «Экономической Жизни» и подписан инженером Леви, одним из крупных работников VIII Всероссийского электротехнического съезда и вообще одного из крупнейших наших работников. Из этого отчета я приведу вам только следующие краткие цифры: если сложить 1918 и 1919 гг., то у нас в этот срок были открыты 51 станция с мощностью в $3\frac{1}{2}$ тысячи килоуатт. Если сложить 1920 и 1921 гг., то открыто было 221 станция с мощностью в 12 тысяч килоуатт. Если эти цифры сравнивать с Западной Европой, то, конечно, они покажутся крайне мизерными, нищенскими. Но они показывают, как может идти вперед дело даже при условиях ни в одной стране невиданных трудностей. Немаловажную роль сыграло распространение мелких станций в деревне. Надо сказать прямо, что очень часто здесь было растаскивание. Но и в этом растаскивании есть некоторая польза. Этими мелкими станциями были созданы в деревне центры современной новейшей крупной промышленности. Они хотя и ничтожны, но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется деревянной со своей примитивной сохой, а пойдет вперед к другим временам. И в массы крестьян постепенно проникает мысль, что мы Россию должны поставить и можем поставить на другую базу. Сроки тут, как я уже говорил, измеряются десятками лет, но работа уже началась, сознание в крестьянской массе расширяется и отчасти, именно благодаря тому, что у нас мелкие станции растут быстрее, чем крупные. Но если в 1921 году мы опоздали с открытием одной крупной электрической станции, то в начале 1922 года их будет две: Каширская в Подмоскowie и Уткина Заводь под Питером. В этом отношении, во всяком случае, мы стоим на пути, по которому нам обеспечено движение вперед, если мы с прежним напряжением будем относиться к выполнению наших задач.

Два слова еще об одном успехе, — о нашем успехе в деле работы по торфу. Добыча торфа у нас в 1920 году достигла 93 миллионов, в 1921 году — 139 милл. — единственная, пожалуй, область, где мы довоенную норму далеко обогнали. В области торфа у нас богатства необъятные, как ни в одной стране в мире. Но здесь гигантские трудности были и отчасти остаются и сейчас в том отношении, что эта работа, страшно тяжелая, страшно тяжела была именно в России. Изобретение гидравлического способа добычи торфа, над чем работали в Глазторфе гг. Радченко, Меньшиков и Морозов, облегчает эту работу.

В этом отношении достигнут успех громадный. В 1921 году работало всего 2 торфонасоса, — аппараты для гидравлического добывания торфа, избавляющие рабочих от каторжного труда, который до сих пор связан с добычей торфа. Теперь заказано в Германии и обеспечено к 1922 году 20 аппаратов. Содружество с передовой европейской страной началось. И перед нами сейчас открывается возможность развития этого дела. Практическое содружество с современным передовым государством — с Германией — достигнуто, поскольку там уже вырабатывают на заводах приборы, облегчающие этот труд, приборы, имеющие быть, наверняка, пущенными в 1922 году. На это обстоятельство нам надо обратить внимание. В этой области мы можем сделать очень и очень много, если все будем знать и все будем распространять ту мысль, что при напряжении усилий, при механизации труда выйти из экономического кризиса в России мы имеем большую возможность, чем какое бы то ни было другое государство.

Теперь в области нашей экономической политики мне хочется подчеркнуть еще одну сторону дела. При оценке нашей новой экономической политики недостаточно обращать внимание на то, что может быть особенно важно. Конечно, сущность новой экономполитики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем. Поднятие производительных сил во что бы то ни стало теперь уже началось, благодаря новой экономической политике. Есть еще одна сторона новой экономполитики — возможность учиться. Новая экономическая политика есть та форма, у которой учиться хозяйничанью мы начнем настоящим образом, а в этом отношении до сих пор мы работали из рук вон плохо. Конечно, коммунистическому руководителю, профсоюзному руководителю трудящихся масс трудно представить себе, что торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом экономический подъем. Если взять любого купца, торгующего под контролем государства и суда (суд у нас пролетарский, и суд у нас сумеет посмотреть за каждым частным предпринимателем, чтобы законы писались для них не так, как они пишутся в буржуазных государствах; недавно в Москве этот пример был, и все вы хорошо знаете, что мы число этих примеров умножим, строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями), то мы увидим, что все же этот купец, этот частный предприниматель, за сотню процентов прибыли сумеет сделать дело, скажем, в приобретении сырья для промышленности так, как сплошь и рядом не сумеют

сделать никакие коммунисты и профсоюзники. И вот тут-то значение новой экономической политики. Учитесь, это учение очень серьезное, мы все его должны проделать. Это учение чрезвычайно свирепое. Оно не похоже на чтение лекций в школе и на сдавание тех или иных экзаменов. Это есть проблема в тяжелой, суровой, экономической борьбе, поставленная в обстановку нищеты, в обстановку неслыханных тяжестей, трудностей, бескормицы, голода, холода, но это есть то настоящее учение, которое мы должны проделать. Здесь всякая попытка от этой задачи отмахнуться, всякая попытка закрыть глаза, что мы, мол, тут в стороне, будет самым преступным и самым опасным чванством, коммунистическим и профессиональным. Этим грешком мы, товарищи, все управляющие Советской Россией, очень страдаем, и надо это сознать с полной откровенностью, чтобы от этого недостатка избавиться. Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка. Здесь я приведу вам одну французскую поговорку, которая говорит, что обыкновенно у людей недостатки имеют связь с их достоинствами. Недостатки у человека являются как бы продолжением его достоинств. Но если достоинства продолжают больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками. Вероятно, почти всякий из вас в личной жизни и вообще это наблюдал, и мы теперь наблюдаем на всем развитии нашей революции, наших партий и наших профсоюзов, которые являются главнейшей опорой партии, на всем аппарате, управляющем Советской Россией, и мы наблюдаем этот недостаток, который явился как бы продолжением наших достоинств. Величайшим достоинством было то, что в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю, как смена двух эпох. Какие бы мучения нам ни пришлось еще выдержать, у нас этого никто назад взять не может, и из империалистической войны, и из наших бедствий мы вышли, только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй пришел на смену старому строю. Этого взять назад нельзя, это — достоинство непрерываемое, непреложное, которое не может быть отнято никакими усилиями и натиском наших врагов, но которое как раз, — если его продолжить там, где не надо, — становится самым опасным недостатком. Задачи политические и задачи военные можно было решить подъемом энтузиазма, на данной ступени сознания рабочих и крестьян. Они поняли все, что война империалистическая их душит, им нужен был подъем на новую ступень сознания, на новую ступень организации, чтобы понять это. Энтузиазм, натиск, героизм, который оставался и останется навсегда

памятником того, что делает революция и что она могла делать, помогли решить эти задачи. Вот чем мы достигли нашего политического и военного успеха, и это достоинство становится теперь самым опасным нашим недостатком. Мы смотрим назад и думаем, что так же можно решить и хозяйственные задачи. Но в том-то и ошибка: когда обстановка изменилась, и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить их вчерашним приемом. Не пытайтесь, не решите! И эту ошибочность нам надо сознать. Работники коммунистические и работники профсоюзские, которые сплошь и рядом от черной, тяжелой, многолетней хозяйственной работы, требующей выдержки, тяжелых испытаний, длительной работы, аккуратности и настойчивости, в качестве ли советских работников, в качестве ли вчерашних бойцов, отошли от нее, отмахиваются, отговариваются воспоминаниями о том, что мы великое сделали вчера. Вы мне напоминаете басню про гусей, которые кичились, что «Рим спасли», но которым на это крестьянин ответил хворостиной. «Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?». То, что в 1917—18—19—20 гг. мы решили наши задачи политические и военные с тем героизмом, с тем успехом, который теперь всемерно завоеван, которым мы положили начало новой эпохи всемирной истории, этого не отвергает никто. Это принадлежит нам, и ни у кого ни в партии, ни в профсоюзах нет попытки отнять это у нас, но перед советскими работниками и перед работниками профсоюзов, перед вами сейчас лежит задача другая. Сейчас вы окружены капиталистическими державами, которые вам не помогут, а мешают, сейчас вы работаете в условиях нищеты, разорения, голода и бедствия. Либо научитесь работать иным темпом, считая работу 10-летиями, а не месяцами, зацепляясь за ту массу, которая измучилась и которая не может работать революционно-героическим темпом в повседневной работе, либо научитесь этому, либо вас назовут по справедливости гусями. Любой профессионалист, политический работник, когда он говорит общую фразу, что, мол, вот мы, профсоюзы, мы, коммунистическая партия, управляем, — это хорошо: в области политической и военной мы это делали прекрасно, а в области хозяйственной мы это делаем скверно. Надо это сознать и делать лучше. Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, должны ли профсоюзы участвовать в производстве, я скажу: да перестаньте болтать, а лучше ответьте мне на вопрос практически и скажите (если вы на ответственном посту, как авторитетный человек, работник коммунистической партии или профсоюза): где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено — тысяча или десять тысяч, дайте мне список тех кого вы ставите на хозяй-

ственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за 20 дел браться, а потом по недосугу ни одного не решить. У нас, в советских нравах бывает не так, чтобы хозяйство довести до конца, чтобы в течение нескольких лет сослаться на успех, чтобы не бояться учиться у того купца, который 100% прибыли возьмет и еще себе заберет, а так, что напишут прекрасную резолюцию о сырье и скажут, что мы, мол, представители коммунистической партии, профсоюза, пролетариата. Извините, пожалуйста. Что называется пролетариатом? Это класс, который занят работой в крупной промышленности, а крупная промышленность где? Какой это пролетариат? Где ваша промышленность? Почему она стоит? Потому что нет сырья? А вы сумели его собрать? Нет. Напишите резолюцию, чтобы его собрали, — и сядете в лужу, и скажут — глупость, и, стало быть, вы похожи на гуся, предки которого спасли Рим. На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. Иначе развитие и не могло идти в том обществе, которое было придавлено царями, помещиками, капиталистами. И эта часть работы, т.-е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем за великим политическим переворотом встает, однако, другая задача, которую нужно понять, нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй плох. Давайте его перестраивать. У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. () том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс. — это я знаю превосходным образом и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в этом дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Вот в чем штука. Не перестраивать, а, наоборот, помочь надо тем многочисленным недостаткам, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет. Это завоевание сделано, но в плоть

и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу. Прежде чем закончить, я еще позволю себе распространить этот урок, что недостатки являются иногда продолжением наших достоинств. Это мы испытали на одном из наших учреждений, именно: на ВЧК. Вы, конечно, все знаете, какую дикую ненависть внушает это учреждение российской эмиграции и тем многочисленным представителям правящих классов империалистических стран, которые с этой российской эмиграцией живут. Еще бы! — это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас. У них, у капиталистов и помещиков, остались в руках все международные связи, вся международная поддержка, у них была поддержка государств, несравненно более могучих, чем наше. Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это достоинство нашей ВЧК. Мы всегда это будем подчеркивать, когда мы услышим, в прямой или в отраженной форме, как часто слышим из-за границы, вопли тех из русских представителей, которые на всех языках умеют употреблять слово ЧК и считать его образом, типом русского варварства.

Господа капиталисты, российские и иностранные, мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто в обстановке, когда вы нас удущали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желаний преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов. Это мы очень хорошо знаем, но знаем вместе с тем, что достоинство человека может стать его недостатками, и мы знаем, что та обстановка, которая у нас создалась, повелительно требует ограничить это учреждение сферой чисто политической, сосредоточить его на тех задачах, при которых обстановка и условия помогают ему. Если попытки контр-революции будут таковы, как они были

до сих пор, — а мы не имеем доказательств, чтобы на этот счет психология наших противников изменилась, у нас нет к этому оснований — то мы сумеем отвечать так, чтобы видели в нашем ответе нечто серьезное. Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать. Но, вместе с тем, мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, согласно нашей новой экономической политике, а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке наступления, если бы мы тогда эту задачу поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но ее не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, какое правительство за отчетный год вынесло.

В заключение я должен сказать, товарищи, что та задача, которую мы решаем в этом году и которую мы так плохо до сих пор решали, — соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз, даже в обстановке наибольшей нищеты и разорения — поставлена нами теперь правильно, и никаких сомнений на этот счет быть не может. И эта задача не только русская, но и мировая.

«IX Всероссийский съезд Советов».

Стенограф. отчет.

Изд. ВЦИК 1922 г.

I часть XVIII тома Собрания сочинений
Н. Ленина (В. Ульянова)
подготовлена к печати и снабжена примечаниями
К. П. Новицким под редакцией Л. Б. Каменева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) *Дискуссия о роли и задачах профсоюзов* возникла на V Всероссийской конференции профессиональных союзов (2—6 ноября 1920 г.), где Л. Троцкий, указывая на «тягчайший кризис», переживаемый профсоюзами, считал необходимым поставить перед союзом «ясную и отчетливую задачу» — «обеспечения за союзами господствующего положения в хозяйственной жизни», при чем партия, по его мнению, должна «поставить перед собой и перед союзами задачу реорганизации, перестройки и перевоспитания союзов во имя этой цели». Эти положения Л. Троцкий подробно развил в наброске тезисов, внесенных им 9 ноября 1920 г. в пленум ЦК РКП, где они подверглись тщательному обсуждению. В результате прений пленум ЦК РКП поставил создать комиссию для выработки подробной инструкции для всех профсоюзов по следующим вопросам:

а) детальная программа усиления (работниками, газетами, финансами и т. д.) всего ВЦСПС и его общесоюзной работы в целом;

б) развитие и более широкое применение методов рабочей демократии, т.-е. демократизма внутри профсоюзов;

в) развитие участия профсоюзов в управлении производством по отдельным пунктам (приемы, методы, способы);

г) то же о спецзах, их деление на три или более категории, правильное привлечение, систематическое использование и т. д.,

д) об изменении методов работ профессиональных центров в связи с возлагаемыми на профсоюзы новыми задачами.

В состав этой комиссии были избраны: Зиновьев, Томский, Рудзутак и Троцкий. Кроме того, от комитета фракции V Всероссийской конференции в состав комиссии вошли — Андреев, Лозовский, Шляпников и Лутовинов.

Председателем комиссии назначен был Г. Зиновьев. Л. Троцкий в комиссии не участвовал. Между тем, дискуссия о роли и задачах профсоюзов приняла партийный характер и захватила не только профессиональные, но и широкие партийные круги; появляется ряд «платформ», отстаивающих различные точки зрения на задачи и роль профессиональных союзов («Платформа 10-ти» — большинства ЦК РКП, Платформа Л. Троцкого, «Платформа группы Бухарина», «Платформа группы Игнатовой», «Платформа группы демократического централизма» и «Платформа рабочей оппозиции»); возникает значительная дискуссионная литература. Этапы развития проф. дискуссии отмечены В. И. в статье «Кризис партии» (см. I часть XVIII тома «Собрания сочинений», стр. 27). Доклады, статьи, речи и материалы, посвященные дискуссии, частично изданы в 1921 г. петербургским отделением Госиздата отдельным сборником — «Партия и союзы», под редакцией Г. Зиновьева. Сборник этот, однако, не охватывает всей литературы, порожденной дискуссией. В сборник «Партия и союзы» не вошли брошюры: Н. Ленина — «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках

тт. Троцкого и Бухарина» (см. 1 часть XVIII тома «Собр. сочин.»), Л. Каменева — «О роли и задачах профессиональных союзов», Л. Троцкого — «О проекте десяти», Андреева, Трифонова и др.

Дискуссия о роли и задачах профессиональных союзов, в сущности, была прелюдией к новой экономической политике, основные черты которой набросаны Вл. Ил. в его речах и брошюрах. На X съезде партии вопрос о профсоюзах получил разрешение в духе «Платформы десяти». Одновременно X съезд РКП принял резолюцию, воспрещающую существование внутри партии фракционных группировок.

²⁾ Л. Д. Троцкий — см. том XIV, прим. 79.

³⁾ А. С. Лозовский — старый большевик. Род. в 1878 г. В революционном движении участвует с 1903 г. Много раз подвергался арестам, провел в тюремном заключении в общем около 4 лет, был приговорен к ссылке на поселение, эмигрировал за границу, где пробыл 9 лет. Вернувшись в Россию в 1917 г., Л. принял деятельное участие в профессиональном движении. Активный участник всех Всероссийских конференций и съездов профессиональных союзов. В 1920—1921 гг., в период профдискуссии, состоял председателем московского губернского совета профессиональных союзов, выступал против тезисов Л. Троцкого, защищал «Платформу 10-ти», подписанную Н. Лениным, Г. Зиновьевым, И. Сталиным, Л. Каменевым, М. Томским, А. Лозовским, Я. Рудауаком, М. Калинин, Г. Петровским и Ар. Сергеевым. В 1922 г. избран генеральным секретарем Профинтерна; член ВЦИК.

⁴⁾ М. П. Томский — председатель ВЦСПС, рабочий, род. в 1880 г., член партии с 1904 г.; один из активных работников революционного и профессионального движения. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны старого правительства; провел 3½ года в тюрьме, 5 лет на каторге и 11 мес. в ссылке. С начала революции 1917 г. стоит по главе русского профессионального движения. Член ЦК РКП.

⁵⁾ Д. Б. Рязанов — см. т. XIV, прим. 290.

⁶⁾ Н. И. Бухарин — см. том XVII, прим. 73.

⁷⁾ *Производственная демократия* — термин, введенный в употребление Л. Троцким в тезисах, представленных ЦК РКП, и в тезисах «Роль и задачи профессиональных союзов», написанных к X съезду партии, где он доказывал, что «производственная точка зрения ни в коем случае не может быть истолковываема, как противостоящая идее рабочей демократии. Наоборот, рабочая демократия может расцвести только как производственная демократия». Н. И. Бухарин горячо отстаивал понятие «производственной демократии», чем и вызвал обстоятельные возражения В. И., направленные, главным образом, по его адресу.

⁸⁾ Вопрос о единоличии и коллегиальности в хозяйственных органах обсуждался на IX съезде РКП (29 марта—4 апреля 1920 г.) и был разрешен в сторону признания практической целесообразности единоличного управления в промышленности (более подробно см. т. XVII «Собр. сочинений» В. И., стр. 85—91. Речь В. И. на IX съезде РКП о хозяйственном строительстве).

⁹⁾ «Восьмерка», «семерка» и «буферная группа» — получились при голосовании вопроса о профсоюзах на пленумах ЦК РКП. Вначале голоса разделились на первые две группы. В «восьмерку» входили — Ленин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Сталин, Рудаук, Ар. Сергеев; в «семерку» —

Троцкий, Бухари, Крестинский, Серебряков, Дзержинский, Преображенский и Андреев. Образовавшаяся затем «буферная группа» состояла из Бухарина, Серебрякова и Преображенского.

¹⁰⁾ *Резолюция IX съезда РКП о профсоюзах* — помещена в Сборнике «Российская Коммунистическая Партия (большевики) в резолюциях ее съездов и конференций» (1898—1922 гг.) изд. под ред. Л. Каменева, стр. 276—279.

¹¹⁾ *Комиссия, выделенная ЦК РКП* — см. прил. 1 наст. тома.

¹²⁾ *Ю. Х. Лутовинов* — см. том XVII, прим. 71.

¹³⁾ *Н. Осинский* (В. В. Оболенский), — см. том XV, прим. 68.

¹⁴⁾ *Ищенко* — рабочий, сторонник «Раб. оппози.».

¹⁵⁾ *А. Шляпников* — см. том XV, прим. 135.

¹⁶⁾ *Е. А. Преображенский* — см. том XVII, прим. 262.

¹⁷⁾ *Л. П. Серебряков* — рабочий, род. в 1888 г., один из старых членов партии, 14 раз подвергался аресту и тюремному заключению и пять раз ссылке. Участник январской конференции 1912 г. и всех последующих съездов партии. За время революции вел ответственную работу на фронтах гражданской войны; с 1917 по 1919 г. — член президиума Московского Совета РК и КД, затем — член президиума ВЦИК, в 1919 и 1920 гг. — секретарь ЦК РКП. Во время проф-дискуссии примыкал к точке зрения, изложенной в тезисах, подписанных Н. Бухариным, Е. Преображенским, В. Яковлевой и др. С 1922 г. — заместитель Народного Комиссара Путей Сообщения. Член ВЦИК.

¹⁸⁾ *Я. Э. Рудзутак* — род. в 1887 г., рабочий, в революционном движении участвует с 1905 года, был 10 лет на каторге; один из активных участников профессионального движения; в 1921 г. — член президиума ВЦСПС. Член ВЦИК. Секретарь ЦК РКП.

¹⁹⁾ *Н. Н. Крестинский* — см. том XVII, прим. 72.

²⁰⁾ *Андреев* — рабочий, родился в 1896 году, член партии с 1914 г. С 1920 по 1922 г. — секретарь ВЦСПС.

²¹⁾ *А. И. Рыков* — см. том XIV, прим. 331.

²²⁾ *Тезисы Бухарина* — напечатаны в «Правде» от 15 января 1921 года. Помещены также в сборнике «Партия и союзы», изд. петерб. отделением Госиздата в 1921 г., стр. 371.

²³⁾ *«Рабочая оппозиция»* — в 1920—1921 гг. так называлась небольшая группа членов партии во главе с А. Шляпниковым, А. Киселевым, С. Медведевым и И. Кутузовым, отстаивавшая во время дискуссии о роли профсоюзов необходимость немедленной передачи руководства хозяйством в руки профессиональных союзов. Тезисы «Рабочей оппозиции» напечатаны в сборнике «Партия и союзы» (стр. 361—370). На X съезде РКП точка зрения «Рабочей оппозиции» собрала небольшое число голосов (см. прим. 1 и 207).

²⁴⁾ *А. Гольцман* — работник Центранга, бывш. синдикалист, член РКП с 1917 г.

²⁵⁾ *Циперович* — один из организаторов первых с.-д. кружков в Одессе, работник профессионального движения, литератор, экономист.

²⁶⁾ *Проект платформы 10-ти* — напечатан в сборнике «Партия и союзы» (Изд. петербургск. отдел. Госиздата 1921 г., стр. 7—32).

²⁷⁾ *Г. Зиновьев* — см. том XIV, прим. 187.

²⁸⁾ *И. Сталин* — род. в 1879 г., член партии с 1898 года, один из виднейших организаторов и руководителей большевиков. Неоднократно подвергался

тюремному заключению, шесть раз был в ссылке; с 1912 г. бессменный член ЦК партии; в 1917 г. редактор «Правды»; после Октябрьской революции — Народный Комиссар по Делах Национальностей; в 1921—1923 гг. — Нарком РКИ, член ВЦИК, секретарь ЦК РКП.

²⁹⁾ *М. Калинин* — род. в 1875 г., рабочий, токарь по металлу, член партии с 1898 г., был 5 лет в ссылке и 4 года в тюрьме, с 1921 г. — председатель ВЦИК, член ЦК РКП.

³⁰⁾ *Л. Б. Каменев* — см. том XIV, прим. 32.

³¹⁾ *Г. Петровский* — род. в 1877 г., рабочий, член партии с 1897 г., активный участник революционного движения, провел 2 года в ссылке и 2½ года в тюрьме, член Гос. Думы. С 1917 г. по 1919 г. — Народный Комиссар Внутренних Дел. С 1919 г. — председатель ВЦИК Украины.

³²⁾ *Артем Сергеев* (1883—1921) — один из старых большевиков, крупный партийный организатор, пользовавшийся большой любовью рабочих Украины и Донбасса. Сергеев род. 7 марта 1883 г. в селе Глебово, Фатежского уезда, Курской губ. Детство свое он провел в г. Екатеринославе. По окончании екатеринославского реального училища, он 1 сентября 1901 года отправился в Москву и был зачислен студентом Московского Высшего Технического Училища. В 1902 г. в Москве Сергеев принял участие в движении, был арестован и отправлен в воронежскую тюрьму, где просидел 4 мес. По освобождении уехал за границу. Вернулся в Россию в 1903 г. оформившимся революционером. В 1905 г. он принял деятельнейшее участие в работе харьковской с.-д. организации, был организатором и участником массовых выступлений рабочих.

В 1907 г. Сергеева арестовали в Перми и привлекли за харьковскую работу к ответу по 1 ч. 102 ст. (принадлежность к социал.-дем. партии) и 129 ст. уг. ул.

После этого его бросали из тюрьмы в тюрьму в течение трех лет. В 1911 г. Артем бежал из Сибири через Японию и Китай в Австралию. Там он пробыл шесть лет, работал на заводах, издавал газету, участвовал в местном рабочем движении. Только в 1917 году он возвратился в Россию, где сразу вошел в ответственную революционную работу. Кипучий темперамент Артема в революционной России развернулся во всю ширь. Он вел неустанную борьбу с оппортунистами и соглашателями-меньшевиками и эс-рами, выполнял ответственную партийную и советскую работу на Украине, во время гражданской войны — на фронте, в 1921 г. — в профдвижении. Погиб, как солдат революции, на посту, при испытании нового изобретения — железнодорожного вагона, приводимого в движение пропеллером. Артем был членом ВЦИК почти всех созывов и членом ЦК РКП.

³³⁾ *В. Шмидт* — род. в 1886 г., в революционном движении участвует с 1905 года. До революции 1917 г. отбывал двухгодичное тюремное заключение и ссылку (1 год). В годы империалистической войны вел подпольную работу в петербургской большевистской организации. С 1921 г. — Народный Комиссар Труда. Член ВЦИК.

³⁴⁾ *В. П. Милютин* — см. том XIV, примеч. 226.

³⁵⁾ *Ю. Ларин* — см. том XIV, прим. 258.

³⁶⁾ *Г. Я. Сокольников* — род. в 1888 г., по происхождению интеллигент, в революционном движении участвует с 1905 г., политический эмигрант, в 1918 г. один из редакторов «Правды», во время гражданской войны занимал ряд ответственных должностей на фронте, Народный Комиссар Финансов, член российской делегации на Гаагской конференции, член ЦК РКП.

³⁷⁾ В. Н. Яковлева — см. том XVI, прим. 209.

³⁸⁾ Группа демократического централизма — см. том XVII, прим. 62.

³⁹⁾ А. С. Бубнов — один из старых большевиков, род. в 1883 г. в гор. Иваново-Вознесенске. Революционную деятельность начал в 1900 г. участием в ученических кружках. В 1903 г. вошел в с.-д. работу, в 1904 г. работал в иваново-вознесенских организациях, где руководил пропагандитской коллегией местного комитета партии. В июле мес. 1905 г. был первый раз арестован. В течение последующих 1906—1912 гг. работал, как революционер-профессионал, в большевистских организациях Иваново-Вознесенска, Шуи, Москвы и т. д. За это время состоял членом МК Московского Областного Бюро партии и агентом ЦК партии. С 1912 г. по 1917 г. участвовал в работе большевистских организаций Нижнего-Новгорода, Петербурга, Саратова, Самары. На Всероссийской конференции в 1908 г. избран членом ЦК партии. Десять раз подвергался аресту, четыре раза высылке, привлекался к судебному следствию по 102 статье. После Февральской революции состоял членом Московского Областного Бюро, членом Петербургского Комитета и членом ЦК партии. С марта 1918 г. работал на Украине, входил в состав Украинского Рабоче-Крестьянского правительства и ЦК КПУ. В 1919 г. был членом РВС украинского фронта и членом РВС XV армии, членом Совета Оборона УССР. Участник Стокгольмского и Лондонского съездов, Всероссийской апрельской конференции в 1917 г. всех последующих съездов партии. В 1913 г., входил в состав редакции петербургской «Правды». Литератор. Заведует Агитпропом ЦК РКП.

⁴⁰⁾ М. С. Богуславский — рабочий-наборщик. Работал все время на Украине, занимая ответственные советские посты. С 1921 г. в Москве. Примыкал к платформе группы «Демократического централизма», член Президиума Московского Совета Р., К. и К. Д., член ВЦИК.

⁴¹⁾ А. З. Каменский — член партии с 1905 г., интеллигент, участник Темерницкого восстания; работал в одесской военной организации, где и находился под военным следствием. В 1910 г. уехал за границу. В 1917 г. вместе с Ворошиловым и Лутовиновым участвовал в создании луганской большевистской организации, состоял ее секретарем и членом Донецко-Криворожского Окружного Комитета. Вместе с Ворошиловым принимал участие в организации Красной гвардии и армии названного района. С 1918 по 1920 г. провел на фронте гражданской войны. С 1920 по 1921 г. — заместитель Народного Комиссара по Делах Национальностей. Ныне — член Коллегии Наркомзема и Главпрофобра. Сторонник платформы группы «Демократического централизма».

⁴²⁾ В. Н. Максимовский — см. том XVII, примеч. 60.

⁴³⁾ Рафаил — род. в 1896 г., рабочий, член партии с 1913 г. В 1920 г. секретарь ЦК КПУ; ныне заведует отделом народного образования Московского Совета. В профдискуссии выступал, как сторонник платформы группы «Демократического централизма».

⁴⁴⁾ Т. В. Сапронов — см. том XVII, примеч. 57.

⁴⁵⁾ Игнатовцы — так называлась группа, возглавляемая рабочим Е. Игнатовым, занимавшая среднюю позицию между «Рабочей оппозицией» и группой «Демократического централизма». Группа Игнатова, имевшая небольшой круг сторонников, после X съезда партии распалась. Игнатов — участник революционного движения с 1912 г. В годы империалистической войны вел профессиональную и революционную работу среди рабочих-пищевиков. В 1917 г. принимал деятельное участие в революционной борьбе, вел активную партийную

и советскую работу в Москве. Был членом МК РКП и членом Исполкома Московского Совета. В 1921 г. делегирован в Польшу в качестве члена российской делегации. Тезисы о роли и задачах профсоюзов, разработанные группой Игнатова, напечатаны в «Правде» от 19 января 1921 г.

⁴⁶⁾ *А. М. Орехов* — рабочий-слесарь, член МК РКП (в 1918 г.), член Исполкома Московского Совета, в годы гражданской войны нес ответственную работу на фронте, был членом РВС VI армии. Одно время состоял членом коллегии Наркомвнудел. Сторонник тезисов группы Игнатова.

⁴⁷⁾ *Г. Н. Корзинов* — рабочий, сын портного, примкнул к рабочим революционным кружкам в 1903 г. и тогда же определился, как большевик. В 1905 г. содержался в Бутырской тюрьме и освобожден по октябрьской амнистии 1905 г.; участник московского декабрьского восстания. После разгрома Красной Пресни перешел на нелегальное положение, работал в Петербурге, Риге и Гельсингфорсе. В 1915 г. поступил на завод «Динамо» в Москве, но вскоре подвергся административной высылке в Тургунскую область, откуда бежал на Урал, а затем в Москву, где работал, как нелегальный. Революция застала его на заводе «Гном и Ром», работающим «без прописки». В 1917 г. — до Октябрьской революции — член МК партии. В октябрьские дни — член Военно-Революционного Комитета Лефортовского района. С 1919—1920 г. работает на фронте. В 1920 г. — член МК РКП. Во время профдискуссии развил энергичную деятельность в защиту тезисов группы Игнатова (см. примечание 45), членом которой состоял. В 1921 г. ездил в Польшу в составе российской делегации. По возвращении в Россию, занял должность директора завода.

⁴⁸⁾ *Е. Я. Куранова* — московская работница, деятельный член московской партийной организации, секретарь Баумановского райкома, член Исполкома Московского Совета.

⁴⁹⁾ *М. Бурцев* — род. в 1889 г., член партии с 1905 г., провел в тюремном заключении около года. В 1917 г. работал в московской организации большевиков; в 1919 г. работал на фронте гражданской войны. Во время профдискуссии отстаивал точку зрения игнатовской группы.

⁵⁰⁾ *Маслов* — рабочий, член МК РКП, член Исполкома Моск. Совета. Один из активных участников Октябрьской революции в Москве.

⁵¹⁾ *Ф. Лассаль* — см. том IV, прим. 30.

⁵²⁾ *Бумажный* — род. в 1894 г., член РКП с 1917 г.; с 1918 по 1919 г. — член коллегии Наркомтруда; в 1920—1922 гг. — член президиума Главполитпросвета, член Юго-Вост. бюро ВЦСПС.

⁵³⁾ *Ответ Троцкого петербургским товарищам* — помещен в «Правде» № 9, 15 января 1921 г.

⁵⁴⁾ *Л. С. Сосновский* — род. в 1886 г., участвует в революционном движении с 1904 г., отбывал 2 года тюрьмы и 2 года ссылки, одно время был в эмиграции. Один из активных участников Октябрьской революции, видный литератор, сотрудник петербургской, старой «Правды», редактор «Бедноты». Член Президиума ВЦИК.

⁵⁵⁾ *Зоф* — род. в 1889 г., член партии с 1913 г., рабочий. В 1921 г. — занимал должность Комиссара Морских Сил.

⁵⁶⁾ *Резолюция Бухарина* — на пленуме ЦК РКП от 7 декабря 1920 г. наме — чала основные положения платформы «буферной» группы.

⁵⁷⁾ *А. В. Луначарский* — см. том XVI, прим. 110.

⁵⁸⁾ *Гринько* — бывш. член украинской партии «боротьбистов», в РКП вступил в 1919 г. В 1921 г. — занимал пост Народного Комиссара по Просвещению на Украине.

⁵⁹⁾ *М. Н. Покровский* — видный русский историк, род. в 1868 г., высшее образование получил в Московском университете по историко-филологическому факультету, член партии с 1905 г., преподаватель высших женских курсов в Москве. В 1905 г. был арестован, в 1909 г. привлекался к следствию по 102 ст. Эмигрировав за границу, вел там научную и литературную работу. В 1907 г. — делегат московской с.-д. организации на V Лондонском съезде партии. Автор крупных трудов по русской истории (главные из них «Русская история с древнейших времен» — 4 тома, «Очерки по истории русской культуры» I и II ч.). В 1917 г., после Октябрьской революции, — председатель Московского Совета Рабочих Депутатов, в 1918 г. — председатель Московского Областного Совнаркома. Член коллегии Наркомпроса, профессор Московского университета и Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова.

⁶⁰⁾ *Б. Малкин* — член РКП, участн. Октябр. револ., до революции подвергался тюремному заключению и административной ссылке. С 1918 по 1921 г. заведывал Центропечатью. Одно время был членом ВЦИК. (Со II по VII созыв.)

⁶¹⁾ *Доблер* — работник просвещения, автор статей об организации передвижных библиотек-читален.

⁶²⁾ *Л. Крицман* — род. в 1890 г., в 1910 г. — был арестован и выслан под надзор полиции, исключен из университета. Член РКП с 1918 г. Работал и ВСНХ. В 1921 г. — профессор Московского университета и других учебных заведений.

⁶³⁾ *Состав подкомиссии Гозлро* — напечатан в книге «Электрификация России», изд. Госиздат. в 1921 г.

⁶⁴⁾ *Баллод* (псевдоним «Атлантикус»), — профессор, автор известной книги «Государство будущего». Есть несколько русских переводов.

⁶⁵⁾ *Конференция турецких делегатов* — состоялась в Москве 25—26—27 февраля 1921 года. Конференция закончилась заключением дружественного договора с Турцией.

⁶⁶⁾ *Мирные переговоры в Риге* — см. том XVII, прим. 51.

⁶⁷⁾ *А. Керенский* — см. том XIV, примеч. 134.

⁶⁸⁾ *Толстовцы* — последователи учения Льва Толстого. Речь идет о непротавлении злу.

⁶⁹⁾ *Н. П. Брюханов* — род. в 1878 г., интеллигент; в 1898 г., будучи студентом Московского университета, примкнул к революционным студенческим кружкам. За участие в студенческих беспорядках в 1899 г. выслан из Москвы. В 1902 г. вступил в РСДРП, работал в казанской организации, где был арестован, пробыл в казанской тюрьме с 1903 по 1904 г., а затем был выслан в Вологду, где прожил до 1905 г. В 1912—1913 гг. отбывал тюремное заключение в Уфе по делу уфимской с.-д. организации. В 1917 г. — член уфимского Губкома партии, председатель Губернского Совета Рабочих Депутатов. С 1918 г. — член коллегии и заместитель Народного Комиссара по продовольствию.

⁷⁰⁾ *Международный день работниц* — состоялся в Москве 4 марта 1921 г. Международный день работниц был установлен на Социалистической Конференции в Копенгагене, в 1910 г. Впервые был проведен в 1911 г. В России праздник единения работниц всего мира первый раз был организован в 1913 г.

⁷¹⁾ *Врангель* — см. том XVII, прим. 161.

⁷²⁾ *Адмирал Колчак* — см. том XVII, примеч. 6.

⁷³⁾ *Генерал Юденич* — см. том XVII, примеч. 9.

⁷⁴⁾ *Генерал Деникин* — см. том XVII, примеч. 5.

⁷⁵⁾ *Кронштадтские события* — движение среди кронштадтских моряков, вылившееся затем в форму восстания. Кронштадтские события, несомненно, умело и долго подготовлялись «извне». Начало открытого выступления относится к 1 марта 1921 г. В этот день в Кронштадте, на площади, состоялся митинг, на котором участвовало около 15.000 человек. Участвовали в митинге, в качестве докладчиков, председатель ВЦИК М. И. Калинин и комиссар Балтфлота Кузьмин. По вопросу о текущем моменте большинством собрания была принята резолюция о перевыборах Совета и о допущении в Советы анархистов и левых социалистических партий. На следующий день собрались делегаты, выборные частей образовали временный революционный комитет, который к вечеру 2 марта стал фактически управлять городом, объявив себя властью. В бригадах линейных кораблей начали организовываться делегатские собрания, которые выносили почти однотипные резолюции, с требованием:

1. Немедленно сделать перевыборы Совета тайным голосованием.
2. Дать свободу слова и печати для анархистов и левых социалистических партий.
3. Свободу собраний, профессиональных союзов и крестьянских объединений.
4. Собрать не позднее 10 марта 1921 года беспартийную конференцию Петроградской губернии.
5. Упразднить всякие политотделы.
8. Немедленно снять все заградительные отряды.
10. Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях.
11. Дать полное право действия крестьянам над всей землею так, как им желательно.

3 марта делегатское собрание «Петропавловска» выпустило воззвание, в котором объявляло о переходе власти в руки временного ревкома, о тайных выборах и задачах движения — «вывести республику из состояния разрухи».

Это было началом мятежа. 2 марта ночью ревком назначил генерала Козловского начальником внешней обороны. Козловский, вместе с другими офицерами — белогвардейцами, доказывал необходимость перехода в наступление. Движение охватило только матросскую массу. Школа красных курсантов Красной армии, находившаяся в Кронштадте, отказалась присоединиться к мятежникам и ушла в полном составе в Ораниенбаум по льду.

К Кронштадту были двинуты части Красной армии. Туда же были направлены в спешном порядке 320 делегатов происходившего в то время в Москве X съезда партии. Разбившись на группы, делегаты съезда отправились на определенные боевые участки, где, вместе с Красной армией, вели наступление на укрепления мятежников. Наступление длилось несколько дней. Особенно трудной была атака форта № 6. Несмотря на убийственный огонь пулеметов и орудий, красноармейцы продвигались вперед. На рассвете форт был взят нашими частями. В тот же день Красная армия заняла всю территорию Кронштадта. Мятеж был ликвидирован в тот момент, когда белогвардейская эмиграция спешно собирала силы и средства на помощь восставшим матросам...

⁷⁶⁾ *Демократический комитет в Самаре* — организован был членами Учредительного Собрания 8 июня 1918 г.

Принимая власть, комитет опубликовал «Приказ» № 1:

«Именем Учредительного Собрания большевистская власть в г. Самаре и Самарской губ. объявляется низложенной. Все комиссары отрешаются от занимаемых ими должностей. Во всей полноте своих прав восстанавливаются,

распущенные Советской властью, органы местного самоуправления: Гор. Думы и Земские Управы, коим предлагается немедленно приступить к работе.

Гражданская и военная власть в городе и губернии, впредь до образования учреждений Правительством Общероссийским, переходит к комитету, состоящему из членов Учредительного Собрания, избранных от Самарской губ. на основании всеобщего избирательного права, и представителей от местных самоуправлений. Все органы, организации и лица обязаны ему подчиняться беспрекословно.

Формирование армии, командование военными силами и охрана порядка в городе и губернии возлагается на военный штаб в составе: начальника штаба полковника Галкина, военного комиссара румынского фронта В. Боголюбова и члена Учредительного Собрания Б. Фортунатова, которому для сего вручаются чрезвычайные полномочия.

Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевистскими властями, отменяются, и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов. Комиссариат печати со всеми служащими упраздняется. Комиссары и заведующие советскими предприятиями обязаны в трехдневный срок сдать все дела вновь восстановленным органам по принадлежности или назначенным комитетом лицам. Оставившие свои посты без разрешения комитета, не сдавши дел, подлежат строгой ответственности.

Революционный трибунал, как орган, не отвечающий истинным народно-демократическим принципам, упраздняется, и восстанавливается Окружной Народный Суд.

Существующие Советы распускаются, срок и порядок новых выборов будет определен рабочей конференцией.

Все служащие неупраздненных комиссариатов и учреждений должны продолжать свою работу на прежних условиях.

Призываем всех граждан сплотиться вокруг Великого Всенародного Учредительного Собрания, дабы восстановить в стране закон, покой и порядок.

Единая Независимая Свободная Россия! Вся власть Учредительному Собранию! Вот лозунги и цели новой революционной власти.

Члены Учредительного Собрания И. Брушвит (Сам. губ.), Б. Фортунатов (Сам. г.), В. Вольский (Тверск. г.), И. Нестеров (Минск. г.).

Власть «Всенародного Учредительного Собрания», однако, не отвечала ни желанию, ни интересам населения г. Самары и Самарской губернии. Демократическому комитету уже 20 июня 1918 г. пришлось издать приказ о военном положении.

Граждане предупреждались, что в местностях, объявленных на военном положении, они подлежат суду за следующие преступления:

1. За восстание, приготовление и подстрекательство к восстанию против существующей власти Учредительного Собрания и против властей, им поставленных, а равно за всякое сопротивление им.

2. За шпионство.

3. За умышленный поджог или иное умышленное истребление, либо приведение в негодность воинского снаряжения и вооружения, складов огнестрельных запасов, а также запасов продовольствия и фуража.

4. За хранение оружия без надлежащего разрешения.

5. За умышленное повреждение: водопроводов, мостов, гатей, колодцев, дорог и прочих средств снабжения войск.

6. За умышленное истребление и повреждение телеграфной и телефонной сети, железнодорожного пути и подвижного состава.

7. За нападение на военный караул, часового, дневального, милиционера, за вооруженное сопротивление военному караулу и чинам милиции, а также за убийство таковых.

8. За разбой и грабёж.

Приказ подписали: члены Учредительного Собрания: Вольский, Брушвит, Климушкин.

Управляющий делами комитета *Я. Дворжец*.

Организуя военные суды для расправы над «облагодетельствованным» народом, комитет Учредительного Собрания первые дни своего властвования ознаменовал «вакханалией зверских самосудов, безрассудных расстрелов».

Самосуды стали формой жестокого белого террора, аресты, обыски тюрьмы — «бытовым явлением».

Социалисты-революционеры, осуществлявшие «демократическую» власть в Самаре, оказались совершенно неспособными к управлению даже такой небольшой «страной», как Самарская губерния.

Они оказались неспособными и к защите «страны» и «демократической» власти. 20 ноября 1918 г. Колчак разогнал съезд Учредительного Собрания в Екатеринбурге, а затем и Самарский демократический комитет. Члены комитета бежали в Уфу, где и закончилась бесславная история власти Учредительного Собрания.

⁷⁷⁾ *А. М. Колонтай*—род. в 1872 г., активно участвует в революционном движении с 1898 г.; до начала 1906 г. принадлежала к большевистской фракции РСДРП, с 1906 г. по 1914 г. работала с меньшевиками. После объявления войны заняла интернационалистскую позицию и вновь примкнула к большевикам. При царизме неоднократно подвергалась тюремному заключению. Видная деятельница международного женского движения. В 1918 г. входила в состав Совнаркома. В 1919—1922 гг.—Народный Комиссар Пропанды Украины. Возглавляла группу «Рабочей оппозиции». Ныне полномочный представитель СССР в Норвегии.

⁷⁸⁾ *Милонов*—род. в 1895 г., член партии с 1912 г., был в ссылке, в 1921 г. состоял ученым сотрудником Главполитпросвета.

¹⁹⁾ *А. И. Киселев* — рабочий, токарь по металлу, родился в 1879 году. Принимает участие в партии с 1898 года, отбывал два раза административную ссылку и запрещение права жительства в 58 пунктах, несколько раз привлекался за революционное движение и отбывал тюремное заключение. В 1912 — 13 гг. председатель Петербургского Союза Металлистов. В 1914 г. кандидат в члены ЦК РКП. С апреля 1917 г. член ВЦИК и кандидат в члены ЦК РКП. В 1920 году — председатель Всероссийского Союза Горнорабочих и член Президиума ВЦИК... В 1921 — 1922 году — кандидат в члены ЦК РКП, Председатель Малого Совета Народных Комиссаров; в 1923 г. — Нарком РКИ РСФСР и замнарком РКИ СССР и член Президиума ЦКК.

⁸⁰⁾ *И. И. Кутузов* — род. в 1885 г., рабочий, председатель Всероссийского Союза Текстильщиков, член партии с 1917 г., член ВЦИК.

⁸¹⁾ *А. М. Лезжава* — родился в 1870 г.; из семьи крестьянина-рабочего. В революц. движении участвует с 1886 г. В партии состоит с 1904 г. В тюрьме и ссылке провел с 1894 по 1901 гг. Привлекался в Нижнем по двум делам: в 1904 г. и в 1905 г. по делу о вооруж. восстании в Саратове. В 1918 г.—член

совета при Страхов. Комиссариате. В 1919 — 20 гг. — Председатель Центросекции и Центросоюза. В 1920 — 21 гг. — замнаркомвнешторга при СТО.

⁸²⁾ *А. Д. Цюрупа* — род. в 1870 г., в революционном рабочем движении участвует с 1898 г., был 3 года в ссылке и 1 год в тюрьме. Вскоре после Октябрьской революции занял пост Народного Комиссара по Продовольствию, принял на себя руководство и проведение продовольственной политики в самые тяжелые годы гражданской войны. Член ВЦИК. Заместитель председателя Сов. Народн. Комиссаров. Член ЦК РКП.

⁸³⁾ *К. Попов* — один из старых участников революционного движения. В 1918—1920 гг. работал по продовольствию. Автор книги «Два года продовольственной работы Советской власти». В 1921 г. — заместитель председателя Совета Военно-Промышленной Обороны.

⁸⁴⁾ *С. П. Медведев* — рабочий, токарь по металлу, род. в 1885 г., учился в вечерней воскресной технической школе при Обуховском заводе в Петербурге. Член партии с 1901 г. («Искровец»), с 1903 г. — большевик. Неоднократно подвергался тюремному заключению и административной ссылке. В 1917 году принял деятельное участие в боевой работе. С октября 1917 года — член ВЦИК, председатель различных комиссий при ВЦИК. В 1920 г. — председатель Всероссийского Союза Рабочих Металлистов. В дискуссии о профсоюзах отстаивал тезисы «Рабочей оппозиции».

⁸⁵⁾ *С. М. Буденный* — видный военный работник, командовал кавалерийскими частями, действовавшими против Деникина, Польши и Врангеля. Организатор Красной кавалерии.

⁸⁶⁾ *Клышко* — сотрудник Наркоминдел. В 1920 г. был секретарем при представительстве РСФСР в Эстонии. В 1921 г. — первый секретарь нашей торговой миссии в Лондоне. Ныне работает в Наркомвнешторге.

⁸⁷⁾ *Агентство Рейтера* — английское телеграфное агентство, пользующееся почти монопольным правом распространения (через газеты и другие телеграфные агентства) новостей, собираемых не только во всех британских владениях (кроме Канады), но и по всей территории Северной Америки. По соглашению с американским агентством «Ass. Press», агентство Рейтера, в обмен на европейские известия, получает от «Ass. Press» все американские новости, при чем «Ass. Press» на основании этого договора лишено права продажи и распространения американских новостей кому бы то ни было, кроме американских газет. Таким образом, агентство Рейтера является единственным поставщиком американских новостей для европейских газет (через французское агентство Гаваса и немецкое Вольфа) и для газет Дальнего Востока и Южной Америки. Все эти новости поступают в другие агентства и редакции газет тщательно просеяными агентством Рейтера через сито английских интересов. Все, что идет вразрез с интересами английской буржуазии, погибает в редакторских кабинетах агентства. Соответствующим образом обрабатываются им и европейские известия для американских газет.

⁸⁸⁾ *Г. В. Чичерин* — род. в 1872 г., бывш. сотрудник министерства иностранных дел, член партии с 1905 года, 14 лет провел в эмиграции. В 1908 г. подвергся за с.-д. работу административной высылке из Пруссии. Долго жил в Англии, участвуя в английском рабочем движении. Был выслан из Англии, Возвратился в Россию в конце 1917 года. С марта 1918 г. — Народный Комиссар по Иностранцам Дела.

⁸⁹⁾ *Я. С. Ганецкий* — см. том XIV, прим. 171.

⁹⁰⁾ «Temps» («Тан») — ежедневная газета французский буржуазии. Издаётся в Париже с 1861 года.

⁹¹⁾ Л. Б. Красин — см. том XVII, прим. 158.

⁹²⁾ «Dail Chronicle» (Дейли Кроникль) — ежедневная английская газета, издающаяся в Лондоне с 1855 г., умеренно-либерального направления.

⁹³⁾ В. Бурцев — бывш. народник, террорист, издатель «Былого», ныне редактор реакционного парижского «Общего Дела». Защитник Врангеля.

⁹⁴⁾ П. Н. Милоков — см. том XIV, прим. 2.

⁹⁵⁾ На собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП Москвы — 9 апреля 1921 г. В. И. впервые подробно и ясно изложил основные положения новой экономической политики (см. том. XVIII, ч. I, стр. 173).

⁹⁶⁾ Статья В. И. о продовольственном налоге напечатана была в № 1 журнала «Красная Новь». До появления журнала в свет статья эта в средних числах апреля 1921 г. издана была отдельной брошюрой.

⁹⁷⁾ Наполеон Бонапарт (1769 — 1821) — по происхождению корсиканец, служил на французской военной службе, во время великой французской революции произведен был в генералы. В 1799 г. захватил верховную власть и носил звание первого консула. В 1804 г. провозгласил себя императором Франции. В 1813 г., после ряда удачных войн. Наполеон был побежден коалицией европейских держав, низложен и сослан на о-в Эльбу, откуда вскоре бежал во Францию и вновь занял престол («Сто дней»). Низложенный вторично Наполеон был заключен на о-ва св. Елены, где и умер.

⁹⁸⁾ Кавеньяк — генерал французской республики, подавивший восстание парижских рабочих в июньские дни 1848 года.

⁹⁹⁾ Карелин — левый эс-эр-интернационалист. В 1918 г. входил в состав ВЦИК.

¹⁰⁰⁾ Ге — анархист-коммунист, член ВЦИК в 1918 г.

¹⁰¹⁾ К. Каутский — см. том XIV, прим. 45.

¹⁰²⁾ Фашисты — см. том. XVII, прим. 216.

¹⁰³⁾ В. Чернов — см. том XIV, прим. 105.

¹⁰⁴⁾ Ф. Дан — см. том XIV, прим. 159.

¹⁰⁵⁾ Н. А. Рожков — историк, социал-демократ-большевик, прив.-доцент Московского университета, автор трудов по русской истории, главным образом, по экономической истории России, специалист по аграрному вопросу. В 1908 г. был сослан в Сибирь. В ссылке повернул к меньшевикам. Вернулся из ссылки после Февральской революции 1917 года, примкнул к с.-д.-интернационалистам, сотрудничал в «Новой Жизни» М. Горького. После Октябрьской революции состоял членом меньшевистского ЦК. В 1923 г. вышел из меньшевистской партии.

¹⁰⁶⁾ Л. Мартов — лидер с.-д. меньшевиков, скончался в Берлине в 1923 г. (подробнее см. том XIV, прим. 13).

¹⁰⁷⁾ Р. Макдональд — см. том XIV, прим. 52.

¹⁰⁸⁾ В. Майский. — см. том XVI, прим. 187

¹⁰⁹⁾ Ф. Адлер — см. том XIV, прим. 75.

¹¹⁰⁾ Совет Труда и Оборон — согласно постановлению VIII Всероссийского съезда Советов был призван объединять и направлять деятельность экономических наркоматов. Совет в 1921 г. все свое внимание направил на места, требуя напряжения всех сил для развития «широкой деятельности по всестороннему улучшению крестьянского хозяйства и подъему промышленности». Написан-

ный В. И. наказ представляет собой подробное руководство для местных работников, был напечатан отдельной брошюрой и разослан по губерниям, уездам и волостям.

¹¹²⁾ *Брошюра о хлебной продукции* — была издана в 1920 г. Наркомпродом.

¹¹³⁾ *Варейкис* — род. в 1894 г., рабочий, член РКП с 1913 г., ведет ответственную партийную работу. Был секретарем Харьковского и Симбирского Губернских Комитетов партии. В 1921 г. — член президиума Витебского Губкома, затем председатель Бакинского Совета.

¹¹⁴⁾ *Зубатовщина* — см. том XVII, прим. 118.

¹¹⁵⁾ *Л. Мартов* — см. том XIV, прим. 13.

¹¹⁶⁾ *А. Свидерский* — род. в 1878 г., в рабочем движении участвует с 1899 г., был 10 лет в ссылке, отбывал 2½ года тюремного заключения; в 1921 г. — член коллегии Народного Комиссариата по Продовольствию, в 1923 г. — заместитель Народного Комиссара Земледелия.

¹¹⁷⁾ *Л. М. Хинчук* — род. в 1868 г., один из старых социал-демократов, организатор первых с.-д. рабочих кружков в Туле, меньшевик, председатель Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в 1917 г. (с марта по сентябрь), член меньшевистского ЦК. В конце 1919 г. отошел от меньшевиков, а в 1920 г. вступил в РКП. Председатель Правления Центросоюза.

¹¹⁸⁾ *В. Я. Чубарь* — род. в 1891 г., по происхождению крестьянин, член партии с 1907 г. После Октябрьской революции занимал ряд ответственных должностей в высших хозяйственных органах Республики. Ныне председатель Совета Народных Комиссаров Украины.

¹¹⁹⁾ *Гусев* — род. в 1874 г., военный работник, член партии с 1896 г., неоднократно арестовывался, был 6 лет в ссылке; руководитель Ростовской стачки 1903 г.; участник II партийного съезда; неоднократно был агентом ЦК. С 1918 по 1920 г. состоял членом РВС восточного, кавказского и южного фронтов, член РВСР.; в 1921 г. — начальник Пур,а.

¹²⁰⁾ *К. Лаццари* — см. том XIV, прим. 71.

¹²¹⁾ *Эд. Бернштейн* — см. том XIV, прим. 243

¹²²⁾ *Турати* — см. том XIV, прим. 54.

¹²³⁾ «*La Stampa* («Стампа») — ежедневная газета, издающаяся в Турине (Италия), отражающая взгляды части итальянской буржуазии, руководимой Джиолитти. Отношение к Сов. России враждебное.

¹²⁴⁾ «*Corriere della Sera*» («Корьере дела Сера») — одна из самых распространенных итальянских буржуазных газет. Издается в Милане. Стоит за необходимость признания Сов. России.

¹²⁵⁾ «*Avanti*» («Аванти») — орган итальянской социалистической партии «лево-центристского» направления, редактируемый Г. Серрати (см. том XVI, прим. 20); выходит двумя изданиями — в Риме и Милане.

¹²⁶⁾ *Г. Серрати* — см. том XIV, прим. 72 и том XVI, прим. 20.

¹²⁷⁾ *Модильяни* — см. том XVII, прим. 147.

¹²⁸⁾ *Дженнари* — член итальянской коммунистической партии. На III конгрессе Коминтерна выступил с речью против итальянской социалистической партии и оппортунистической позиции тт. Серрати и К. Ладцари. Ссылаясь на документы, доказывал, что в рядах ИСП имеются социал-патриоты типа А. Тома и Шейдемана, Дженарри требовал исключения итальянской социалистической партии из III Интернационала.

¹²⁹⁾ *Бордига* — см. том XVII, прим. 149.

¹³⁰⁾ *Террачини* — член итальянской коммунистической партии, делегат на III конгрессе Коминтерна.

¹³¹⁾ *Эмпель* — член коммунистической рабочей партии Германии. На III конгрессе Коминтерна развивал синдикалистскую точку зрения, выдвигая, как очередную задачу рабочей партии Германии, «содействие пролетариату в его организации по предприятиям, фабрикам и заводам», с целью «завоевания производства и руководства им».

¹³²⁾ *К. Радек* — см. том XIV, прим. 73.

¹³³⁾ *Мартовское выступление рабочих в Германии* — закончившееся поражением рабочих, вызвало резкие разногласия внутри германской коммунистической партии, которые привели партию к расколу. Правые элементы, идущие за П. Леви, были исключены из объединенной партии, «левые» — откололись сами, считая позицию объединенной коммунистической партии неправильной. Вопрос о мартовских событиях и о взаимоотношении коммунистических партий в Германии обсуждался на III Конгрессе Коммунистического Интернационала.

9 июля 1921 г. Конгресс принял следующую резолюцию:

«III Мировой Конгресс с удовлетворением констатирует, что все важнейшие резолюции и, в особенности, часть тактической резолюции, касающаяся мартовского выступления, подвергнувшегося горячему обсуждению, единогласно приняты, что даже представители германской оппозиции в своем предложении о мартовских выступлениях по существу дела стали на точку зрения Конгресса. Конгресс видит в этом доказательство того, что объединенная и сплоченная работа внутри ОКПГ на почве решений III Конгресса не только желательна, но также *выполнима*. Конгресс рассматривает всякое дальнейшее распыление сил внутри ОКПГ, всякое создание сект, не говоря уже о расколе, как величайшую опасность для всего движения.

Конгресс ожидает от ЦК и от большинства ОКПГ терпимого отношения к бывшей оппозиции в том случае, если последняя будет лояльно проводить принятые III Конгрессом постановления, и уверен, что ЦК сделает все возможное для сплочения всех сил партии. Конгресс требует от прежней оппозиции немедленного роспуска каких бы то ни было фракционных организаций, полного и абсолютного подчинения парламентской фракции ЦК партии, полного подчинения прессы соответствующим партийным органам, немедленного прекращения всякого политического сотрудничества с лицами, исключенными из партии и Коммунистического Интернационала (сотрудничества в их изданиях и т. д.).

Конгресс поручает Исполкому внимательно следить за дальнейшим развитием германского движения и, в случае малейшего нарушения дисциплины, немедленно принимать самые энергичные меры».

¹³⁴⁾ *Гельц* — германский коммунист.

¹³⁵⁾ *Пауль Леви* — см. том XIV, прим. 18.

¹³⁶⁾ *Революции в Турции, Персии и Китае* — см. том XIV, прим. 163.

¹³⁷⁾ Речь идет о буржуазных революциях во Франции (1789—1794 и 1848 гг.), Германии, Австро-Венгрии и друг. странах Европы (1848—1849 гг.).

¹³⁸⁾ *Август Бебель* — см. том XIV, прим. 301.

¹³⁹⁾ «*Коммунистический Труд*» — орган Москов. Комитета РКП и Москов. Совета Р., К. и Кр. Д., издававшийся в 1920—1921 г. под редакцией К. Новицкого и Н. Овсянникова.

¹⁴⁰⁾ В. В. Адоратский — род. в 1878 г., член партии с 1904 г., работал в казанской партийной организации, был 2 года в ссылке, подвергался тюремному заключению. С 1921 года работает в Москве, член коллегии Центрархива, профессор Московского университета.

¹⁴¹⁾ По докладу об экономической политике III конгрессом Коминтерна принята резолюция Л. Троцкого.

¹⁴²⁾ Отто Бауэр — см. том XIV, прим. 20.

¹⁴³⁾ Г. Шмераль — член чехо-словацкой коммунистической партии, делегат III конгресса Коммунистического Интернационала и член Исполнительного Комитета Коминтерна.

¹⁴⁴⁾ «Форвертс» («Вперед») — с.-д. газета, издающаяся в Рейхенберге (Австрия).

¹⁴⁵⁾ Международный учредительный конгресс Красных профсоюзов происходил в Москве 3—19 июля 1921 года. Не имея возможности по болезни принять участие в заседаниях конгресса, В. И. направил на имя А. И. Рыкова письменное приветствие конгрессу. Приветствие это было оглашено на заседании конгресса 19 июля 1921 г.

¹⁴⁶⁾ Письмо Г. Мясникова написано в ответ на его доклад в ЦК РКП и статью «Больные вопросы». Оба «документа» с письмом В. И. и ответом на него Мясникова изданы последним в небольшом количестве отдельной брошюрой (как «дискуссионный материал»), составляющей ныне библиографическую редкость. Автор ее в своей защите «демократических свобод» скатился до плоского меньшевизма, за что в 1922 г. исключен из партии.

¹⁴⁷⁾ «Письмо к немецким товарищам» — появилось в «Коммунистическом Интернационале» с значительным опозданием. Написано оно 14 августа 1921 г., напечатано — 17 декабря. За это время Пауль Леви, о политической позиции которого, главным образом, идет речь в «Письме», еще дальше ушел вправо.

¹⁴⁸⁾ Носке — см. том XVII, прим. 20.

¹⁴⁹⁾ Шейдеман — см. том XIV, прим. 5.

¹⁵⁰⁾ Легин — немецкий с.-д. правого крыла (социалист-империалист), деятель немецкого профессионального движения, один из вождей Амстердамского конгресса профессиональных союзов.

¹⁵¹⁾ Эд. Давид — см. том XIV, прим. 5.

¹⁵²⁾ Р. Гельфердинг — см. том XIV, прим. 255.

¹⁵³⁾ Базельский манифест — см. том XIV, прим. 7.

¹⁵⁴⁾ Ка-а-писты — так называют «левых коммунистов», членов коммунистической рабочей партии Германии (KAP D.), образовавшейся в 1921 г. Ка-а-писты выделились из германской объединенной коммунистической партии и уклонились в сторону анархо-синдикализма. Считая существующую форму профессионального рабочего объединения устарелой и негодной для борьбы в новых условиях, ка-а-писты считают необходимым, вместо борьбы коммунистов за влияние внутри самих союзов, — «полное выделение коммунистов из среды широких борющихся рабочих масс, путем создания особых организаций, объединяющих, в первую очередь, лишь рабочих, стоящих на платформе пролетарской диктатуры». Одним из расхождений КРПГ с Коминтерном является также вопрос об отношении к парламентаризму. КРПГ, в противоположность Коминтерну, принципиально отказывается от парламентских средств борьбы и участия в представительных учреждениях страны, т.-е. игнорирует один из способов массового воздействия, пробуждения и организации рабочих для революционной борьбы.

Вопрос о коммунистической рабочей партии Германии был предметом обсуждения на III конгрессе Коминтерна (см. прим. 133).

¹⁵⁵⁾ *Клара Цеткин* — см. том XV, прим. 145.

¹⁵⁶⁾ *Фрисланд* — член германской объединенной коммунистической партии, делегат III конгресса Коминтерна.

¹⁵⁷⁾ *«Москва»* — ежедневная газета, выходившая в Москве в дни III конгресса Коммунистического Интернационала на трех языках: английском, немецком и французском.

¹⁵⁸⁾ *Фашисты* — см. том XVII, прим. 216.

¹⁵⁹⁾ *Кронштадтское восстание* — см. прим. 75.

¹⁷⁰⁾ *«Рабочий съезд* — идея созыва рабочего съезда возникла среди меньшевиков накануне революции 1905 г. После «объединительного съезда» партии П. Аксельрод (см. том XV, прим. 59) на частном собрании группы делегатов выдвинул мысль о подготовке рабочего съезда, рассматривая созыв съезда, как одну из очередных задач партии. Мысль эта встретила сочувствие со стороны меньшевиков и затем весьма энергично муссировалась меньшевистской печатью. Наибольшую энергию в защите рабочего съезда проявили его ярые сторонники: П. Аксельрод, Ю. Ларин, Н. Череванин, В. Мирон и др. Большевики высказались резко и решительно против «аксельродовской затеи». В №№ 3 и 4 большевистского «Пролетария» дана едкая, полная сарказма, оценка «обывательщине в революции» (см. также ст. под этим названием В. И. во II ч. VII тома, стр. 95).

¹⁶¹⁾ *Маккиавелизм* — лицемерная, хитрая политика, допускающая все средства для достижения намеченной цели. Получила свое название от имени известного итальянского писателя и государственного деятеля Флоренции Николло Маккиавели (1469—1527).

¹⁶²⁾ *Ген. Ноги* — японский генерал, командовавший армией, действовавшей против Порт-Артура. До 1908 г. Порт-Артур был китайской крепостью, а затем в разгар империалистических устремлений придворных кругов на Дальний Восток — перешел в русские руки. В японскую войну ген. Стессель, командовавший армией, защищавшей Порт-Артур, позорно капитулировал и сдал крепость японцам. По Портсмутскому мирному договору 1905 г. Порт-Артур остался за японцами.

¹⁶³⁾ *О привлечении специалистов* на советскую службу, что всегда составляло заботу рабоче-крестьянской власти, В. И. говорил неоднократно. Организованный в октябре 1917 г. эс-эрами и кадетами саботаж вызвал почти повсеместный уход специалистов со службы. Вскоре, однако, среди саботирующей интеллигенции намечается перелом в отношении к занятой ею позиции, и многие из специалистов уже в начале 1918 г. начинают возвращаться на прежние места. В одной из своих речей на соединенном заседании ВЦИК и Московского Совета в марте 1918 г. В. И. поставил вопрос об отношении к буржуазным спецам и подчеркнул необходимость повышенных окладов, как платы за выучку неимеющего своих спецов пролетариата (см. «Собр. соч.» том XV). Вопрос о вознаграждении спецов В. И. ставил несколько раз, указывая, что в этом отношении Советская власть должна пойти на известные уступки. Свое решение этот вопрос получил в постановлении ВЦИК от 29 апреля 1918 г.

¹⁶⁴⁾ *Брестский мир и борьба течений* — см. «Собр. сочинений» В. И. том XV, примеч. 64, 72 и 123, статью Н. Овсянникова «ЦК РКП и Брестский мир»,

стр. 619, доклад В. И. «Об очередных задачах Советской власти», стр. 225 и статью В. И. «О левом ребячестве», стр. 256.

¹⁶⁵⁾ *Московский «Листок Объявлений»* — издание группы частных предпринимателей, начавшее выходить осенью 1921 г. Развитие советскими газетами дела постановки платных объявлений привлекло к ним объявителей, заинтересованных в значительном тираже газет, и московский «Листок Объявлений», потерпев неудачу при попытке превратиться в «частную» газету общего политического содержания, закрылся.

¹⁶⁶⁾ *Монополия частных объявлений*. Декрет о монополии частных газетных объявлений, изданный в ноябре 1917 г., запрещал всем частным периодическим изданиям печатать платные объявления, служившие для них источником крупного дохода; печатание объявлений было передано исключительно советской печати, т.-е. органам Советов. В 1921 г., в связи с новой экономической политикой, по инициативе Московского Совета, монополия была отменена, а все платные объявления обложены налогом.

¹⁶⁷⁾ *И. Стуков* — см. том XV, прим. 67.

¹⁶⁸⁾ *В. Сорин* — род. в 1893 г., по происхождению крестьянин, член партии с 1917 года. Революционную деятельность начал в 1913 г. в студенческих кружках. В 1917 г. работал в «Социал-Демократе» (орган МК большевиков), где после Октябрьской революции занял должность секретаря редакции. Некоторое время состоял секретарем «Правды». В 1918 г. примыкал к «левым коммунистам». В конце 1918 г. и в начале 1919 г. — работал на восточном фронте, был председателем револ.-военн. трибунала восточного фронта. Осенью 1919 г. работал в Московском Губкоме. Член Московского Комитета РКП, работает в области агитации и пропаганды.

¹⁶⁹⁾ *Гониман* — род. в 1897 г., интеллигент, член РКП с 1918 г., лектор-руководитель групповых занятий в Свердловском университете.

¹⁷⁰⁾ *Симков* — рабочий, член московской организации РКП, работает в профессиональном движении.

¹⁷¹⁾ *Аркадий Аверченко* — литератор-юморист, сотрудник «Сатирикона». После Октябрьской революции бежал к белым.

¹⁷²⁾ «*Медведь*», «*Вена*» — названия петербургских ресторанов: излюбленные места бывш. крупного чиновничества, буржуазных литераторов и журналистов.

¹⁷³⁾ *Кэйнс* — английский экономист, автор книги «Экономические последствия Версальского мирного договора». Книга вышла в Англии в конце 1919 г. В декабре 1921 г. Кэйнс выпустил новую работу, посвященную тому же вопросу под заглавием: «Пересмотр мирного договора». Обе работы переведены на русский язык и изданы Государств. Издательством в 1922 г.

¹⁷⁴⁾ *Д. Ллойд-Джордж* — английский государственный деятель. Либерал. С 1905 г. занимал ряд министерских постов. Премьер-министр Англии во время империалистской войны. После Октябрьской революции в России оказывал активную поддержку русским контр-революционерам. В 1922 г. — был одним из организаторов Генуэзской конференции (см. прим. 179). В том же году его сменил на посту премьер-министра консерватор Бонар-Лоу.

¹⁷⁵⁾ *Христенсен* — пробыл в Москве несколько недель, в течение которых ознакомился с экономическим и политическим строем РСФСР.

¹⁷⁶⁾ *Ара* — Американская организация помощи голодающим Сов. России в 1921 — 1923 гг. За время своей деятельности в Советской России АРА ввезла в Россию 32.538.600 пудов продовольствия, на сумму 106.346.600 золотых рублей.

Из них важнейшие: кукуруза — 12.655.091 пуд, крупа-маис — 4.565.000 пудов, рис — 1.079.560 пуд., мука — 7.908.900 пуд., сахар — 1.258.800 пуд. и т. д. Считая по рыночным ценам, стоимость ввезенного раняется 15.530.400 р. зн. 1923 г. по индексу Госплана на 1 июня или 258.842.200 зол. руб.

Вещевых грузов различного рода для бесплатной раздачи (белье, платье, обувь) ввезено 86.600 пуд. на сумму 7.011.200 рублей.

Медикаментов ввезено и распределено по районам 237.000 пудов на сумму 22.893.000 зол. рублей.

Прочих грузов ввезено 76.000 пуд., а всего на дело помощи ввезено 32.939.000 пуд. на сумму 137.687.700 зол. руб.

Кроме того, АРА ввезено 4.776.984 пуда продовольствия на посылочные (10-долларовые) операции и распределено, частью продано, частью бесплатно роздано до 45 тыс. вещевых (20-долларовых) посылок. Чистая прибыль от продажи посылок шла на усиление фонда помощи.

Работала АРА в 12 районах, включавших в себя 32 губернии, где кормила, главным образом, в открытых ею столовых взрослых и детей: в декабре 1921 г. — 1.029.376 чел., в 1922 году, в феврале — 1.562.230 чел., в апреле — 5.712.008 человек, в июне — 8.876.139 чел., в июле — 10.387.688 чел. С этого времени число питаемых начинает быстро сокращаться и в декабре 1922 г. падает до 982.920 чел. В 1923 году число питаемых опять увеличивается, достигая в апреле 2.629.052 чел., из них детей — 2.492.646 чел. Взрослых 136.406 чел. АРА кормила только в больницах и госпиталях.

За время работы в России перебивало до 300 американцев, членов и сотрудников АРА, которые работали в центре и на местах. Работа протекала в контакте с нашими местными властями и согласовалась с программой центра. Уполномоченный Советского правительства при АРА состоял *К. И. Ландер*.

¹⁷⁷⁾ *Г. М. Кржизжановский*, — инж. технолог, родился в 1872 г. в г. Самаре. Работал в Петербургской группе, являвшейся предшественницей Петерб. Союза Борьбы за освобожд. рабоч. класса. В этой группе были С. И. Радченко, А. Ванеев, Старков, П. К. Запорожец, А. А. Якубова, З. П. Невзорова, П. К. Крупская, а с 1893 г. и В. И. Ульянов. 8 декабря 1895 г. был арестован по делу этой группы и сослан на 3 г. в Вост. Сибирь. Вошел в 1901 г. в центр. орг. «Искра», в 1903 г. был избран на 2-м партийном съезде членом ЦК от намечавшейся фракции большевиков. В 1905 г. принимал деятельное участие в ж.-д. забастовке в качестве председателя забастовочного комитета Юго-Зап. ж.-д. За период Октябрьской революции принимал участие в советской работе в качестве председателя Госуд. Комитета по электрификации (Гозлпро), председателя Госплана.

¹⁷⁸⁾ *И. Т. Смилга* — род в 1892 г., по происхождению крестьянин, член РКП с 1907 г., два раза отбывал ссылку; в 1917 г. был членом ЦК РКП, во время гражданской войны работал на фронте, был членом РВС армии. В 1921 г. работал в Высшем Совете Народного Хозяйства.

Летопись событий.

1921 год.

Январь.

1. Обмен ратификационными документами мирного договора РСФСР с Финляндией.
4. Восстание в Грузии против меньшевистского правительства.
4. Прекращение французским правительством помощи Врангелю.
25. Образование в Италии коммунистической партии.
26. Образование Дагестанской и Горской автономных республик.

Февраль.

3. Смерть П. А. Кропоткина.
- Всеобщая забастовка в Варшаве.
5. Заключение польско-румынского военного союза против большевиков.
18. Железнодорожная забастовка в Польше.
24. Всеобщая забастовка в Венгрии.
26. Открытие русско-турецкой конференции в Москве.
- Заключение железнодорожной конвенции с Латвией.
27. Провозглашение Советской власти в Грузии.
28. Подписан договор между РСФСР и Афганистаном.

Март.

- 2—13. Восстание в Кронштадте.
16. Подписан договор между РСФСР и Турцией.
- Подписано торговое соглашение между РСФСР и Англией.
- Постановление ВЦИК о замене разверстки натуральным палогом.
17. Ликвидация кронштадтского мятежа.
- Открытие 2-й сессии ВЦИК.
18. Подписание в Риге мирного договора с Польшей.
26. Революционное выступление коммунистов в Германии.

Апрель.

3. Забастовка углекопов в Англии.
5. Эвакуация английских войск из Персии.
12. Железнодорожные и транспортные рабочие в Англии примкнули к забастовке углекопов.
14. Президиум ВЦИК ратифицировал русско-польский мирный договор.
20. Объявление независимой Монголии.

Май.

4. Всеобщая забастовка моряков в Соединенных Штатах.
5. В Гельсингфоре прибыла русская торговая делегация.
6. Подписание русско-германского торгового соглашения.
15. Открытие первого конгресса французской коммунистической партии.
16. Заключение временного соглашения с Эстонией о торговых сношениях.
18. Социалистический конгресс в Бухаре постановил присоединиться к III Интернационалу.
20. Присоединение коммунистической партии Чехо-Словакии к III Интернационалу.
30. Открытие 3-й сессии ВЦИК.
- Всеобщая забастовка в Норвегии.

Июнь.

3. Присоединение бельгийской коммунистической партии к III Интернационалу.
9. Открытие в Москве 2-й международной конференции коммунистов.
22. Открытие в Москве III конгресса Коминтерна.

Июль.

1. Открытие в Москве первого всемирного конгресса красных профсоюзов.
9. Открытие в Москве II конгресса Коминтерна молодежи.
10. Организация в Монголии народно-революционного правительства.
12. Декреты ВЦИК и СНК о кустарной и мелкой промышленности и о промысловой кооперации.
20. Образование канадской коммунистической партии.
22. Нота Советского правительства, адресованная Финляндии и Швеции с требованием допущения России на конференцию по вопросу о нейтрализации Алландских островов.
31. Прибытие в Москву английской делегации.

Август.

4. Прибытие в Москву польской дипломатической миссии.
6. Норвегией приняты условия торгового договора, предложенные правительством РСФСР.
10. Просьба революционного правительства Монголии об оставлении войск РСФСР в Монголии.
11. Наказ СНК о проведении нового курса экономической политики.
12. Голландское правительство разрешило торговлю с Советской Россией.
- Итальянский совет министров утвердил текст торгового договора с РСФСР.
15. Открытие заседания женевской международной конференции помощи голодающим России.
16. Всеобщая забастовка текстильщиков в Северной Франции.
18. Заключение соглашения с Гувером относительно оказания помощи России.
20. Подписан договор с американской администрацией помощи.
23. Соглашение с Финляндией об устройстве на границе товарообменных станций.
24. Открытие в Иене съезда объединенной германской коммунистической партии.
25. Декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации.
- Подписание мирного договора между Германией и Соединенными Штатами.

Сентябрь.

2. В Христиании подписан русско-норвежский торговый договор.
7. Приезд в Москву германского поверенного в делах Виденфельда.
7. Подписание соглашения между Советским правительством и главным уполномоченным женевской конференции Нансеном.
8. Приезд в Москву чехо-словацкой торговой делегации.
19. Открытие в Вене конгресса австрийского коммунистического союза молодежи.
24. Из Германии отправлена в Петроград первая партия паровозов.
25. Открытие в Карсе конференции представителей ангорского правительства, РСФСР и закавказских республик.

Октябрь.

3. Приезд в Москву финляндского поверенного в делах.
5. Открытие 4-й сессии ВЦИК.
- Тов. Марти избран почетным председателем национального совета французской коммунистической партии.

12. Декрет ВЦИК об учреждении государственного банка.
- Забастовка пятисот тысяч железнодорожников в Соединенных Штатах.
13. Воззвание женеvской международной конференции ко всем правительствам о немедленном отпуске кредитов для помощи голодающим России.
14. Заключение мирного договора между закавказскими республиками и Турцией.
19. Постановление ВЦИК и СНК об образовании автономной Крымской республики.
20. Открытие прибалтийской конференции с участием Советской России, Финляндии, Эстонии, Литвы, и Латвии.
21. Заявление шведского правительства о готовности приступить к заключению договора с Советской Россией.
22. Прибытие в Христианию русской торговой делегации.
23. Попытка б. австрийского императора Карла произвести государственный переворот в Венгрии.
- В Америке учреждено общество технической помощи России.
24. Прибытие в Берлин представителя Советской России тов. Крестинского.
- Вторжение банд в Карелию с территории Финляндии под руководством финляндских военных инструкторов.
- Вторжение банд на Украину с территории, занятой Румынией.
25. Войска Карла разбиты. Карл захвачен в плен.
- В Стокгольме начались переговоры о заключении формального договора между Швецией и Россией.
26. Представители французских фирм в Константинополе вступили в переговоры с украинской делегацией.
28. Открытие экономической конференции прибалтийских государств с участием Советской России.
29. Декларация Советского правительства о признании довоенных долгов.

Ноябрь.

4. Протест тов. Чичерина по поводу неприглашения Советской России на Вашингтонскую конференцию.
5. Амнистия рядовым, сражавшимися против Советской России в белых армиях.
- Убийство японского премьера Хара.
- Назначение польским посланником в Москву Стефанского.
- Подписание соглашения между РСФСР и народным правительством Монголии.
6. Венгерское национальное собрание приняло закон о низложении Карла.
7. Всенорвежский съезд профсоюзов высказался за вступление в Профинтерн.
- Всеобщая забастовка в Риме.
12. Открытие заседаний Вашингтонской конференции.
14. Прибытие в Петроград германской торговой делегации.

- Обмен нотами с Англией по поводу признания довоенных долгов.
- 17. Сообщение НКВД о нападении финских бандитских отрядов на Карелию.
- 24. Нота правительства ДВР с протестом против поддержки Японией контр-революционеров в Приморье.
- 25. Выезд из Христиании в Москву норвежской торговой делегации.
- 26. Декрет СНК о выпуске государственных денежных знаков образца 1922 г.
- 27. Англия потребовала от Франции отказа от франко-турецкого соглашения.
- 30. Закончены работы по установлению границы между РСФСР и Эстонией.
- 31. Рижской экономической конференцией принято постановление об облегчении торговых операций с транзитными грузами; решено начать подготовительные работы по выработке торговых договоров между РСФСР и прочими прибалтийскими государствами.

Декабрь.

- 5. Протест правительства РСФСР против нарушения Финляндией юрьевского мирного договора
- В Берлине тов. Крестинским открыта международная конференция помощи России.
- 6. В Чехо-Словакии забастовало 50.000 чернорабочих.
- 7. Между английским правительством и представителями ирландского парламента заключено соглашение по всем пунктам англо-ирландского договора.
- 8. Подписаны договоры между РСФСР и Украиной и Австрией.
- 10. Польское правительство предложило украинскому приступить к переговорам о торговом договоре.
- Германское правительство официально уведомило Антанту, что оно не в состоянии произвести срочные платежи.
- 14. Прибытие в Пекин чрезвычайного представителя РСФСР тов. Пайкеса и представителя Дальне-Восточной республики тов. Классинга.
- 19. Открытие Всероссийской конференции РКП.
- 23. Открытие IX съезда Советов.
- В Мексике рабочие Пуэблы провозгласили Советскую республику.
- Заключение железнодорожного соглашения между РСФСР и Финляндией.
- 25. Кончина В. Г. Короленко.
- В Марселе открылся первый съезд французской коммунистической партии.
- 28. Конгресс Соединенных Штатов пожертвовал для голодающих России 36 миллионов пудов зерна.
- Германские железнодорожники ультимативно потребовали повышения ставок.

СОДЕРЖАНИЕ

1921 год.

Январь.

О роли и задачах профессиональных союзов.

Стр.

О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого. (Речь на дискуссионном собрании фракции РКП VIII Всеросс. съезда Советов 30 декабря 1920 г.). Напечатано отдельной брошюрой в феврале 1921 г.	7
Письмо в редакцию «Правды» («Правда» № 13, 21 января 1921 г.).	26
Кризис партии («Правда» № 13, 21 января 1921 г.).	27
Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. (Написано 25 января 1921 г., напечатано отдельной брошюрой в феврале 1921 г.).	35

Февраль.

О работе Наркомпроса. (Написано 7 февраля 1921 г., напечатано в «Правде» № 28, 9 февраля 1921 г.)	67
Об едином хозяйственном плане («Правда» № 39, 21 февраля 1921 г.).	75
Речь на пленуме Московского Совета Р. и К. Д. (Заседание 27 февраля) («Правда» № 46, 2 марта 1921 г.)	82

Март.

Международный день работниц. (Написано 4 марта 1921 г., напечатано в приложении к «Правде», № 51, 8 марта 1921 г.).	91

X Съезд РКП (большевинов).

Вступительная речь. Заседание 8 марта 1921 г. («X съезд РКП.» Стеногр. отчет. Госиздат. 1921 г.)	95
Доклад о политической деятельности ЦК РКП. Заседание 8 марта 1921 г. («X съезд РКП.» Стенограф. отчет. Госиздат. 1921 г.)	97
Заключительное слово по докладу о деятельности ЦК РКП. Заседание 9 марта 1921 г. («X съезд РКП.» Стенографич. отчет. Госиздат 1921 г.)	113
Речь о профессиональных союзах. Заседание 14 марта 1921 года. («X съезд РКП.» Стенограф. отчет. Госиздат. 1921 г.)	122
Натуральный налог. Заседание 15 марта 1921 г. («X съезд РКП.» Стенограф. отчет. Госиздат. 1921 г.)	125

Заключительное слово. Заседание 15 марта 1921 г. («X съезд РКП.»	
Стенограф. отчет. Госиздат. 1921 г.)	136
— Речь об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне. Засе-	
дание 16 марта 1921 г. («X съезд РКП.» Стеногр. отчет. Госиздат. 1921 г.).	142
— Резолюция X съезда РКП о синдикалистском и анархистском уклоне	
в нашей партии («X съезд РКП.» Стенограф. отчет. Госиздат. 1921 г.).	148
Заключительное слово на заседании 16 марта 1921 г. («X съезд РКП.»	
Стенограф. отчет. Госиздат. 1921 г.)	151
Заключительная речь перед закрытием съезда на заседании 16 марта	
1921 г. («X съезд РКП.» Стенограф. отчет. Госиздат. 1921 г.)	153
Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих. Заседание	
27 марта 1921 г. («Правда» №№ 67 и 68, 29 и 30 марта 1921 г.)	159

Апрель.

Новая экономическая политика.

— О продналоге. Доклад на собрании секретарей и ответственных пред-	
ставителей ячеек РКП г. Москвы и Московской губ. Заседание	
9 апреля 1921 г. («Правда» №№ 81, 82 и 83, 15, 16 и 17 апреля 1921 г.).	173
Письмо коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и	
Горской республики. (Написано 14 апреля, опубликовано в кавказских	
газетах 20 мая. «Правда» № 122, 5 июня 1921 г.)	185
— О продовольственном налоге. (Написано 21 апреля 1921 г. Напеча-	
тано отдельной брошюрой в мае 1921 г.)	186

Май.

Наказ СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учрежде-	
ниям. (Написано 21 мая 1921 г.; напечатано отдельной брошюрой в мае	
1921 г.).	217
Доклад о продналоге на Всероссийской конференции РКП (б). За-	
седание 26 мая 1921 г. («Бюллетень Всероссийской конференции РКП (б)».	
№ 1, 27 мая 1921 г.)	236
Заключительное слово. Заседание 27 мая 1921 г. («Бюллетень Всерос-	
сийской конференции РКП (б)». № 2, 28 мая 1921 г.)	248
Об экономических органах на местах. Речь на заседании сессии	
ВЦИК VIII созыва 30 мая 1921 г. (Протоколы ВЦИК VIII созыва. Изд.	
1921 г.).	261

Июнь.

Речь к закрытию конференции РКП. («Правда» № 119, 2 июня 1921 г.)	260
Речь на Всероссийском продовольственном совещании. Заседание	
20 июня 1921 г. («Правда» № 133 и 134, 22 и 23 июня 1921 г.)	263

Июль.

III Конгресс Коминтерна.

Итальянский вопрос. Заседание 28 июня 1921 г. («III Всемирный кон-	
гресс Коммунист. Интернац.». Стенографический отчет. Госизд. 1922 г.).	271

Защита тактики Коммунистического Интернационала. Заседание 1 июля 1921 г. («III Всемирный конгресс Комунист. Интернац.» Стеногр. отчет. Госизд. 1922 г.).	280
Тезисы о тактике РКП. («Тезисы и резолюции III конгресса Коммунистического Интернацион. Изд. отд. печати Коминтерна. М. 1921 г.).	288
Тактика Российской коммунистической партии. Речь на III конгрессе Коминтерна. Заседание 5 июля. («III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. Госизд. 1921 г.).	295
Приветствие Международному конгрессу Профсоюзов в Москве 19 июля 1921 г. («Бюллетень Международного конгресса Профсоюзов». № 15, 21 июля 1921 г.).	311

Август.

Письмо тов. Мясникову. (Написано в первых числах августа 1921 г. Напечатано в брошюре «Дискуссионный материал». Москва. 1921 г.)	312
Письмо к немецким коммунистам. (Написано 14 августа 1921 г. Напечатано в журнале «Комм. Интерн.». № 19, 17 декабря 1921 г.)	315
Новые времена, старые ошибки в новом виде. (Написано 20 августа 1921 г. Напечатано в «Правде», № 190, 28 августа 1922 г.)	325

Сентябрь.

О чистке партии. («Правда» № 210, 21 сентября 1921 г.)	331

Октябрь.

Письмо VIII Всероссийскому съезду электротехников. («Правда» № 229, 12 октября 1921 г.).	333
К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. (Написано 14 октября 1921 г. Напечатано в «Правде» № 234, 18 октября 1921 г.)	334
Речь на II Всероссийском съезде политпросветов. Заседание 17 октября 1921 г. («Правда» №№ 235, 237 и 238, 19, 21 и 22 октября 1921 г.).	341
Речь на московской губерн. партийной конференции. Заседание 29 октября 1921 г. («Правда» № 248, 3 ноября 1921 г.)	355
Заключительная речь на московской губерн. партийн. конференции. («Правда» № 249, 4 ноября 1921 г.)	371

Ноябрь.

О значении золота теперь и после полной победы социализма. (Написано 5 ноября 1921 г. Напечатано в «Правде» № 251, 6 ноября 1921 г.).	376
Талантливая книжка. («Правда» № 263, 22 ноября 1921 г.)	383

Декабрь.

IX Всероссийский съезд Советов.

Доклад на IX Всероссийском съезде Советов. Заседание 23 декабря 1921 г. («IX Всероссийский съезд Советов». Стенограф. отчет. Изд. ВЦИК. 1922 г.).	387
Примечания	419
Летопись событий	437

